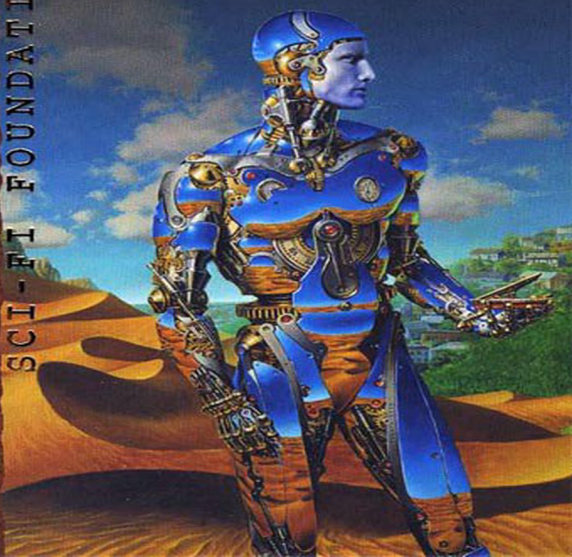
Весь

АЗИМОВ

ТРАНТОРИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION



Сборник "Транторианская Империя" (журнальные иллюстрации)

Айзек Азимов

Аннотация
Айзек Азимов. Звезды как пыль
- Глава 1. ШЕЛЕСТЯЩАЯ СПАЛЬНЯ
- Глава 2. НИТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ
- Глава 3. О ЧАСАХ И СЛУЧАЙНОСТЯХ
- Глава 4. СВОБОДЕН?
- Глава 5. НЕ САМАЯ УДАЧНАЯ СИТУАЦИЯ
- Глава 6. НОСИТЕЛИ КОРОН
- Глава 7. ВИРТУОЗ МЫСЛИ
- Глава 8. ЖЕНСКИЕ ЮБКИ...
- Глава 9. ...И МУЖСКИЕ БРЮКИ
- Глава 10. ВОЗМОЖНО!
- Глава 11. ...ИЛИ НЕВОЗМОЖНО
- Глава 12. ПРИБЫТИЕ АВТАРХА
- Глава 13. АВТАРХ РЕШАЕТ ОСТАТЬСЯ
- Глава 14. ОТЪЕЗД АВТАРХА
- Глава 15. ДЫРА В ПРОСТРАНСТВЕ
- Глава 16. ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ
- Глава 17. ...И ПРЕСЛЕДУЕМЫЕ
- Глава 18. СТРЕМИТЬСЯ К ПОБЕДЕ...
- Глава 19. ...И ПОТЕРПЕТЬ ПОРАЖЕНИЕ

Глава 20. ГДЕ?
Глава 21. ЗДЕСЬ?
Глава 22. ТАМ!
Айзек Азимов. Космические течения
ПРОЛОГ. ГОД НАЗАД
НАЙДЕНЫШ
БИБЛИОТЕКАРЬ
МЯТЕЖНИК
УЧЕНЫЙ
ПОСЛАННИК
ПАТРУЛЬНЫЙ
ВЫСОКОРОДНАЯ ДАМА
СКВАЙР
БЕГЛЕЦ
КАПИТАН
СЫЩИК
ЯХТСМЕН
РЕНЕГАТ
ПЛЕННИК
ОБВИНЯЕМЫЙ
ОБВИНИТЕЛЬ
ПОБЕДИТЕЛИ
ЭПИЛОГ. ЧЕРЕЗ ГОД
Айзек Азимов. Камешек в небе
Глава первая. Всего один шаг
Глава вторая. Что делать с незнакомцем?

Глава третья. Один мир или множество миров?
Глава четвертая. Открытие
Глава пятая. Доброволец поневоле
Глава шестая. Ночные тревоги
Глава седьмая. Они что, сумасшедшие?
Глава восьмая. Свидание в Чике
Глава девятая. Происшествие в Чике
Глава десятая. Каждый толкует по-своему
Глава одиннадцатая. Измененный разум
Глава двенадцатая. Убийственный разум
Глава тринадцатая. Вашеннская паутина
Глава четырнадцатая. Вторая встреча
Глава пятнадцатая. Рухнувшее превосходство
Глава шестнадцатая. Выбор стана
Глава семнадцатая. Смена стана
Глава восемнадцатая. Поединок
Глава девятьнадцатая. К роковой черте
Глава двадцатая. У роковой черты
Глава двадцать первая. За роковой чертой
Глава двадцать вторая. Лучшие годы еще впереди

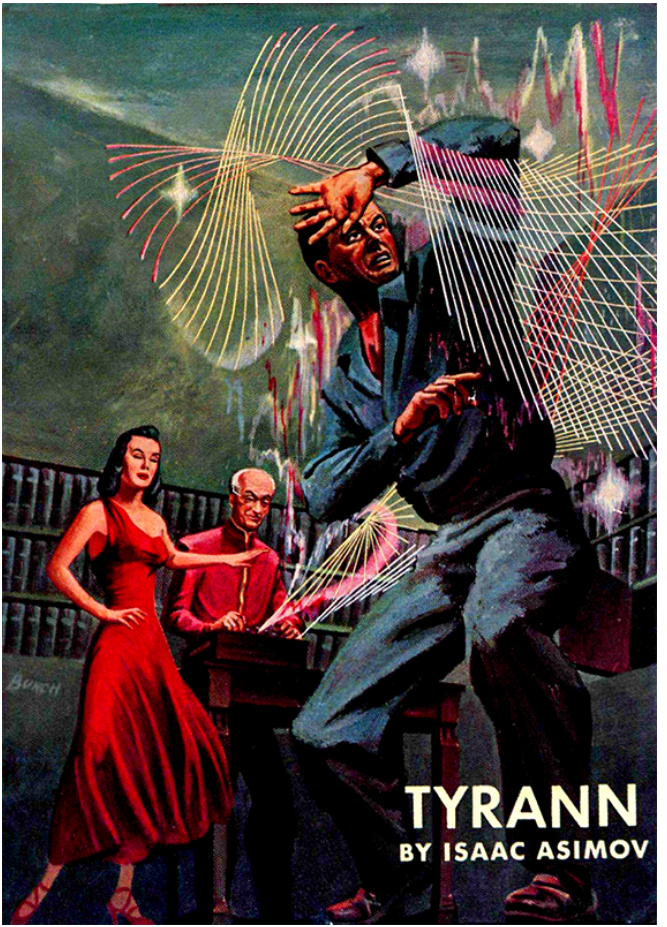
Аннотация

Содержание:

1. Звезды как пыль *(Перевод: И. Ткач)*
2. Космические течения *(Перевод: З. Бобырь)*
3. Камешек в небе *(Перевод: Н. Виленская)*

Три романа о разных моментах становления Галактической Транторианской Империи: зарождение, рост и время полного управления всей Галактикой.

Айзек Азимов
Звезды как пыль


BUNCH
TYRANN
BY ISAAC ASIMOV

Глава 1. ШЕЛЕСТЯЩАЯ СПАЛЬНЯ

Спальня вкрадчиво шелестела. Звук был едва слышим, однако вполне отчетлив: в нем шуршала смерть.

Но не это разбудило Байрона Фаррилла и прервало его тяжелый мутный сон. Он беспокойно замотал головой из стороны в сторону, пытаясь отогнать от себя назойливое трещание, исходящее с дальнего конца стола.

Не раскрывая глаз, Байрон неуклюже поднял руку и взял трубку.

— Алло, — промямлил он.

Из трубки загремел голос. Он был резким и пронзительным, но Байрон был сейчас не в состоянии уменьшить громкость.

— Могу я поговорить с Байроном Фарриллом? — заорал голос.

Байрон раздраженно сказал:

— Говорите. Что вам нужно?

Голос настойчиво повторил:

— Могу я поговорить с Байроном Фарриллом?

Байрон открыл глаза, пытаясь вглядеться в темноту. Он одновременно ощутил неприятную сухость во рту и спертый воздух, заполнявший

комнату.

— Говорите. Кто это?

Будто не слыша его, голос продолжал громко вопрошать:

— Есть здесь кто-нибудь? Мне необходимо поговорить с Байроном Фарриллом!

Байрон приподнялся, опираясь на локоть, тяжело встал и заковылял к слабо светившемуся экрану видеофона. Он нажал кнопку, и маленький экран ярко вспыхнул.

— Я здесь, — буркнул он, узнав в появившейся на экране фигуре Сандера Джоунти. — Но лучше бы ты дождался утра, Джоунти.

Рука его уже почти нащупала выключатель, когда Джоунти вновь заговорил:

— Алло! Алло! Есть здесь кто-нибудь? Это комната 526? Алло!

Внезапно Байрон понял, что датчик обратной связи не зажегся. Выругавшись, он в сердцах щелкнул выключателем, и экран погас. Силуэт Джоунти исчез, и лишь слабый лучик пробивался сквозь тьму.

Байрон вернулся в постель, натянул одеяло на голову и зарылся в подушку. В нем закипело бешенство. Во-первых, никто не имеет права будить его среди ночи. Он бросил быстрый взгляд

на циферблат стоявших у изголовья часов. Три часа пятнадцать минут. Свет в доме зажжется только через четыре часа.

Кроме того, ему не по душе просыпаться в совершенно темной комнате. За четыре года он не успел привыкнуть к земным постройкам — душным, не имеющим окон, с низкими потолками. Такова была дань тысячелетней традиции, уходящей корнями в древние времена, когда еще не изобрели защитное силовое поле, способное укрыть от взрыва примитивной атомной бомбы.

Но это все ушло в далекое прошлое. Атомное оружие нанесло Земле непоправимый ущерб. Большая часть была безнадежно заражена радиацией, и использование «грязных» территорий стало невозможным — и из-за этого на Земле царил режим строгой экономии, поддерживаемый автоматикой.

Вот почему пробуждению Байрона сопутствовала такая темень.

Байрон вновь приподнялся, опираясь на локоть. Странно. Он замер. Его насторожил отнюдь не тихий шелест спальни. Что-то неуловимое витало сейчас в заполнявшей комнату атмосфере.

В душном помещении не ощущалось ни малейшего движения воздуха. Он пытался сглотнуть

слюну — и не смог. Атмосфера сгущалась с каждой секундой, и он понял причину происходящего. Вентиляционная система прекратила работать! Это ужасно расстроило Байрона. Он даже не может воспользоваться видеофоном, чтобы сообщить о случившемся!

Все же он решил предпринять попытку. Как и несколько ранее, экран засветился мягким матовым светом, отразившимся в хрустальных шариках, украшавших люстру. Видеофон принимал сигнал, но не мог передавать его. Ладно, к черту! Все равно до наступления утра никто ничего не сможет сделать.

Он зевнул, потирая кулаками опухшие веки. Что, дружище, плохо без вентиляции? До него донесся странный запах. Он шумно втянул носом воздух. Запах был знакомым, но Байрон не мог определить его природу.

Он направился в ванную, нажав при этом выключатель. Движение было чисто автоматическим: для того чтобы выпить стакан воды, свет совершенно не нужен. Выключатель щелкнул, но безрезультатно. Байрон попробовал включить свет еще раз, затем снова — то же самое. Интересно, работает сегодня хоть бы ЧТО-НИБУДЬ?! Чертыхнувшись, он напился в темноте и почув-

ствовал себя несколько лучше. Возвращаясь в спальню, он проверил по пути все имеющиеся в доме выключатели. Ни один из них не работал.

Байрон сел на кровать, уперся руками в колени и принялся размышлять. Случившееся могло стать вполне подходящим поводом, чтобы поставить на место распоясавшийся обслуживающий персонал. Никто не ждет от гостиничных служащих воспитания в духе пансиона благородных девиц, но все же существуют какие-то нормы поведения!.. Впрочем, плевать! Через три дня он покинет и эту комнату, и университет Земли, и саму Землю.

Все же он мог бы сообщить о случившемся. Для этого нужно только выйти и воспользоваться телефоном, стоящим в холле. Тогда они могли бы включить аварийное освещение, а возможно, и систему кондиционирования, и он сумел бы заснуть без этих кошмарных психосоматических ощущений. Ну, а если нет — пусть все катится к чертовой матери! Осталось каких-нибудь две ночи.

Слабое мерцание экрана видеофона помогло ему найти брюки. Натянув их и прикрыв туловище футболкой, он решил, что достаточно экипирован; и двинулся к двери, громко шаркая

шлепанцами. Звуконепроницаемое покрытие на полу исключало возможность разбудить соседей.

Подойдя к двери, он вдавил кнопку. Раздался характерный щелчок, после которого дверь обычно открывалась. Однако сейчас этого не произошло. Он надавил на дверь плечом, но даже его атлетическая мускулатура ничего не изменила.

Он отступил назад. Ситуация походила на фарс. Мог ли стать причиной происходящего сгоревший предохранитель?

Нет, вряд ли... Электронные часы работали. Экран видеофона все еще светился.

Стоп! Это могли быть мальчишки с их дебильными шуточками. Так иногда случалось. Глупо, конечно, но он и сам в детстве принимал участие в подобных забавах. Это было несложно, и любой шалопай... Впрочем, когда он ложился спать, свет и вентиляция работали.

Значит, энергия отключилась ночью. И теперь придется ждать утра, чтобы кто-нибудь из персонала обнаружил причину, по которой старина Байрон не может даже выйти отсюда. Возможно, к обеду он все-таки сумеет покинуть это помещение.

— Хо-хо, — прошептал Байрон, возвращаясь назад. Внезапно он задел ногой какой-то предмет,

который с металлическим звуком ударился об пол. Байрон попытался рассмотреть его, но предмет закатился под кровать. Байрон достал его и принялся рассматривать.

Это был маленький цилиндрик с отверстием в верхней части. Он поднес находку к носу и чихнул. Так вот откуда шел странный запах! Вне сомнений, это хлороформ. Конечно, проделки мальчишек! Они рассчитывали, что он проспит всю ночь, предоставив им полную свободу действий.

Байрон мысленно попытался шаг за шагом воспроизвести происшедшее. Приоткрыть дверь было делом несложным. Потом в комнату подбросили цилиндр с хлороформом и захлопнули дверь. Препарат действовал медленно, однако через некоторое время его пары заполнили бы всю комнату. Тогда они смогли бы войти — разумеется, в масках. О боже! Даже влажный носовой платок способен в течение пятнадцати минут предохранить от действия хлороформа. Этого времени вполне хватило бы...

Теперь понятно, что произошло с вентиляционной системой. Ее отключили, чтобы хлороформ не выветрился слишком быстро. Сломанный видеофон не позволял ему попросить помощи

извне; заблокированная дверь мешала выйти из помещения; отсутствие света должно было породить в его душе панику. Веселые детишки!

Байрон фыркнул. Случившееся — не более чем глупая шутка. Ему захотелось выломать дверь, и хорошо тренированные мускулы напряглись при одной мысли об этом. Но он знал, что игра не стоит свеч. Эти двери способны устоять даже при ядерном взрыве. ЧЕРТОВЫ ТРАДИЦИИ!

Но выход должен быть, и он найдет его. А для этого ему понадобится свет — настоящий свет, а не слабое свечение экрана видеофона. Последняя проблема решалась просто: в шкафу у него хранился карманный фонарик.

Нащупывая рукой замок шкафа, он на мгновение ужаснулся от мысли, что эта дверца тоже окажется заблокированной. Однако она подалась и отъехала в сторону. Байрон подмигнул сам себе. Они не догадались заблокировать дверцу шкафа! А может, им просто не хватило времени.

И вдруг, когда он уже держал фонарик и даже успел включить его, стройность его умозаключений резко поколебалась. Затаив дыхание, он прислушался.

Лишь сейчас он уловил заполнивший спальню шелест. Он услышал приглушенный, едва

уловимый шорох, напоминающий отдаленный разговор, и сразу же узнал эти звуки.

Их было невозможно не узнать. Звуки имели только одно значение: «Пришел конец света». Именно такой шелест звучал здесь тысячу лет назад.

Короче говоря, это был звук счетчика радиоактивности, определяющего уровень гамма-излучения. Прибор отсчитывал единственное, для чего был предназначен, — смерть!

Медленно, на цыпочках, Байрон двинулся назад. С расстояния шести футов он увидел белый луч, пробивающийся сквозь тьму. Там, в дальнем углу, находился счетчик, но его внешний вид ничего не говорил Байрону.

Счетчик находился здесь с самого начала. Большинство студентов, прибывших на Землю из Внешних Миров, в первую же неделю приобретали подобный счетчик. Все они знали о необходимости предохранения от царившей на Земле радиации. Правда, вскоре они благополучно забывали о приборе, но Байрон оказался не столь беспечен, за что и благодарил сейчас небо.

Он пошарил рукой по столу, ища оставленные там с вечера наручные часы. Те оказались на месте. Когда он осветил циферблат лучом фона-

рика, рука его слегка задрожала. Стекло часов — даже не стекло, а пластик, очень твердый и обычно прозрачный, как слеза, оказался БЕЛЫМ. Он отвел руку с часами и взглянул на циферблат под другим углом.

Тот остался БЕЛЫМ.

Этот пластик для часов тоже приобретали все первокурсники. Под воздействием жесткого излучения полоска голубела, а голубой цвет ассоциировался на Земле со смертью. Забрести случайно в радиоактивную зону было легче легкого. Конечно, правительство ограждало опасные участки, и никому даже в голову не приходило забредать в бескрайнюю смертоносную пустошь, начинавшуюся в нескольких милях за городом, но все же с полоской было спокойнее.

Байрон вспомнил инструкцию. Индикатором сильного радиационного заражения был голубой цвет, и именно он ассоциировался на Земле со смертью. Как только индикатор загорался голубым светом, владелец счетчика, по земным законам, должен был немедленно отправиться в больницу для прохождения лечения. Это правило никогда не нарушалось. Врачи с помощью фотоэлектрических приборов изучали интенсивность свечения и определяли степень заражения.

Ярко-голубой цвет нес в себе смерть. Он был необратим, как и происшедшие в человеке изменения; он не оставлял надежды. Человеку оставалось только ждать несколько дней или несколько недель. Единственное, чем теперь могли ему помочь в больнице, — тщательно подготовиться к кремации.

Но сейчас цвет был белым, и у Байрона отлегло от сердца.

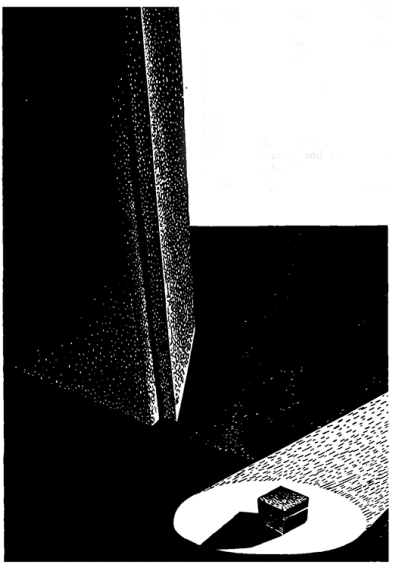
Уровень радиоактивности не слишком велик. Что это — обратная сторона шутки? Поразмыслив, Байрон засомневался. НИКТО не стал бы шутить таким образом. Особенно на Земле, где за незаконное хранение радиоактивных материалов заключали в тюрьму. Здесь, на Земле, весьма серьезно относятся к радиации. Для этого имеются достаточно весомые основания.

Ему пришла в голову мысль о преднамеренном убийстве. Но почему? Для этого не было никаких причин. Прожив на свете двадцать три года, он не нажил ни одного серьезного врага, который мог бы желать его смерти.

Байрон пригладил взъерошенные волосы. Мысль о врагах раздражала его, да и повода думать так не было. Он вновь вернулся к шкафу. Там должно было находиться то, что излучало

радиоактивные частицы; что-то такое, чего еще четыре часа назад там не было.

Нужный предмет сразу же бросился ему в глаза. Маленькая коробочка, ни одна из граней которой не превышала шести дюймов.



Иллюстрации ***John Bunch***

Байрон узнал ее, и губы его задрожали. Он слышал о подобных вещах, хотя видеть ему такие

штуки до сих пор не приходилось. Он направил счетчик на дверь спальни. Шелест слегка утих, потом и вовсе прекратился. Но как только Байрон поднес часы к коробочке, счетчик заработал вновь. Сомнений не оставалось.

В шкафу пряталась радиационная бомба.

Пока ее радиация не смертельна, это всего лишь запал. Где-то внутри находится маленький реактор. Неустойчивые искусственные изотопы медленно разогревают его, снабжая соответствующими частицами. Когда будет достигнут критический уровень, начнется реакция. Не взрыв — хотя тепловая волна будет достаточно сильной, чтобы расплавить коробочку, — но выброс смертоносного излучения, которое убьет все живое вокруг в радиусе от шести футов до шести миль, в зависимости от размеров бомбы.

Как определить время взрыва?! Это может случиться через несколько часов или в следующую секунду. Руки Байрона беспомощно повисли вдоль туловища, фонарик упал на пол. Ужасная истина оглушила его.

Он должен был умереть.

Умирать Байрону не хотелось, но он не мог найти выход из создавшейся ситуации.

Он припомнил расположение комнаты. Она

находилась в конце коридора. Напротив нее, а также сверху и снизу были другие комнаты. Комната сверху ничем не могла оказаться ему полезной. Соседняя комната на этом же этаже граничила своей ванной с его ванной, что тоже не могло помочь.

Оставалась комната снизу.

В помещении было несколько складных стульев. Байрон взял один из них. Размахнувшись, он ударил им об пол. Стул глухо стукнул. Байрон методично стал наносить удары, с каждым разом все сильнее и сильнее. Ему было необходимо разбудить спящего соседа. Не прерывая своих усилий, Байрон обдумывал, в каких выражениях извинится перед соседом за причиненное беспокойство.

Внезапно до него донесся слабый шум, и он замер, занеся стул над головой. Шум повторился. Он исходил от входной двери.

Байрон опустил стул и вслушался в темноту, ожидая услышать шум открывающейся двери.

Кто-то из-за двери окликнул его по имени.

— Фаррилл! Фаррилл! — И потом: — Ты здесь? С тобой все в порядке?

— Не входите! — крикнул он. До его сознания вдруг дошло, что при открывании двери бомба

может взорваться.

Видимо, его услышали, и тяжелые шаги зазвучали, удаляясь в глубь коридора.

Раздался громкий щелчок, и воздух в комнате сотрясла вибрация. За ней последовал взрыв, сорвавший дверь с петель. Вспышка яркого света осветила коридор.

Лежащий на полу Байрон раскинул руки в стороны и закричал:

— Не входите! Во имя всего святого, не входите! Это бомба!

Перед ним возникли силуэты двух мужчин. Одним из них был Джоунти. Другим — Эсбек, комендант здания, полуголый и злой.

— Бомба? — недоверчиво переспросил он.

Но Джоунти перебил его:

— Какого типа?

В руке его был бластер. Байрон ощутил нелепость ситуации.

Байрон сумел лишь пожать плечами.

— Ладно, — пробормотал Джоунти с рассеянным видом и обратился к коменданту: — Будет лучше, если вы немедленно эвакуируете всех живущих в этом крыле общежития и перекроете коридоры. Я бы не советовал вам дожидаться наступления утра.

Потом Джоунти повернулся к Байрону:

— Радиус ее действия составляет не менее двухсот футов. Как она сюда попала?

— Не знаю, — ответил Байрон, вытирая тыльной стороной ладони выступивший на лбу пот. — Если ты не возражаешь, я бы с удовольствием присел.

Он заметил, что его часы остались на столе, и ощутил дикое желание вернуться за ними.

В коридоре сновали разбуженные студенты. Они покидали свои комнаты.

— Идем со мной, — приказал Джоунти. — Будет лучше, если мы поскорее уберемся отсюда.

— Как ты оказался здесь? — спросил Байрон. — Только не сочти мое любопытство проявлением неблагодарности, ладно?

— Я звонил тебе. Никто не ответил, и я решил, что должен проведать тебя.

— Проведать меня? — Байрон попытался скрыть охватившую его тревогу. — Зачем?

— Чтобы предупредить о том, что твоя жизнь в опасности.

Байрон нервно засмеялся:

— Это я уже ощутил.

— Это была лишь первая попытка. Они предпримут и другую.

— Кто «они»?

— Не здесь, Фаррилл, — возразил Джоунти. — Для этого мы должны уйти отсюда. Я хочу быть уверенным, что нас никто не слышит. Ты теперь под колпаком, и я должен заботиться о собственной безопасности.

Глава 2. НИТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ

Комната отдыха была пуста; в ней царила темнота. Вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову заглянуть сюда в половине пятого утра. Но Джоунти выжидал, прислушиваясь к отдаленному шуму.

— Нет, — наконец решился он. — Мы не будем включать свет. Для того, что я хочу сказать тебе, он не нужен.

— За сегодняшнюю ночь я по горло сыт темнотой, — проворчал Байрон.

— Мы не будем закрывать дверь.

Спорить Байрону не хотелось. Он плюхнулся в ближайшее кресло, оказавшись лицом к тускло освещенному дверному проему. Теперь, когда все кончилось, на него навалилась смертельная усталость.

Джоунти тем временем занимался странным на первый взгляд делом: он подпер дверь своей модной тростью таким образом, что ее набалдашник освещался проникающим светом.

— Не спускай с нее глаз, — велел он. — Она даст нам понять, когда посторонний человек приблизится к двери.

Байрон вяло заметил:

— Мне совершенно не хочется играть в конспираторов. Если ты намерен что-нибудь сказать мне — говори. Я знаю, что ты спас мне жизнь, и завтра буду в состоянии высказать тебе мою благодарность. Но сейчас все, что мне нужно, — это немного выпивки и много отдыха.

— Я вполне понимаю твое состояние, — сочувственно произнес Джоунти, — но если я позволю тебе сейчас терять время на отдых, то последствия этого легкомыслия трудно себе представить. Мне хотелось бы объяснить тебе, что именно я имею в виду. Тебе известно, что я знаком с твоим отцом?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Байрон чуть было не подскочил в кресле. После паузы он сказал:

— Отец никогда не рассказывал об этом.

— Я был бы удивлен, если бы он стал рассказывать. Я был известен ему под другим именем. Кстати, ты что-нибудь знаешь о своем отце?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ему угрожает большая опасность.

— ЧТО?!

Джоунти молитвенно сложил руки:

— Пожалуйста, не кричи так!

Байрон понял, что все это время они разговаривали шепотом.

Джоунти продолжал:

— Постараюсь объяснить тебе. Твой отец заключен под стражу. Ты понимаешь, что это значит?

— Пока не совсем. КТО заключил его под стражу и что ты имеешь в виду? Или ты решил, что мне мало сегодняшних волнений?!

Голос Байрона задрожал. Хлороформ и близость смерти не шли ни в какое сравнение со словами сидящего рядом с ним невозмутимого денди.

— Неужели, — продолжал тот, — тебе ничего не известно о работе, которую выполнял твой отец?

— Если ты знаешь моего отца, то знаешь и то, что он — Господин Вайдемоса. Это его основное занятие.

Джоунти улыбнулся:

— Конечно, ты вовсе не обязан доверять мне, хоть я и рисковал из-за тебя своей жизнью. Но мне уже ясно, что ты скажешь. Я знаю гораздо больше. Мне, например, известно, что твой отец участвовал в заговоре против Тирании.

— Я возражаю, — раздраженно запротестовал Байрон. — Услуга, которую ты оказал мне этой ночью, не дает тебе права делать подобные умозаключения о моем отце.

— Ты глуп, дружок, и мы даром теряем время. Я знаю, что говорю. Тирания арестовала твоего отца, и он может умереть.

— В это невозможно поверить, — Байрон привстал с кресла.

— Мне это доподлинно известно.

— Давай прекратим это, Джоунти. Я уже давно не верю в сказки, и поэтому...

— Продолжай, — голос Джоунти зазвучал насмешливо. — Как ты думаешь, зачем я рассказываю тебе все это? Позволь напомнить, что только моя осведомленность, в которую ты не веришь, позволила мне предотвратить попытку убить тебя. Здравый смысл изменяет тебе, Фаррилл.

— Начни сначала и объясни мне все подробно. Я слушаю тебя, — прошептал Байрон.

— Прекрасно. Уверен, что ты считаешь меня деревенским простачком из Королевства Космической Туманности, хотя на самом деле я прибыл с Веги.

— Я предполагал это по твоему акценту. Но данный факт не казался мне достойным внимания.

— Тем не менее это важно, друг мой. Я прибыл сюда, потому что, как и твой отец, не люблю Тиранию. Более пятидесяти лет Тираны угнетают

наш народ. Это продолжается слишком долго.

— Я не интересуюсь политикой.

Джоунти возвысил голос:

— Поверь, я не принадлежу к числу эмиссаров, стремящихся вовлечь тебя в неприятности. Я только хочу, чтобы ты знал правду. Год назад они поймали меня так же, как сейчас — твоего отца. Но мне удалось сбежать и добраться до Земли, где, как мне казалось, я буду в безопасности, пока не придет время вернуться. Вот то, что ты должен знать обо мне.

— Сэр, вы рассказали мне гораздо больше, чем я мог надеяться, — Байрон не смог скрыть неприязни к собеседнику. Претенциозные манеры Джоунти действовали ему на нервы.

— Понимаю. Но ты должен знать это, потому что именно благодаря всему, мною сказанному, я встретил твоего отца. Он работал со мной, или, вернее, я с ним. И при этом твой отец выступал не как знатный дворянин с планеты Нефелос. Ты понимаешь меня?

Байрон кивнул.

— Да.

— Не стоит дальше углубляться в это. У меня прекрасные источники информации, и я знаю, что он арестован. Это правда. Покушение на твою

жизнь — лишь подтверждение тому.

— Это почему же?

— Могут ли Тираны, схватившие отца, оставить на свободе сына?

— Ты хочешь сказать, что Тираны поместили бомбу в мою комнату? Полный бред!

— Отнюдь не бред! Попытайся поставить себя на их место. Тираны управляют пятьюдесятью мирами. В их распоряжении имеются самые различные средства. Они опутали пространство паутиной, которую невозможно разорвать. Не удивлюсь, если та же паутина тянется и на расстоянии пятисот световых лет от Земли.

Байрон все еще переживал свой ночной кошмар. До его слуха доносился шум из коридоров. Он почти физически ощутил, как шелестит в его комнате счетчик, и возразил своему собеседнику:

— В этом нет никакого смысла. В конце недели я собираюсь возвращаться на Нефелос. Они не могут не знать этого. Почему же им понадобилось убивать меня именно здесь? Чтобы заполучить меня, Тиранам пришлось бы всего лишь немного подождать.

Собственная логика восхитила его.

Джоунти приблизился, и его дыхание коснулось виска Байрона.

— Твой отец популярен. Его смерть — Тираны отлично понимают это — может привести к самым пагубным последствиям, вплоть до массовых беспорядков. Возможен бунт, а ты, как новый Господин Вайдемоса, можешь возглавить его. Это не входит в их планы. Но если ты умрешь в каком-нибудь удаленном мире, это вполне удовлетворит их.

— Я не верю тебе! — Байрон все еще пытался сопротивляться.

— Ты заходишь слишком далеко, Фаррилл, — Джоунти расправил плечи. — Тебе не стоило бы полностью игнорировать услышанное. Твой отец, защищая тебя от действительности, сослужил тебе дурную службу. Думаю, ты не сумеешь оправдать его надежд. Ты просто не в состоянии ненавидеть Тиранию так, как ненавидит ее он. Ты неспособен бороться с нею.

Байрон хмыкнул.

Джоунти продолжил:

— И все же здесь, на Земле, ты находишься не случайно. Это тоже может служить объяснением, почему Тираны хотят убить тебя.

— Все это ужасно напоминает дешевую мелодраму.

— Да ну? Что ж, пусть так. Если ты не хочешь

посмотреть правде в глаза, то позже будешь вынужден сделать это. Будут и другие попытки покушения на твою жизнь. Причем какая-нибудь из них может оказаться удачной. С сегодняшней ночи ты — мертвец, Фаррилл.

Байрон моргнул:

— Постой! А тебе-то какое до этого дело?

— Я патриот. Я мечтаю увидеть мое Королевство свободным. Я мечтаю о временах, когда его народ сам изберет себе правительство.

— Стоп! В чем твоя ЛИЧНАЯ заинтересованность? Я не верю в абстрактный идеализм, особенно если его проповедуешь ты. Прости, если я обидел тебя.

Последние слова прозвучали с откровенной издевкой.

Джоунти вновь присел и, как бы не замечая иронии, продолжил:

— Мои земли конфискованы. Все, что оставил мне в наследство мой отец, а ему — его отец, отобрали. Как ты думаешь, это достаточно серьезная причина для того, чтобы мечтать о революции? Лидером восстания должен был стать твой отец. И ты предашь его?!

— Я? Но мне всего двадцать три года, и я ничего об этом не знаю. Поищи лучше кого-нибудь

другого.

— Найти другого несложно, но он не будет сыном твоего отца. Если твоего отца убьют, то Господином Вайдемоса станешь ты, и поэтому мне нужен именно ты, даже если бы тебе было всего двенадцать лет и ты был бы полным идиотом! Ты мне нужен по той причине, по которой Тираны стремятся избавиться от тебя. И если ты не послушаешь меня, то угодишь им в лапы. Ведь бомба в твоей комнате БЫЛА! Ее подложили, чтобы убить тебя. Кто, кроме них, мог бы желать твоей смерти?

Джоунти замолчал в ожидании ответа.

— Никто, — прошептал Байрон. — Никто из тех, кого я знаю, не мог хотеть убить меня. Значит, все, что ты сказал о моем отце, — правда!

— Правда. Рассматривай это как объявление войны.

— Ты считаешь, что так будет лучше? Думаешь, благодарные народы когда-нибудь воздвигнут мне памятник? Один против ядерной заразы, находящейся на расстоянии десятков тысяч миль отсюда! — Его голос окреп. — Думаешь, это осчастливит меня?

Джоунти выждал, но Байрон ничего не собирался прибавлять к сказанному.

— И что же ты намерен делать? — спросил Джоунти наконец.

— Намерен отправиться домой.

— Ты так ничего и не понял!

— Повторяю, я намерен отправиться домой. Чего ты хочешь от меня? Если отец еще жив, я постараюсь освободить его. А если он умер, я... я...

— Успокойся! — резко оборвал его Джоунти. — Ты рассуждаешь как младенец. Тебе не удастся вернуться на Нефелос. Ты не понимаешь этого? С кем я разговариваю — с сопляком или с юношей, знакомым со здравым смыслом?

— И что же ты предлагаешь? — тихо спросил Байрон.

— Знаком ли ты с Правителем Родии?

— Лучшим другом Тиранов? Я знаю его. Любой житель Королевства знает его. Хенрик V, Правитель Родии.

— Встречал ли ты его когда-нибудь?

— Нет.

— Именно на этом и строится мой план. Ты не знаешь этого человека, Фаррилл. Это настоящий дьявол. Но если Тираны конфискуют Вайдемос, как это случилось с моими владениями, им завладеет не кто иной, как Хенрик.

— Почему?

— Потому что Хенрик имеет определенное влияние на Тиранов. И это может помочь нам.

— Не вижу, как именно. Скорее он передаст меня в их руки.

— Да, это в его духе. Но у тебя есть шанс избежать подобного финала. Помни, титул, который ты носишь, важен и почетен, но он не сможет служить тебе защитой. В любом заговоре бывает вождь, который ведет за собой всех. Твое имя привлечет на твою сторону людей, но тебе понадобятся деньги, чтобы удержать их. У тебя нет времени раздумывать. Оно прошло в тот момент, когда в твоей комнате оказалась бомба. Теперь наступила пора действий. Я могу дать тебе рекомендательное письмо Хенрику с Родии.

— Ты так близко знаком с ним?

— Никогда не делай поспешных выводов. Однажды, во главе посольства, я побывал при дворе Хенрика. Он наверняка не сможет вспомнить меня, но самолюбие не позволит показать этого. Таким образом, ты будешь представлен ему. Письмо я дам тебе завтра утром. В полдень на Родию отправится корабль. Твой билет — у меня. Я отправлюсь туда же, но другим маршрутом. Отбрось сомнения. Ты сможешь справиться с этим.

— Но защита диплома...

— Пустая формальность. Это так важно для тебя?

— Уже нет.

— У тебя есть деньги?

— Да, достаточно.

— Отлично. Это лучше, чем если бы их было слишком много. — Речь Джоунти стала торопливой. — Фаррилл!

— Что?

— Возвращайся к остальным. Никому не сообщай о своем отъезде. Пусть поступки говорят сами за себя.

Байрон задумчиво кивнул. Где-то далеко в сознании промелькнула мысль, что его миссия обречена на провал и он не сможет спасти отца от гибели. Он не подготовлен к тому, что должно случиться. Ему слишком мало известно. Он может попасть в западню.

Но теперь, когда он знал правду, или, по крайней мере, большую ее часть, об участии отца в заговоре — ему был крайне нужен один документ, хранящийся в архивах здесь, на Земле. Однако у него не было времени, чтобы искать документ. Не было времени спасти отца. Не было даже времени жить.

— Я сделаю все, как ты сказал, Джоунти.

Сандер Джоунти взглянул на него, и в его взгляде не было восхищения. Затем он сделал несколько шагов в сторону окна. Перед ним сверкнули огни ночного города. На горизонте виделись голубые вспышки — память прошедших войн.

Несколько секунд Джоунти всматривался в небо. Прошло более пятидесяти лет с тех пор, как Тирания положила конец мирному существованию его страны, разделив ее на два лагеря. Сейчас между ними пролегла пропасть. Однако всякая сила порождает еще большую силу. Действия Тиранов вызывали сопротивление. Организовать это сопротивление было длительным и сложным делом. Что ж, он засиделся на Земле. Пришла пора возвращаться. Там, дома, остались те, кто должен сейчас связаться с ним.

Он поспешил в свою комнату.

Войдя в комнату, Сандер сразу же уловил сигнал. Этот сигнал не могли засечь никакие локаторы, поэтому он не боялся. Звук шел к нему через гиперпространство, и источник его находился на расстоянии полутора тысяч световых лет от Земли.

Приемопередающим устройством был он сам, его нервная система, его мозг. Он уловил повторя-

ющийся через равномерные промежутки сигнал.

— ...вызов... вызов... вызов... вызов... вызов...

Передать сигнал было несколько сложнее, чем принять его. Для этого требовалось полное сосредоточение. Помощь в этом могла оказать пуговица, которую он сейчас сжимал в кулаке. Она усиливала подаваемые мысленные сигналы.

— Я здесь!

Необходимости представляться не было.

Сигнал вызова плавно перешел в связную речь.

— Приветствуем вас, сэр. Захват Вайдемоса произошел. Хотя, конечно, эта новость еще не стала достоянием общественности.

— Меня это не удивляет. Кто-нибудь еще замешан в этом?

— Нет, сэр. Господин Вайдемоса не сделал ни одного заявления. Сильный и преданный человек!

— Да. Но нужно нечто большее, чем просто сила и преданность. Немного осмотрительности никому не помешает. Ладно, неважно! Я говорил с его сыном, новым Господином, который уже оказался лицом к лицу со смертью. Он может быть нам полезен.

— Можно узнать, каким образом, сэр?

— Время покажет. Завтра он отправится на

встречу с Хенриком с Родии.

— С Хенриком?! Юноша подвергает себя большому риску! Знает ли он о случившемся?

— Я сказал ему столько, сколько мог, — перебил говорящего Джоунти. — Пока мы не можем сказать ему большего. Пока он только человек, который рискует, — как, впрочем, и любой другой. Мы только используем его. Больше не вызывай меня на связь, поскольку я покидаю Землю.

И, не попрощавшись, Джоунти оборвал сеанс связи.

Он тщательно обдумал события сегодняшнего дня и особенно ночи, мысленно взвешивая каждое из них. Губы его растянулись в усмешке. Все складывалось превосходно; комедии было положено отличное начало.

Не оставалось НИКАКОЙ возможности для случайности.

Глава 3. О ЧАСАХ И СЛУЧАЙНОСТЯХ

Первый час после взлета космического корабля, пожалуй, наиболее прозаичен для его пассажиров. Ими властно овладело состояние невесомости, подобно тому, как стремительный горный поток увлекает за собой поваленное дерево.

Конечно, полет связан не только с неудобствами: о вашем багаже позаботятся; протолкнувшись сквозь толпу желающих подобно вам улететь этим же рейсом, вы займете предназначенный вам отсек; затем наступит тишина, какая всегда воцаряется перед взлетом. В каждом отсеке вспыхнут красными буквами надписи на табло: «Пристегнуть ремни... Пристегнуть ремни...»

По коридорам промчатся стюардессы; постучав во все двери, они с очаровательной улыбкой напомнят вам: «Прошу прощения. Пристегнитесь, пожалуйста».

Затем внезапно взревут двигатели. Вас отбросит в кресле назад, потом вперед, и так будет происходить все время, пока корабль не наберет скорость. Тот, кто переживет эти минуты, может быть уверен, что «космическая болезнь» ему не

угрожает.

В первые три часа полета кают-компания была закрыта для пассажиров, что оказалось неприятным сюрпризом не только для постоянных посетителей планетария (иными словами, для тех, кто еще не бывал в космосе), но и для более опытных путешественников.

Обозрение Земли из космоса, помимо всего остального, являлось одной из обязательных «традиций» туристов.

Кают-компания представляла собой прозрачную сферу, находящуюся на носу корабля. Сейчас она была переполнена людьми. Прижатые к стеклу лица были устремлены в одну точку — они не сводили глаз с удаляющейся от них Земли.

Земля находилась как раз под ними: гигантский оранжево-бело-голубой шар. Она была ярко освещена солнцем; четко просматривались континенты, испещренные зелеными прожилками и оранжевыми пятнами пустынь. Синели моря и океаны; в месте соединения их с горизонтом они были почти черными. А вокруг Земли в действительно черном небе сияли звезды. Они манили и притягивали к себе тех, кто смотрел на них.

Внезапно ночная тень наползла на земной шар, и огромная планета скрылась во тьме.

Скрылась во мраке больная, непригодная к жизни Земля. Сквозь тень едва виднелись радиоактивные вспышки — память о тех временах, когда взрывами ядерных бомб было уничтожено целое поколение; о временах, когда еще только создавалось защитное силовое поле. С тех пор прошло много времени; ни один мир не смог бы теперь совершить подобное самоубийство.

Никто из пассажиров корабля не сводил с Земли глаз до тех пор, пока она не стала крошечной светящейся точкой, а потом и вовсе скрылась из виду.

Среди зрителей находился и Байрон Фаррилл. Он сидел в центральном ряду, положив руки на подлокотники; взгляд его был блуждающим и задумчивым. Не так хотел он расставаться с Землей. Этот способ был плохим, неправильным. Неправильными были космический корабль и пункт назначения.

Рукой он машинально провел по щеке и обнаружил, что забыл сегодня побриться. Ничего, он сможет сделать это, вернувшись в свой отсек. Байрон колебался — стоит ли уходить к себе. Здесь все-таки были люди. В своем отсеке он будет один.

А может, именно поэтому и нужно уходить?

У него возникло неведомое ранее ощущение, что он — дичь, и на него ведется охота. Новое ощущение оказалось не из приятных.

Похоже, в этом мире у него не осталось друзей. Они исчезли в тот самый момент, когда двадцать четыре часа назад он был разбужен телефонным звонком.

Даже в общежитии он мгновенно стал чужаком. Старина Эсбек, дождавшись его после беседы с Джоунти, был как никогда сух и официален.

— Мистер Фаррилл, я хотел бы переговорить с вами. Случившееся не более чем несчастный случай. Я не могу найти этому разумного объяснения. Возможно, у вас есть какие-нибудь соображения на этот счет?

— Нет! — чуть было не закричал Байрон. — Никаких! Могу ли я вернуться в свою комнату и забрать личные вещи?

— Это будет возможно лишь утром. Сейчас в комнате устанавливают специальное оборудование. Первые замеры показали, что уровень радиоактивности не превышает допустимого предела. Вам повезло. Все могло обернуться гораздо хуже.

— Да-да, разумеется, но я, с вашего позволения, хотел бы отдохнуть.

— Вы можете до утра воспользоваться моей комнатой, а потом мы могли бы на оставшиеся дни переселить вас. Хммм... Кстати, мистер Фаррилл, мне кажется, что причина кроется в другом.

Он принял заговорщицкий вид. Голос его понизился до шепота.

— В чем же? — осторожно спросил Байрон.

— Знаете ли вы кого-нибудь, кто хотел бы вас про-у-чить?

— Проучить меня ТАКИМ ОБРАЗОМ? Конечно, нет.

— Каковы в таком случае ваши планы? Авторитету школы, несомненно, повредит огласка происшедшего с вами инцидента.

На слове «инцидент» он сделал ударение. Байрон раздраженно ответил:

— Я понимаю вас. Не беспокойтесь. Мне не нужен ни следователь, ни полиция. Скоро я собираюсь покинуть Землю, и мне не хотелось бы нарушать свои планы. Я никуда не буду жаловаться. Ведь главное, что я все еще жив!

Эсбек с нескрываемым облегчением вздохнул. Именно этого они и хотели! Никаких неприятностей. Инцидент был как бы забыт.

Байрон попал в свою комнату только в семь

часов утра. Там было тихо. Бомба отсутствовала, счетчик — тоже. Наверное, Эсбек забрал их и утопил в озере. Улики уничтожены. И свет, и видеофон вновь работали. Лишь дверь с выломанным замком напоминала о случившемся.

Ему предоставили другую комнату. Там, приняв меры предосторожности, Байрон вызвал по телефону воздушное такси. Он полагал, что его никто не видит. Пусть себе решают загадку, как он исчез!

В аэропорту он встретил Джоунти, и тот подал знак. Они делали вид, что не знакомы друг с другом, но Джоунти успел незаметно передать Байрону маленький черный шарик, оказавшийся персональной капсулой, и билет до Родии.

Байрон несколько мгновений рассматривал капсулу. На ней не было никакой пломбы. Позже, в комнате, он прочел послание. Это было коротенькое рекомендательное письмо, не более того.

Мысли юноши задержались на особе Сандера Джоунти. До появления того в комнате Байрона в роковую минуту они были едва знакомы. Байрон знал его имя, они обменивались кивками при встрече — вот и все. Джоунти не нравился ему, его безукоризненные манеры, холодность и вы-

чурная одежда раздражали Фаррилла. Но это не имело ничего общего с происходящими сейчас событиями.

Байрон почти физически ощутил присутствие Джоунти. Этот человек — мастер создавать ситуации. Он знал, что будет делать сам, знал, что будет делать Байрон, мог заставить Байрона делать все, что сочтет нужным. И вот Байрон один и чувствует себя как никогда маленьким, беспомощным и испуганным.

Он пытался переключиться на мысли об отце. Но это не помогло.

— Мистер Мэлейн!

Имя повторили два или три раза, прежде чем Байрон сообразил, что именно это имя стояло на переданном ему Джоунти билете. Его вымышленное имя. На это имя была забронирована каюта для него.

— Я Мэлейн. В чем дело?

Голос обращающегося к нему человека в форме члена экипажа был лишен каких бы то ни было эмоций.

— Должен сообщить вам, что номер вашей каюты изменен и что ваш багаж уже перенесен. Вот ваш новый ключ. Надеюсь, это не слишком расстроит вас.

— Что это значит? — Байрон так резко поднялся с кресла, что несколько пассажиров по соседству устремили на него удивленные взгляды. — С чем это связано?

Гнев овладел им. Его чуть не убили; потом вынудили покинуть Землю, подобно преступнику; он направлялся туда-не-знаю-куда, чтобы делать там то-не-знаю-что; а теперь им еще вздумалось гонять его взад-вперед по кораблю. Это был предел.

— Мне нужен капитан, — заявил он.

— Пожалуйста, как вам угодно. — И после коротких переговоров по крошечной рации: — Вас вызовут. Ждите.

Капитан Хирм Горделл был маленьким крепышом. Он подчеркнуто уважительно принял возмущенного пассажира.

— Мистер Мэлейн, — зачастил он, — очень жаль, что пришлось побеспокоить вас.

Капитан ослепительно улыбнулся.

— Очень сожалею, — сказал Байрон, — но, насколько мне известно, если каюта забронирована, то никто, и даже вы, сэр, не имеете права выселить меня из нее.

— Простите, мистер Мэлейн! Но поймите, это совершенно вынужденная мера! В последнюю минуту на борт прибыла одна важная персона и попросила разместить ее поближе к гравитаци-

онному центру судна. У этого человека больное сердце, и он не в силах перенести высокий гравитационный порог. У нас не было выбора.

— Но почему вы остановились на мне?

— Ну, кто-то ведь должен был... Вы путешествуете в одиночестве, вы молоды, вам не страшна гравитация. — Его глаза оценивающе скользнули по атлетической фигуре собеседника. — Более того, я уверен, что ваша новая каюта покажется вам куда более привлекательной, чем старая. Вы совершенно ничего не потеряете. Совершенно!

Капитан шагнул в сторону Байрона.

— Позвольте мне лично показать вам ваши новые апартаменты!

Спорить Байрону не хотелось. Доводы капитана выглядели убедительно.

Они вышли из капитанской рубки. По дороге капитан спросил:

— Вы не могли бы составить мне компанию за ужином завтра вечером? К этому времени мы уже совершим наш первый Прыжок.

— Благодарю. Весьма польщен, — ответил Байрон.

Странно, подумал он. Наверняка капитан хочет проследить за ним, но слишком уж рьяно он берется за дело!

Длинный стол капитана занимал целую стену в салоне. Байрон, единственный из сидящих за столом, был без галстука; он занимал место в центре. Перед ним находилась табличка с указанием его имени. Ошибки не было — слуги капитана были отлично вышколены.

Байрон не страдал излишней скромностью. Он — сын Господина Вайдемоса, и этим все сказано. Но здесь он являлся Байроном Мэлейном, простым смертным, и должен был делать вид, что потрясен и восхищен.

Капитан оказался совершенно прав, говоря, что его новое жилище значительно лучше старого. Прежняя комната была обычной каютой второго класса, новые же апартаменты состояли из двух комнат. Здесь имелась и ванная комната, оборудованная всем на свете, вплоть до воздушного полотенца.

Теперь он находился рядом с «офицерским отсеком» и повсюду натыкался на людей в форме. Завтрак подали ему в каюту на серебряном подносе. Перед обедом внезапно появился парикмахер и предложил свои услуги. Вероятно, так и должно быть, если путешествовать в каюте «люкс», но для Байрона Мэлейна подобные излишества были слишком шикарными.

Перед появлением парикмахера Байрон как раз вернулся с прогулки по кораблю. Он сделал для себя неожиданное открытие. Гуляя, он наткнулся на свою прежнюю каюту — 140 Д — и вдруг обнаружил, что в кармане все еще лежит ключ от нее.

Он остановился, чтобы прикурить сигарету, надеясь втайне, что нынешний жилец этой каюты по какой-нибудь надобности выйдет в коридор. Подождав немного, он нажал кнопку светового звонка на двери. Никто не откликнулся.

Тогда Байрон достал из кармана ключ — на вид простую алюминиевую пластинку — и вставил его в замок. Фотоэлемент сработал, и дверь отворилась. Он шагнул внутрь.

Дверь за его спиной бесшумно закрылась. Он сразу же понял одну вещь. Его старая каюта пустовала. Не было никакой важной персоны с больным сердцем. Постель на кровати выглядела новенькой; нигде никаких следов пребывания кого бы то ни было.

Так что роскошь, в которой его поселили, была лишь предлогом, чтобы заставить его покинуть прежнюю каюту. Они не хотели, чтобы он оставался здесь. Почему? Что их интересовало: комната или он сам?

И вот он сидел за капитанским столом, а в голове у него роились неразрешенные вопросы.

Вошел капитан; все, включая Байрона, встали ему навстречу. Капитан прошел вдоль стола и занял свое место.

ЗАЧЕМ они переселили его?

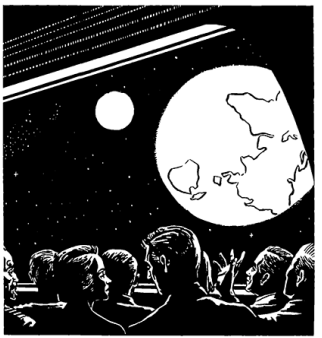
На корабле играла музыка; стена, разделяющая салон и кают-компанию, была раздвинута. Мягко светился оранжево-красный свет. Салон был полон народу.

Капитан оглядел сидящих за столом и обратился к Байрону:

— Добрый вечер, мистер Мэлейн. Как вам понравилась ваша новая каюта?

— Она прекрасна, даже слишком. Самое лучшее, что я видел в своей жизни. — Байрон произнес тираду невыразительным голосом и заметил, что капитан бросил на него пристальный взгляд.

Подали десерт, и почти одновременно погас свет. Глазам пассажиров открылась великолепная картина. Они увидели Млечный Путь — захватывающее зрелище сияющей диагональной дороги среди звезд.



Illustrated by JOHN BUNCH

Разговоры стихли. Заскрипели отодвигаемые стулья, и все головы обратились лицом к звездам. Что-то мягко шептала музыка.

Над головами зазвучал голос:

— Леди и джентльмены! Мы готовы к нашему первому Прыжку. Большинство из вас, я думаю, знают хотя бы теоретически, что такое Прыжок. Многие здесь — кажется, больше половины — еще никогда не ощущали его. Именно к ним мне

и хотелось бы обратиться.

Прыжок — это именно то, что заложено в слове, его обозначающем. В цепи «время — пространство» невозможно двигаться со скоростью, превышающей скорость света. Это простейший закон, открытый в глубокой древности великим Эйнштейном. Но даже при скорости света понадобится много лет, чтобы добраться до звезд.

Теперь давайте отвлечемся от связи «время — пространство» и перейдем к мало известному понятию «гиперпространство», где время и расстояние не имеют различий. В этом «пространстве без пространства», как его иногда называют, таятся гигантские накопления энергии, и наука научилась переносить часть ее в определенную точку обыкновенного пространства. Эта энергия такова, что дает возможность преодолевать большие расстояния в нулевой отрезок времени. Это тот самый Прыжок, который делает возможным межзвездные путешествия.

Мы с вами совершим Прыжок через десять минут. Вас предупредят об этом. Вы ощутите не более чем секундный дискомфорт, но, надеюсь, при этом все будут сохранять спокойствие. Благодарю за внимание.

На корабле погасли все огни, и только звезды

за окнами ярко сияли во тьме.

Казалось, время тянется бесконечно. Внезапно вновь зазвучал тот же голос:

— Через одну минуту мы с вами совершим Прыжок. Пятьдесят... сорок... тридцать... двадцать... десять... пять... четыре... три... два... один...

Мир на мгновение перестал существовать. Будто бомба, взорвавшись внутри каждого пассажира, разворотила их сознание и тело.

В это же самое мгновение, за долю секунды, была преодолена тысяча световых лет, и корабль, находившийся раньше на краю Солнечной системы, мчался теперь в глубинах межзвездного пространства.

Кто-то неподалеку от Байрона воскликнул:

— Взгляните на звезды!

Жизнь вернулась к обитателям большой комнаты, и за столом прошелестело:

— Звезды! Смотрите!

Вид звезд был теперь совершенно иным. Центр великой Галактики, удаленный от Земли на триста тысяч световых лет, сейчас приблизился, и звезд стало меньше. Они были разбросаны в черном пространстве, излучая при этом холодный свет.

Байрон, сам того не желая, вспомнил вдруг сен-

тиментальное стихотворение, написанное им в восемнадцатилетнем возрасте под воздействием своего первого космического полета; он тогда направлялся на ту самую Землю, которую покинул сейчас столь поспешно. Губы его беззвучно зашевелились:

Звезды как пыль окружают меня,

В небе не сыщешь прекрасней огня...

Вновь зажегся свет, и Байрон очнулся. Он по-прежнему находился в салоне космического корабля, и сидящие с ним за одним столом люди разговаривали на самые прозаические темы.

Байрон мельком взглянул на часы, поднял глаза и вновь опустил их, пристально разглядывая циферблат. Смотрел — и не мог оторвать взгляда. Часы он оставил прошлой ночью в спальне; они выдержали убийственную радиацию бомбы, а утром он забрал их вместе с другими своими вещами. Сколько раз он смотрел на них с тех пор, сколько раз мысленно отмечал время — и ни разу не обратил внимания на то, что просто само бросалось в глаза!

Стекло на них было БЕЛЫМ, а не голубым. ОНО БЫЛО БЕЛЫМ!

События этой ночи внезапно стали на свои места. Удивительно, как один факт способен

перевернуть отношение к происходящему!

Он резко встал, бормоча себе под нос слова извинения. Покинуть стол до ухода капитана было нарушением этикета, но его это мало волновало сейчас.

Он спешил в свою комнату, перескакивая через несколько ступенек, впопыхах забыв, что можно воспользоваться лифтом. Он влетел в каюту и первым делом осмотрел ванную и встроенный туалет. Он не очень надеялся поймать кого-либо. То, что они могли сделать, они уже давно сделали.

Байрон тщательно исследовал свой багаж. Отличная работа! Не оставляя никаких следов, они похитили его документы, пачку писем от отца, даже капсулу с письмом к Хенрику с Родии.

Так вот зачем им понадобилось переселять его! Их не интересовала ни старая, ни новая комната; им был важен сам процесс перемещения. В их распоряжении оказалось около часа времени, чтобы рыться в его багаже и совершить то, что они совершили.

Байрон ничком упал на кровать и постарался сосредоточиться. Отличная поездка! Спланировано ВСЕ без исключения! Если бы не часы, он даже не смог бы догадаться о том, как прочны сети,

которые сплела в космосе Тирания.

Раздался звонок в дверь.

— Войдите, — сказал Байрон:

Это был стюард, который вежливо сказал:

— Капитан хотел бы узнать, не может ли он чем-нибудь помочь вам. Вы выглядели не вполне здоровым, когда вставали из-за стола.

— У меня все в порядке, — ответил Байрон.

Какова слежка! Он понял, что ему не оставили выбора и что корабль неуклонно везет его к гибели.

Глава 4. СВОБОДЕН?

Сандер Джоунти холодно встретил взгляд собеседника.

— Говоришь, что-то пропало?

Ризетт провел рукой по щеке.

— ЧТО-ТО пропало. Не знаю, что именно. Думаю, это тот документ, который нам нужен. Мы знаем о нем одно: он датируется две тысячи пятнадцатым годом по примитивному земному календарю и что он представляет опасность.

— Можем ли мы быть уверены, что пропавший документ — то, что нам нужно?

— Вполне. Он охраняется по приказу правительства Земли.

— Ерунда. Земляне охраняют любой документ, связанный с догалактическим периодом. Это одна из их идиотских традиций.

— Но этот документ — особый случай. Ведь он похищен, а они продолжают охранять пустую папку.

— Представляю их лица, когда они обнаружат пропажу своей жалкой реликвии! Хотя мне и не нравится, что документ у молодого Фаррилла. Я надеялся, что после обыска он окажется в твоих

руках.

— У мальчишки документа нет, — улыбнулся его собеседник.

— Откуда тебе это известно?

— Потому что документ похищен более двадцати лет назад.

— Что?!

— Его никто не видел более двух десятилетий.

— Ложь. Господин узнал о нем всего шесть месяцев назад.

— Тогда девятнадцать с половиной лет назад его похитил кто-нибудь другой.

Джоунти на мгновение задумался, потом сказал:

— Ладно, это неважно.

— Почему же?

— Я давно нахожусь на Земле. И если до моего прибытия сюда я еще мог поверить, что на Земле способна храниться какая-нибудь серьезная информация, то сейчас очень в этом сомневаюсь. Ну, посуди сам: когда Земля была единственной населенной планетой Галактики, она имела лишь примитивное вооружение. Самое серьезное оружие, которым располагали земляне, — малоэффективные атомные бомбы, и они не смогли даже от них создать элементарной защиты. — Он

указал рукой на горизонт, где то и дело возникали голубые радиоактивные вспышки.

Затем Джоунти продолжил:

— Будучи временным резидентом на Земле, я занимался этим. Трудно вообразить, что можно перенять что-то ценное от общества, стоящего на таком примитивном технологическом уровне. Конечно, можно предположить, что здесь существуют забытые искусства или науки; в мире полно идиотов, готовых возвести примитивизм в культ и навыдумывать всякого вздора о доисторических земных цивилизациях.

Ризетт возразил:

— Но наш Господин был мудрым человеком. И он определенно заявил, что это самый опасный из всех известных ему документов. Вы помните его слова? Я даже могу процитировать их: «Этот документ означает гибель для Тирании, да и для нас тоже; но одновременно он принесет новую жизнь всей Галактике».

— Властитель, как и все смертные, мог ошибаться.

— И все же, сэр, пока что даже мы не знаем содержания этого документа. Возможно, в нем содержатся чьи-то неопубликованные исследования. Или документ имеет отношение к оружию,

которое земляне вовсе не считают оружием, потому что с первого взгляда оно таковым не кажется...

— Чепуха. Ты человек военный и, конечно, лучше в этом разбираешься. Но если на свете и есть какая-нибудь наука, которая постоянно прогрессирует, то это лишь военная технология. Никакое потенциальное оружие не могло быть не выявлено за десять тысяч лет. Думаю, Ризетт, что нам пора возвращаться на Лингану.

Ризетт пожал плечами, он не был удовлетворен. Но не был удовлетворен и Джоунти. Документ украден, следовательно, он важен. Настолько важен, что его не побоялись украсть. Ищи его теперь по всей Галактике!

А если он у Тиранов?! Нет, лучше уж пусть это будет Властитель. Потому что документ мог попасть к человеку типа Аратапа! Аратап! Единственный после Властителя человек, чьи поступки невозможно предсказать; наиболее опасный из всех Тиранов.

Саймок Аратап — коротышка с круглыми маленькими глазками. Его предками были путешественники, покинувшие когда-то свои неуютные миры и отправившиеся на поиски лучшей жизни к планетам Королевства Космиче-

ской Туманности.

Его отец возглавлял целую эскадру небольших космических кораблей. На своем долгом пути эти корабли ломались, возрождались и вновь попадали в крушения; иногда они терпели поражение от нападавших на них больших и мощных линкоров.

Миры Королевства Космической Туманности были устроены на старый лад, но Тираны быстро переделали их. Благодаря силе и скорости своих кораблей им удалось подавить соседние королевства одно за другим, оставшиеся просто-напросто перешли на сторону более сильных Тиранов. Каждому хотелось сохранить хотя бы ощущение безопасности, а не дрожать в ожидании, когда наступит его очередь.

Но все это происходило пятьюдесятью годами раньше. Сейчас Королевства Космической Туманности были полностью оккупированы и превратились в вассалов. Миры не стоят ломаного гроша, думал иногда Аратап, а цена человеческой жизни еще ниже.

Он смотрел на стоящего перед ним юношу. Это был почти мальчик. Высокий, широкоплечий; привлекательное лицо, обрамленное коротко подстриженными волосами. В определенном

смысле Аратапу было жаль его. Парень был явно напуган.

Сам Байрон не назвал бы обуревающее его чувство страхом. Скорее он квалифицировал бы его как напряжение. Всю свою жизнь он считал Тиранов гигантами. Его сильный и суровый отец был, по рассказам других, робким и покорным в их присутствии.

Иногда они приезжали на Вайдемос, и отец снабжал их книгами с большей части планет Нефелоса. Бывало, отец сопровождал Тиранов в поездках. Они всегда сидели во главе стола; их обслуживали первыми, когда они говорили, все остальные разговоры вокруг стихали.

Еще ребенком Байрон удивлялся, что эти невзрачные, маленькие люди способны так твердо и властно управлять, но зато он всегда понимал, что Тираны для его отца являются тем же, чем он сам является для своего скотника. Он научился почтительно говорить с ними и называть их «Ваше Превосходительство».

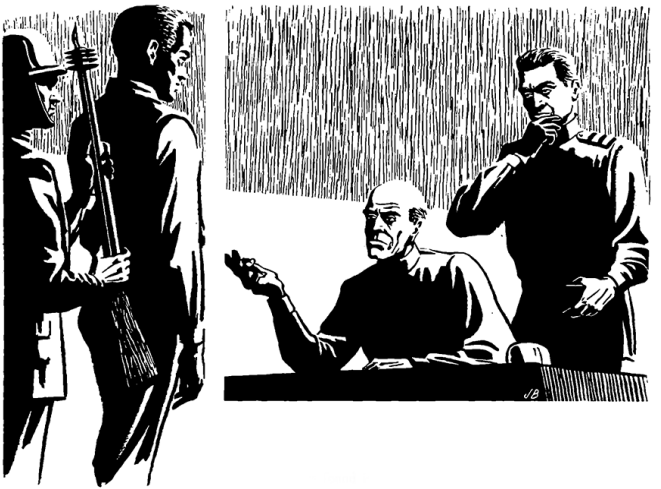
Байрон усвоил это так хорошо, что уже одно то, что он стоит лицом к лицу с одним из Тиранов, рождало в нем чувство, которое он именовал «напряжением».

Судно — он считал его своей тюрьмой — в один

прекрасный день стало ею официально. Они в это время приближались к Родии. В дверь его каюты постучались и вошли двое крепких мужчин. За ними проследовал капитан, который обратился к нему невыразительным голосом:

— Байрон Фаррилл, вы арестованы по моему приказу, и вам придется ответить на вопросы Представителя Великого Короля.

Представителем и был этот крошечный Тиран, сидящий сейчас перед Байроном и выглядевший скучно и неинтересно.



«Великим Королем» являлся Хан Тирании, все еще живший в легендарном каменном дворце на главной планете Тирании.

Байрон оценивающе посмотрел на него. С этим коротышкой он справился бы без труда, но присутствие четырех стражников — по два с каждой

стороны — делало любую попытку нападения невозможной. Пятый охранник сидел позади Представителя.

Представитель обратился к Байрону со словами:

— Как тебе должно быть известно, — голос его был тонким и визгливым, — старый Господин Вайдемоса, твой отец, казнен за измену. — Взгляд его бегающих глаз сосредоточился на Байроне.

Байрон не шелохнулся. В его положении лучше не проявлять эмоций, решил он. Конечно, можно закричать на них, но от этого отец не оживет. Он понимал, зачем ему сообщили о гибели отца, — хотят вывести из равновесия. Ну что ж, он не доставит им этого удовольствия.

Байрон лениво протянул:

— Я Байрон Мэлейн с Земли. Если необходимо удостоверить мою личность, я хотел бы связаться с Земным Консулом.

— Конечно-конечно, но, увы, мы сейчас находимся слишком далеко от Земли. Ты утверждаешь, что ты — Байрон Мэлейн с Земли. Но вот, — Аратап зашуршал лежащими перед ним бумагами, — письма, написанные Господином Вайдемоса своему сыну. Здесь же студенческий билет и зачетная книжка на имя Байрона Фар-

рилла. Все это нашли в твоем багаже.

Байрон слегка опешил, но постарался не подать виду.

— В моем багаже кто-то рылся и подбросил все это.

— Мы пока не в суде, мистер Фаррилл или Мэлейн. А для суда потребуются объяснения получше.

— Еще раз повторяю: если все это найдено в моем багаже, то бумаги подброшены туда нарочно.

Байрон слегка перевел дух. Конечно, его заявление звучит глупо, и он отлично понимал это. Но Представитель перевел разговор на другую тему. В руках он держал капсулу с письмом к Правителю Родии.

— А это рекомендательное письмо? Тоже не твое?

— Нет, но принадлежит мне, — Байрон заранее решил ответить так, потому что знал — в письме не проставлено имя. — Это послание к Правителю...

Он сам оборвал себя. Любые объяснения в подобной ситуации были проявлением слабости, а Представитель к тому же усмехался. Или это ему только показалось?

Аратап не усмехался. Быстрым движением ру-

ки он поправил контактные линзы, затем вынул их из глаз и опустил в стакан с водой, стоящий перед ним на столе. Его опухшие веки были слегка влажными. Он сказал:

— И тебе это известно? Известно на Земле, в пяти сотнях световых лет отсюда? Об этом не слыхала даже наша собственная полиция здесь, на Родии.

— Полиция на Родии. Послание было написано на Земле.

— Вижу. Кто ты — агент? Или просто хочешь предупредить Хенрика о чем-то?

— Конечно, второе.

— Да ну? И почему же ты решил это сделать?

— Потому что рассчитывал получить особое вознаграждение.

Аратап улыбнулся.

— Вот теперь в твоих словах есть намек на правду. О чем же конкретно ты собирался ему рассказывать?

— Это я скажу только Правителю.

Вспышка гнева, но только на мгновение.

— Хорошо. Тиранов не волнует местная политика. Мы устроим тебе беседу с Правителем и, таким образом, внесем свой вклад в его безопасность. Мои люди соберут твой багаж, и ты можешь быть

свободен. Уведите его!

Последние слова относились к охранникам. Аратап вновь надел контактные линзы, и глаза его тут же приняли более осмысленное выражение.

Обратившись к главному охраннику, он сказал:

— Думаю, мы не должны сводить глаз с юного Фаррилла.

Офицер коротко кивнул:

— Слушаюсь! Тем более что мне его история кажется довольно бессвязной.

— Разумеется. Но это дает ему возможность выкрутиться. Юные глупцы, взявшие за образец поведение героев видео-сериалов, легко попадаются. Конечно, он — сын экс-Господина.

— Вы уверены? Тогда уже одно это — серьезное преступление.

— То есть вам кажется, что я ошибаюсь? Почему же?

— А что, если он послан отвлекать наше внимание от настоящего Байрона Фаррилла?

— Нет, я уверен в обратном. И потом, у нас есть фотографии.

— Чьи? Мальчишки?

— Сына Господина. Хочешь взглянуть?

— Конечно.

Аратап взял со стола пачку фотографий.

— Помимо этого, у меня есть нечто, что, безусловно, произведет на вас впечатление. Думаю, с подобной штукой вы еще не сталкивались. Она изобретена во внутренних мирах и внешне представляет собой обычный фотокуб, но если перевернуть его вверх ногами, автоматически происходит молекулярная реакция, и он становится полностью прозрачным. Славная вещица!

Фотокуб был обыкновенным стеклянным кубиком, ЧЕРНЫМ И ПРОЗРАЧНЫМ. Каждая грань его равнялась трем дюймам. Аратап повернул его, и стекло на мгновение помутнело, а потом, с необычной ясностью, с него вдруг улыбнулось приятное юношеское лицо.

— Раньше эта штука принадлежала экс-Господину, — заметил Аратап. — Что ты скажешь?

— Вне всяких сомнений, здесь изображен наш молодой приятель.

— Да. — Представитель Тирании задумчиво рассматривал кубик. — Знаешь, мне пришло в голову, что, используя тот же процесс, можно поместить в куб не одну, а шесть фотографий. Шесть связанных друг с другом фотографий, — и статический феномен станет динамическим,

наполнив первый новым смыслом и содержанием. Более того, это может стать новым видом искусства!

В голосе его прозвучало нескрываемое торжество.

Но его молчаливый собеседник не обратил никакого внимания на идею Аратапа, и тому пришлось прервать свои творческие фантазии.

— Так ты видишь Фаррилла? — резко спросил Представитель.

— Так точно!

— Теперь ты должен встретиться с Хенриком.

— С Хенриком?

— Конечно. Для этого я и собираюсь освободить мальчика. Мне нужно получить ответы на некоторые вопросы. Зачем Фарриллу понадобился Хенрик? Что их связывает? Смерть Господина здесь ни при чем. Между ними была — должна быть — хорошо отлаженная тайная связь, и мы еще не знаем, как именно она осуществлялась.

— Но Хенрик не может быть вовлечен в это! Даже если у него хватило бы смелости, то ума явно недостаточно.

— Согласен. Но именно из-за своего идиотизма он может служить орудием в их руках. Если так, то это станет нашей ахиллесовой пятой. Поэтому

необходимо тщательно все проверить.

Он вяло махнул рукой; собеседник отдал ему честь, щелкнул каблуками и вышел.

Аратап задумчиво крутил в руке фотокуб, созерцая, как чернота сменяется изображением. Жизнь во времена его отца была значительно проще. В завоевании чужой планеты крылось жестокое величие, тогда как в манипулировании ничего не понимающим парнишкой была только жестокость.

Но это было необходимо.

Глава 5. НЕ САМАЯ УДАЧНАЯ СИТУАЦИЯ

Люди заселили Родию не слишком давно — даже по сравнению с Центурионом или Сириусом. Планеты Арктура, например, были освоены более двухсот лет назад, когда первые космические корабли пересекли границы Туманности Лошадиной Головы в поисках пригодных для жизни планет. Лишь немногие из исследованных планет удовлетворяли условиям, необходимым для существования человеческого организма.

В Галактике насчитывается от одного до двух тысяч биллионов звезд, являющихся источниками света и тепла. Среди них есть пятьсот биллионов планет, где уровень гравитации в одних случаях составляет 120 процентов земного, а в других не достигает и шестидесяти. Некоторые из них слишком жаркие, другие — слишком холодные. Атмосфера многих ядовита, потому что состоит преимущественно или полностью из неона, метана, аммония, хлоридов, даже силиконового тетрафлуорида. На некоторых планетах нет воды, другие состоят почти сплошь из оке-

анов, наполненных сульфатодиоксидами. На третьих нет углерода.

Поэтому ни один из этих сотен тысяч миров не может быть обитаем. Жизнь сосредоточена всего лишь в четырех миллионах миров, пригодных для существования.

О количестве заселенных миров идут постоянные споры. По данным «Галактического Альманаха», Родия была 1098-м миром, где поселились люди.

По иронии судьбы, Тирания, завоевавшая Родию, числилась 1099-й.

История повторяется. Период развития и экспансии в Транстуманном регионе ничем не отличался от аналогичного периода в других точках Галактики. Планетарные республики быстро добились успеха; у каждой из них было собственное правительство. Затем в их жизнь вторглась Тирания, и планеты оказались колонизированы, а после и вовсе растворились внутри сателлита. Так появилась маленькая «Империя».

Только на Родии сохранялась некоторая стабильность, и этому способствовала правящая династия Хенриадов. Хотя Тирания за каких-нибудь десять лет сумела расширить границы своей Империи на всю территорию Транстуманности,

форма правления на Родии не изменилась. Она даже укрепилась. Хенриады были чрезвычайно популярны в народе, и Тиранам нужно было лишь уметь влиять на них.

Точнее, Правитель не обязательно происходил из чистых Хенриадов. Должность эта формально являлась выборной из числа членов наиболее влиятельного семейства планеты. Семейство Хенриадов устраивало Тиранов по ряду причин, и, не без их помощи, Хенрик (пятый по счету) был избран Правителем.

С позиции Тирании это был полезный выбор.

В момент избрания Хенрик выглядел красивым и статным мужчиной; да и сейчас он все еще производил приятное впечатление. Его волосы слегка посеребрила седина, но брови оставались густыми и такими же черными, как и глаза его дочери.

Сейчас он смотрел на свою дочь, а она была взбешена и не скрывала этого. Высокая — всего на два дюйма ниже отца, при его росте не менее шести футов, — вспыльчивая девушка, темноволосая и темноглазая, чье лицо сейчас потемнело от гнева.

Она беспрестанно повторяла:

— Я не могу этого сделать! Я НЕ БУДУ этого

делать!

Хенрик отвечал ей:

— Но, Арта, Арта, это же неразумно! Что я могу поделать? Разве в моем положении можно выбирать?

— Если бы мама была жива, она сумела бы найти выход из положения!

И девушка топнула ногой. Ее полное имя — Артемида, королевское имя, которое в каждом поколении Хенриадов носила одна из женщин.

— Да-да, несомненно... Черт меня побери! У твоей матери был талант на эти вещи! Иногда мне кажется, что ты пошла только в нее и ничуть не похожа на меня! Но серьезно, Арта, ты не оставила ему никакой надежды. Возможно, ты могла бы взглянуть на него более благосклонно?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... — Он сделал рукой неопределенный жест, затем положил руку ей на плечо, но она резким движением сбросила ее.

— Я провела с ним вечер, — раздраженно ответила она, — и он попытался поцеловать меня. Это было омерзительно.

— Все целуются, дорогая моя. Конечно, поцелуи не значат сейчас того, что означали во времена твоей прабабки... Это лишь дань традициям. Мо-

лодая кровь, Арта, горячая кровь!..

— Молодая кровь... За последние пятнадцать лет молодая кровь в этом чудовище была разве что сразу после переливания. Он на четыре дюйма ниже меня, отец. Как я могу показаться на людях с пигмеем?

— Он — важная персона. Очень важная!

— Это не прибавляет ему в росте ни дюйма. Он кривоног, как все они, и у него дурно пахнет изо рта.

— Пахнет изо рта?

Артемида шмыгнула носом:

— Да, и не просто пахнет, а воняет. Это очень неприятный запах, мне он не нравится, и я сказала ему об этом.

До Хенрика с трудом дошел смысле ее последних слов. Он побледнел, а голос его понизился до шепота:

— Ты сказала ему об этом? Ты считаешь, что высокопоставленная особа из Королевского Двора Тирании может иметь неприятное личное качество?

— Да! Как тебе известно, у меня есть орган, именуемый носом! И когда этот тип подошел слишком близко, я зажала нос и толкнула его. Он шмякнулся на спину, размахивая своими

кривульками...

Она пальцами показала, как именно было дело, но Хенрик этого не видел, так как в этот момент закрыл лицо руками.

На миг выглянув наружу, он жалобно спросил:

— Что же теперь будет? Как ты могла так поступить?!

— Не бойся! ЗНАЕШЬ, ЧТО ОН МНЕ ОТВЕТИЛ? Его слова переполнили чашу моего терпения. Я поняла, что не могу находиться рядом с мужчиной, который всего четырех футов ростом.

— Но что же он сказал тебе?

— Он сказал, — отойди от видео, папа, — он сказал: «Ха! Смелая девушка! После этого она мне нравится еще больше!», и двое слуг помогли ему подняться на ноги. Но больше он не пытался дышать мне в лицо!

Хенрик почесал в затылке, затем внезапно схватил Артемиду за руку:

— Ты могла бы выйти за него замуж! И не спорь! Во имя политической необходимости... Это было бы просто шуткой...

— Что значит «не спорь»? Какой такой шуткой?! Мне что, пришлось бы сложить пальцы левой руки в фигу, подписывая правой брачный контракт?!

— Нет-нет, что ты! — Хенрик был смущен. — Зачем же так? Арта, я просто удивляюсь твоему упрямству.

— Что ты имеешь в виду?

— Что имею в виду? Погоди, о чем это мы? Я не могу сосредоточиться, когда ты споришь со мной. Что я хотел сказать?

— Что-то о моем замужестве. Вспомнил?

— Ах да! Я хотел сказать, что к замужеству не стоит относиться слишком серьезно.

— Как я понимаю, ты предлагаешь мне иметь любовников.

Хенрик покраснел и гневно взглянул на нее:

— Арта! Я всегда воспитывал тебя умной и рассудительной девочкой! Такой была твоя мать. Как ты можешь говорить подобные вещи? Стыд и срам!

— Но разве ты имел в виду не это?

— Мне можно так говорить. Я мужчина, зрелый мужчина! А девушка, подобная тебе, не должна бросаться такими словами.

— Но я уже бросилась ими, папочка, и слова назад не вернешь. Я ведь не имела в виду, что действительно буду иметь любовников. Я только сказала, что в принципе могу их иметь, если выйду замуж по соображениям государственной

необходимости. — Она обняла себя руками за плечи. — Чем же я буду заниматься в свободное от любовников время? Этот карлик ведь все-таки будет моим мужем, хотя подобная мысль может внушить исключительно брезгливость.

— Дорогая, он уже не молод... Тебе недолго придется жить с ним.

— Твое «недолго» может оказаться вечностью! Один час, проведенный с ним — уже слишком долго. Постой, отец, ведь всего пять минут назад ты рассказывал мне про его молодую кровь?! Помнишь?

Хенрик развел руками:

— Арта, этот человек один из ТИРАНИЙЦЕВ, и причем самых влиятельных. При дворе Хана он на хорошем счету.

— Хан может иметь о нем свое мнение. Возможно, он и сам воняет!

От ужаса Хенрик забыл закрыть рот. Автоматически он оглянулся через плечо. Потом осторожно сказал:

— Никогда больше не говори так... Никогда.

— Если ты еще раз заведешь разговор на эту тему, я повторю все сначала! И потом, он уже трижды был женат! — Она подумала и уточнила: — Не Хан, а человек, за которого ты хочешь вы-

дать меня замуж.

— Но ведь его жены умерли, — напомнил ей Хенрик. — Арта, их больше нет в живых! Как ты могла подумать, что я способен выдать свою дочь замуж за полигама? Мы заставим его предъявить соответствующие документы. Он женился на них последовательно, а не одновременно; сейчас все они умерли и лежат каждая в своей могиле.

— Это неудивительно. При таком муженьке...

— О боже, ну что мне с тобой делать? — Он попытался в последний раз переубедить ее. — Арта, такова цена того, чтобы быть одной из рода Хенриадов и дочерью Правителя.

— Я не просила, чтобы меня назначали Хенриадой и дочерью Правителя.

— Но судьба распорядилась именно так. Вся история Галактики, Арта, показывает, что бывают ситуации, когда интересы государства, интересы безопасности планеты, интересы народа важнее, чем...

— Чем то, что бедная девушка станет проституткой!

— Боже, как вульгарно! Когда-нибудь ты переменишь свое мнение.

— Отец, я скорее умру, чем сделаю это. Можешь мне поверить.

Правитель направился к ней. Его губы дрожали, и он не мог вымолвить ни слова. Дочь подбежала к нему, заливаясь слезами, и прижалась к его груди:

— Я не могу, папочка! Не могу! Не принуждай меня!

— Ты знаешь что произойдет, если ты откажешься? Тиранийцы рассердятся, они сместят меня, заточат в тюрьму, а возможно, даже каз... — Он поперхнулся на последнем слове. — Случится большое несчастье, Арта. Сейчас наступили трудные времена. Господин Вайдемоса на прошлой неделе был схвачен и, я думаю, даже убит. Помнишь его, Арта? Он гостил у нас при дворе пол года назад. Большой человек с круглым лицом и глубоко посаженными глазами. Сперва ты даже боялась его.

— Я помню.

— Ну так теперь он мертв. Чья теперь очередь? Моя? Твой бедный отец должен стать следующим? Поверь, времена сейчас очень сложные, и то, что он гостил у нас при дворе, может навлечь на нас беду.

— Почему же обязательно беду? Ты ведь не связывался с ним?

— Конечно, нет! Но если мы огорчим Хана Ти-

рании отказом вступить в брак с одним из его любимчиков, они могут подумать именно то, о чем ты спросила.

Хенрик помахал перед глазами рукой, отгоняя от себя кошмарную воображаемую картину.

— Я пойду в свою комнату, — продолжил он. — Отдохни. Когда немного вздремнешь, начинаешь чувствовать себя лучше. Посмотрим... посмотрим... Во всяком случае нам обоим необходим отдых.

Артемида посмотрела на отца и вздохнула. Ее лицо оставалось задумчивым, а на лбу пролегли глубокие морщинки.

* * *

Внезапно раздался звук чьих-то шагов, и она резко обернулась.

— В чем дело?

Тон был более резким, чем ей хотелось бы.

Это был Хенрик, его лицо побледнело от страха.

— Звонил майор Андрос.

— Из Внешней Охраны?

Хенрик сумел только кивнуть.

Артемида вскрикнула:

— Уверена, он не... — Она на миг замолчала, не

решаясь высказать свои ужасные предположения и ожидая дальнейше-го рассказа отца.

— Какой-то юноша настаивает на аудиенции. Я его не знаю. Зачем он здесь? Он прибыл с Земли! — Хенрик перевел дыхание.

— Сядь, отец, — оборвала его Артемида, — и объясни мне, что случилось.

Она взяла его за руку, и Хенрик немного успокоился.

— Я в растерянности, — продолжил он, — этот юноша пришел сюда с рекомендательным письмом. Он говорит, что знает о плане покушения на мою жизнь. На МОЮ жизнь. И ОНИ велят мне выслушать его. — Он глуповато улыбнулся. — Народ любит меня. Никто не захочет убивать меня. Верно?

Хенрик внимательно посмотрел на дочь и расслабился, когда она ответила:

— Конечно, никто не собирается убивать тебя.

Тогда он вновь заговорил:

— Ты думаешь, это могут быть ОНИ?

— Кто?

— Тиранийцы. — Он понизил голос до еле слышного шепота. — Совсем недавно здесь был Господин Вайдемоса, и вот он убит. — Хенрик внезапно закричал: — А сейчас они послали ко-

го-то убить меня. Меня!..

Артемида встряхнула его с такой силой, что Правитель разом пришел в себя.

— Отец! Сиди тихо! Ни слова! Слушай меня! Никто не собирается убивать тебя! Слышишь? Никто тебя не убьет! Господин Вайдемоса был здесь шесть месяцев назад. Помнишь? Шесть месяцев назад! Думай!

— Так давно? — прошептал Правитель. — Да, да, кажется, именно так...

— Сейчас ты останешься здесь и отдохнешь. Ты слишком перенапрягся. Я сама взгляну на юношу и потом, если это безопасно, приведу его к тебе.

— Ты, Арта? Ты? Он не станет убивать женщину. Конечно, он не станет убивать женщину!..

Она вскочила и поцеловала отца в щеку.

— Будь осторожна, — пробормотал Хенрик, и глаза его устало закрылись.

Глава 6. НОСИТЕЛИ КОРОН

Возле одного из строений Дворца в нетерпении ждал Байрон Фаррилл. Впервые в жизни он чувствовал себя провинциалом.

Вайдемос-Холл, где он вырос, казался ему прекраснейшим местом на свете, и сейчас память вызвала к жизни картины его варварского блеска. При мысли об этом он непроизвольно вздрогнул.

Это место было совершенно другим.

Дворец основателей Родии явился кульминационной точкой династии Хенриадов, выраженной в камне: он был стройным и светлым. Прямые линии его легко и изящно взмывали ввысь, создавая эффект шпилей; и это походило на крещендо в музыке, пиком которого был Центральный Дворец. В нем отсутствовали привычные Байрону «ложные окна», такие популярные в украшении зданий у него на родине. Дворец состоял из конструкций, создававших некую геометрическую абстракцию, устремленную прямо в небо.

...Охранник из числа Тиранийиев ввел гостя во внутренние покои.

— Байрон Мэлейн? — уточнил находящийся там второй страж, и Байрон кивнул.

Перед ними остановился небольшой металлический вагончик, управляемый диамагнетическими силами. Байрону еще никогда не приходилось видеть подобного, и он на мгновение задержался.

Вагончик, в котором поместились бы пять-шесть человек, раскачивался на ветру, и в его окнах отражалось прекрасное солнце Родии. К вагончику был подведен тонкий и на первый взгляд не очень прочный рельс, и Байрону показалось, что вагончик даже не касается его. Внезапно порыв ветра ударил по рельсу, но, вопреки ожиданиям, тот не сдвинулся с места, удерживаемый какой-то неведомой юноше силой.

— Входи, — нетерпеливо скомандовал стоящий за его спиной охранник, и Байрон вошел в вагончик. Охранник последовал за ним.

Казалось, вагончик превратился в прозрачный пузырь. Он неощутимо для сидящих в нем людей двинулся вверх. Через секунду перед Байроном открылся прекрасный вид на весь комплекс зданий Дворца Основателей. Это было замечательное, величественное зрелище. Менее чем через две минуты они остановились: подъем был окончен.

Перед Байроном отворилась дверца, и он вы-

шел. Дверца тут же закрылась вновь. В комнате, куда попал Байрон, никого не было, но это не успокоило Байрона: он не питал иллюзий относительно того, что с той самой ночи его действиями управляют другие.

Джоунти поместил его на борт космического корабля. Представитель Тирании отправил его сюда. И с каждым шагом он все больше втягивался в водоворот непонятных ему событий.

Байрон прекрасно понимал, что расчет Тирании был весьма тонок. Конечно, избавиться от него совсем несложно. Это можно было сделать еще на корабле, и не один раз. Но Джоунти в чем-то прав: им невыгодно убивать его, чтобы не вызвать негативный резонанс. Хенрик — их марионетка, и они рассчитывали убрать Байрона руками Правителя Родии. Тогда Тираны остались бы только сторонними наблюдателями.

Пальцы юноши непроизвольно сжались в кулаки. Он высок и силен, но совершенно безоружен. У людей, которые придут за ним, будут бластеры и огнеметы. Незаметно для самого себя он прижался к стене.

Слева от него раздался звук открываемой двери. Вошел вооруженный человек в военной форме, за ним следовала девушка.

Байрон немного расслабился. Всего лишь девушка! В другое время он не преминул бы рассмотреть ее подробнее, но сейчас она была для него просто девушкой.

Вошедшие приблизились к Байрону, который не сводил глаз с бластера в руках мужчины.

Девушка повернулась к стражнику:

— Сначала с ним буду говорить я, лейтенант.

Затем она строго сдвинула брови и обратилась к Байрону:

— Ты и есть тот человек, который хочет предо-

стеречь Правителя о покушении на его жизнь?

— Я уже сказал, что буду говорить только с самим Правителем, — ответил Байрон.

— Это невозможно. Если тебе есть что сказать, то скажи это мне. Если твои сведения окажутся правдивыми и полезными, тебя вознаградят.

— Тогда разреши поинтересоваться — кто ты? Откуда мне знать, имеешь ли ты право говорить от лица Правителя?

Казалось, девушка удивилась заданному ей вопросу.

— Я его дочь. И я собираюсь задавать вопросы, а не отвечать на них. Ты прибыл откуда-то извне Системы?

— Я с Земли, — Байрон подумал и добавил: — Ваша Светлость.

Обращение удовлетворило ее.

— Где же она находится?

— Это маленькая планета в секторе Сириуса, Ваша Светлость.

— А как зовут тебя?

— Байрон Мэлейн, Ваша Светлость.

Она задумчиво смотрела на него:

— Значит, с Земли?.. А ты умеешь управлять космическим кораблем?

Байрон едва сдержал улыбку. Она проверяет

его. Ей отлично известно, что космическая навигация является запрещенной наукой в мирах, контролируемых Тиранией.

— Да, Ваша Светлость, — ответил Байрон.

Раз они позволили ему так долго оставаться в живых, он мог позволить себе признаться в этом. На Земле космическая навигация запрещена не была, а за четыре года можно научиться многому.

— Очень хорошо, — сказала она. — Ну, а что ты хочешь рассказать?

Внезапно он решился. Он никогда не пошел бы на такой шаг, будь здесь только охранник. Если эта девушка не лжет, и она действительно дочь Правителя, то может помочь ему.

— Ваша Светлость! Собственно, никакого покушения нет!

Девушка рассердилась. Она резко повернулась к своему спутнику:

— Теперь ваша очередь, лейтенант. Добейтесь от него правды!

Байрон отступил, ощутив холодное прикосновение бластера охранника, и торопливо произнес:

— Подождите, Ваша Светлость! Выслушайте меня! Это был для меня единственный способ

увидеться с Правителем! Разве вы не в состоянии это понять?

Он повысил голос:

— Вы должны сообщить Его Превосходительству, что я — Байрон Фаррилл и прошу предоставить мне убежище!

Именно такие слова в давние времена произносили попавшие в беду феодалы. Слова эти были привычными, пока феодалы не утратили своей власти, но теперь, с приходом Тиранов, это был всего лишь архаизм, не более того.

Она удивленно вздернула брови:

— Разве ты происходишь из аристократической семьи? Мне кажется, минуту назад ты представился как Мэлейн.

И тут в разговор вмешался новый голос.

— Совершенно верно, но это всего лишь псевдоним. Ты — Байрон Фаррилл, мой дорогой юный сэр! Вне всяких сомнений, ты — Фаррилл. Ошибиться просто невозможно!..

В дверном проеме стоял маленький улыбающийся человечек. Его сияющие глаза скользили по фигуре Байрона. Человечек еще раз улыбнулся и обратился к девушке:

— А ты, Артемида, ты разве не узнала его?!

Артемида поспешила к нему; в ее голосе звуча-

ло беспокойство:

— Что ты делаешь здесь, дядя Джил?

— Забочусь о своих интересах, моя дорогая. Вспомнив, что здесь может произойти убийство, я, как ближайший из Хенриадов, намеревался бы претендовать на престол. Ладно, шутки в сторону. Отошли лейтенанта! Опасности нет.

Пропустив его слова мимо ушей, она спросила:

— Ты опять подслушивал у коммутатора?

— А как же! Разве я мог лишить себя подобного удовольствия?

— Когда-нибудь ты попадешься!

— Опасность — неотъемлемая часть любой игры, милочка. Причем самая восхитительная ее часть. Кроме того, Тираны уже давно, как мне кажется, знают о моем хобби. Мы мало что можем сделать, чтобы это не стало сразу же известно им. Ладно, ерунда! Ты не хочешь представить меня нашему гостю?

— Нет, не хочу, — резко ответила она. — Это не твое дело.

— Тогда я представлю ему тебя. Когда я услыхал его имя, то перестал подслушивать и вошел. — Он отвесил Байрону полушутливый поклон. — Дорогая, это Байрон Фаррилл.

— Я уже говорил это. — Все внимание Байрона

было приковано к лейтенанту, все еще сжимающему в руке бластер.

— Но ты забыл добавить, что ты — сын Господина Вайдемоса.

— Я хотел, но вы прервали меня. Как бы там ни было, вам это уже известно. Я сбежал от Тиранов и не назвал им моего настоящего имени.

Он перевел дыхание. Если его сейчас не арестуют, то у него остается маленький шанс на спасение.

— Понимаю, — кивнула Артемида. — Это, я думаю, сможет убедить Правителя. Вы уверены, что речь не идет о покушении?

— Вполне, Ваша Светлость.

— Хорошо. Дядя Джил, ты останешься с мистером Фарриллом? Лейтенант, следуйте за мной.

Ноги Байрона подкосились. Он мечтал об одном — о возможности присесть, и его не интересовало, какое впечатление это может произвести на Джилберта, все еще с нескрываемым интересом изучавшего пришельца.

— Сын Господина! Прелестно! Очаровательно!..

Байрон попытался сосредоточиться. Он устал постоянно думать о том, что можно и чего нельзя говорить. Поэтому он ответил:

— Да, сын Господина. Титул, получаемый при

рождении. Чем могу служить?

Джилберт хранил невозмутимый вид. Только улыбка на его лице стала еще шире.

— Удовлетвори мое любопытство, юноша. Ты действительно пришел искать здесь убежища?

— Я предпочел бы обсудить этот вопрос с Правителем, сэр.

— Попытайся, дружок, попытайся! Ты поймешь, что от Правителя здесь не слишком много толку. Как ты думаешь, почему тебе только что пришлось общаться не с ним, а с его дочерью? Проникнись этой мыслью, она прелестна!

— Вам кажется прелестным все без исключения?

— А почему бы и нет? Жизнь вообще прелестная штука. Если не видеть в ней прелести, то скоро захочется сунуть голову в петлю. Задумайся об этом тоже. Кстати, я забыл представиться. Я — кузен Правителя.

— Поздравляю, — холодно ответил Байрон.

Джилберт усмехнулся:

— Ты прав. Это не впечатляет. Но пока у меня нет ни малейшей надежды изменить свой статус.

— Думаю, данный факт очень огорчает вас.

— О-о-о, у вас есть чувство юмора! Имейте в

виду, что здесь никто не воспринимает меня всерьез. Для окружающих я всего лишь закоренелый циник. Ты не задумывался, что на свете нет ничего хуже Директории? Ведь Хенрик никогда не отличался большим умом, а с каждым годом он становится все более беспомощным. Совсем забыл! Ты ведь не знаком с ним! Но скоро тебе это предстоит. Я слышу его шаги. В разговоре с Правителем помни, что он правит самым большим из Транстуманных Королевств. Это самая прелестная мысль!..

Хенрик был в полусонном состоянии. Он вошел в комнату, едва кивнул в ответ на церемонное приветствие Байрона и сразу же заявил хриплым голосом:

— Какое у вас к нам дело, сэр?

Артемида стояла рядом с отцом, и Байрон с некоторым удивлением отметил, что она весьма хороша собой.

— Ваше Превосходительство, — поклонился он, — я прибыл в интересах доброго имени моего отца. Вы не можете не знать, что его казнь была несправедлива.

— Я немного знал вашего отца, молодой человек. Он гостил у нас раз или два. — Голос Хенрика немного окреп. — Вы очень похожи на него.

Очень. Но он совершил ошибку, и вам должно быть об этом известно. Во всяком случае, мне так кажется... Уверен, что при его аресте не был нарушен ни один закон. Хотя детали мне неизвестны.

— Конечно, Ваше Превосходительство! Но мне бы хотелось как раз выяснить детали. Я уверен, что мой отец не изменник.

Хенрик торопливо прервал его.

— Это понятно. Вы — его сын и должны защищать отца, но поверьте, что крайне сложно обсуждать подобные вопросы. И вдобавок несколько несвоевременно. Почему бы вам не увидеться с Аратапом?

— Я не знаю, кто это, Ваше Превосходительство.

— Аратап! Представитель! Я имею в виду — Представитель Тирании!

— Я уже виделся с ним, и он отослал меня сюда. Конечно, вы понимаете, что я не намерен прощать Тирании...

Хенрик вскочил, зажимая рукой дрожащие губы, и его речь стала невнятной скороговоркой.

— Вы говорите, вас послал сюда Аратап?

— Я счел необходимым сказать ему...

— Не повторяйте, что вы ему говорили! Я ничем не могу помочь вам, Господин — ой! — мистер

Фаррилл. Это не входит в мою юрисдикцию. Исполнительный Совет — не толкай меня, Арта, я не могу говорить о серьезных вещах, если ты мешаешь мне! — должен сказать свое слово. Джилберт! Ты побеспокоишься о том, чтобы мистеру Фарриллу был оказан хороший прием? Я подумаю, что можно будет сделать. Да, я проконсультируюсь в Исполнительном Совете! Это только юридическая формальность, но очень важная. Очень важная!..

Он повернулся, чтобы уйти, что-то бормоча себе под нос.

Артемида немного помедлила и осторожно коснулась плеча Байрона.

— Минуточку... Это правда, что ты умеешь управлять космическим кораблем?

— Естественно, правда, — Байрон улыбнулся ей, и после недолгого колебания она ответила ему улыбкой.

— Джилберт, — добавила она, — с тобой мы поговорим позднее.

И поспешно вышла. Байрон долго смотрел ей вслед. К действительности его вернул вопрос Джилберта.

— Уверен, что ты голоден или, по крайней мере, умираешь от жажды. Жизнь, как я понимаю, все

еще продолжается?

— Да, благодарю вас, — Байрон не вполне понял, что имеет в виду его собеседник, но расслабился и пришел в отличное расположение духа.

Она была красива. ОЧЕНЬ красива!

А Хенрик никак не мог расслабиться. Его одолевали ужасные мысли. Это ловушка! Мальчишку послал Аратап, и это — ловушка!

Он сжал голову руками, погрузился в глубокое раздумье и вскоре понял, что ему нужно делать.

Глава 7. ВИРТУОЗ МЫСЛИ

На все планеты рано или поздно опускается ночь. Она не может поступить иначе, хотя светлое время суток продолжается от пятнадцати до двадцати двух часов. Любой путешествовавший с планеты на планету человек может это подтвердить.

На многих планетах период сна сведен до минимума. На других периоды «день-ночь» примерно равны между собой. На третьих в принципе отсутствуют понятия «свет и тьма».

Но приход ночи всегда и везде имеет важное психологическое значение, связанное с эмбриональной фазой развития организма. Ночь — это пора страхов и беззащитности, и сердце до восхода солнца замирает в ожидании неизвестного.

Во дворце не было сенсоров, способных показать наступление ночи, но инстинкт безошибочно подсказал Байрону ее наступление. Он знал, что ночная тьма за пределами Дворца вовсе не кромешная, и ее нарушает сияние звезд. В это время в Туманности Лошадиной Головы большинство звезд становились видимыми.

Но звездный свет не мог рассеять мрак в душе

Байрона.

С момента короткой беседы с Правителем он больше не видел Артемиду, и это огорчало его. Он ждал обеда: возможно, ему удастся с ней поговорить. Но, вопреки ожиданиям, он ел в одиночестве, и только два охранника стояли на посту по обе стороны двери. Даже Джилберт покинул его, оставив наедине с самим собой.

По возвращении Джилберт сказал:

— Вначале мне хотелось бы показать мою лабораторию. Мы с Артемидой решали сейчас, что с тобой делать, — и жестом он приказал охране выйти.

— Какую лабораторию? — В голосе Байрона не звучало ни малейшей заинтересованности.

— Я строю разные приспособления, — прозвучал лаконичный ответ.

На первый взгляд помещение ничуть не напоминало лабораторию. Это скорее была библиотека, в углу которой стоял маленький столик. Байрон медленно осмотрелся по сторонам.

— Именно здесь ты и строишь свои приспособления? Что же они собой представляют?

— Они помогают мне незаметно шпионить за шпионами Тирании. Защиты от моих приспособлений не существует. Вот почему я узнал и о

тебе, как только от Аратапа поступило первое сообщение. У меня имеется множество прелестных штучек. Например, мой визисонор. Ты любишь музыку?

— Да.

— Отлично. Я создал один инструмент, только не уверен, что ты сочтешь его музыкальным. — Джил коснулся рукой книжной полки. — Это не очень хороший тайник, но, поскольку никто не воспринимает меня всерьез, его пока не обнаружили. Прелестно, не правда ли? Ах да, я совсем забыл, что ты не находишь в этом прелести.

Перед юношей возник некий предмет: самодельный, грубо сработанный и похожий на коробку. Одна сторона его была покрыта маленькими блестящими ручками. Коробочка лежала этой стороной кверху.

— Он не слишком красив, — сказал Джилберт, — но кого это волнует? Включи подсветку. Нет, нет! Не трогай ни выключателей, ни контактов! Просто медленно пожелай, чтобы подсветка зажглась. Сосредоточься на этом желании!

Внезапно на коробочке замигали огоньки. Их свет отразился в украшавшей потолок хрустальной люстре, и два пятна зажглись во тьме. Джилберт удовлетворенно засмеялся, видя изум-

ление Байрона.

— Это лишь один из трюков моего визисонора. Им можно управлять с помощью мыслей. По такому же принципу действуют персональные капсулы. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Нет, не понимаю, если вам хочется услышать от меня правду.

— Тогда смотри. Электрическое поле, создаваемое твоим мозгом, индуцируется в приборе. С точки зрения математики это очень просто, но я не знаю никого, кому бы удалось поместить подобный прибор в крошечную коробочку. Для этого обычно выстраивают пятиэтажное здание размером с приличный завод. Да и принцип работы здесь другой. Я сумел замкнуть цепь непосредственно на коре головного мозга, минуя подключение глаз и ушей. Смотри!

Сперва смотреть было не на что. Потом в глазах Байрона что-то замелькало. Это «что-то» превратилось в сияющий темно-фиолетовый шар, мелькающий в воздухе. Шар преследовал Байрона при каждом движении, движениям шара сопутствовал ясный музыкальный аккомпанемент, который сам являлся частью движения.

Все это усиливалось, и Байрону стало казаться, что удивительный эффект существует внутри

его самого. Ведь цвет не был в полном смысле слова цветом. Он скорее был цветным звуком, не производящим шума. Его можно было потрогать, не прикасаясь к нему.

Потоки цвета лизали его руки и ноги, не причиняя боли... Байрон испугался: он уже не видел своих рук и не чувствовал их. Он беззвучно вскрикнул — и все исчезло. Перед ним стоял Джилберт и смеялся. Комната была освещена.

— Что произошло? — растерянно спросил юноша.

— Не знаю. Я ничего не ощущал. Разве ты не понял? Твои видения продукт твоего собственного мозга. И я не знаю, как можно объяснить подобный феномен. Все время, пока ты концентрируешься на ощущениях, твой мозг преломляет их в привычные, знакомые формы. Это всего лишь попытка соединить одновременно свет, звук и прикосновение. Кстати, а как насчет запаха? Иногда мне кажется, что пахнет какой-то дрянью. Думаю, что опыты на собаках позволили бы вызвать к жизни и самые разнообразные запахи. Мне очень хочется испробовать все это на животных. Я люблю смотреть, какое впечатление производит мое изобретение на других.

В задумчивости он провел рукой по кнопкам

на коробочке.

— Изредка я думал, что если изучить возможности этой штуки до конца, то можно создавать на ней симфонии нового типа; можно делать то, чего не сделаешь просто со звуком или просто со светом. Но боюсь, я не способен сделать это.

Байрон раздраженно прервал его:

— Я хочу задать тебе один вопрос.

— Сколько угодно.

— Почему ты не хочешь использовать свои научные дарования в целях всеобщего блага? А вместо этого...

— Играю в детские игры? Не знаю. Может быть, мои увлечения не так уж бесполезны. Но то, что они противозаконны, это факт.

— Противозаконны? Что именно?

— Визисонор. Приборы для слежки за шпионами — тоже.

Если бы Тираны узнали о них, это явилось бы для меня смертным приговором.

— Ты, наверное, шутишь?

— Вовсе нет. Видно, что ты вырос в провинции. Молодежь не может помнить того, что было давным-давно. — Внезапно он скосил глаза в сторону Байрона. — Ты против Тиранов? Говори смело! Ведь я открылся тебе и рассказал Артемиде о

твоем отце.

— Да, против, — тихо сказал Байрон.

— Почему?

— Они — пришельцы, завоеватели! По какому праву они командуют на Нефелосе и Родии?!

— Ты всегда так думал?

Байрон не ответил.

Джилберт вздохнул:

— Другими словами, ты решил, что они — пришельцы и завоеватели, но только после того, как они казнили твоего отца, причем согласно закону. Нет-нет, лучше не вспыхивай, а рассуди сам! Поверь мне, я на твоей стороне... Но смотри! Твой отец был Господином. Какие права были у его скотников? Ведь в случае, если двое из них поспорили вплоть до драки, он мог посадить в тюрьму обоих. Кем был твой отец для своих подданных? ОН был их ТИРАНОМ! В своих — да и моих — глазах твой отец был патриотом. Но что из того? Для Тиранов он был всего лишь заговорщиком, и они убили его. Надеюсь, ты не против самозащиты? В свое время Хенриады пролили немало крови. Читай историю, мой юный друг! Любое правительство убивает своих подданных, и это в порядке вещей. Поэтому для своей ненависти к Тирании избери повод получше. Как только

это произойдет, ты станешь свободен.

Байрон сжал кулаки.

— Твоя философия чрезвычайно интересна. Но мне сложно ее понять. Интересно, что бы ты сказал, если бы казнили твоего отца?

— А ты что, ничего не знаешь? Мой отец был Правителем перед Хенриком, и его убили. Только не физически, а морально. Они убили его волю, его дух, и то же самое сделали сейчас с Хенриком. Им не хотелось, чтобы после смерти отца Правителем стал я; я был для них слишком непредсказуемым. С Хенриком дело обстоит проще. Но все же недостаточно просто. Они убивали его постепенно, превращая в послушную марионетку. Ведь ты видел его! Он изо дня в день становится все хуже. Его постоянное состояние — маниакально-депрессивный психоз. Но не поэтому я хочу разрушить Тиранийскую систему! Отнюдь!..

— Что? — спросил Байрон. — У тебя есть другие причины?

— Да, и довольно обоснованные. Тиранийцы нарушили права более чем двадцати биллионов людей, что составляет большую часть человеческой расы. Ты учился в школе. Там ты изучал экономический цикл. Как только происходит

освоение новой планеты, она сразу же сталкивается с проблемой, как накормить себя. Она становится сельскохозяйственной державой, миром скотоводства. По мере развития, когда производится достаточно много продукции, излишки экспортируются и взамен приобретаются оборудование и станки. Это уже второй шаг. Потом, с ростом населения и иностранных инвестиций, начинает строиться промышленная, индустриальная цивилизация, что является третьим шагом. Происходит автоматизация всех процессов, ввоз продуктов питания, вывоз продуктов машиностроения, участие в развитии других более примитивных миров, и так далее. Это четвертый шаг. Развитые миры всегда быстро становятся густо заселенными; они укрепляют свою военную мощь, поскольку война — это поле деятельности машин, и они всегда окружают себя сельскохозяйственными мирами. Что же произошло с нами? Мы находились на третьей ступени; у нас развивалась промышленность. А сейчас? Этот рост полностью остановлен; более того — повернут вспять. Происходит это потому, что Тирания жестко контролирует наше развитие. Чем меньше они позволяют нам действовать, тем беспомощнее мы становимся. Кроме того,

если уж мы достаточно развиты в промышленном отношении, мы можем развивать и военную промышленность. Поэтому индустриализация приостановлена; исследовательская работа заморожена. И, поскольку люди быстро привыкают к реальности, они уже даже не пытаются что-либо изобретать! Поэтому ты и удивился, когда я показывал тебе действие визисонора. Конечно, когда-нибудь мы одолеем Тиранию. Это неизбежно. Они не могут править вечно и становятся вялыми и ленивыми. Со временем они утратят многие традиции, их съест коррупция. Но понадобятся столетия, потому что история не терпит спешки. А когда эти столетия пройдут, мы все еще будем сельскохозяйственной державой, не имеющей промышленных или научных достижений, в то время как наши соседи, избежавшие контроля Тирании, будут сильными и урбанизированными. Поэтому Королевства по сути навсегда останутся колониями. Они никогда не смогут выкарабкаться, и все мы будем только зрителями в великом театре человеческих свершений.

— Кое-что из того, что ты говорил, мне известно, — сказал Байрон.

— Это естественно, если учесть, что ты получил образование не здесь, а на Земле. Земля необык-

новенно развита в социальном отношении.

— Разве?

— Конечно! Вся Галактика пребывает в постоянном состоянии экспансии со времен первых известных нам межзвездных путешествий. Мы уже были развивающимся, а потому — незрелым обществом. Очевидно, что человечество достигает зрелости только в одном месте и только однажды, и это случилось на Земле непосредственно перед ее катастрофой. Население Земли находилось в безопасности от географической экспансии и поэтому столкнулось с такими проблемами, как перенаселенность, истощение ресурсов и так далее; эти проблемы никогда не стояли перед другими планетами Галактики. Они форсировали изучение общественных наук. Мы упустили в этом плане многое, и нам есть о чем жалеть, потому что эти науки — прелестная штука. Хенрик в молодости был великим примитивистом. У него была уникальная, самая обширная в Галактике библиотека о земных явлениях. Став Правителем, он выбросил ее за борт, как и многое другое. Однако мне удалось сохранить часть ее. Земная литература — уцелевшие ее фрагменты — удивительна. Она чрезвычайно интроспективна, чего нет в нашей экстравертной

галактической цивилизации. Это ВОСХИЩАЕТ меня больше всего.

— Ты утешил меня, — улыбнулся Байрон. — Ты так долго был серьезным, что я начал бояться, не утратил ли ты своего чувства юмора.

Джилберт пожал плечами:

— Я расслабляюсь, и это прекрасно. Кажется, это происходит со мной впервые за много месяцев. Знаешь ли ты, что такое — все время играть роль? Скрывать свою личностную сущность двадцать четыре часа в сутки? Даже с друзьями? Даже наедине с самим собой не забывать о необходимости притворяться? Выглядеть безобидным чудаком? А ведь жизнь можно спасти только если живешь так, как живу я. Но я все равно могу бороться с ними.

Он поднял глаза, и его голос торжествующе зазвучал в маленькой лаборатории.

— Ты умеешь управлять космическим кораблем. Я этого не умею. Разве это не странно? Ты рассуждаешь о моих научных способностях, а я не умею управлять простейшим космическим одноместным кораблем. Но ты умеешь это делать, и из этого вытекает, что ты должен покинуть Родию.

Вывод был совершенно безошибочным, но Байрон не подал виду. Он холодно спросил:

— Почему?

— Как я уже говорил, мы с Артемидой беседовали о тебе и предусмотрели такую возможность. Когда выйдешь отсюда, иди прямо в ее комнату. Она ждет тебя. Я начертил план, так что тебе не придется расспрашивать, как пройти через переходы. — Он пододвинул к Байрону маленькую металлическую пластинку. — Если тебя кто-нибудь остановит, скажи, что тебя вызывают к Правителю, и проходи дальше. Не переживай, что твои слова могут показаться кому-то неубедительными...

— Постой! — Байрон не хотел влипать в детективную историю еще раз. Хватит с него Джоунти, уговорившего сесть в космический корабль, и Представителя Тирании, отгадавшего все его тайны раньше, чем он успел их рассказать. Ему надоело быть игрушкой в чужих руках. Довольно! Они могли ограничить его в действиях, но не в желаниях. Он слишком упрям для них.

— Я здесь по очень важному для меня делу, сэр. И не собираюсь покидать Родию.

— Не будь молодым идиотом! — В голосе Джилберта прозвучали гневные нотки. — Кого ты хочешь провести? Думаешь, ты сможешь покинуть Дворец, если дождешься восхода солнца?

Тиранийцы свяжутся с Хенриком, и он заточит тебя в тюрьму. Он только и делает, что ждет их приказа, потому что самая страшная работа для него — это решать самому, как поступить. Он — мой кузен, и я хорошо знаю его, поверь...

— А если даже и так, что тебе до этого? Почему ты так заботишься обо мне? — Байрон отбросил всякую вежливость. Он не будет больше марионеткой в чужих руках!

Джилберт, вставая с места, произнес:

— Я хочу, чтобы ты взял меня с собой. Я забочусь исключительно о самом себе. Я больше не могу жить под игом Тирании. Если бы Артемида или я умели управлять космическим кораблем, мы бы уже давно сбежали отсюда. У нас нет еще одной жизни в запасе, и мы не собираемся доживать свой век на Родии!

Байрон несколько поколебался в своей уверенности:

— Дочь Правителя! А она тут при чем?

— Уверен, что она наиболее отчаянная из всех нас. Для женщин существует особая смерть. Кто может сделать так, что дочь Правителя — молодая, независимая и незамужняя — станет молодой, зависимой и замужней? Кто этот счастливчик? Это старый, мерзкий тиранийский

придворный, который уже угробил трех жен и желает погасить огонь юности в груди еще одной милой девушки.

— Правитель не допустит этого!

— Правитель допустит все, что угодно, лишь бы не лишиться своего звания.

Байрон вспомнил Артемиду, их последнюю встречу. Прекрасные густые волосы, нежная чистая кожа, черные глаза, алые губы! Высокая, веселая, юная! Эти слова подошли бы к миллионам девушек в Галактике. Но ожидавшая ее участь... Ужасно!

— А здесь есть исправный космический корабль?

Лицо Джилберта озарила улыбка. Но, еще до того, как он успел что-либо сказать, послышался стук в дверь. Он повторился, и Джилберт сказал:

— Лучше открой дверь.

Байрон выполнил просьбу. В комнату вошли два охранника. Один из них отдал честь Джилберту и повернулся к Байрону.

— Байрон Фаррилл, от имени Представителя Тирании и Правителя Родии я арестую тебя.

— По какому обвинению?

— По обвинению в измене.

Джилберт смотрел в сторону. Выражение его

лица изменилось:

— На этот раз Хенрик поспешил; он действовал быстрее, чем я ожидал. Восхитительная мысль!

Он вновь играл свою роль, старина Джилберт.

— Следуй за мной, — сказал охранник, а другой подтолкнул Байрона в спину станнером.

Глава 8. ЖЕНСКИЕ ЮБКИ...

В горле у Байрона пересохло. Если бы он попытался вступить в драку, вооруженные охранники легко одолели бы его. Он знал это и не стал испытывать судьбу. Не оставалось другого выхода, кроме как подчиниться.

Но Джилберт сказал:

— Позвольте ему прихватить с собой пальто, господа.

Байрон бросил удивленный взгляд на маленького человечка. Ведь у него не было пальто!

Охранник сделал жест, который можно было истолковать как разрешение, и направил на Байрона станнер:

— Ты слышал, что сказал милорд? Быстро бери пальто и идем!

Байрон медленно, как только мог, отступил назад. Он подошел к книжной полке и стал шарить рукой по стулу в поисках несуществующего пальто. Он ждал какого-нибудь сигнала от Джилберта.

Охранникам не виден был визисонор. Поэтому они также не заметили, как Джилберт нажал одну из кнопок. Байрон мысленно умолял аппарат

включиться. Когда же он наконец заработает?

Охранник насмешливо спросил:

— Твое пальто что, валяется за стулом? Встать! — Он сделал шаг вперед и остановился. Его глаза округлились, и он скосил их куда-то влево.

Началось! Байрон рывком дернул за рукоять станнера в руке охранника, и страж, как тюфяк, повалился на пол, выпустив оружие. Второй охранник был все еще вооружен, но сейчас это не имело значения. Свободной рукой он размахивал перед своими глазами, как бы отгоняя что-то.

Джилберт рассмеялся:

— Тебя что-то беспокоит, Фаррилл?

— Ничего, кроме станнера в моей руке.

— Отлично! Тогда пошли. Они не смогут остановить тебя. Сейчас их мозг переполнен несуществующими звуками и образами.

Тело одного из охранников сотрясалось в конвульсиях; казалось, наступает агония.

— Осторожней, — предупредил Джилберт.

Второй охранник, сделав внезапный выпад, свалил юношу на пол. Это была атака вслепую. Вряд ли он видел Байрона в этот момент. Его пустые глаза не выражали никаких эмоций. Он хрипло дышал Байрону прямо в ухо; юноша бры-

кался, пытаясь высвободиться, но у него ничего не получалось. Воспользоваться вновь обретенным оружием он тоже не мог. Внезапно охранник издал какое-то мычание, сквозь которое едва прослушивались слова:

— Я уничтожу вас всех!

Воздух наполнился запахом озона от луча станнера. Луч коснулся ноги Байрона. Юноше показалось, что он вступил в кипяток. Или что на ногу упала гранитная плита. Или ногу отрезало пилой. На самом деле с ногой физически ничего не произошло. Луч подействовал на нервные окончания, и они спровоцировали болевой эффект небывалой силы. Ничего другого луч не мог сделать.

Боль сковала все мышцы Байрона. Он даже не заметил, что схватка закончилась. Когда он смог открыть переполненные слезами глаза, то увидел, что охранник, прислонившись спиной к стене, хихикает, бормоча что-то себе под

нос. Первый охранник все еще лежал на спине, но сейчас его руки и ноги были вытянуты. Он молчал, но находился в сознании. Глазами он следил в воздухе за чем-то воображаемым, и его тело слегка вздрагивало. Из уголка рта стекала струйка слюны.

Байрон усилием воли заставил себя подняться. Он с трудом дополз до стены, опираясь на рукоять станнера. Прислонившись спиной, он направил луч на одного охранника, затем на другого. Они не оказали никакого сопротивления. Байрон оглянулся на Джилберта. Тот выключил свой визисонор и потирал рукой щеку.

— Спасибо, — прошептал юноша.

— Не теряй времени! Беги к Артемиде! Скорее!..

Байрон понял, что тот прав. Его нога нестерпимо болела, но промедление грозило гибелью. Он поправил носок, перевязал шнурки на ботинках. Один станнер у него уже был, но он вспомнил про второй и прихватил его тоже.

Подойдя к двери, он остановился и задал Джилберту мучивший его вопрос:

— Что ты дал им увидеть?

— Не знаю. Я не могу это контролировать. Я только вложил в прибор все свои силы, а осталь-

ное добавили их внутренние комплексы. Не теряй времени на болтовню! Ты не потерял схему, как добраться до комнаты Артемиды?

Байрон отрицательно покачал головой и выскочил в коридор. Там было пусто. Он не мог передвигаться быстро, поэтому попытался изобразить, что просто вышел прогуляться.

Глянув на часы, он вспомнил, что не выставил их по местному родийскому времени. Они все еще показывали время, которым пользовались на борту космического корабля. При таком отсчете сто минут составляли час, а тысяча — день. Сейчас на них высвечивалось 876, и это ничего не значило на Родии.

Стены всегда имеют глаза и уши, и Байрон почувствовал это почти сразу же, как только вышел в коридор. Поэтому он торопливо сверился со схемой Джилберта и повернул вправо. Остановившись у двери в конце коридора, он коснулся рукой фотоэлемента. Дверь распахнулась.

— Входите, молодой человек.

Это была Артемида. Байрон скользнул в комнату, и дверь закрылась. Он, ничего не говоря, смотрел на девушку. Странно, подумал Байрон, но наибольшее значение для меня имеет сейчас то, что на мне несвежая и подранная у плеча

рубашка, а на лице, должно быть, видна свежая ссадина.

Кроме того, ему захотелось немедленно вычистить ботинки.

Она подвела его к креслу, усадила и взволнованно спросила:

— Что случилось? Что с твоей ногой?

— Поранился, — коротко ответил он. — Ты готова бежать?

Она просияла.

— Значит, ты берешь нас с собой?

Но Байрон еще и сам не знал, как ему поступить. Его нога ужасно саднила, и он украдкой потирал голень рукой.

— Как добраться до корабля? — спросил он. — Я намерен как можно скорее покинуть эту чертову планету. Если хочешь следовать за мной, могу прихватить тебя за компанию.

Она вспыхнула:

— Ты мог бы быть и повежливее. Ты с кем-то дрался?

— Да. С охраной твоего отца, намеревавшейся арестовать меня. Они забыли о моих священных правах.

— О! Извини.

— И ты извини меня. Ничего нет странного в

том, что Тираны более пятидесяти лет помыкают нами. Ведь мы сами охотно помогаем им в этом. Люди, подобные твоему отцу, пойдут на все, лишь бы удержаться у власти; они даже готовы забыть кодекс чести джентльмена! Впрочем, какая разница?

— Я уже попросила прощения, Господин. — Она надменно произнесла этот титул. — Но, пожалуйста, не считай, что ты вправе осуждать моего отца. Ты слишком мало о нем знаешь.

— Я не хочу обсуждать это. Нам нужно спешить, пока не подоспела стража. Ладно, я не хотел оскорбить твои чувства. Все в порядке. — Байрон не вполне владел собой, но, черт возьми, в него не каждый день стреляли из станнера, и ему это решительно не понравилось. И потом, они покушались на его свободу! Разве этого мало?

Артемида разозлилась. Не на отца, конечно, а на этого глупого молодого человека. Что он возомнил о себе? Он слишком молод, почти ребенок, вряд ли старше ее, как ей показалось; и вообще...

Раздался звук коммуникатора, и она торопливо сказала:

— Пожалуйста, подождите минутку, и мы пойдем.

Это был голос Джилберта. В нем звучал страх.

— Арта! В твоем крыле все в порядке?

— Он здесь, — ответила Артемида.

— Отлично! Ничего не говори, только слушай. Не выходите из комнаты. Его ищут по всему Дворцу, и он может попасться им в лапы. Я попытаюсь что-нибудь придумать, но, ради бога, не двигайтесь с места!

Он не стал ждать ответа и прервал связь.

— Значит, так, — сказал Байрон, который все слышал. — Что прикажешь делать — оставаться и, возможно, навлечь на тебя беду, или испытать судьбу и попытаться выбраться отсюда?

— Ох, да замолчи же, идиот!

Они замерли, глядя в лицо друг другу. Гнев застилал Байрону глаза. Черт побери, он пытается ей помочь, а она позволяет себе так с ним разговаривать!

Она не выдержала первая и, отведя глаза в сторону, прошептала:

— Извини.

— Все в порядке, — холодно ответил он. — Ты только высказала свое мнение.

— Ты не должен был так говорить о моем отце. Ты ведь не знаешь, что такое — быть Правителем. Он служит на благо людей, что бы ты о нем ни думал!

— Ну, конечно же! Он хочет выдать меня Тирании именно на благо людей. Весь смысл именно в этом.

— В некотором роде это так. Он должен подтвердить им свою лояльность. Иначе они могут сместить его и упразднить эту форму правления на Родии. Что же лучше?

— Если дворянин забывает о чести...

— Не думай только о себе. В этом твоя ошибка.

— Мне не кажется, что я не прав, когда не хочу умирать. И я предпочитаю сопротивляться, прежде чем умру. Мой отец боролся! — Он понимал, что ситуация становится мелодраматичной, но эта девчонка словно провоцировала его.

— И чем это помогло твоему отцу? — с издевкой спросила она.

— Ничем. Он был убит.

Артемиде стало стыдно.

— Мне очень жаль. — И добавила, как бы обороняясь: — У меня ведь тоже есть проблемы, как ты знаешь.

Байрон опомнился.

— Я знаю. Ладно, ну его все ко всем чертям!

Ноге его стало несколько легче, и Байрон слабо улыбнулся.

Артемида попыталась изменить тему:

— Знаешь, а НА САМОМ ДЕЛЕ ты не урод!

Байрон глупо улыбнулся:

— Ну, если...

Внезапно Артемида рукой зажала ему рот. Они замерли, глядя в сторону двери.

Снаружи, в коридоре, раздался топот множества ног. Затем топот прекратился, и в дверь позвонили.

* * *

Джилберт работал быстро. Сперва он спрятал свой визисонор. Затем вызвал капитана охраны. Он продемонстрировал ему двух лежащих охранников и поведал о том, что арестованный сбежал.

Капитана это огорошило. Попытавшись привести своих подчиненных в чувство, он обратился к Джилберту:

— Мой господин, я не совсем понял из твоих слов, что же произошло.

— То, что ты видишь, — ответил Джилберт. — Они пришли арестовать его, а он не подчинился. И теперь он убежал, а я не знаю — куда.

— Одна деталь, мой господин, — настаивал капитан. — Дворец хорошо охраняется, и я уверен, что он не сможет выскользнуть из него. Но

как ему удалось справиться с охранниками?! Ведь мои люди были вооружены! Он же был безоружен.

— Он сражался, как тигр. Из моего укрытия, из-за вон того стула...

— Мне очень жаль, мой господин, что все это произошло у тебя на глазах... Но почему ты не попытался помочь им?

— Прелестная мысль, капитан! Если твои вооруженные до зубов головорезы нуждаются в помощи такого старика, как я, то, кажется, пришло время заменить тебя кем-нибудь другим.

— Отлично! Мы обыщем весь Дворец, найдем его и посмотрим, сможет ли он повторить проделанное.

— Хотелось бы сопровождать вас, капитан.

Капитан удивленно приподнял брови:

— Я бы не советовал моему господину этого делать. Это опасно.

Хенриадов не стоило бы предупреждать от этом. Но Джилберт лишь улыбнулся:

— Я знаю, но иногда даже опасность бывает восхитительна.

Солдаты приступили к поискам через пять минут. Джилберту хватило этого времени, чтобы позвонить Артемиде.

Услышав сигнал, Байрон и Артемида похолодели. Он повторился, потом в двери постучали, и они услышали голос Джилберта:

— Давайте я попробую, капитан, — и громко, настойчиво: — Артемида!

Байрон сделал шаг вперед, но девушка жестом приказала ему молчать. Она отозвалась:

— Минутку, дядя Джил, — и нажала кнопку, утопленную в стене.

Байрон в растерянности следил за ее действиями. Одними губами девушка прошептала:

— Сюда! — И ее руки стали быстро расстегивать застежки на платье. Байрон не мог отвести глаз от нее. Застежки наконец расстегнулись, и платье скользнуло к ногам Артемиды. Она схватила другое платье, подтолкнула его рукой в гардеробную, сама выскочила оттуда и закрыла за собой дверь.

Байрон оказался в кромешной темноте. Ни одного лучика не пробивалось из-под дверного проема. В воздухе пахло духами. Он нащупал рукой стопку юбок и спрятался за ними. С помощью Джилберта он одолел двух стражников, но здесь ему оставалось только лишь прятаться под юбками. Под женскими юбками.

Ему захотелось стать сейчас невидимым и оказаться в комнате рядом с этой девчонкой. От-

чаянная дама и, что самое приятное, совершенно не похожа на своего отца.

Сейчас ему оставалось только ждать, спрятавшись за стеной; ждать звука шагов в комнате, ждать включения двери, ждать встречи с врагами. Да, теперь визисонор бессилен помочь ему!

Он ждал, сжимая по станнеру в каждой руке.

Глава 9. ...И МУЖСКИЕ БРЮКИ

— В чем дело? — Удивление Артемиды было почти непритворным. Она обращалась к Джилберту, стоящему в дверях рядом с капитаном охраны. Позади них маячили полуодетые люди. Она быстро спросила:

— Что-нибудь случилось с отцом?

— Нет-нет, — успокоил ее Джилберт, — не произошло ничего, из-за чего стоило бы беспокоиться. Ты спала?

— Конечно! И вся моя прислуга тоже давно спит. Вы напугали меня до полусмерти!

Внезапно она повернулась к капитану, и в ее голосе зазвучал гнев:

— Что от меня хотят, капитан? Пожалуйста, выясните ваши проблемы поскорее! Сейчас не время для подобных вторжений.

Джилберт не дал никому раскрыть рта:

— Произошла восхитительная вещь, Артемида! Молодой человек — как там его зовут?.. Ну, ты меня поняла — сбежал, снеся две головы на своем пути. Сейчас мы как раз охотимся на него. И я, как верный пес, помогаю капитану в этом нелегком деле.

Артемида усилием воли заставила себя сдержать улыбку.

Губы капитана задрожали, и он прервал речь Джилберта:

— Позвольте заметить, мой господин, что насмешки сейчас неуместны. Госпожа, человек, именующий себя сыном экс-Господина Вайдемоса, был арестован за измену. Он сумел скрыться из-под стражи. Сейчас мы обыскиваем Дворец. Комната за комнатой...

Артемида, отступив назад, возмущенно спросила:

— Включая и мою комнату?!

— Если Госпожа не возражает...

— Госпожа возражает. Если бы в моей комнате находился посторонний мужчина, я бы знала об этом. А подозрения, что я могла укрывать у себя подобного человека, в высшей степени бестактны. Взгляните на это с моей стороны, капитан!

Это отлично сработало. Капитан только смог выдавить из себя:

— У нас нет ни малейших подозрений в отношении вас, моя Госпожа. Приношу свои извинения за беспокойство в столь поздний час. Но это необходимо в целях вашей же безопасности. Он очень опасен.

— Надеюсь, не настолько опасен, чтобы улизнуть от вас, капитан.

В разговор вновь вмешался Джилберт.

— Капитан, хочу предложить выставить охрану у двери госпожи Артемиды, чтобы ничто не могло потревожить ее сон. И тогда, моя дорогая, — он поцеловал кончики пальцев племянницы, — вы простите нас.

— Будет достаточно, — холодно возразила Артемида, — просто запереть и заблокировать мою дверь.

— Ты не права, Артемида. Ты недооцениваешь наших доблестных стражей. У них отличная форма. Она понравится тебе, когда один из солдат останется здесь, у двери.

— Мой господин, — нетерпеливо перебил капитан, — у нас мало времени. Сейчас неуместно шутить.

В ответ на его жест один из солдат козырнул Артемиде и занял порученный ему пост в коридоре. Вскоре в обоих направлениях по коридору зазвучали удаляющиеся шаги.

Артемида выждала немного, потом приоткрыла дверь на пару дюймов. Страж был здесь. Он стоял, слегка расставив ноги, откинувшись назад, с оружием в правой руке, держа левую руку на

спусковой кнопке. Он был высоким и сильным. Высоким, как Байрон с Вайдемоса, но менее широким в плечах.

Ее приятно удивило вдруг, что Байрон — молодой и неразумный в своих взглядах на вещи — был более мускулистым и сильным. С ее стороны глупо сердить Байрона; вдобавок на него очень приятно смотреть.

Она прикрыла дверь и потихоньку направилась в гардеробную.

Байрон услышал шум отворяемой двери. Он затаил дыхание, а его пальцы крепче стиснули оружие.

Артемида уставилась на станнеры:

— ОСТОРОЖНЕЙ!

Он шумно выдохнул и спрятал станнеры в карманы. Это было не самое удобное место, но ничего лучшего он придумать не смог.

— Это на случай, если кто-нибудь обнаружит меня, — сказал он.

— Выходи. И говори шепотом.

Она была в ночной рубашке, сквозь которую мерцала, просвечиваясь, ее прекрасная кожа. Ничего более привлекательного и совершенного, чем фигура Артемиды, Байрону видеть не приходилось. Он чувствовал, что непроизвольно

краснеет.

Выждав минуту, Артемида нетерпеливо спросила:

— О чем ты думаешь?

Байрон растерянно посмотрел на нее:

— Что? Ой, прости...

Он повернулся к ней спиной и стал внимательно изучать маленькую трещинку в стене. Ему не приходило в голову задуматься, почему она не переоделась перед тем, как вошла к нему. Подобные глубины женской психологии, требовавшие глубокого анализа, были ему неведомы.

Когда он повернулся, она уже облачилась в черный костюм-двойку, юбка которого не прикрывала колени. Это произвело на Байрона еще более сильное впечатление, чем ее ночной наряд. Он автоматически спросил:

— Так мы идем?

Она покачала головой.

— Сперва ты должен кое-что сделать. Тебе необходимо переодеться. Стань за дверью, а я позову охранника.

— Какого охранника?

Она загадочно улыбнулась:

— Они оставили за дверью охранника. Это была идея дяди Джила.

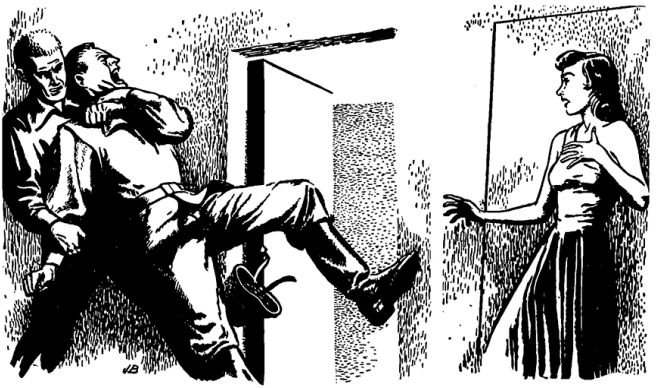
Дверь тихонько отворилась. Охранник был все еще на месте.

— Эй, солдат! — прошептала она. — Входи, быстро!

Солдат не колеблясь исполнил распоряжение дочери Правителя. Он вошел в комнату с уважительным: «К вашим услугам, моя го…» — но тут внезапно что-то тяжелое обрушилось ему на плечи, колени у него подогнулись, а остаток фразы застрял в горле, вбитый туда резким ударом кулака.

Артемида торопливо закрыла дверь и смотрела на схватку с чувством, близким к тошноте. Жизнь во Дворце была спокойной, и раньше ей никогда не приходилось видеть лица, залитого кровью и искаженного удушьем. Она в ужасе отвернулась.

Байрон, оскалив зубы от напряжения, железной хваткой сжал противника за горло. Руки стражника ослабели, ноги тщетно пинали воздух. Не разжимая хватки, Байрон приподнял его. Наконец руки и ноги стражника повисли неподвижно, конвульсивные и бесполезные движения груди почти прекратились. Байрон осторожно опустил его на пол. Стражник безжизненно растянулся, как пустой мешок.



— Он мертв? — испуганно прошептала Артемида.

— Думаю, что нет. Но некоторое время он не сможет прийти в сознание. У тебя найдется, чем связать его?

Она лишь беспомощно покачала головой.

Байрон подсказал ей:

— У тебя должны быть чулки. Они бы подошли. — Он уже обезоружил охранника и снял с него

одежду. — И потом, мне бы хотелось умыться. Я обязательно должен это сделать.

Обстановка ванной комнаты Артемиды умиротворяюще подействовала на Фаррилла. В воздухе витал запах хорошего мыла и духов. Он вымылся под душем и высушился «воздушным полотенцем». У него не было ничего подобного ни на Вайдемосе, ни на Земле.

Мундир стражника оказался ему тесноват. Не понравилось Байрону и ощущение от уродливой конической шапки на голове. Он с отвращением взглянул на свое отражение.

— Как я выгляжу?

— Как солдат, — ответила Артемида.

— Тебе придется взять один из этих станнеров. Я не могу нести три.

Она осторожно взяла хлыст двумя пальцами и опустила в сумку, свисавшую с ее широкого пояса и поддерживаемую микрополем, так что руки у нее оставались свободными.

— Сейчас нам лучше идти. Не говори ни слова, если мы встретим кого-нибудь, и предоставь все разговоры мне. Твой акцент легко выдаст тебя. Помни! Ты — простой солдат.

Охранник на полу слегка пошевеливался и приоткрыл глаза. Он был крепко связан.

Переступив через него, Артемида позвала Байрона.

— Сюда!

Внезапно за спиной юноши что-то прошелестело, и легкая рука коснулась его плеча. Он резко обернулся, свободной рукой выхватил из кармана оружие.

Но это был Джилберт, который сказал:

— Эй, полегче!

Байрон опустил станнер.

— Я ждал вас, но это не значит, что ты можешь переломать мне все кости. Дай лучше рассмотреть тебя, Фаррилл. Форма сидит на тебе как влитая; и в ней ты — просто солдат, как и любой другой солдат в форме.

— Дядя Джил, — прошептала Артемида, — не говори так много! Где остальные охранники?

— Обшаривают башню. Они решили, что раз нашего друга нет на низших уровнях, следует искать его на самом верху. Система оповещения отключена, и мы беспрепятственно сможем миновать ее.

— Они не хватятся вас, сэр? — спросил Байрон.

— Меня? Ха! Капитан просто мечтал о моменте, когда я лишу его своего общества. Я уверен, они не станут искать меня.

Они говорили шепотом, но вдруг резко умолкли. Вдали показались три охранника. Они вышли из-за двери, ведущей наружу.

Джилберт окликнул их:

— Известно что-нибудь о беглеце?

— Нет, мой господин, — сказал один из них, отдавая честь.

— Ладно, держите глаза открытыми и не прозевайте его, — и наши друзья прошествовали прямиком в дверь, откуда только что вышли солдаты.

Снаружи была ночь. На небе сияли звезды, тусклое рваное пятно туманности закрывало искры света на горизонте. Центральный Дворец остался позади, вздымаясь черной глыбой, а в полумиле виднелась Полевая Башня.

Они не прошли и пяти минут, как вдруг Джилберт остановился.

— Что-то здесь не так, — бросил он.

— Дядя Джил, — спросила Артемида, — ты не забыл подготовить корабль?

— Конечно, нет, — выпалил он, если только можно выпалить шепотом. — Но почему освещена Полевая Башня? Она должна быть темной.

Он указал в сторону деревьев, за которыми белым светом сияла башня, которая использо-

валась для взлетов и посадок всех космических кораблей.

— Сегодня ночью ничего такого не ожидалось, — пробормотал Джилберт. — Это странно...

Они увидели ответ на свой вопрос почти сразу же. Джилберт остановился и резким движением руки задержал своих спутников.

— Все пропало, — истерически хихикнул он. — Вот оно и пришло — то, чего так боялся идиот Хенрик! Они здесь! Тиранийцы! Понятно? Это вооруженный корабль Аратапа.

Байрон тоже увидел корабль, явственно выделяющийся на фоне неосвещенных судов. Он был легче, изящнее и тоньше, чем корабли Родии.

Джилберт сказал:

— Капитан ГОВОРИЛ, что «персоны» прибудут сегодня, но я не обратил на это внимания. Теперь мы ничего не сможем сделать. Нам не одолеть Тиранийцев.

Внезапно Байрона охватило раздражение:

— Это почему же? Почему мы не одолеем их?! Они не ждут нас, а мы к тому же хорошо вооружены. Так давайте захватим собственный корабль Представителя Тирании, а его самого оставим со спущенными штанами.

Он двинулся вперед, прячась в тени деревьев.

Остальные последовали за ним. Им не было необходимости прятаться, и они скоро это поняли. Выпрямившись, все трое двинулись в направлении башни; два члена королевской династии и эскортирующий их солдат.

Им предстояло сражение с Тиранийцами.

Саймок Аратап был потрясен, когда год назад увидел Главный Дворец на Родии. Сейчас, конечно, от былого восхищения остались лишь воспоминания; и все казалось слишком древним. Двумя поколениями ранее на эти земли высадились первые поселенцы, и теперь здесь располагалось большинство родийских административных зданий. В самом сердце планеты был построен Центральный Дворец.

Раз в году в нем собирались члены Исполнительного Совета (Хан не возражал против существования таких скромных форм демократии) и утверждали все серьезные решения за последние двенадцать месяцев. Собственно говоря, Совет был постоянно действующим органом, но так уж сложилось, что большинство его членов одиннадцать месяцев в году забывали о своих обязанностях. А те, кто заседал в Совете постоянно, хорошо осознавали свою зависимость от Правителя, и в еще большей степени — от

Тиранийцев.

Поэтому все величие дворца на поверку оказывалось чисто внешним. Там проживала семья Правителя, большой штат прислуги и незначительное количество охраны.

Аратапу было несколько неуютно. Уже поздно, он чертовски устал, его глаза болели, потому что он долго не снимал контактные линзы, и, кроме того, он был сбит с толку.

Вполуха прислушиваясь к разговору Правителя с майором охраны, он отстраненно поинтересовался:

— Сын Вайдемоса? Любопытно! Итак, вы арестовали его? Очень верное решение.

Вайдемос был предателем, а его сын попытался встретиться с Правителем Родии. Сперва он хотел сделать это тайно, но, когда его планы провалились, он рискнул открыться. Должно же это иметь какой-нибудь смысл?!

Но почему Хенрик мечтает немедленно избавиться от мальчишки?! Или Аратап еще не проанализировал всех фактов?

Он попытался вновь сосредоточиться на том, что говорит Правитель. Хенрик начал повторяться. Нет, он все-таки крайне несимпатичен, даже если принять во внимание его преданность

Тирании. Его лояльностью движет только страх. Страх, и ничего более.

Вот Вайдемос — тот не боялся и бунтовал против тиранийских законов. А Хенрик боится, и в этом их разница.

Вслух же Аратап сказал:

— Прекрасно. Я доволен вашей службой и доложу обо всем Хану. Он будет рад услышать это.

Хенрик просиял от удовольствия.

— Доставьте же вашего петушка сюда, и мы послушаем, что он запоет. — Слова сопровождались громким зевком. Ему было совершенно неинтересно, что может спеть «петушок».

Хенрик собрался вызвать по телефону капитана охраны, но в этом не было необходимости, потому что капитан сам возник перед ним. Стоя в дверном проеме, он воскликнул:

— Ваше Превосходительство, заключенный скрылся!

В душе Аратапа шевельнулся страх.

— Подробнее, капитан! — приказал он, выпрямившись на стуле.

Глотая слова, капитан объяснил, как все произошло. За-кончил он словами:

— Прошу разрешить мне, Ваше Превосходительство, объявить общую тревогу. Он может

улизнуть в любую минуту.

— Конечно, вне всяких сомнений, — воскликнул Хенрик, — вне всяких сомнений! Скорее, мой друг, скорее! Господин Представитель, я не мог предположить подобного поворота событий. Это недоразумение, сэр. Если вы сочтете нужным, я казню всех охранников. Всех!

Он повторял и повторял последнее слово, близкий к истерике. Но капитан не сдвинулся с места. Было очевидно, что он хочет сказать что-то еще.

— Чего вы ждете? — спросил Аратап.

— Могу ли я поговорить с Его Превосходительством наедине?

Хенрик бросил быстрый, испуганный взгляд на невозмутимого Аратапа.

— У нас, — выдавил он, — не должно быть секретов от солдат Хана, наших друзей...

— Говорите, капитан, — прервал его Аратап.

Отбросив минутные колебания, капитан произнес:

— Хочу сообщить, Ваше Превосходительство, что Госпожа Артемида и Господин Джилберт помогали арестованному бежать.

— Он попытался похитить их? — Хенрик вскочил на ноги. — И мои солдаты допустили это?

— Их никто не пытался похитить, Ваше Превос-

ходительство. Они помогали ему добровольно.

— Откуда вам это известно? — Аратап был удивлен, но удивлен приятно. Очень неплохой поворот событий!

— При проверке постов во дворце я обнаружил, что часовой, которого я поставил у дверей Госпожи Артемиды, убит. Она обманула меня, сказав, что спит. Когда обман обнаружился, было слишком поздно. Поэтому перед тем, как объявить сигнал тревоги, я хочу получить разрешение на арест членов королевской семьи.

Хенрик отсутствующим взглядом смотрел на него, не произнося ни слова.

Аратап сказал:

— Капитан, мне кажется, ваш Правитель нездоров. Было бы лучше, если бы вы пригласили его врача.

— Общая тревога! — повторил капитан.

— Не будет никакой общей тревоги, — резко бросил Аратап. — Вы меня поняли? Никакой общей тревоги! Никаких поисков арестованного! Инцидент исчерпан! Прикажите вашим людям возвращаться в казармы, а сами исполняйте свой долг по отношению к вашему господину. Идемте, майор.

Майор заговорил только после того, когда они

покинули Центральный Дворец.

— Аратап, — заявил он, — уверен, вы знаете, что делаете. Именно поэтому я предпочел ни во что не вмешиваться.

— Благодарю вас, майор, — Аратап полной грудью вдыхал ночной воздух, в котором так хорошо смешивались запахи зелени и земли. Тирания — более красивая планета, но она красива своими горами и скалами. Иногда ее пейзаж казался Аратапу суховатым.

Он продолжил:

— Хенрику это не помогло бы, майор Андрос. Он полезен, но нуждается в хорошем лечении.

— Тогда почему вы запретили объявить тревогу?

— Давайте на минутку присядем, Андрос, — Аратап остановился. — Вот как раз подходящая скамейка. Какое прекрасное местечко!.. Майор, зачем вам нужен юноша?

— А зачем мне нужен любой заговорщик и конспиратор?!

— Но, поймав нескольких птичек, вы оставите нетронутым само осиное гнездо. Что даст вам арест мальчишки, девчонки и старого олуха?

Рядом раздался звук, как будто что-то упало в воду. Что-то маленькое, но тяжелое. Странно,

подумал Аратап. Насколько ему было известно, никакой воды в той стороне не было. Может, это игра воображения?

— Если так, — тем временем отвечал майор, — то арест не даст ничего.

— Когда юноша прибыл сюда, мы связали его с Хенриком — и в этом была наша ошибка. Сейчас уже ясно, что дело вовсе не в Хенрике. Дело в его дочери и кузене.

— Почему этот болван капитан так долго не сообщал нам о случившемся?

— Потому что он глуп как пробка. Думаю, мальчишка готов убить каждого, кто приблизится к нему, а Джилберт мнит себя героем. Как ты думаешь, что они предпримут?

— Родия большая, — пожал плечами майор.

— Да, она большая для мальчишки Фаррилла, но как быть с двумя членами королевской семьи? Им не удастся остаться неузнанными. Особенно девушке.

— Тогда они, по-видимому, должны попытаться покинуть планету.

— Каким образом? До Дворцового поля им идти не более пятнадцати минут. Там они и должны быть сейчас. Это единственный вариант.

— НАШ КОРАБЛЬ? — спросил майор.

— Конечно. Тиранийский корабль идеально подошел бы для их целей. Фаррилл получил образование на Земле и, я уверен, сумеет управлять им.

— Я не могу поверить в это!

— И все же будет лучше, если мы сейчас уже установим контакт с судном. Вызывайте его!

Однако корабль не отвечал. Они попытались связаться со взлетной площадкой. Через мгновение им ответил тихий голос. На вопрос о корабле он растерянно пробормотал:

— Но... Я не понимаю... Это какая-то ошибка! Ваш пилот покинул планету десять минут назад!

— Видите? — рассмеялся Аратап. — Надо только подойти к факту логически, и вы все оцените правильно. Можете представить себе, каковы будут последствия?

Майор представлял. Он внезапно тоже засмеялся:

— Конечно!

— Они еще не знают этого, — продолжал Аратап, — но они себя погубили. Если бы они довольствовались самым неуклюжим и тихоходным родийским торговым кораблем, им несомненно удалось бы уйти и меня, как говорится, оставили бы сегодня ночью без штанов. Но сейчас штаны

на мне держатся крепко, а вот им, голубчикам, уже никто не поможет. И когда я накрою их — не раньше и не позже, чем будет выгодно *мне,* заметьте, — последние слова он подчеркнул с особым удовольствием, — в моих руках окажется вся тайная организация. — Он вздохнул и снова почувствовал, что становится скучно. — Что ж, нам повезло, и сейчас нет необходимости торопиться. Вызовите центральную базу. Пусть вышлют за нами другой корабль.

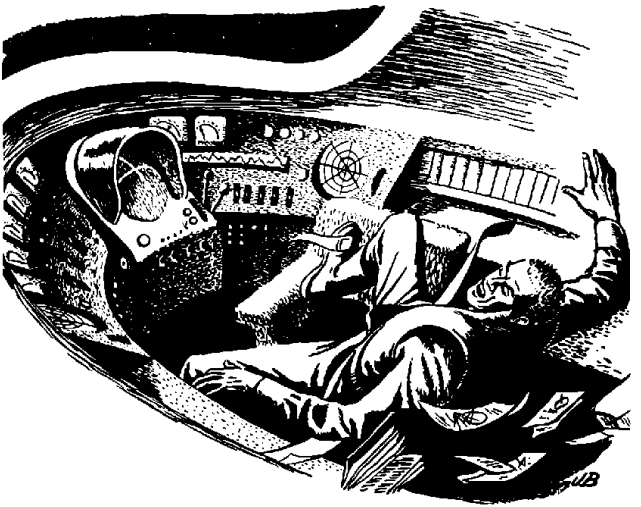
Глава 10. ВОЗМОЖНО!

Познания Байрона Фаррилла в космонавигации были скорее академического характера. В университете он прослушал специальный курс, из которого половину семестра они изучали теорию действия гиператомного мотора. Лекции им читали пилоты, и Байрону было известно многое из истории космических полетов. Но ведь всем также известно, что искусством управления космическим кораблем можно овладеть только в космосе, а не на студенческой скамье.

Поэтому юноше приходилось полагаться не на опыт, а на случай. «Беспощадный» был космическим кораблем совершенно нового типа. Байрону на Земле приходилось управлять несколькими космолетами, но все они были устарелых моделей, приспособленных исключительно для обучения студентов. Их механизмы вконец износились, а скорость прохождения сквозь слои атмосферы упала до предела.

«Беспощадный» же оторвался от планеты без всяких усилий: прыгнул вверх и со свистом пронесся через атмосферу, так что Байрон кувырком вылетел из кресла и чуть не вывихнул

себе плечо.



Артемида и Джилберт, которые с осторожностью новичков пристегнулись к сиденьям, отделались лишь синяками от натянутых ремней. Пленный тираниец лежал у стены, пытаясь развязать путы и монотонно ругаясь.

Байрон встал, пошатываясь, пинком заставил тиранийца замолкнуть и, придерживаясь за перила, пробрался вдоль стены к своему сиде-

нью. Действие носовых двигателей несколько уменьшило обороты ускорения и сделало его переносимым.

Они достигли верхних слоев родийской атмосферы. Небо здесь было темно-фиолетовым, а обшивка корабля накалилась настолько, что жар ощущался даже внутри.

Через пару часов Байрону удалось вывести судно на орбиту. Он никак не мог рассчитать скорость, необходимую для преодоления родийского притяжения. Он пытался манипулировать кнопками, наблюдая за показаниями массометра, показывающего изменение удаленности судна от поверхности планеты. Ему повезло — массометр был уже настроен на массу и радиус Родии. Самому Байрону никогда не удалось бы откалибровать его.

Но вот уже два часа, как показания массометра не менялись. Байрон решил, что необходимо несколько расслабиться. Спутники последовали его же примеру.

Артемида произнесла:

— Вы несколько неуклюжи, Господин Вайдемоса.

— Милая леди, — раздраженно ответил ей Байрон, — если вы считаете, что сделаете это лучше

— можете попытаться, но только после того, как я покину борт корабля.

— Спокойнее, спокойнее, — вмешался Джилберт. — Корабль — слишком неподходящий плацдарм для споров. И не стоит так официально называть друг друга. Я Джилберт, ты — Байрон, она Артемида. Думаю, нам лучше пользоваться при обращении друг к другу именно этими именами. А что касается управления кораблем, то хочу спросить: почему бы нам не воспользоваться услугами нашего тиранийского друга?

Тираниец бросил в его сторону свирепый взгляд, и Байрон сказал:

— Нет. Ему нельзя доверять. И потом, мне кажется, я сумею управлять этим кораблем. Ведь я еще не разбил его, верно?

Его плечи все еще болели от перегрузок; и боль, как обычно, вызывала в нем глухое раздражение.

— Тогда, — продолжил Джилберт, — что же мы сделаем с ним?

— Мне бы не хотелось убивать его, — ответил Байрон, — да это и не поможет нам. Убийство будет только на руку Тирании. Насильственная смерть одного из представителей этой чертовой расы — уже, с их точки зрения, непростительный

поступок.

— Но где же выбор?

— Нам придется высадить его.

— Отлично! Каким образом и где?

— На Родии.

— Что?

— Это единственное место, где они не рассчитывают нас найти. Кроме того, мы все равно скоро опустимся на планету.

— Почему?

— Посмотри, ведь это корабль Представителя, и он используется для кратковременных полетов. Он не приспособлен для длительных космических путешествий. Кроме того, отправляясь в долгий путь, не мешало бы запастись едой и водой.

Артемида согласно закивала:

— Он прав! Молодец! Мне это даже в голову не пришло. Очень разумно, Байрон!

Байрон сделал безразличный вид, но ему были весьма приятны ее слова. Она впервые обратилась к нему по имени. Когда она хочет, то может быть очень милой...

Джилберт перебил ее похвалы:

— Но он по рации сообщит о нашем местопребывании.

— Не думаю, — ответил Байрон. — На Родии наверняка есть незаселенные места. Мы же не собираемся высадить его в центре большого города или посреди одного из тиранийских гарнизонов. Кроме того, он и сам не настолько глуп, чтобы вступать в контакт со своими соотечественниками... Скажи, болван, что у вас происходит с солдатом, который позволяет бунтовщикам использовать корабль, принадлежащий одному из Представителей Хана, против него же самого?

Пленник не ответил, но побледнел и поджал губы. Байрон не хотел бы оказаться на месте этого солдата, хотя, откровенно говоря, его трудно было в чем-то винить. Вряд ли он мог ожидать нападения со стороны королевской семьи Родии. В соответствии с тиранийским военным уставом он должен был отказался пустить их на борт корабля без разрешения офицера. Даже если бы об этом попросил сам Правитель, сказал им солдат, он вынужден был бы отказать. Но они окружили его, и, когда он понял, что ему следовало еще точнее выполнять статьи устава, было уже поздно — станнер был у его груди.

Он и тогда не покорился. Пришлось выстрелить, чтобы угомонить. И несмотря на это стойкое сопротивление, ему как минимум грозил трибу-

нал и суровая кара. Никто в этом не сомневался, и меньше всех — сам солдат.

* * *

Двумя днями позже они приземлились на окраине поселка Саузвока. Они выбрали это место потому, что поселок находился вдали от густонаселенных районов планеты. Тиранийскому солдату предстояло преодолеть более пятидесяти миль до ближайшего крупного города.

Посадка на пустынном берегу прошла удачно, и Байрон в качестве пилота почувствовал себя более уверенно. Пора было думать об удовлетворении своих естественных потребностей, какими были голод и жажда. Раздобыть провизию в городе означало подвергать себя страшному риску, но выбора не оставалось.

Друзья понимали, что им нужна еда вполне определенного вида, которая являлась продуктом пищевой промышленности тиранийцев и предназначалась для длительных космических перелетов. Это были стандартные пищевые концентраты, содержащие строго выверенное количество калорий и минеральных веществ. По размеру они представляли собой одну двадцатую от веса пищи животного происхождения и храни-

лись в виде брикетов при низкой температуре.

Конечно, вкусовые качества концентрированной еды оставляли желать лучшего, но с этим приходилось мириться.

Артемида уже некоторое время пребывала в состоянии некоторой раздраженности и неустанно повторяла, что еда эта «омерзительна». Байрон понимал, что отнюдь не еда причина плохого настроения. Все дело было в нехватке пространства. Например, у них не было раздельных спален. Корабль был военным, поэтому удобства для пассажиров на нем не предусматривались. Артемиду тяготила невозможность уединиться, отсутствие умывальных принадлежностей, отсутствие зеркал, невозможность сменить наряд и так далее.

Что ж, ей придется мириться, подумал Байрон. Он и так достаточно делает для нее. Но почему она постоянно недовольна и так редко улыбается? У нее хорошая улыбка, глядя на нее, можно забыть о дурном характере девушки. Но этот характер — о, боже!..

Впрочем, стоит ли думать о ней так долго?

Ситуация с водой обстояла хуже. Тирания была безводной пустынной планетой, где вода являлась наградой и ее использовали только для утоления жажды, а не для водных процедур.

Тиранийцы не создали никаких способов концентрировать воду, чтобы она занимала меньший объем, а содержание воды в пищевых концентратах было крайне низким.

На корабле имелись устройства по переработке жидкости, теряемой телом, но Байрон, поняв принцип их действия, решил никогда не прибегать к их услугам. Химически здесь все было несложно, но оператору требовалось специальное образование.

В свободное время он знакомился с системой управления кораблем. Нажимая на пульте различные кнопки, он пытался проанализировать их действие, тщательно записывая свои выводы.

Однажды это его занятие прервал Джилберт.

Байрон через плечо взглянул на него:

— Надеюсь, Артемида в кабине?

— На судне нет другого места, где она могла бы быть.

— Когда увидишь ее, скажи, что отныне я намерен ночевать в кабине пилота, что советую сделать и тебе. Тогда другая кабина будет в полном ее распоряжении. — Он помолчал и добавил: — Надеюсь, это утешит ее.

— Ты не должен забывать, что она всегда вела совсем другую жизнь, — мягко укорил его

Джилберт.

— Отлично! Разумеется, я это прекрасно помню. Как ты думаешь, какой жизнью жил я? Я ведь тоже не родился на одном из необитаемых астероидов, как тебе известно! Между прочим, все детство я провел во Дворце Нефелоса! Так что не нужно драматизировать ситуацию. Что я могу поделать, если на корабле не предусмотрена ванная? Она дуется на меня так, будто я проектировал этот чертов корабль!

Этот взрыв предназначался не Джилберту. Просто Байрону необходим был выход эмоций.

Дверь распахнулась; на пороге стояла Артемида. Она холодно сказала:

— Будь я на вашем месте, мистер Фаррилл, я бы воздержалась от крика. Ваш голос слышен даже на самом дальнем уголке корабля.

— Это мало волнует меня, — ответил Байрон. — Если что-то на корабле не устраивает тебя, прошу помнить, что если бы твой дорогой папаша не пытался меня убить, а тебя выдать замуж, — мы никогда не оказались бы здесь.

— Не смей так дурно говорить о моем отце!

— Я буду говорить о ком угодно и что угодно.

Джилберт зажал руками уши:

— Пожалуйста! — ЗАВИЗЖАЛ он.

Это произвело мгновенный эффект.

— Зачем нам спорить? — как ни в чем не бывало продолжил Джилберт. — Ведь очевидно, что чем скорее мы выберемся отсюда, тем лучше будет для всех нас.

— Я согласен с тобой, Джил, — кивнул Байрон. — Давай уйдем куда-нибудь, где мне не придется терпеть ее капризы. Тоже мне, женщина на космическом корабле!

Слова Артемиды, как бы не услышавшей его, относились только к Джилберту:

— Почему мы не улетаем отсюда?

— Не знаю, почему не улетаешь ты, — насмешливо сказал Байрон, — а я рассчитываю вернуть себе свои владения, а также отомстить за смерть отца. Поэтому я остаюсь в Королевстве.

— Я не говорю, — уточнила Артемида, — что мы должны улететь навсегда, но не лучше ли дождаться других времен где-нибудь в более безопасном месте? Я не представляю, как ты сможешь вернуть себе то, что отняли у твоего отца, пока жива империя Тиранов.

— Ты никогда не понимала, что и зачем я делаю.

— Можно внести предложение? — вмешался Джилберт. Он дождался тишины и добавил: —

Мне кажется, Арта права. Пока сильна Империя, ты не сможешь ничего. Следовательно, мы должны помочь ей расколоться на кусочки.

— Да? И как же ты предполагаешь это сделать?

— Мой дорогой мальчик, — улыбнулся Джилберт, — ты поражаешь меня. И не смотри на меня, как на безумца. Все-таки это я помог тебе выбраться из Дворца.

— Я знаю. Именно поэтому я внимательно слушаю тебя.

— Так продолжай слушать. Я ждал этого случая двадцать лет. Если бы я был простым горожанином, я бы уже давно мог сделать это; но в силу своего рождения в королевской семье я всегда находился на виду. Впрочем, мое положение имеет и свои положительные стороны. Как один из Хенриадов я присутствовал на коронации нынешнего Хана Тирании и теперь знаю секрет, который позволит однажды этого Хана уничтожить.

— Продолжай, — коротко приказал Байрон.

— Путешествие с Родии на Тиранию и обратно проходило на военном судне, похожем на это, но гораздо большем по размерам. Путешествие было неинтересным. Пребывание на Тирании имело свои восхитительные моменты, но, с нашей точ-

ки зрения, тоже было не слишком интересным. А вот по дороге назад нас сбил метеор.

— Что?!

Джилберт предостерегающе поднял руку:

— Я прекрасно знаю, как невероятно это звучит. Случаи с метеорами — достаточная редкость в космосе, и шансов спастись мало.

— Знаю, — согласился Байрон. — Сейчас ведутся большие исследования по вопросу связи их массы со скоростью. Слишком большая скорость уменьшает массу, он повторил это, как заученный урок, и поймал на себе насмешливый взгляд Артемиды.

Она, сидя совсем близко от него, внимательно слушала Джилберта. Их плечи почти соприкасались. Байрон отметил, что профиль девушки был прекрасен, и даже слегка растрепанные волосы не портили его. Она сняла жакет, ее белоснежная блузка имела на себе следы сорокавосьмичасового непрерывного ношения, но при этом выглядела все же достаточно свежей. И как ей это удается?

Если она будет держать себя в руках, путешествие обещает быть чудесным, думал он. Проблема лишь в том, что никто не мог обуздать ее. Этого не сумел бы и ее отец. Она слишком самоуверенна. Если бы она родилась воена-

чальником, не хотел бы Байрон служить под ее командованием!

Он только было начал мечтать, что случилось бы, если бы ему удалось подчинить ее своей воле, как она повернула к нему голову, и их глаза встретились. Байрон тут же отвел взгляд и сосредоточился на речи Джилберта. Он и так упустил несколько фраз.

— Я не знаю, почему не сработал экран. На это, пожалуй, не ответит никто. Метеор ударил по обшивке и вполне мог бы пробить ее насквозь; тогда нас ничто не спасло бы. Но его рикошетом отбросило в сторону. Осколок попал в каюту и разрубил на кусочки двух находившихся там придворных. Меня спасло лишь то, что в это время я был в туалете. Когда я вошел в каюту, встревоженный страшным грохотом, она была залита кровью. То, что произошло потом, я помню слабо, хотя год за годом я тщательно восстанавливал цепь событий. После осмотра корабля мне стало ясно, что в живых остался только я один. Все остальные по той или другой причине были мертвы. Как же мне вернуться? Я был полностью беспомощен. Я не мог покинуть судно, я не мог управлять им; даже не знал, как пользоваться системой пространственной связи, чтобы послать

сигнал бедствия. Мне пришлось предоставить судну лететь своим курсом.

— Но это же... — Байрон был совершенно ошеломлен рас-сказом. — А Прыжки через гиперпространство? Если бы ты не совершал их, ты не был бы здесь.

— Тиранийский корабль, — сказал Джилберт, — совершает такие Прыжки автоматически.

Байрон недоверчиво уставился на него. Джилберт считает его идиотом?

— Ты все это придумал!

— Вовсе нет. Это — одно из военных изобретений, которое помогло им выиграть войну. Их тактика всегда отличалась от нашей, потому что базировалась на автоматике. Автоматических Прыжках. Это увеличивало маневренность их кораблей и давало возможность поворачивать ход любого сражения в то русло, которого мы никак не могли предвидеть.

Я считаю, что это — один из наиболее охраняемых секретов их технологии. Я не понял его, пока летел на борту «Кровопийцы» — не правда ли, очаровательное название?.. Тиранийцы любят давать судам неприятные для слуха имена, — но увидел его в действии. Я видел, что корабль совершает Прыжки и ничье вмешательство для

этого не нужно.

— Ты хочешь сказать, что этот корабль тоже способен на такое?

— Я не знаю. Я только предполагаю это.

Байрон повернулся к приборной доске. Там оставалось еще много кнопок, значения которых он не знал. Ладно, подождут!

Затем он вновь взглянул на Джилберта:

— И корабль доставил тебя домой?

— Нет. Сперва корабль начал тормозить, и я решил, что путешествие окончено, но потом обнаружил, что мы находимся совсем рядом с планетой. Я решил, что меня, очевидно, сумеют обнаружить с помощью радара. Корабль направился прямо к планете. И все же он мог пролететь мимо. Я не хотел допустить этого и поэтому решил воспользоваться радиосвязью. К счастью, у меня есть некоторые познания в радиотехнике.

— Итак, ты воспользовался ею? — нетерпеливо спросил Байрон.

— Да, и они пришли и спасли меня.

— Кто?

— Люди с планеты. Она была обитаема.

— Что же это была за планета?

— Я не знаю.

— Ты хочешь уверить меня, что они не сказали

тебе этого?

— Восхитительно, не правда ли? Да-да, именно так! Они не сказали мне. Но эта планета находится где-то среди Королевств Космической Туманности.

— Откуда тебе это известно?

— Потому что они поняли — корабль, на котором я прибыл, тиранийского образца. Более того, они намеревались уничтожить его, когда услышали мои сигналы. Мне пришлось долго убеждать их, что на борту только я один.

Байрон сжал руками колени.

— Послушай, но разве то, что они знали, будто корабль принадлежит Тирании, не является наилучшим доказательством факта, что планета находится за пределами Королевств? Что это где-то в другом месте?

— Нет, она здесь, в Галактике, — твердо ответил Джилберт. — На территории Королевств. Они высадили меня на поверхность, — и, боже мой, что за чудо была их планета! Там были люди со всех планет Королевств, как я понял по их акцентам. И они не боялись Тирании! Мой мальчик, эта планета все еще где-то есть, и ее жители намерены уничтожить Тиранию, как уничтожили бы судно, на котором я к ним прилетел если бы

я был там не один. Они живут под землей, но их души полны огня и света!

Сердце Байрона было готово выскочить из груди. Ему искренне хотелось поверить в рассказ Джилберта.

Во всяком случае, это возможно. Возможно!

Глава 11. ...ИЛИ НЕВОЗМОЖНО

Или невозможно.

С языка Байрона срывались вопросы, один за другим.

— Откуда тебе известно про их планету? Как долго ты там находился? Что ты видел?

Джилберт безразлично ответил:

— Дело не в том, что я видел. Они очень мало показали мне. И потом, после того, как они сняли меня с корабля, я был в крайне плохом состоянии. Я почти ничего не ел и выглядел гораздо хуже, чем обычно. Потом я немного пришел в себя. Они переправили и меня, и судно на поверхность планеты. Конечно, судно их интересовало больше, чем я. Ведь с его помощью они могли постичь тайны тиранийской инженерии. Меня же отправили в некоторое подобие госпиталя.

— Но что же ты все-таки видел, дядя? — спросила Артемида.

Байрон прервал ее:

— Он рассказывал тебе об этом раньше?

— Нет, — ответила девушка.

Джилберт кивнул:

— Об этом я не рассказывал до сих пор никому.

Как я уже сказал, меня отправили в госпиталь. Исследовательские лаборатории там гораздо совершеннее, чем на Родии. По дороге в госпиталь я проезжал мимо заводов, где велись какие-то металлургические работы. Тот корабль, который подобрал меня, был не похож ни на что из виденного мною до сих пор. Все это было настолько невероятно, что я растерялся и не задал ни одного вопроса. Но все эти годы я ждал. Ждал, что однажды к нам прилетит корабль, подобный тому, на котором меня доставили на эту планету. Каждый год я говорил себе: наверное, в следующем году!.. И каждый раз в душе я чуть-чуть боялся этого. Назревала великая битва, и мне не хотелось бы, чтобы она началась без меня.

Байрон спросил:

— Почему же они до сих пор не прилетели, если, как ты говоришь, это произошло более двадцати лет назад? И не подали тебе никакого знака? К тому же не было сообщений ни о каких странных космических кораблях! И ты все еще думаешь...

Джилберт вспыхнул:

— Да, я думаю! Двадцать лет — не такой большой срок, чтобы организовать бунт против планеты, правящей пятьюдесятью системами. Я был там в момент зарождения мятежа. Все это

время, я уверен, они не переставали готовиться к схватке. Они создавали новые корабли, разрабатывали более совершенное оружие, готовили людей к нападению. Только в видеотриллерах люди сразу же кидаются в бой. На самом деле оружие создают сегодня, усовершенствуют завтра, а используют только послезавтра. Для этого нужно время, Байрон, и люди из восставшего, мира должны быть полностью уверены в своей готовности перед тем, как начать. У них не будет возможности пытаться дважды. И потом, что ты называешь «происшествием»? Корабли тираний-цев исчезали, и их никогда не удавалось найти. Космос велик, скажешь ты, и они могли просто теряться, но что, если все они были захвачены мятежниками? Два года назад такое произошло с «Неутомимым». Они сообщили, что к судну приближается странный предмет — и больше о корабле никто не слышал. Возможно, это был метеор... Ну, а если нет? Поиски длились много месяцев, но никто не смог найти судно. Я думаю, оно в руках мятежников. «Неутомимый» был новым кораблем, экспериментальной моделью. Это как раз то, что им нужно.

— Почему же ты, оказавшись там, не остался?

— Думаешь, я не хотел? У меня просто не было

выбора. Когда они думали, что я без сознания, они говорили открыто, — и я многое понял. Они в то время только начинали, и излишняя реклама лишь помешала бы им. Они знали, кто я. Знали они и то, что, если я не вернусь на Родию, меня будут тщательно искать — и, возможно, обнаружат их. Они не хотели рисковать, и поэтому было решено вернуть меня на Родию. Что они и сделали.

— Что? — вскричал Байрон. — Но ведь это было еще большим риском! Как же они это сделали?

— Не знаю. — Джилберт запустил пальцы в волосы и устало посмотрел на юношу. — Думаю, они усыпили меня. Этот период полностью стерт в моей памяти. Я только помню, что открыл глаза и обнаружил, что вновь нахожусь на борту «Кровопийцы»; я дрейфовал в космосе, приближаясь к Родии.

— А твои погибшие спутники? Они все еще были на борту?

— Да, они все еще лежали на борту.

— Оставались ли на корабле какие-нибудь признаки того, что ты побывал в мятежном мире?

— Никаких. Исключая, конечно, мою память.

— А как ты узнал, что приближаешься к Родии?

— Никак. Массометр показывал, что я нахо-

жусь вблизи планеты. Я вновь воспользовался радио, и ко мне подлетел родийский корабль. О случившемся со мной я в тот же день рассказал Тиранийскому наместнику. Конечно, я не обмолвился ни словом о мятежном мире. Я лишь сказал, что корабль столкнулся с метеором после последнего Прыжка. Я не хотел, чтобы они поняли: мне известно, что корабль может совершать Прыжки автоматически.

— Как ты думаешь, известен ли жителям мятежного мира этот факт? Ты говорил им об этом?

— Нет, я не говорил им об этом. У меня не было такой возможности. Ведь я пробыл там очень недолго. Я имею в виду, пробыл в сознании. Но мне совершенно неизвестно, как долго я был без сознания, а также — что им удалось обнаружить самим.

Байрон размышлял. «Беспощадность» может двигаться со скоростью десять тысяч миль в час. Звезды — тяжелые, яркие и неподвижные — гипнотизировали Фаррилла.

Он спросил:

— Так что же нам делать? Ведь ты не знаешь, где находится этот мятежный мир.

— Не знаю. Но я предполагаю, кто может знать. Я почти уверен в этом.

— И кто же это?

— Автарх Линганы.

— Линганы? — удивился Байрон. Он когда-то слышал это название, но не помнил, в связи с чем. — Почему именно он?

— Лингана была последним Королевством, капитулировавшим перед Тиранией. Она, можно сказать, не так порабощена, как другие. Разве в этом нет скрытого смысла?

— Возможно, ты и прав, но...

— Если тебе нужен другой довод, то этим доводом станет твой отец.

— Мой отец? — На мгновение Фаррилл забыл, что его отец мертв. Он как бы увидел его своими глазами, большого и сильного, но тут же опомнился, и внутри его разлился неприятный холодок. — Какое отношение имеет к этому мой отец?

— Шесть месяцев назад он гостил при дворе. Я сделал некоторые выводы по поводу его намерений. Кроме того, я подслушал некоторые его разговоры с моим кузеном Хенриком.

— Ох, дядя, — укоризненно вздохнула Артемида. — Ты не имел права подслушивать частные разговоры отца.

— Конечно, нет, но это было восхитительно и,

как выяснилось, полезно.

Байрон прервал их:

— Погоди. Ты говоришь, мой отец был на Родии шесть месяцев назад?

— Да.

— Расскажи мне о нем. Интересовался ли он коллекцией примитивизма Хенрика? Когда-то ты рассказывал, что у Правителя есть большая коллекция материалов о Земле.

— Конечно. Коллекция очень знаменита, и ее посещают многие. В их числе был и твой отец. Да, я помню это очень хорошо. Он провел там почти целый день.

Именно полгода назад отец в первый раз попросил сына о помощи.

— Думаю, сам ты хорошо знаком с коллекцией, — сказал Байрон.

— Разумеется.

— Есть ли там что-то, позволяющее предположить, что на Земле существует документ большой военной ценности?

На лице Джилберта отразилось непонимание. Байрон продолжил:

— Где-то в последних столетиях доисторической Земли должен был существовать такой документ. Могу сказать только, что мой отец счи-

тал его самой большой ценностью в Галактике — и самой смертоносной. Я должен был раздобыть его, но мне пришлось слишком неожиданно покинуть Землю, да и в любом случае, — его голос сорвался, — отец слишком быстро умер.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — взгляд Джилберта был все еще отсутствующим.

— Ты не понимаешь. Первый раз отец упомянул о документе шесть месяцев назад. Он должен был узнать о нем именно здесь, на Родии. И ты ничего не можешь мне об этом рассказать?

Но Джилберт только отрицательно покачал головой.

— Хорошо, продолжай свой рассказ, — бросил Байрон.

— Они говорили об Автархе Линганы, твой отец и мой кузен. Из их слов мне стало ясно, что Автарх возглавлял заговор. А потом сюда прибыла миссия с Линганы во главе с самим Автархом. Я рассказал ему о мятежном мире.

— Ты только что утверждал, что никому об этом не рассказывал!

— Кроме Автарха. Я ДОЛЖЕН БЫЛ знать правду.

— Что же он тебе ответил?

— Практически ничего. Но для него это явно

была не новость. Возможно, он не доверял мне. Ведь я мог работать на Тиранию. Откуда ему было это знать? Но все же он не захлопнул передо мною дверь. Это наш единственный шанс.

— Да? — переспросил Байрон. — Тогда летим на Лингану. Одно место, я думаю, стоит другого.

Мысли об отце вывели его из равновесия, и по сравнению с этим все остальное не имело значения. Пусть будет Лингана.

Пусть будет Лингана! Легко сказать. Но как добраться на этом суденышке до планеты, удаленной на тридцать пять световых лет отсюда? Двести триллионов миль. Двойка с четырнадцатью нулями после нее. Если лететь со скоростью десять тысяч миль в час (максимальная скорость «Беспощадного»), то понадобится более двух миллионов лет, чтобы добраться туда.

Байрон с отчаянием листал «Справочник космического навигатора» в надежде найти хоть какую-нибудь подсказку. Там в подробностях были описаны десятки тысяч звезд, и каждая изображалась в трех проекциях. Справочник состоял из сотен страниц этих проекций, обозначенных греческими буквами ρ (ро), θ(тета), φ (фи).

ρ — расстояние от центра Галактики в парсе-

ках; θ — угол по отношению к Галактической оси (линии, соединяющей центр Галактики и солнце планеты Земля); φ — угол по отношению к линии, перпендикулярной Галактической оси. Два последних значения выражались в радианах. Совместив три схемы, можно было получить представление о положении планеты в космосе.

Все это были величины заданные. Зная положение планеты и скорость ее вращения, рассчитывались скорость и направление. Это были незначительные, но необходимые расчеты. Миллионы миль — по космическим меркам расстояния ничтожные, но для космического корабля это долгий путь.

Имело значение также положение корабля. Байрон отметил для себя две известных звезды и вычислил по расстоянию между ними и солнцем Родии их настоящие координаты.

Расчеты были сделаны наспех, но оказались достаточно точными, — в этом он был уверен. Байрон рассчитал также, что через шесть часов полета им придется совершить Прыжок. После этого он закончил последние приготовления к полету.

Байрон почувствовал себя одиноким. Не испуганным, нет! Это слово он отверг. Но напряжение,

несомненно, он испытывал огромное.

Шесть часов он усердно занимался расчетами. Конечно, их еще придется проверить. И может быть, удастся хоть немного вздремнуть. Он перетащил свою постель из каюты, и теперь она манила его к себе.

Те двое наверняка уже сладко спят. Ну и хорошо, сказал он себе, по крайней мере никто не мешается и не лезет под руку. Однако, услышав негромкие шаги босых ног, Байрон встрепенулся и с надеждой поднял голову.

На пороге стояла Артемида.

— Привет, — кивнул он. — Почему ты не спишь?

— Можно мне войти? — шепотом спросила она. — Я не помешаю тебе?

— Зависит от того, что тебе нужно.

— Я постараюсь все делать правильно.

Что-то она уж слишком покладиста, подумал он.

— Я ужасно боюсь, — сказала вдруг она. — А ты?

Он хотел сказать «нет», но внезапно ему расхотелось притворяться. Он смущенно улыбнулся и ответил:

— Тоже.

Казалось, это успокоило ее. Она уселась на пол, вытянув ноги, и принялась рассматривать груду справочников на столе.

— Ты нашел все эти книги здесь?

— Да, конечно. Без них невозможно управлять космическим кораблем.

— И ты все в них понимаешь?

— Не все. Хотя надеюсь, что понимаю достаточно. Для того чтобы попасть на Лингану, нам предстоит сделать Прыжок.

— Это сложно?

— Нет, если понимать в схемах и уметь читать карту. Но для этого нужен опыт, а его-то у меня и нет. Кстати, мы могли бы совершить несколько Прыжков, но я надеюсь обойтись одним.

Он не хотел говорить ей всего: не хотел ее пугать. В то же время ему было необходимо поделиться своими опасениями с кем-нибудь.

— Есть несколько моментов, которых я не знаю, хотя их нужно знать. Я не уверен в точности моих расчетов.

— Хотелось бы знать побольше, — сказал он. — Например, какова плотность материи между нами и Линганой? Именно она определяет кривизну этой части Вселенной и, следовательно, влияет на прыжок. В «Эфемеридах» — вот в этой

толстой книге — говорится, что при некоторых стандартных прыжках необходимо учитывать коррекцию на кривизну и исходя из нее рассчитывать собственную коррекцию. Но опять-таки, если на расстоянии десяти световых лет от нас окажется звезда-сверхгигант, все расчеты полетят к черту. Я даже не уверен, что правильно запрограммировал компьютер.

— И что может произойти, если ты ошибся?

— Мы можем слишком приблизиться к солнцу Линганы.

Она задумалась и потом сказала:

— Ты не представляешь себе, насколько я чувствую себя лучше.

— После того, что я рассказал тебе?

— Конечно. Только что я чувствовала полную нашу беспомощность. Теперь же я знаю, что мы попадем туда, куда стремимся, и что все в наших руках.

Байрон был польщен. Как она изменилась!

— Я не уверен, что все в наших руках.

Она жестом остановила его.

— Да. Я ЗНАЮ, ты сумеешь управиться с кораблем.

И Байрон почувствовал, что он тоже верит в это.

Артемида подобрала под себя длинные голые ноги и смотрела ему прямо в глаза. На ней была только прозрачная ночная рубашка, но она, казалось, не сознавала этого. Хотя Байрон определенно сознавал…

Она молча смотрела на него. Он заметил, что на лице ее уже нет косметики, и удивился, как она ее сняла, вероятно, носовым платком и небольшим количеством питьевой воды. От отсутствия косметики лицо ее ничего не потеряло. Чистая белая кожа подчеркивала черноту глаз и волос. У нее очень теплые глаза, подумал Байрон.

Молчание затягивалось. Он торопливо спросил:

— А ты, я думаю, не слишком много путешествовала? Кажется, ты говорила, что летала на пассажирском космическом лайнере?

— Только раз. Но и этого было много. Если бы я не летала на нем, то никогда не встретилась бы с этим противным тиранийским донжуаном... Я не хочу говорить о нем!

Она замолчала. Ее взгляд скользил по полу. Потом она вдруг окликнула его:

— Байрон! Как ты думаешь, история дяди Джила — правда?

— Ты полагаешь, что все может оказаться лишь

игрой его воображения? Ведь он мог сам придумать все это, а по прошествии лет поверить в реальность вымысла. Но все-таки не стоит спешить с выводами. В любом случае, мы летим на Лингану.

Они были очень близко друг от друга. Он мог коснуться ее рукой, обнять, поцеловать...

Что он и сделал.

Казалось, ситуация не располагала к этому. Только что они говорили о Прыжке и Джилберте, а теперь она, тихая и податливая, лежала в его объятиях.

Первым его порывом было извиниться, но она не делала никаких попыток высвободиться, только положила голову ему на плечо. Глаза ее были закрыты.

Поэтому он не сказал ничего и вновь поцеловал ее, медленно и торжественно. Это было лучшее, что он мог сделать в данный момент, и он понимал это.

Наконец она мечтательно спросила:

— Вы не голодны? Я принесу вам концентрат и подогрею его. Потом, если захотите спать, я останусь тут и подежурю. И... и вообще, мне лучше пойти одеться. — Она повернулась и уже от двери добавила: — Когда привыкаешь, то приходишь

к выводу, что у этого пищевого концентрата не такой уж плохой вкус. Спасибо, что заготовили его…

Эти слова надежнее, чем поцелуи, скрепили их мирный договор.

Когда в каюту зашел Джилберт (это случилось часом позже), он не выразил никакого удивления по поводу мирно беседующих Арты и Байрона. Не прокомментировал он и тот факт, что рука юноши покоилась на талии его племянницы.

Он спросил:

— Когда мы совершим Прыжок, Байрон?

— Через полчаса.

Прошли полчаса; приборы были включены; разговоры стихли.

Во время «Зеро» Байрон набрал в легкие побольше воздуха и перевел рычаг из крайнего правого положения в крайнее левое.

Корабль тряхнуло, и Байрон на мгновение потерял сознание.

Когда через минуту он пришел в себя, звезды в смотровом окне преобразились. Байрон выровнял судно. Одна из звезд яркой белой точкой сияла перед ними. Байрон направил на нее телескоп. Сверившись со справочником, он сделал вывод:

«Слишком далеко. Но все же это она, Лингана».

Это был первый совершенный им Прыжок, и он прошел успешно.

Глава 12. ПРИБЫТИЕ АВТАРХА

Автарха Линганы, казалось, занимает какая-то мысль.

— И вы ждали сорок восемь часов, чтобы сказать мне об этом, — сказал он.

Ризетт вяло возразил:

— Но, сэр, не было никакой необходимости сообщать вам об этом раньше. Если бы мы беспокоили вас по всякому пустяку, ваша жизнь давно превратилась бы в сущий ад. Сейчас мы сообщаем вам об этом, потому что не можем сами принять решение. Это подозрительно, а в нашем положении мы не можем допускать ничего подозрительного.

— Повторите мне все, что вам известно.

Автарх задумчиво смотрел в окно. Окна были самой большой достопримечательностью линганийской архитектуры. Они были средних размеров, невероятно чистые и прозрачные; не столько окна, сколько линзы, отражающие во все стороны свет и открывающие перед любым взглядом великолепную панораму.

Из дворца Автарха была видна часть освещенного солнцем горизонта. Когда солнце оказалось

непосредственно напротив окон, они автоматически открылись.

Теория, что архитектура планеты вполне соответствует месту планеты в Галактике, вполне оправдывала себя в отношении Линганы.

Как и окна, Лингана представляла собой весьма живописное зрелище. Это была «планета-государство», в свое время достигшая стабильного экономического и политического развития. В то время как политическая жизнь соседних планет все время менялась, Лингана веками оставалась тем, чем и была, — просто обитаемым миром. Ее стратегическое положение оказалось весьма важным. Именно поэтому она захватила в свои руки торговую монополию. Со всех концов Галактики везли сюда минералы, мясо, зерно, а также продукцию машиностроения, медикаменты, готовые продукты переработки и многое другое.

Из своих окон Лингана видела всю Галактику, хотя и стояла несколько особняком.

Не отводя взгляда от окон, Автарх сказал:

— Начнем с почтового корабля. Где он впервые встретился с гостями?

— Менее чем в ста тысячах миль от Линганы. Точные координаты не имеют значения. С тех пор мы следим за ними. Сейчас они находятся на

орбите над планетой.

— Они не приземляются? Ждут чего-то?

— Да.

— Как вы считаете, долго ли они намерены ждать?

— Боюсь, что нет. Мы тщательно наблюдали, но они не посылают никаких сигналов.

— Отлично, — сказал Автарх. — Прервемся на минуту. Они остановили почтовый корабль, что, безусловно, является нарушением нашего Договора о Взаимодействии с Тиранией.

— Я сомневаюсь, что они тиранийцы. Их действия скорее похожи на действия заключенных, бежавших из тюрьмы.

— Возможно, таким образом они пытаются сбить нас с толку. В любом случае, все это направлено лишь на одно: они хотят встретиться со мной.

— Да, они настаивают на встрече с Автархом.

— Больше ничего?

— Больше ничего.

— Они не входили в почтовое судно?

— Нет. Мы все время прекрасно их видим. За штурвалом находится молодой человек аристократической наружности. Он попросил передать вам одно слово: «Джилберт». Говорит это вам

что-нибудь?

Автарх, как бы не слыша вопроса, продолжал смотреть в окно. На Лингане не всегда царила власть Автархов. Когда-то ею управляли различные династии мелких удельных князьков. Это были сплошь аристократические семьи. Они были чрезвычайно богаты, и их мало волновали проблемы землевладения.

Из-за этого Лингану постигла обычная в таких случаях участь. Власть переходила от одной семьи к другой. Интриги и дворцовые перевороты стали хроническими, так что если Родия была образцом политической стабильности, то Лингана могла служить образцом беспорядка и анархии. «Безалаберный, как Лингана», — говорили люди.

Соседние планеты объединились в группы и становились могущественнее, а на Лингане гражданская война становилась неуправляемой. Поэтому соседи путем долгой цепи интриг заменили многих князьков одним сильным правителем, сосредоточив в одних руках всю власть.

При Автархии Лингана укрепилась и стабилизировалась. Даже Тирания относилась к ней с некоторым почтением. В то время как другие планеты Королевств Космической Туманности уже давно были верными вассалами Тирании,

Лингана подписала с ней Договор о Взаимодействии, теоретически дающий обеим сторонам равные права.

Автарха такая ситуация не обманывала. Шовинисты планеты могли позволить себе роскошь считать Лингану свободной, но Автарх знал, что тиранийская опасность все это время была на расстоянии вытянутой руки, не дальше.

И, возможно, сейчас дело шло к концу. «Союзник» решил сжать их в своих медвежьих объятиях. И сам Автарх, безусловно, дал им для этого долгожданный повод. Тайная организация, созданная им, хотя и малоэффективная сама по себе, была достаточным основанием для карательной операции, которую могли предпринять тиранийцы. Юридически Лингана была виновной стороной.

Неужели крейсер — первый сигнал начала операции?

Он спросил:

— На корабле есть солдаты?

— Очевидно, нет. Массометр показывает присутствие всего троих.

— И что же ты предлагаешь?

— Не знаю. Единственный известный мне Джилберт — это Джилберт из Хенриадов с Родии.

Вы знакомы с ним?

— Я видел его во время моего последнего визита на Родию.

— Вы, конечно, ничего ему не рассказывали?

— Конечно.

Глаза Ризетта округлились.

— Возможно, это ловушка, и Джилберт используется в качестве приманки.

— Я думал об этом. Конечно, прибытие корабля подозрительно. Меня долго не было на Лингане, и я вернулся только на прошлой неделе, а через несколько дней опять собираюсь уезжать. Они застали меня именно тогда, когда меня МОЖНО БЫЛО застать.

— А может, это совпадение?

— Я не верю в совпадения. Но есть способ проверить наши подозрения. Я посещу это судно. Один.

— Это невозможно, сэр. — Ризетт был ошеломлен. Его лицо покраснело до такой степени, что приняло почти малиновый оттенок.

— Ты споришь со мной? — раздраженно спросил Автарх.

И именно потому, что он был Автархом, Ризетт сказал:

— Как вам будет угодно, сэр.

Пассажиры «Беспощадного» вот уже два дня болтались на орбите.

Джилберт, наблюдавший за Линганой, был твердо уверен, что за ними тоже установлено постоянное наблюдение. Байрон, бреясь, выслушивал его доводы по этому поводу.

Добрившись, он осмотрел свое лицо в зеркале, и тут в дверном проеме возникла Артемида.

— Я думала, ты собираешься спать.

— Я спал, — ответил он, — а потом проснулся. — Он посмотрел на нее и улыбнулся.

Она потрогала его щеку:

— Ты выглядишь сейчас как восемнадцатилетний. Они все еще наблюдают за нами?

— Да. Неужели это тебя беспокоит?

— Я нахожу, что это глупо.

— Можешь объяснить почему, Арта?

— Почему бы нам не приземлиться на поверхность Линганы?

— Мы подумаем об этом. Пока что мы не готовы для подобного риска. Лучше все же немного подождать.

Джилберт вдруг воскликнул:

— Говорю вам, они движутся!

Байрон подскочил к экрану. Прочитав показания массометра, он обернулся к Джилберту:

— Наверное, ты прав.

Он присел к компьютеру и стал внимательно изучать его показания.

— К нам направляется маленький корабль, Джилберт. Как ты думаешь, тебе удастся наладить с ним связь?

— Я попытаюсь, — ответил Джилберт.

— Запомни: не видеосвязь, а только звуковую.

Менее десяти минут понадобилось Джилберту, чтобы выполнить его задание. Теперь Байрон знал планы линганийцев.

Он повернулся к Артемиде:

— Они собираются послать к нам человека.

— А мы обязательно должны им это позволить?

— А почему бы нет? Одного человека! Мы ведь вооружены!

— Но что будет, если мы подпустим их корабль слишком близко?

— Мы на тиранийском военном корабле, Арта, и одолеем их, даже если перед нами лучшее судно Линганы. У нас есть пять крупнокалиберных бластеров.

— А ты умеешь ими пользоваться?

— К несчастью, нет. Пока еще нет. Но ведь линганийцам это, как ты понимаешь, неизвестно.

Через полчаса на экране появилось судно. Как только радар поймал его, Джилберт в восторге завопил:

— Это яхта Автарха! Его личная яхта! Я же говорил, что упоминание одного лишь моего имени тут же привлечет его внимание!

Они установили с яхтой радиосвязь, и чей-то голос из трубки сказал:

— Готовы к принятию на борт?

— Готовы, — ответил Байрон. — Только одного человека.

— Одного человека, — был ответ.

Словно развернувшаяся змея, металлический канат отделился от линганийского корабля и как гарпун устремился вперед. На экране показался намагниченный цилиндр, прикрепленный к концу каната. Подлетая к кораблю, он становился все больше и больше, одновременно смещаясь к краю экрана, а затем и вовсе пропал из поля зрения.

Раздался глухой, дребезжащий звук контакта. Цилиндр прилип к корпусу, но нить, тянувшаяся за ним, не провисла под собственной тяжестью, а сохранила все свои причудливые извивы и петли, которые медленно по инерции приближались к кораблю.

Линганийский корабль легко и осторожно отошел; нить выпрямилась. Она висела, пронзая пространство, изящная, как паутинка, сверкающая в лучах линганийского солнца.

Байрон настроил изображение, и весь экран заполнил огромный корабль, так что можно было разглядеть начало этой нити, протянувшейся на полмили, и крошечную фигурку, повисшую на ней и перебирающуюся вперед на руках.

Обычно стыковка происходит иначе. Как правило, два корабля близко подходят друг к другу, так что их выдвижные воздушные шлюзы соединяются, как два магнита. По такому туннелю человек может перейти из одного корабля в другой без скафандра, Естественно, этот вид стыковки требует взаимного доверия.

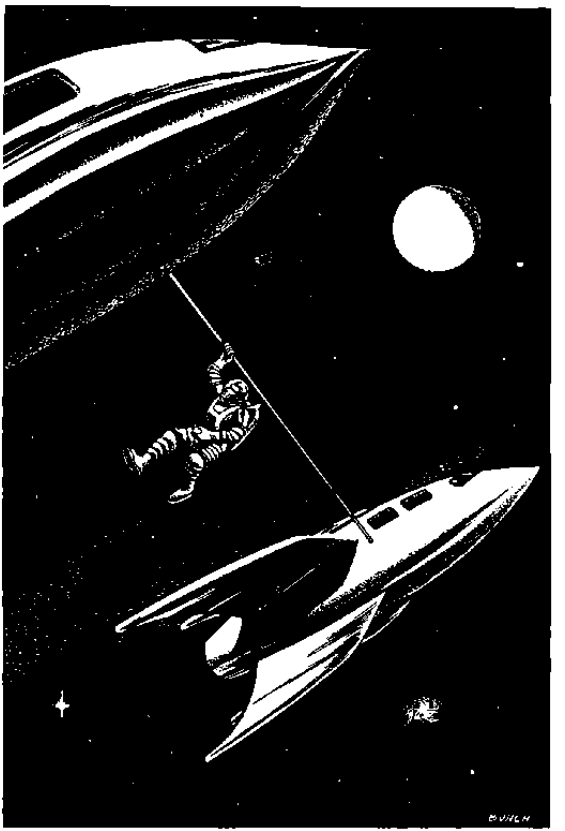
Но если перебираться по канату, подвешенному в пространстве, то без скафандра не обойтись. Приближавшийся линганиец был закован в тяжелую металлическую кольчугу, которая требовала немалых мускульных усилий при передвижении. Даже отсюда Байрону было видно, как напрягается рука человека, отцепляясь от каната и готовясь к следующему шагу, и снова расслабляется, закрепившись на блестящей нити.

Кроме всего прочего, необходимо было тща-

тельно уравнять скорости кораблей. Стоило одному из них случайно ускорить движение — и нить разорвется, а путешественник отправится в космос, подхваченный притяжением отдаленного солнца, причем ни трение, ни преграды не остановят его на этой дороге в вечность.

Линганиец приближался уверенно и быстро. Стало видно, что он не просто перебирает руками. Каждый раз, зацепившись рукой за канат, он пролетал вперед несколько десятков футов, прежде чем схватиться за него другой рукой.

Это была настоящая космическая эквилибристика. Космонавт напоминал блестящего металлического гиббона, скачущего на руках с ветки на ветку.



— А если он промахнется? — спросила Артемида.

— Он выглядит достаточно опытным, — ответил Байрон. — А если промахнется, то по-прежнему будет сверкать на солнце, и мы его подберем.

Линганиец был уже совсем близко. Наконец он исчез с экрана, а еще через пять секунд они услышали тяжелые шаги по обшивке корабля.

Байрон передвинул рычажок, и вокруг входного люка загорелись сигнальные огни. Через мгновение раздался властный стук, и внешний люк корабля открылся, принимая гостя. За стеной пилотской рубки загрохотали шаги. Наружный люк закрылся, часть стены скользнула в сторону, и в проеме появился человек.

Костюм его мгновенно покрылся звонкой изморозью, которая толстым слоем затянула стекло шлема и превратила космонавта в белую статую, обдающую холодом.

Байрон усилил обогрев помещения. Ворвалась струя теплого воздуха. Изморозь начала таять, на скафандре заблестели капельки росы.

Линганиец нащупал неуклюжими металлическими пальцами застежки шлема, стараясь поскорее избавиться от снежной слепоты. Шлем взметнулся вверх, подняв за собой взъерошен-

ные волосы…

— Ваше Сиятельство! — бросился к нему Джилберт. С нотками триумфа в голосе он воскликнул:

— Байрон, это Автарх собственной персоной!

Но Байрон, сперва потерявший, а потом лишь частично обретший дар речи, сумел сказать только одно:

— Джоунти?!

Глава 13. АВТАРХ РЕШАЕТ ОСТАТЬСЯ

Автарх непринужденно расположился в одном из мягких кресел.

— Давно я не проделывал подобных упражнений, — сказал он. — Но это как умение плавать: научившись один раз, забыть невозможно. Привет, Фаррилл! Добрый день, милейший господин Джилберт! А это, если мне не изменяет память, дочь правителя, леди Артемида!

Он достал длинную сигарету, бережно взял ее в рот и зажег, причем для этого ему понадобилось просто сделать легкий выдох. Воздух наполнился приятным запахом хорошего табака. Затем он сказал:

— Не ожидал так быстро вновь встретиться с тобой, Фаррилл!

— А может, не ожидал этого никогда? — грубо поинтересовался Байрон.

— Кто знает? — согласился Автарх. — Конечно, если вспомнить, что сам Джилберт не умеет управлять космическим кораблем, если вспомнить, что я сам послал на Родию молодого человека, который УМЕЕТ управлять космическим кораблем и который вполне способен похитить

тиранийское судно, если вспомнить, что, по донесениям наблюдателей, один из пассажиров корабля молод и обладает аристократической наружностью, напрашиваются очевидные выводы. Я не удивился, увидев тебя.

— А мне кажется, ты удивлен, — возразил Байрон. — Думаю, ты чертовски удивлен, увидев меня. По-твоему, я знаком с логикой слабее, чем ты?

— Я крайне высокого мнения о тебе, Фаррилл.

Автарх сохранял невозмутимость, и Байрон почувствовал себя совсем глупым мальчишкой. Он повернулся к остальным:

— Этот человек — Сандер Джоунти. Я рассказывал вам о нем. Конечно, по совместительству он может быть Автархом Линганы, или пятьюдесятью Автархами одновременно. Это безразлично. Для меня он — Сандер Джоунти.

Артемида произнесла:

— ОН — это человек, который...

Джилберт перебил ее. Он был возмущен:

— Контролируй себя, Байрон. Ты что, сошел с ума?

— Это — тот самый человек! Я НЕ сумасшедший! — выкрикнул Байрон. Он с трудом держал себя в руках. — Ладно. Думаю, нам не о чем спорить.

Покинь мое судно, Джоунти. Уже достаточно было сказано. Вон с моего судна!

— Мой дорогой Фаррилл! Но почему?

Джилберт издал булькающий звук, но Байрон не повернул в его сторону головы. Он смотрел на Автарха.

— Ты совершил одну ошибку, Джоунти. Только одну. Ты не предусмотрел, что там, на Земле, я вернусь в свою комнату и возьму часы, которые всегда служили мне также индикатором. Индикатором радиации.

Автарх пускал в потолок аккуратные колечки дыма и улыбался.

— Так вот, Джоунти, они никогда не светились голубым светом. В ту ночь в моей комнате не было никакой бомбы. Это была только хлопушка! Ты не станешь этого отрицать, потому что именно ты подложил ее. Ты же организовал и остальную часть комедии! Да, той ночью ты был великолепен!

Байрон ждал реакции, но Автарх просто с видимым интересом кивнул. Байрон разозлился. У него сложилось впечатление, что он бьет по воздуху.

— Мой отец был казнен. Я и так скоро узнал бы об этом. Тогда я мог бы вернуться на Нефелос,

а мог бы и не возвращаться. Я мог бы проанализировать свое положение и найти из него правильный выход. Но ты решил отправить меня на Родию, к Хенрику. Я послушал тебя: ведь ты, казалось, спас мне жизнь; ты все знал и мог дать дельный совет. Но ты забыл предупредить меня, что капитан корабля, на который ты усадил меня, был отлично осведомлен о том, кто я и откуда. Ты забыл предупредить меня, что я окажусь в руках Тиранов еще до того, как попаду на Родию. Или ты будешь это отрицать?

Он сделал длинную паузу. Джоунти сосредоточенно дымил сигаретой.

Джилберт стиснул руки у груди:

— Байрон, ты ужасен. Автарх не может...

Джоунти посмотрел на него и спокойно возразил:

— Твой Автарх все может.

Он погасил сигарету.

— Байрон прав, и я подтверждаю каждое его слово. Бомба действительно была подложенной мною хлопушкой, и я послал тебя, Байрон, на Родию, зная, что ты будешь арестован Тираний-цами.

Лицо Байрона прояснилось. Он сказал:

— Когда-нибудь я отомщу тебе, Джоунти. Сейчас

ты Автарх Линганы, и за тебя готов вступиться целый флот. Но «Беспощадный» — это мое судно, и я его капитан. Надевай свой скафандр и убирайся вон. Канат все еще на месте.

— Это не твое судно. Ты скорей пират, чем пилот.

— Я повторяю: даю тебе пять минут на облачение в скафандр.

— Пожалуйста, не драматизируй ситуацию. Мы нужны друг другу, и я не намерен уходить.

— МНЕ ты не нужен. Ты не был бы мне нужен, даже если бы на нас напали Тиранийцы и ты принял бы мою сторону.

— Фаррилл, — улыбнулся Джоунти, — ты говоришь и действуешь как младенец. Я дал тебе высказаться. Дай же теперь высказаться мне.

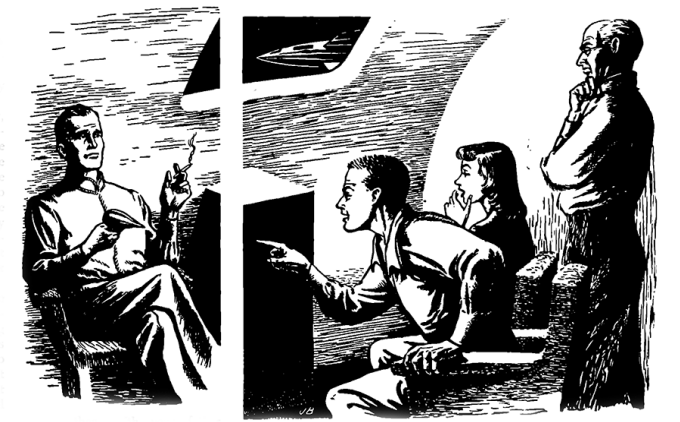
— Нет. Я не вижу причин слушать тебя.

— А это ты видишь?

Артемида вскрикнула. В грудь Байрона уперся бластер.

— Это — предупреждение, — продолжил Джоунти. — Прошу простить меня за вынужденную меру, но, возможно, это поможет мне заставить тебя слушать.

Оружие его было предназначено не просто причинять боль. Оно должно было убивать.



Джоунти сказал:

— Много лет назад я организовал жителей Линганы против Тирании. Знаешь ли ты, что это значит? Это было нелегко. Это было почти невозможно. Окружающие нас Королевства оказались абсолютно беспомощны. Но и в них жили люди, желающие нам помочь. Твой отец делал это наиболее активно — и был убит. Помни

это! Гибель твоего отца явилась для нас ударом. Значит, Тиранийцы способны добраться и до нас. Поэтому мне пришлось отправить тебя к Хенрику, чтобы сбить их с толку. Это удалось. Пойми, у меня не было выбора. А потом, есть еще одна вещь, документ...

— Какой документ? — прервал его Байрон.

— Не спеши. Я уже сказал, что твой отец работал на меня. Так что мне известно все, что знал он. Тебе стало известно о документе, и вначале нам всем было выгодно, чтобы ты поискал его. Но после смерти твоего отца это оказалось ненужным. Более того, пришлось убрать тебя с Земли, пока ты не удостоился пристального внимания Тиранийцев. Мне это удалось.

— Значит, документ у тебя?

— Нет, к сожалению. Он был утерян на Земле много лет назад. Я не знаю, у кого он. Ну что, могу я опустить бластер? Он весьма тяжел.

— Убери его к черту, — пробурчал Байрон.

Автарх так и поступил. Потом он спросил:

— Что говорил о документе твой отец?

— Ничего, что было бы тебе неизвестно.

Автарх улыбнулся:

— Вот это да!

— Скажи, ты все объяснил нам? — спросил

Байрон.

— Практически все.

— Тогда, — подытожил Байрон, — убирайся с корабля.

Джилберт вмешался в их диалог:

— Теперь подожди, Байрон. Это не только твое дело. Здесь есть еще и мы с Артемидой. У нас тоже найдется что сказать. Чем дальше, тем больше мне кажется, что в словах Автарха есть свой смысл. Вспомни, что на Родии я спас тебе жизнь, так что я рассчитываю на некоторую признательность с твоей стороны.

— Ну, конечно! Ты — мой спаситель! — воскликнул Байрон. — Можешь, если хочешь, уходить с ним. Уходи! Ты хотел найти Автарха. Так вот он! Я согласился доставить тебя к нему, но на этом моя миссия окончена. И не учи меня, что мне делать.

Он повернулся к Артемиде, все еще кипя от злости:

— А ты? Ты ведь тоже спасла мне жизнь! Все вокруг только и делают, что спасают мне жизнь! Ты тоже хочешь уйти с ним?

Она спокойно ответила:

— Не нужно говорить и решать за меня, Байрон. Если захочу уйти с ним, то скажу тебе об этом.

— Ты не должна чувствовать никаких обяза-

тельств передо мною. Можешь уйти в любой момент...

Она сердито взглянула на него, и он отвернулся. В душе Байрон понимал, что ведет сейчас себя по-детски. Джоунти всегда оставляет его в дураках. Он вспомнил о бомбе, о родийском лайнере, о Тирании — и в нем поднялась волна жалости к себе.

Автарх сказал:

— Итак, Фаррилл?

Одновременно прозвучали слова Джилберта:

— Итак, Байрон?

Байрон повернулся к Артемиде:

— А что думаешь ТЫ?

Артемида медленно произнесла:

— Я думаю, что он — Автарх Линганы и в его распоряжении есть целая армия. Поэтому, мне кажется, у тебя нет выбора.

Автарх с нескрываемым восхищением посмотрел на нее:

— Вы очень умны и проницательны, моя госпожа! Как чудесно, что столь прекрасный ум заключен в столь прекрасную оправу! — Он прикрыл глаза.

— Так чего же ты хочешь? — спросил Байрон.

— Позволь мне воспользоваться вашими име-

нами и вашими возможностями, и я отправлю вас на планету, которую мой господин Джилберт называет мятежным миром.

— Ты полагаешь, такой существует?

— Да, и он будет твоим. Я в состоянии найти его.

— Как? — изумился Байрон.

— Это не так сложно, как может показаться на первый взгляд. Мы должны верить, что где-то в нашей Галактике существует мир, готовый сразиться с Тиранией. По-моему, есть только один сектор, где может находиться такая планета.

— Где?

— А разве для тебя самого это не очевидно? Не кажется ли тебе, что этот мир может существовать только внутри самой Туманности?

— Разве возможна жизнь внутри самой Туманности?

— А почему бы и нет? Не стоит заблуждаться относительно Туманности. Это темное пятно в космосе, но оно вовсе не начинено ядовитым газом. Оно состоит из молекул воды, калия и кальция, которые адсорбируются благодаря свету звезд. Я долго изучал эту проблему в Университете на Земле и пришел к выводу, что жизнь там все-таки возможна. Просто мы ее не замечаем.

— Кстати, а что ты делал на Земле? — поинтересовался Байрон. — Это не слишком важно для меня, но все же?

— В этом нет никакой тайны. Я покинул Лингану по своим делам. Шесть месяцев назад я посетил Родию. Мой агент Вайдемос — твой отец, Байрон, — был не слишком удачлив в своих переговорах с Правителем, которого мы рассчитывали привлечь на свою сторону. Прошу прощения у леди, но Хенрик оказался сделанным из неподходящего для нашего дела материала.

— Да уж знаем... — прошептал Байрон.

Автарх продолжил:

— Но я встретил Джилберта, о чем он уже говорил тебе. Потом я отбыл на Землю, потому что Земля — родной дом гуманизма. Именно с Земли послано большинство исследовательских экспедиций в Галактику. Туманность Лошадиной Головы была исследована ими весьма тщательно. Мне понадобились результаты исследований. Теперь слушайте внимательно! Тиранийский корабль, на котором летел мой господин Джилберт, столкнулся с метеором после своего первого Прыжка. Если учесть, что перелет из Тирании на Родию был самым обычным делом, можно установить совершенно точные координаты

места столкновения. Потеряв управление, корабль мог пролететь более полумиллиона миль между первыми двумя Прыжками. Следовательно, примем этот промежуток за координату в космосе. Есть и другое предположение. Метеор мог изменить направление Прыжков. Это маловероятно, но возможно. Метеор мог повлиять на силу гиператомных процессов и полностью изменить направление движения. В то же время длина четырех последующих Прыжков осталась величиной неизменной. Конечное положение корабля должно было находиться где-то на поверхности воображаемой сферы, центр которой находится в точке пространства, где произошло столкновение, а радиус ее равен сумме векторов оставшихся Прыжков. Я попытался вычислить эту сферу, и понял, что ее поверхность находится внутри Туманности Лошадиной Головы. Осталось лишь найти в Туманности ту звезду, которая нам нужна.

Как ты думаешь, дружок, сколько таких звезд может быть в Туманности? Вспомни при этом, что Галактика состоит из ста биллионов звезд.

Байрон, почти против своего желания заинтересованный рассказом, ответил:

— Думаю, сотни.

— Пять! — торжествующе выкрикнул Автарх. — Всего пять! Не стоит заблуждаться по поводу цифры «сто биллионов». Объем Галактики равен семи триллионам кубических световых лет, из которых на каждую звезду приходится по семьдесят кубических световых лет. Жаль, что я до сих пор не знаю, какая из этих пяти планет обитаема. Нам придется это выяснить. К несчастью, ранние исследования не дали нам детальной картины. Они лишь изучили положение звезд, тип их движения и спектральную характеристику.

— Значит, в одной из этих пяти звездных систем, — спросил Байрон, — находится мятежный мир?

— Исходя из известных нам фактов, можно сделать только такой вывод.

— Видишь, моя история правдива, — вмешался Джилберт. — Я не выдумал ее.

— Я намерен, — продолжал Автарх, — исследовать лично каждый из пяти миров. Мотивы мои очевидны. Как Автарх Линганы, я могу помочь им в их усилиях.

— А с двумя из Хенриадов и Вайдемосом на твоей стороне ты также можешь завоевать ведущие позиции в новых, свободных мирах, — насмешливо подхватил Байрон.

— Твой цинизм не испугает меня, Фаррилл. Ответом будет — да. Если восстание окажется удачным, всегда лучше присоединиться к победителю.

— Более того, в награду одному из друзей восстания может быть отдана Автархия Линганы.

— Или Вайдемос. Верно.

— А если восстание обречено на провал?

— Тогда у нас будет время разобраться и решить, что делать дальше.

Байрон медленно сказал:

— Я полечу с тобой.

— Отлично! Тогда нужно переместить тебя с этого корабля на другой.

— Зачем?

— Так будет лучше для тебя. Этот корабль — всего лишь игрушка.

— Это военный корабль тиранийцев. Было бы глупо не учитывать его мощь.

— Именно потому, что это — военный корабль тиранийцев, отправляться в путешествие на нем опасно.

— Но не в Туманность. Прости, Джоунти! Я присоединяюсь к тебе, потому что тоже хочу найти мятежный мир. Но мы с тобой не друзья, и поэтому я буду поступать по собственному

усмотрению.

— Байрон, — осторожно вмешалась Артемида, — но корабль слишком МАЛ для троих!

— Конечно, Арта. Но к нему можно прикрепить прицеп. Джоунти это так же хорошо известно, как и мне. Тогда в космосе у нас будет все необходимое. Кроме того, прицеп изменит внешний вид судна.

Автарх вслух размышлял:

— Если мы с тобой не друзья, Байрон, и не доверяем друг другу, я должен позаботиться о личной безопасности. Можешь лететь на своем корабле с прицепом, но мне нужны некоторые гарантии. Поэтому госпожа Артемида должна пойти со мной.

— НЕТ! — крикнул Байрон.

Автарх удивленно поднял брови:

— Нет? Пусть говорит сама леди.

Он повернулся к Артемиде:

— Мне кажется, я сумею обеспечить вам несколько больший комфорт, моя госпожа.

— Не думаю, что мое общество может оказаться приятным для вас, мой господин. Поэтому я останусь здесь.

— Мне кажется, вы могли бы передумать, — начал было Автарх, но тут с кончика его носа

скатилась капелька пота, и это испортило все впечатление.

— А мне так не кажется, — прервал его Байрон. — Госпожа Артемида сделала свой выбор.

— И тебя устраивает ее выбор, Фаррилл? — спросил Автарх, улыбаясь.

— Вполне! Все мы втроем останемся на борту «Беспощадного». Других вариантов не будет.

— Ты опрометчиво выбрал себе спутников.

— Да?

— Я в этом совершенно убежден. Ты плохо относишься ко мне, потому что я обманул тебя и подверг твою жизнь опасности. Тогда тем более странно, что ты находишься в таких дружеских отношениях с дочерью человека по имени Хенрик, превзошедшего в коварстве даже меня.

— Я знаю Хенрика. Твои высказывания о нем не изменят моего мнения.

— Ты знаешь о Хенрике все?

— Я знаю достаточно.

— А знаешь ли ты, что именно он убил твоего отца? — Пальцем Автарх указал в сторону Артемиды. — Знаешь ли ты, что эта девушка, к которой ты так расположен, — дочь убийцы твоего отца?

Глава 14. ОТЪЕЗД АВТАРХА

В каюте воцарилось напряженное молчание. Автарх закурил новую сигарету. Он внешне расслабился, на лице появилось беззаботное выражение. Джилберт бессильно опустился в пилотское кресло; казалось, он сейчас заплачет.

Байрон, белый как бумага, повернулся к Артемиде; она отвела от Автарха взгляд и смотрела только на Байрона.

Тишину прерывали лишь радиосигналы.

Автарх лениво протянул:

— Боюсь, что наша беседа несколько затянулась. Я просил Ризетта прибыть за мной, если сам не вернусь через час.

На видеоэкране возник Ризетт.

Тогда Джилберт сказал Автарху:

— Он хочет поговорить с тобой, — и включил звук.

Автарх встал с кресла и подошел к зоне видеоконтакта.

— Я в полной безопасности, Ризетт.

В рубке необычайно ясно прозвучал вопрос:

— А кто же наши гости, сэр?

Внезапно Байрон встал рядом с Автархом:

— Я Господин Вайдемоса, — гордо заявил он.

Ризетт приветливо улыбнулся в ответ. Рука его поднялась вверх, отдавая честь.

— Мое почтение, сэр.

Автарх прервал его:

— Я скоро вернусь с молодой леди. Подготовь воздушный туннель. — Он оборвал видеосвязь между кораблями и повернулся к Байрону:

— Я уверял их, что на этом корабле находишься именно ты. Иначе они возражали против моего прихода сюда. Твой отец был исключительно популярен среди моих людей.

— И именно поэтому ты хочешь использовать мое имя.

Автарх кивнул.

Байрон продолжил:

— Но это и все, что ты сможешь использовать. Твое сообщение своему офицеру было несколько поспешным.

— То есть?

— Артемида из Хенриадов остается со мной.

— Как? После того, что я рассказал тебе?

— Ты ничего не рассказал мне, — резко возразил Байрон. — Ты высказал предположение, не подтвержденное ничем.

— Неужели ты знаешь Хенрика с такой стороны,

что мое утверждение кажется тебе невероятным?

Байрон промолчал.

— Я уверена, что это не так, — вмешалась Артемида. — Какие у вас доказательства?

— Прямых доказательств, безусловно, нет. Я не присутствовал на встречах твоего отца с Тиранийцами. Но я мог сопоставить несколько фактов. Во-первых, Господин Вайдемоса шесть месяцев назад посетил Хенрика. Это я уже говорил. Вероятно, переоценив Хенрика, он несколько перестарался. Во всяком случае, он сказал больше, чем должен был говорить. Мой господин Джилберт может подтвердить это.

Джилберт жалко кивнул. Он повернулся к Артемиде, которая ответила ему гневным взглядом.

— Прости, Арта, но это правда. Я говорил тебе. Именно от Вайдемоса я услыхал об Автархе.

— Мне повезло, — добавил Автарх, — что мой господин Джилберт страдает страстью к подслушиванию. Я был предупрежден об опасности и быстро покинул планету.

— И ты не попытался спасти его? — спросил Байрон.

— В нашем деле каждый за себя. Но его предупреждали. После этого он не вступал в контакт ни

с кем из нас. Некоторые из нас верили, что твой отец, Байрон, покинул сектор и бежал. Он мог сделать это. Но он не скрылся и решил рискнуть... И проиграл. Тиранийцы долго охотились за ним.

— Это ложь! — вскрикнула Артемида. — Все это ложь! В твоей истории нет ни слова правды. Если бы дело обстояло так, то за тобой тоже следили бы! Ты бы тоже был в опасности и не сидел здесь, улыбаясь и отнимая наше время.

— Моя милая, я вовсе не напрасно сижу здесь. Ведь за это время мне удалось полностью дискредитировать твоего отца, верно? Кроме того, имей в виду, что вряд ли Тиранийцы доверяют теперь человеку, чьи дочь и кузен присоединились к предателям. А если даже и доверяют, то очень скоро я намерен скрыться во тьме Туманности, где никто не найдет меня.

Байрон перевел дыхание и подытожил:

— Наше интервью подошло к концу, Джоунти. Мы согласны присоединиться к тебе и обещаем поддержку, в которой ты так нуждаешься. Но это единственное, что я могу обещать тебе. Даже если все, сказанное тобой, правда, преступления Правителя Родии не имеют отношения к его дочери. Артемида из Хенриадов остается со мной, если она согласна.

— Согласна, — сказала Артемида.

— Хорошо. Думаю, это все упрощает. Кстати, хочу предупредить тебя. Ты вооружен, но и я тоже. Возможно, у вас боевые корабли, но и у меня как-никак тиранийский военный крейсер.

— Не глупи, Фаррилл. У меня дружественные намерения. Хочешь оставить девушку здесь — пожалуйста. Могу я уйти через воздушный туннель?

Байрон кивнул.

— Настолько-то мы вам еще доверяем.

Два корабля сблизились, и от одного к другому протянулись выдвижные туннели, которые должны были сомкнуться друг с другом. Джилберт сидел у радио.

— Через две минуты они хотят вступить с нами в контакт, — сообщил наконец он.

Трижды включались магнитные поля, и каждый раз навстречу друг другу выдвигались гибкие трубы, и каждый раз между ними оставался зазор.

В четвертый раз включилось магнитное поле, лампы потускнели на время, пока двигатели справлялись с повышенным потреблением энергии. Снова выдвинулись трубы, покачались немного в пространстве и соединились бесшум-

ным толчком, дрожью отдавшимся в пилотской рубке. Замки на них автоматически защелкнулись, воздушный туннель был установлен.

Байрон медленно провел рукой по лбу и заметно расслабился:

— Готово! — сказал он.

На видеоэкране возник Автарх. Он уже добрался до своего корабля и теперь снимал скафандр.

— Спасибо, — приятным голосом сказал он. — Сейчас к вам прибудет мой офицер. С ним вы сможете обсудить детали нашей акции.

На этом связь прервалась.

— Джил, — Байрон повернулся к Джилберту, — я прошу тебя принять офицера, когда он прибудет на борт. Сразу же после его прибытия разорви воздушный контакт. Для этого нужно просто отключить магнитное поле. Ты только нажмешь вот на эту кнопку.

Он повернулся и вышел из рубки. Ему было необходимо остаться наедине с самим собой, чтобы поразмыслить как следует.

Но тут он услышал за спиной торопливые шаги, и тихий голос окликнул его. Он остановился.

— Байрон, — прошептала Артемида. — Я хочу поговорить с тобой.

Он повернулся к ней:

— Потом, Арта, если ты не против.

Она настойчиво искала его взгляд.

— Нет, сейчас. Ты же не поверил тому, что рассказал этот ужасный человек о моем отце?

— Это неважно, — ответил Байрон.

— Байрон, — начала она, — я знаю: то, что произошло между нами, случилось потому, что мы были одни и нам угрожала опасность, но...

Она умолкла.

— Нет необходимости напоминать мне, что ты из рода Хенриадов, Арта. Я знаю это. И я не хочу, чтобы ты продолжала.

— Нет! О нет! — Она схватила его за руку и прижалась к ней щекой. — Это не так. Неважно, кто мы такие — Хенриады или Вайдемосы. Я... люблю тебя, Байрон. — Ее глаза были полны мольбы. — Я думаю, ты тоже любишь меня. Забудь, что я из Хенриадов. Ты же сам говорил Автарху, что я не могу отвечать за грехи моего отца.

Она обняла его. Байрон чувствовал упругость ее груди и теплоту дыхания.

Он медленно разжал ее руки и на шаг отступил от нее.

— Я еще не рассчитался с Хенриадами, моя госпожа.

— Но ты же говорил Автарху...

— Прости, Арта, — он смотрел в сторону. — Не нужно повторять, что я говорил Автарху.

Ей хотелось закричать, что это неправда, что ее отец этого не делал, что в любом случае...

Но он уже повернулся и вошел в рубку, оставив ее в коридоре. На глазах у нее выступили слезы стыда и боли.

Глава 15. ДЫРА В ПРОСТРАНСТВЕ

Теодор Ризетт повернулся, когда Байрон вошел в рубку. Он был совершенно седой, но его тело дышало силой, а румяное улыбающееся лицо — здоровьем.

Он легко преодолел разделяющее их с Байроном расстояние и дружелюбно глянул в лицо юноши.

— Не нужно слов, — начал он, — чтобы сказать мне, что ты — сын своего отца. Старина Вайдемос воскрес передо мной.

— Мне бы этого очень хотелось, — смущенно ответил Байрон.

Улыбка на лице Ризетта угасла.

— Как и всем нам. Кстати, я Теодор Ризетт, полковник вооруженных сил Линганы, но в нашей маленькой игре мы не пользуемся титулами. Даже Автарху мы говорим — «сэр». Так же называют и меня. На Лингане нет ни лордов, ни леди. Надеюсь, ты простишь меня, если когда-нибудь при обращении к тебе я забуду упомянуть твой титул.

Байрон улыбнулся.

— Разве ты сам не сказал, что в нашей маленькой игре мы обходимся без титулов. Но давай

вернемся к прицепу. Я должен посоветоваться с тобой, Ризетт.

Некоторое время он мерил шагами рубку. Сидевший здесь же Джилберт внимательно прислушивался. Тихо вошла Артемида и встала за его спиной. Ее тонкие бледные пальцы чертили какой-то узор на фотоконтактах компьютера…

Тишину прервал голос Ризетта.

— Я впервые вижу тиранийский корабль изнутри. Мне было бы интересно более тщательно осмотреть его. Что же касается прицепа, не беспокойся. К подобным моделям его совсем несложно прикрепить.

— Сколько понадобится времени для этого?

— Совсем немного. Каких размеров он должен быть?

— Самого высокого класса. Размеры — соответствующие.

— Для мисс Хенриады? Конечно, он будет гораздо лучше, чем то, что вы имеете здесь... — Ризетт в растерянности замолчал, потому что Артемида, гордо вскинув голову, медленно вышла из рубки. Байрон проводил ее взглядом.

— Наверное, — пожал плечами Ризетт, — я не должен был называть имя мисс Хенриады...

— Не обращай внимания. Что ты говорил?

— Да, насчет комнат. Их будет две, и они будут соединены между собой. Там же будут туалет и ванная комната. Все очень удобно.

— Хорошо. Кроме того, нам нужна еда и вода,

— Конечно. Воды вам доставят достаточно, чтобы хватило наполнить небольшой плавательный бассейн. И вы также получите много замороженного мяса. Ведь все это время вы питались тиранийскими пищевыми концентратами?

Байрон кивнул, и Ризетт скорчил гримасу.

— По вкусу они напоминают сушеных тараканов, правда? Что еще?

— Кое-какую одежду для леди.

Ризетт почесал в затылке.

— Да, конечно. Ну, это она выберет сама.

— Нет, сэр. Вы сами пришлете нам все необходимое: мы полностью доверяем вашему вкусу.

Ризетт коротко рассмеялся и покачал головой.

— Вайдемос, ей это не понравится. Ей не понравится ни одно платье, которое она не выберет сама. Даже если бы она выбрала то же самое, наш выбор ее не устроит. Это не просто предположение. У меня есть опыт в таких вещах.

— Уверен, что ты прав, Ризетт, — кивнул Байрон. — Но ей придется принять все это.

— Хорошо, но я предупредил тебя. Что еще?

— Всякие мелочи. Косметика, духи — все, что нужно женщине. У нас еще будет время уточнить список. Давай пока займемся прицепом.

Теперь уже Джилберт, ни слова не говоря, вышел из рубки. Байрон смотрел ему вслед, и мышцы его напряглись. Хенриады! Они — Хенриады! И с этим ничего не поделаешь. Они — Хенриады! Джилберт — один из них, ОНА — другая.

Вслух же он сказал:

— И, конечно, нужна одежда для меня и мистера Хенриада. Но это не столь важно.

— Хорошо. Могу я воспользоваться рацией? Будет лучше, если я останусь на судне, пока не закончатся последние приготовления.

Байрон ждал, пока Ризетт отдавал приказы. Потом офицер встал со стула.

— Мне трудно поверить, Вайдемос, что здесь, со мной, ты, а не твой отец. Ты очень похож на него. Он часто рассказывал о тебе. Ты ведь учился на Земле?

— Да, и закончил бы учебу около недели назад, если бы не некоторые события.

Ризетту явно было неловко.

— Кстати, по поводу отправки тебя на Родию... Ты не должен сердиться на нас. Мы не хотели этого. Строго между нами, кое-кому из ребят это

очень не понравилось. Конечно, Автарх не советовался с нами. Некоторые из нас — я не буду называть имена — даже настаивали, чтобы мы остановили корабль и сняли тебя с его борта. Естественно, что это было наихудшим из всех возможных вариантов. Но потом ребята решили, что Автарх знает, что делает.

— Наверное, приятно пользоваться таким неограниченным доверием.

— Оно оправдано. Никто не может объяснить, почему иногда он выбирает то или другое решение. Но любое его решение в конечном итоге оказывается правильным. И он до сих пор избегал тиранийской угрозы, чего не смогли другие.

— Например, мой отец.

— Я не имел его в виду, хотя ты, конечно, прав. Даже он. Но Вайдемос был совсем другим человеком, с несколько своеобразными взглядами на жизнь. Он очень нравился всем нам. Смотри, сейчас я полковник, но отец мой был простым металлургом. Для Вайдемоса не было разницы между полковником и металлургом. А вот Автарх... он — другой. Он не допускает к себе близко никого, кем бы тот ни был. У него совершенно отсутствует чувство юмора. Я не смог бы с ним говорить так, как говорю с тобой. С ним прихо-

дится обдумывать каждое свое слово. Автарх есть Автарх, и этим все сказано.

— Я во многом согласен с тобой, — кивнул Байрон. — Знаешь ли ты, что он знал о моем присутствии на корабле еще до того, как увидел меня?

— ЗНАЛ? Мы этого не знали. Он собирался отправиться на борт тиранийского корабля, и мы сочли это самоубийством. Нам это не понравилось. Но мы опять же решили, что он знает, что делает. Он мог бы сообщить нам о тебе хотя бы с борта корабля. Ему отлично известно, что для всех прибытие сына Вайдемоса было бы огромной радостью. Но это так похоже на него — он промолчал!

Артемида сидела в каюте на низкой скамеечке. Почти автоматически она разглаживала складки на юбке. Девушка была раздражена и очень устала. На стук в дверь она вскочила на ноги; она не хотела видеть его; она не хотела слышать его; она ненавидела его!

Но это был лишь Джилберт. Она вновь села, сказав:

— Привет, дядя Джил.

Он уселся против нее. Минуту Джил рассматривал ее лицо и вдруг улыбнулся.

— Мне кажется, Арта, провести неделю на корабле — не слишком восхитительное занятие. Ты со мной согласна?

— Дядя Джил, — холодно заметила она, — не надо практиковаться в изучении психологии на мне. Если хочешь задеть меня, то лучше оставь свои попытки, потому что тогда я скорее задену тебя.

— Если тебе станет от этого легче...

— Говорю тебе, прекрати!

— Дорогая, ты почему-то поссорилась с Байроном?

— Не смей расспрашивать меня! Оставь меня в покое!

Она помолчала и после паузы добавила:

— Он считает, что отец совершил все то, о чем говорил Автарх. Я ненавижу его за это.

— Твоего отца?

— Нет! Этого доверчивого, глупого, самонадеянного мальчишку!

— Значит, Байрона. Ладно. Ты ненавидишь его. Но ведь любовь и ненависть всегда ходят рядом?

— Дядя Джил, — жалобно спросила она, — мог он в самом деле это совершить?

— Байрон? Совершить что?

— Нет! Отец! Мог отец совершить это? Мог он

предать Вайдемоса?

Джилберт задумчиво посмотрел на нее.

— Я не знаю... Но ведь он хотел выдать Байрона тиранийцам? И сделал это.

— Потому что он знал, что это — ловушка, — гневно ответила она. — Тиранийцы знали, кто такой Байрон, и сами послали его к отцу. Отец сделал то, что он обязан был сделать. Это понятно каждому.

— А если при этом вспомнить, — Джилберт смотрел в сторону, — что он пытался убедить тебя выйти замуж по политическим соображениям? Если Хенрик мог пойти на такое...

Она прервала его:

— У отца не было другого выхода.

— Моя дорогая, если ты собираешься найти оправдание каждому поступку своего отца, объясняя это тем, что у него не было выхода, то, возможно, по этим же соображениям он выдал тиранийцам Господина Вайдемоса?

— Я уверена, что он не делал этого! Ты не знаешь отца так, как знаю его я. Он ненавидит тиранийцев, и я это знаю. Он не стал бы помогать им добровольно. Просто он боится их, но сам никогда не стал бы их добровольным союзником.

— А если этого невозможно избежать?

Но она затрясла головой, потом закрыла лицо руками и разрыдалась.

Джилберт посмотрел на Артемиду, беспомощно развел руками и вышел.

Прицеп был прикреплен; его соединял с «Беспощадным» широкий коридор. Автарх вышел на связь и поинтересовался у Байрона, не нужно ли еще чего-нибудь.

— Нет, — ответил Байрон. — Думаю, нам будет вполне удобно.

— Хорошо. Да, кстати. Ризетт сказал мне, что с Госпожой Артемидой не все в порядке, точнее, она не очень хорошо выглядит. Если ей потребуется медицинская помощь, лучше бы отправить ее на мой корабль.

— С ней все в порядке, — отрезал Байрон.

— Ну, если ты уверен... Готов ли ты стартовать через двенадцать часов?

— Если нужно, то и через два.

Проходя по коридору, Байрон столкнулся с Артемидой. Стараясь, чтобы его голос звучал как можно безразличнее, он сказал:

— Теперь у тебя есть собственные покои. Я не буду надоедать тебе. Большую часть времени я буду проводить в рубке.

Она так же холодно ответила ему:

— Ты не беспокоишь меня, Господин Вайдемоса. И меня не интересует, где ты будешь находиться.

...И вот корабли стартовали. После первого же Прыжка они оказались на краю Туманности. Несколько часов пришлось ожидать, пока компьютер на корабле Джоунти сделает последние расчеты. Навигация внутри Туманности была непростым и малоизвестным делом.

Байрон глядел в смотровое окно. Ничего не видно! Вокруг была темнота, и ни один лучик не прорезал ее. Впервые Байрон понял, насколько приветливы звезды, как они наполняют светом космос.

— Это напоминает черную дыру в пространстве, — пробормотал он, обращаясь к Джилберту.

А потом они вновь совершили Прыжок, на этот раз в глубину Туманности.

Почти в это же время Саймок Аратап, Представитель Великого Хана Тирании, во главе десяти вооруженных военных судов, выслушал своего лоцмана и сказал:

— Это неважно. Следуйте за ними по пятам.

И тиранийские корабли пересекли границы Туманности в той точке, где совсем недавно то же самое совершил «Беспощадный».

Глава 16. ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ

В форме Саймок Аратап чувствовал себя несколько неудобно. Материал, из которого шили на Тирании формы, был груб. Но давней традицией планеты являлось ношение солдатами несколько неудобной одежды, что должно было, по мнению военачальников, вырабатывать в них дисциплину.

И все же Аратап, в нарушение всех традиций, не смог не заметить:

— Что за гадость этот воротничок! Он натирает мне шею!

Майор Андрос, — чей воротничок ничем не отличался и который носил всю жизнь только военную одежду, не признавая иной, — посоветовал:

— Когда вас никто не видит, воротничок вполне можно расстегнуть!

Аратап фыркнул. Из-за полувоенной миссии их экспедиции он вынужден терпеть такие неудобства! И все это продолжается с того момента, как они покинули Родию.

Все началось прозаически.

К нему явился Андрос и сказал:

— Представитель, нам нужно десять кораблей.

— Десять кораблей, майор?

— Да, сэр. Меньшее количество нас не устроит.

— Почему же?

— Мне нужно обеспечить полную безопасность. Молодой человек куда-то собрался. При этом он соблюдает полную конспирацию. Мы должны следовать за ним.

Аратап взглянул на него, и солнечные зайчики, отраженные в его контактных линзах, заиграли на свету. Он меланхолически заметил:

— У нас есть одна проблема. Это проблема Хенрика. Я думаю, он должен сопровождать нас.

— Не вижу необходимости, — ворчливо возразил майор. — Присутствие в нашей экспедиции представителя местных органов власти может быть дурно истолковано.

Аратап задумчиво слушал его. Андрос, конечно, человек компетентный. Стоит ли спорить с ним?

— Я согласен с тобой. Но вспомни недавнюю историю! Казнь старого Господина Вайдемоса — политическая ошибка. В этом не было необходимости! Нужна ли нам теперь смерть его сына? Тут следует пораскинуть мозгами. Народ Родии считает, что юноша похитил дочь Правителя. Девушка очень популярна среди населения.

Поэтому было бы вполне логично, если бы Правитель лично попросил нашей помощи в поимке похитителя.

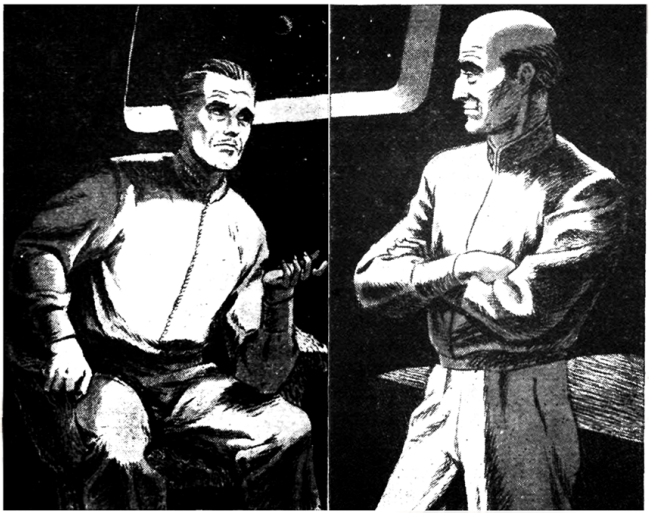
— Не самый лучший предлог для включения болвана Хенрика в тиранийскую военную экспедицию. Это отдает мелодрамой. Перед нами стоят задачи исключительно военного характера.

— Но я же не сказал, дорогой майор, что Хенрик будет командовать кораблем: он не способен командовать и своими слугами. Он просто будет с нами. Никого из жителей Родии больше на борту не окажется.

— Что ж, мне придется согласиться, Представитель, — нехотя сказал майор.

Тиранийский флот расположился в двух световых годах от Линганы. Теперь следовало оценить ситуацию.

Майор Андрос настаивал на немедленном захвате Линганы.



— Автарх Линганы, — говорил он, — ввел нас в заблуждение, называя себя другом Хана, но я никогда не доверял ему. Странно, что как только он вернулся, на встречу с ним примчался молодой Вайдемос.

— Он не мог знать о путешествии Автарха, майор. И к тому же, нам неизвестно, зачем Вайдемосу понадобилось с ним встречаться. Он кружит на орбите вокруг Линганы. Почему он не приземляется?

— Стоит ли задумываться над тем, что он делает или не делает?

— Хотелось бы высказать одну интересную мысль, майор, — Аратап запустил за воротничок пальцы, чтобы хоть немного ослабить его давление. — Поскольку молодой человек ждет, мы можем предположить, что он ждет кого-то или что-то. Было бы глупо думать, что у него нет никаких намерений. Скорее всего он ждет встречи с другом или друзьями. Тот факт, что он не приземляется на Лингане, означает, что он не вполне уверен в безопасности этого шага. Это означает, что Лингана в целом — и Автарх в частности — не слишком искушены в конспирации. Так подсказывает мне логика.

— Может быть, вы правы. Но если в течение двадцати четырех часов ничего не изменится, у меня не будет другого выхода, кроме как взять Лингану штурмом.

Аратап взглянул на дверь, через которую только что вышел майор. Очень трудно управлять недальновидными людьми. Двадцать четыре часа. За это время что-нибудь должно случиться, иначе ему придется изобретать способ остановить Андроса.

Прозвенел звонок, и в комнате возникла высо-

кая нескладная фигура Хенрика с Родии. За его спиной нерешительно переминался с ноги на ногу охранник. Теоретически Хенрик был совершенно свободен в своих действиях. Во всяком случае, так считал он сам. И поэтому он никогда не обращал внимания на охранника за своей спиной.

Хенрик робко улыбнулся.

— Я не слишком побеспокоил вас, мой господин?

— Вовсе нет. Присаживайтесь, Правитель.

Аратап продолжал стоять. Казалось, Хенрик этого не заметил.

— Мне бы хотелось, Представитель, обсудить с вами нечто важное.

Хенрик сделал паузу, и что-то промелькнуло в его глазах. Продолжил он несколько другим тоном:

— Какое превосходное судно, верно?

— Благодарю вас, Правитель, — Аратап улыбнулся. Девять остальных кораблей были вполне хороши, но этот, флагманский, представлял собой самую последнюю модель родианской космонавигации. Он полностью олицетворял военный дух Тирании.

— Я пришел, чтобы кое-что рассказать вам,

— вновь начал Хенрик. — Сегодня я отправил на Родию обращение к своему народу. Я сообщил в нем, что со мной все в порядке и что скоро моя дочь будет в безопасности.

— Хорошо, — одобрил Аратап. Для него это не было новостью. Он сам писал это обращение, поскольку для Хенрика это оказалось непосильной задачей. Аратап почувствовал жалость к этому человеку, деградировавшему на глазах.

— Мой народ, — продолжал Хенрик, — очень обеспокоен этим похищением. Думаю, мне следует предпринять некоторые действия в этой связи. Народ должен понимать, что сила все еще в руках Хенриадов.

Последние слова он произнес торжественным тоном.

— Думаю, вы правы.

— Враг еще не скрылся от нас?

— Нет, Правитель, враг находится там, где и раньше, неподалеку от Линганы.

— До сих пор? Я помню, что хотел вам сказать. Это очень важно, Представитель. Я должен кое-что рассказать вам. На борту зреет заговор. Я раскрыл его. Мы должны быстро действовать. Заговор...

Он заговорил шепотом.

Аратапа охватило безразличие. К бедному идиоту нужно относиться снисходительно, но сколько же можно тратить на него времени?

— Никакого заговора, Правитель. Наши люди верны и преданны. Кто-то сбил вас с толку. Вы устали.

— Нет-нет. — Хенрик отбросил руку Аратапа, которую тот положил ему на плечо. — Где мы?

— Как это «где»?

— Я имею в виду корабль. На смотровом экране вокруг нас нет звезд. Мы в глубинах космоса. Вы это знаете?

— В самом деле?

— Где-то рядом Лингана. Знаете ли вы об этом?

— Да, в двух световых годах от нас.

— Ах-ах-ах! Представитель, нас никто не слышит? Вы уверены? — Он придвинулся вплотную к Аратапу. — Откуда мы можем знать, что враг находится возле Линганы? Он слишком далеко, чтобы его можно было обнаружить. Нас дезинформируют, а это означает заговор.

Человек, конечно, может считаться сумасшедшим, но это, черт возьми, хорошая мысль! Аратап сказал:

— Это могут знать инженеры, и вовсе не обязательно знать это гражданским лицам.

— Но как Глава экспедиции я должен знать это! Ведь я ее Глава? — Он пристально взглянул на Аратапа. — Мне кажется, майор Андрос не всегда выполняет мои указания. Конечно, я редко приказываю ему. Было бы странно приказывать тиранийскому офицеру. Но я должен найти мою дочь. Ее зовут Артемида. Ее украли у меня, и я приложу все силы, чтобы вернуть дочь. Поэтому я должен все знать. В частности, я должен знать, почему мы решили, что враг находится вблизи Линганы. Ведь там должна быть и моя дочь. Вы знаете мою дочь? Ее зовут Артемида.

Он еще раз пристально взглянул на Представителя. Потом, смутившись, пробормотал:

— Прошу прощения.

У Аратапа перехватило дыхание. Трудно было поверить, что у стоявшего перед ним идиота сохранились хоть какие-нибудь отцовские чувства. Он мягко сказал:

— Я попытаюсь объяснить. Вам известно, что есть прибор под названием «массометр», который может определить наличие в космосе кораблей.

— Да, да.

— Он имеет чувствительность к гравитационным эффектам. Вы понимаете, что я имею в виду?

— О да. Все обладает гравитацией, — руки Хенрика нервно потирали одна другую.

— Хорошо. Массометр действует только в тех случаях, когда корабль находится близко, как вам известно. Менее чем в миллионе миль. Он должен быть удален от ближайшей планеты на такое же расстояние, иначе все, что определит массометр, — это планета, которая намного больше.

— И обладает большей гравитационной силой.

— Отлично, — сказал Аратап, и Хенрик удовлетворенно взглянул на него. Аратап продолжал:

— У нас есть еще один прибор. Это трансмиттер, который просвечивает космос во всех направлениях и обнаруживает в нем предметы энергомагнетического характера. Другими словами, он обнаруживает космические корабли. С его помощью мы обнаружили корабль, на котором прилетели наши враги. Как вам известно, он находится неподалеку от Линганы. И, помимо всего прочего, он никуда не улетает, так что мы обязательно спасем вашу дочь.

Хенрик улыбнулся:

— Отлично, я поздравляю вас, Представитель.

Увы, Хенрик понял очень мало из того, что рассказал ему Аратап. Важнее всего для него была надежда на возвращение его дочери. Что ж...

Вновь позвонили, и вошел майор Андрос. Хенрик вцепился двумя руками в кресло, а на его лице появилось затравленное выражение. Он слегка приподнялся и начал:

— Майор Андрос...

Но Андрос уже говорил, не обращая на беднягу никакого внимания.

— Представитель, — сказал майор, — «Беспощадный» изменил свой курс.

— Значит, он не высаживается на Лингане? — резко спросил Аратан.

— Нет, — прозвучал ответ. — Он совершил Прыжок в сторону, противоположную Лингане.

— Вот как? Хорошо. Вероятно, он следует за каким-нибудь другим кораблем.

— Не за одним, а за многими. Но мы, как известно, можем обнаружить только его.

— В любом случае нужно следовать за ним.

— Приказ уже отдан. Я уверен, что в результате Прыжка он оказался на краю Туманности Лошадиной Головы.

— Что?!

— В этом направлении нет ни одной планетарной системы. Но это только мои умозаключения.

Аратап облизнул пересохшие губы и быстро вышел из рубки, кивком пригласив майора с собой.

Хенрик остался стоять посреди внезапно опустевшей комнаты, задумчиво глядя на дверь. Потом, слегка пожав плечами, он вновь сел.

Лоцман сказал:

— Пространственные координаты «Беспощадного» уже определены, сэр. Они пересекаются внутри Туманности.

— Неважно, — ответил Аратап. — Повсюду следуйте за ними.

Он повернулся к майору Андросу:

— Вот видите, в чем польза ожидания! Теперь мы знаем, куда направляются наши друзья. Наблюдая за ними, мы сможем понять и то, зачем им это нужно.

И эскадра пересекла границы Туманности.

В двадцатый раз Аратап автоматически взглянул на смотровой экран. Собственно, это было абсолютно бессмысленно, потому что за стеклом царила темнота.

Андрос сказал:

— Это уже третья остановка без приземления. Я не понимаю их. Каждая остановка длится несколько дней. Но они и никуда не высаживаются.

— Возможно, им приходится долго рассчитывать следующий Прыжок, — предположил

Аратап. — Их Прыжки слишком хороши. Каждый раз они останавливаются совсем близко от звезды. Они наверняка пользуются не только массометром — им известно также расположение планет.

— Почему же они не высаживаются?

— Полагаю, они ищут обитаемую планету. Возможно, им неизвестно точное расположение конспиративного центра. — Он хитро подмигнул майору. — Нам нужно только следовать за ними.

Внезапно до его слуха донесся возглас лоцмана:

— Сэр!

— Да?

— Враг высаживается на планету.

Аратап подал знак майору.

— Андрос, — сказал он, — вы уже знаете?

— Да. Что теперь?

— Ждать. Для начала нам нужно выяснить, что это за планета. И я запрещаю вам предпринимать без моего разрешения какие бы то ни было шаги. Иначе вы вернетесь на Тиранию и вас разжалуют в рядовые.

— Разжалуют?!

— Вы поняли меня? Отлично.

Они шли на посадку, и на смотровом экране

начали возникать очертания планеты.

— Поверхность кажется весьма пустынной, сэр, — заметил лоцман.

— Вы можете определить точное расположение «Беспощадного»?

— Да, сэр.

— Тогда приблизьтесь к нему, насколько это возможно.

Они пролетали сквозь атмосферу. Небо над ними было ярко-пурпурного цвета. Аратап огляделся. Их долгое путешествие практически достигло цели!

Глава 17. ...И ПРЕСЛЕДУЕМЫЕ

Для тех, кто никогда не бывал в космосе, поиски обитаемой планеты могут показаться увлекательными или по меньшей мере интересными. Для космолетчика — это одно из самых утомительных заданий; долгая утомительная процедура, требующая многократных проверок, и когда они повторяются по отношению к трем различным звездам, каждый раз с отрицательным результатом, — депрессия, как следствие, оказывается вполне нормальной реакцией.

В случае с нашими героями депрессия больше всех отразилась на Джилберте. Чем дольше продолжались поиски, тем реже находил он что бы то ни было «восхитительным».

Они как раз готовились к Прыжку к четвертой в списке Автарха звезде, и Байрон заметил:

— А все же каждый раз мы оказываемся вблизи звезд. Расчеты Джоунти верны.

Джилберт возразил:

— Статистика показывает, что каждая третья звезда имеет планетарную систему.

Байрон кивнул. Это была хорошо известная статистика. Каждый ребенок знал это из курса

элементарной галактографии.

Джилберт продолжал:

— А мы так и не нашли ни одной. Где-то должна быть ошибка.

— Ты смотришь на это со своей колокольни. И потом, что такое статистика? Все, что мы знали до сих пор, касалось чего угодно, только не Туманности. Может быть, здесь другие законы. Впрочем, мои познания в космогонии невелики.

Он задумался на мгновение и неожиданно спросил:

— Ты знаешь, почему ее назвали Туманностью Лошадиной Головы?

— Первым человеком, посетившим ее, был Горас Хедд[1]. Или ты хочешь сказать мне, что это не так?

— Возможно. Но есть другое объяснение, я слышал его на Земле.

— Да?

— Говорят, что она похожа на лошадиную голову.

— Что такое лошадь?

— Это земное животное.

— Восхитительная мысль, но мне не кажется,

---

[1] Примечания: 1

Hoarse head — конская голова *(англ.).*

что эта Туманность похожа на какое-нибудь животное.

— Смотря откуда смотреть, Джил. С Нефелоса она напоминает человеческую руку с тремя пальцами, но из обсерватории на Земле она и в самом деле похожа на лошадиную голову. Возможно, именно так и возникло ее название, и никакого Гораса Хедда тут никогда не было. Кто знает?

Байрон не вдумывался в смысл собственных слов. Он говорил просто, чтобы что-то говорить.

Возникла пауза. Она затягивалась, потому что Джилберт собирался с духом, чтобы поговорить с Байроном об одном чрезвычайно интересующем его деле. Наконец он решился.

— Где Арта? — спросил он.

— Не знаю, — быстро ответил Байрон. — Я не слежу за ней.

— Зато это делает Автарх. Скоро он переедет сюда жить.

— Это было бы крайне удачно для нее.

Джилберт свел брови на переносице.

— Не будь глупцом, Байрон. Артемида — из Хенриадов. Она не может взять то, что ты дал ей.

— Оставь это, — бросил Байрон.

— Нет. Я не могу молчать. Зачем ты так ведешь себя?! Потому что Хенрик, возможно, причастен

к смерти твоего отца? Хенрик — мой кузен, но по отношению ко мне ты не изменился!

— Ну, хорошо, — перебил его Байрон. — Я не изменился по отношению к тебе. Я разговариваю с тобой как всегда. С Артемидой я тоже разговариваю как всегда.

— Как всегда?

Байрон промолчал.

Джилберт сказал:

— Ты сам подталкиваешь ее к Автарху.

— Это ее выбор.

— Нет. Это твой выбор. Слушай, Байрон, — Джилберт понизил голос, положив руку на колено юноши. — Мне не хотелось бы вмешиваться. Но она — самое хорошее, что есть в династии Хенриадов. Если хочешь знать, я люблю ее. У меня нет своих детей.

— Я не спрашивал тебя об этом.

— То, что я говорю тебе, нужно для ее блага. Останови Автарха, Байрон.

— Мне казалось, ты доверяешь ему, Джил.

— Как Автарху — да. Как антитиранийскому вождю — да. Но не как мужчине в отношениях с женщиной. В отношениях с Артемидой.

— Скажи ей об этом.

— Она не станет слушать.

— Ты думаешь, она станет слушать, если об этом скажу я?

— Да, если скажешь искренне.

Пораженный Байрон облизнул губы. Потом он отвернулся со словами:

— Я не хочу говорить об этом.

Джилберт грустно сказал:

— Ты еще пожалеешь.

Байрон не ответил. Почему Джилберт не оставит его одного? Он уже сам много раз жалел о случившемся. Но что он мог поделать? Назад пути не было.

Он попытался дышать через рот, чтобы унять боль в груди.

После следующего Прыжка панорама изменилась. Байрон как раз собирался заснуть. Вдруг Джилберт потряс его за плечо.

— Байрон! Байрон!

Байрон приподнялся на локте и раздраженно спросил:

— В чем дело?

Джилберт отступил на шаг:

— Слушай внимательно. На этот раз мы имеем F-2.

— Никогда не буди меня подобным образом, Джил. F-2, ты говоришь? Думаю, теперь нам со-

путствует удача!

— Мне тоже так кажется, и это восхитительно!

Здесь необходимо пояснение. Почти девяносто пять про-центов обитаемых планет в Галактике окружены звездами спектрального типа F или G диаметром от 750 до 1500 тысяч миль и с температурой на поверхности от пяти до десяти тысяч градусов. Солнце над Землей имело индекс G-O, над Родней — F-8, над Линганой G-2, как и над Нефелосом. F-2 было немного теплее, но не слишком горячее.

Первые три звезды, у которых они останавливались, относились к спектральному типу К, несколько более меньшему и холодному. Поэтому на планетах в их радиусе действия не могло быть никакой жизни.

Хорошая звезда — это хорошая звезда! Фотография показала, что здесь сосредоточились пять планет, ближняя в ста, а дальняя в пятидесяти миллионах миль от них.

Теодор Ризетт явился к ним, чтобы лично сообщить новость. Он не менее часто, чем Автарх, посещал «Беспощадного», согревая судно своим душевным теплом. На этот раз он сказал:

— Я не знаю, как Автарху удается все это... Пять планет!

Джилберт уточнил:

— Вокруг этой звезды? Ты уверен?

— Безусловно. Хотя четыре из них J-типа.

— А пятая?

— С пятой, очевидно, все в порядке. Атмосфера содержит оксиген.

— А хлориды? — поинтересовался Байрон. — Насколько они просачиваются сквозь атмосферу?

Ризетт вздохнул.

— Пока мы не знаем этого. Если здесь есть хлориды, то они должны быть сконцентрированы на уровне поверхности. Посмотрим.

Он хлопнул ладонью по широкому плечу Байрона. — Как насчет того, чтобы нам пропустить по рюмочке в вашей каюте, молодой человек?

Джилберт с тоской смотрел на них. Автарх обхаживает Артемиду, а его правая рука стала собутыльником Байрона. «Беспощадный» все больше становилась линганским кораблем. Он подумал, что Байрон знает, что делает, а потом его мысли полностью переключились на новую планету.

Когда они проходили сквозь атмосферу, Артемида была в рубке пилота. Она слегка улыбалась. Байрон изредка поглядывал в ее сторону. Когда

она вошла, он сказал:

— Добрый день, Артемида!

Она не ответила.

Потом поздоровалась с Джилбертом и спросила:

— Это правда, что мы приземляемся?

Джил потирал руки.

— Кажется, да, моя дорогая. Через несколько часов мы сможем покинуть наш корабль и отправиться на прогулку по твердой поверхности. Не правда ли, восхитительная мысль?

— Надеюсь, это та планета, которую мы ищем. Если нет, то не будет ничего восхитительного.

— Тогда мы полетим к другой звезде, — с энтузиазмом провозгласил Джилберт.

Внезапно Артемида повернулась к Байрону и холодно спросила:

— Вы что-то сказали, мистер Фаррилл?

— Нет, ничего, — удивленно ответил Байрон.

Она прошла так близко от него, что подол платья задел его колено, и он почувствовал запах ее духов. Его мышцы напряглись.

— Тогда прошу прощения. Мне показалось.

Ризетт все еще был с ними. Он сказал:

— Теперь мы можем узнать об атмосфере немного больше. Много оксигена, почти 30 про-

центов нитрогена и инертных газов. Это вполне нормально. Хлоридов нет.

Потом помолчал и промычал:

— Хммм...

— В чем дело? — встревоженно воскликнул Джилберт.

— Нету карбондиоксидов. Это совсем нехорошо!

— Почему? — поинтересовалась Артемида, глядя на планету в смотровое стекло.

Байрон коротко ответил:

— Нет карбондиоксидов — нет растительной жизни.

— Да? — Она с дружелюбной улыбкой смотрела на него.

Байрон против желания улыбнулся ей в ответ. Когда она была рядом, он не мог держать себя в руках. Все самовнушение тут же испарялось. Ну что с этим можно поделать?

Джилберт был счастлив. Они приземлялись. Странно было только то, что до сих пор они не получили ответа ни на один радиосигнал.

— Все это мало похоже на мятежный мир, — заметил Джилберт. — Каков уровень карбондиоксидов, Ризетт?

— Около тысячи процентов.

Байрон кивнул. Его внезапно охватила надежда, что это тот мир. Он понял, что не может больше ждать. Он немедленно должен высадиться на эту планету!

Это было восхитительное чувство!

Люки открыли, и корабль заполнился атмосферой планеты. Ризетт предостерегал о возможности возникновения респираторных заболеваний вследствие отсутствия карбондиоксида, но Байрон не думал, что за столь короткое время это возможно.

Джилберт незаметно подошел к ним в тот момент, когда они о чем-то тихонько разговаривали. Увидев его, они резко отпрянули друг от друга, как нашкодившие мальчишки.

Джилберт рассмеялся, потом выглянул в иллюминатор, вздохнул и сказал:

— Скалы!

— Прекрасно. Мы попробуем послать радиосигнал с вершины самой высокой из них. Если эффекта не последует, попытаемся проделать то же самое на другой стороне планеты.

— Вы об этом сейчас так увлеченно беседовали с Риззетом?

— Совершенно верно. Передатчик установим мы вдвоем с Автархом. К счастью, он сам предло-

жил это, иначе предлагать пришлось бы мне.

Байрон мельком взглянул на Риззета. Лицо офицера было бесстрастно.

Байрон встал:

— Я, пожалуй, отстегну подкладку от скафандра и надену ее.

Риззет кивнул. Стояла ясная, безоблачная погода, но было очень холодно.

Автарх ждал у главного люка «Беспощадного». Его костюм из тонкого пенообразного материала весил лишь долю унции, но обеспечивал прекрасную изоляцию. К груди был пристегнут маленький цилиндр с двуокисью углерода: газ постепенно выходил через микроскопическую щель, создавая в непосредственной близости нужную для дыхания концентрацию.

— Хотите обыскать меня, Фаррилл? — спросил Автарх.

С легкой иронической улыбкой он поднял обе руки.

— Нет, — ответил Байрон. — Хотите проверить, не вооружен ли я?

— И не подумаю.

Вежливость их была холодна, как погода на этой планете.

Байрон натянул скафандр, снабженный радио-

связью. Автарх сделал то же самое.

Байрон вышел на яркий солнечный свет и взялся за ручку тяжелого ящика, в котором находилась аппаратура. Автарх взялся за другую ручку.

— Не слишком тяжелый, — заметил Байрон. Он повернулся и увидел стоящую прямо перед ним Артемиду.

Девушка молчала. Ее платье трепетало на ветру. Запястья были схвачены широкими серебряными браслетами.

На мгновение Байрону захотелось бросить все, вернуться, сжать ее в объятиях, ощутить вкус ее губ...

Но вместо этого он прощально кивнул ей и отвернулся, так что ее ответная улыбка досталась Автарху.

Через пять минут Байрон обернулся и увидел, что она все еще стоит в проеме открытого люка. Перед ними открывался пустынный горизонт, и лишь одинокая скала возвышалась вдалеке.

Байрон подумал вдруг, увидит ли он Артемиду вновь — и будет ли она переживать, если он не вернется никогда?

Глава 18. СТРЕМИТЬСЯ К ПОБЕДЕ…

Артемида смотрела им вслед, пока их фигуры не стали крошечными точками. На мгновение, прежде чем они совсем скрылись из виду, один из них оглянулся. Она не могла сказать точно, кто это был, и на сердце у нее залегла печаль.

Он не сказал на прощанье ни слова. Ни единого слова. Ей стало одиноко, ужасно одиноко, как никогда в жизни.

Вернувшись в рубку, она задумчиво уселась в кресло. Она могла бы пойти с ним! Артемида мысленно поправила себя — с ними.

Отогнав от себя крамольную мысль, она спросила:

— Почему они не отвечают, дядя Джил?

— Кто?

— Жители мятежного мира.

Джилберт был чем-то обеспокоен.

— Мы сделаем все от нас зависящее, дорогая. Мы ***должны*** найти их!

Он повторил еще раз:

— Должны!

И мгновением позже:

— Но я не могу их найти.

— Кого?

— Байрона и Автарха. Их нигде не видно. Правда, я вижу корабль Автарха.

Артемида прильнула к стеклу. Да, это был корабль, и он сверкал в лучах солнца. Внезапно ей остро захотелось, чтобы можно было повернуть время вспять, чтобы они никогда не приближались к Лингане, чтобы всегда оставались в космосе втроем. Пусть им не всегда было комфортно, но как же она была счастлива тогда! А сейчас она только ненавидит его. Что-то заставляет ее ненавидеть, хотя ей бы хотелось совсем иного...

Внезапно Джилберт воскликнул:

— Что он собирается делать?!

— Кто?

— Ризетт! Я думаю, что это Ризетт. Но он не должен был идти в этом направлении.

— Увеличь изображение, — приказала Артемида.

— На таком маленьком расстоянии? — удивился Джилберт. — Ты ничего не увидишь. Я не смогу навести резкость.

— Увеличь изображение, дядя.

Теперь они ясно видели силуэт Ризетта. Артемида воскликнула:

— Он вооружен. Ты заметил?

— Нет.

— У него в руках бластер, говорю тебе!

Она, вскочив, бросилась к люку.

— Арта! Что ты делаешь?

Она была занята поисками скафандра.

— Я собираюсь выйти отсюда. Ризетт преследует их. Как ты не понимаешь? Автарх вовсе не намерен устанавливать радиосвязь. Это ловушка для Байрона!

— Прекрати! Ты говоришь чепуху!

Но она смотрела на Джилберта невидящими глазами, а ее лицо побелело. О, глупец! Кому этот мальчишка поверил?! Ризетту, который нахваливал его отца, а на самом деле готовился убить его?!

Она сказала:

— Я не знаю, как открывается люк. Открой его.

— Арта, ты не покинешь корабль. Ты же не знаешь, где они!

— Я найду их. Открой люк.

Джилберт отрицательно покачал головой.

— Открой люк! — крикнула она.

Он подчинился. Артемида выскочила наружу и помчалась в сторону скалы. Кровь билась у нее в висках, шлем потерялся по дороге, и теперь го-

лова ее была непокрыта. Но она спешила вперед, держа в руке станнер.

Байрон и Автарх не сказали во время своей прогулки ни слова друг другу. Они приближались к скале.

— Какой безнадежный мир, Джоунти, — заметил вдруг Байрон.

Автарх никак не отреагировал на его слова. Он остановился, оглядывая окрестности. Наконец пробурчал себе под нос:

— Это то, что нужно. Идеальное место для наших целей.

«Идеальное место для твоих целей», — подумал Байрон. Он присел на камень, прислушиваясь и чего-то ожидая.

Потом он спокойно добавил:

— Не представляю, что ты скажешь им всем, когда вернешься на корабль, Джоунти. Или я не прав?

Автарх, занятый открыванием двух небольших чемоданчиков, на мгновение замер.

— О чем ты говоришь?

— О том, как ты объяснишь, зачем пришел сюда.

— Я пришел сюда, чтобы попытаться установить радиосвязь, и у меня нет времени на пустую

болтовню, Фаррилл.

— Ты вовсе не собираешься устанавливать радиосвязь. Зачем? Ведь мы уже пытались связаться с ними из космоса — и безрезультатно. Так зачем же ты пришел сюда на самом деле, Джоунти?

Автарх сел напротив Байрона. Рука его покоилась на чемоданчике.

— Если у тебя есть сомнения, зачем ТЫ ПОШЕЛ со мной?

— Чтобы узнать правду. Твой человек, Ризетт, говорил мне, что ты собираешься совершить эту маленькую прогулку, и советовал мне пойти с тобой. Я уверен, что, приказывая ему посоветовать мне пойти с тобой, ты придумал какую-нибудь вескую причину. Я попался на эту удочку, и вот мы здесь.

— Так ты хочешь узнать правду? — насмешливо переспросил Автарх.

— Да. Я ее уже почти понял.

— Тогда поведай и мне, что же именно ты понял.

— Ты пришел, чтобы убить меня. Я здесь с тобой наедине, над нами нависает скала, и вполне может случиться так, что я полезу на нее, оступлюсь и упаду. Тебе не понадобится даже пользоваться оружием. Потом ты приведешь людей за моим

трупом и, возможно, даже похоронишь меня с почестями.

— И ты веришь в то, что говоришь?

— Да, но ты не застанешь меня врасплох. Мы оба безоружны, и я не думаю, что ты окажешься сильнее меня.

Правой рукой Байрон показал Автарху кукиш.

Джоунти рассмеялся.

— Может быть, мы все же займемся тем, зачем пришли сюда, — радиосвязью?

— Перестань дурачить меня. Я знаю, что ты хочешь убить меня.

— Я бы не советовал тебе повторять эти глупости. Щенок!

— Слушай, — голос Байрона был громким и отчетливым. — Ты говорил, что послал бы меня на верную смерть — я имею в виду Родию — только для того, чтобы навлечь подозрения на Правителя?

— Да.

— Это ложь. Твоей главной целью было, чтобы меня убили. Ты сообщил капитану родийского корабля, кто я на самом деле. Ты не думал, что я вообще попаду к Хенрику.

— Если бы я хотел убить тебя, Фаррилл, то мог бы подложить в твою комнату настоящую

бомбу.

— Тогда это было бы сложнее представить как попытку тиранийцев убить меня.

— Я мог убить тебя в космосе, когда впервые попал на борт «Беспощадного».

— Мог. Ты пришел вооруженный бластером и нацелил его на меня. Но когда Ризетт узнал, кто я такой, для тебя стало невозможным убить меня. Твоя ошибка заключалась также в том, что ты не сказал сам своим людям, кто я такой. Не станешь же ты отрицать это, Джоунти?

Лицо Джоунти, без того белое от холода, побелело еще больше.

— Даже сейчас я мог бы убить тебя. И что удержало бы меня?

— Политика, Джоунти. На борту корабля находится Артемида из Хенриадов, и, мне кажется, сейчас она более важная персона, чем я. Убить меня в ее присутствии — означает проиграть так успешно начатую для тебя партию. Ты навсегда потеряешь надежду на успех в ее глазах.

Джоунти вздохнул и сказал:

— Фаррилл, здесь холодно, а становится еще холоднее. Мне кажется, солнце заходит. Ты глуп и очень утомил меня. Все же я хотел бы знать: зачем, по-твоему, мне понадобилось убивать тебя?

— По той же причине, по которой ты убил моего отца.

— ЧТО?!

— Думаешь, я поверил, когда ты обвинил беднягу Хенрика в предательстве? Думаешь, я считаю моего отца таким глупцом, чтобы он мог чересчур довериться Хенрику? Нет, Джоунти! Мой отец должен был очень доверять своему убийце, чтобы позволить ему приблизиться к себе.

Джоунти отступил назад и поддел ногой один из чемоданчиков. Тот раскрылся, и содержимое его вывалилось на землю.

— Я вижу, у тебя разыгралась фантазия. Ты помешан на криминальных историях.

Байрон дрожал, но холод был здесь ни при чем.

— Мой отец был популярен среди твоих людей, Джоунти. Слишком популярен. Автарх не может допустить, чтобы кто-то имел больший авторитет, чем он. Ты избавился от соперника! А от меня хочешь избавиться потому, что боишься, будто я займу его место! — Его голос нарастал и постепенно перешел в крик. — Разве это неправда?

— Нет.

Джоунти нагнулся за чемоданчиком.

— Я могу доказать, что ты ошибаешься. — Он

открыл его. — Радиоснаряжение. Посмотри на него. Хорошенько посмотри.

Байрон опустил взгляд на чемоданчик:

— Ну и что это доказывает?

Джоунти выпрямился.

— Ничего. А теперь внимательно взгляни на это.

В руке он держал бластер.

— Я устал от тебя, Фаррилл. Я больше не хочу разговаривать с тобой.

— Ты пронес бластер в чемоданчике с оборудованием! — Изумлению Байрона нё было границ.

— А почему бы и нет? Я могу себе это позволить. Я — Автарх Линганы, и я устал от постоянной необходимости выслушивать всяких Господ Вайдемоса. — И он приказал: — Вперед! Полезай на скалу!

Байрон, неотрывно глядя в дуло бластера, отступил на шаг.

— Ты убил моего отца!

— Я убил твоего отца! — выкрикнул Автарх. — Я говорю это, чтобы ты в последнее мгновение своей жизни знал: человек, который позаботился о том, чтобы твоего отца развеяли в прах в дезинтеграционной камере, теперь сделает все, чтобы ты последовал за ним. А потом этот человек заберет

себе твою девушку и все ее приданое. Подумай об этом! Даю тебе лишнюю минуту на размышления, но стой спокойно, не то я разнесу тебе череп раньше времени, и пусть мои люди задают мне какие угодно вопросы!

— И ты уже не раз пытался убить меня!

— Да. Ты прав в своих допущениях. И чем сейчас это может помочь тебе? Вперед!

— Нет, — воскликнул Байрон. — Если собираешься стрелять, стреляй.

Автарх раздраженно спросил:

— Ты думаешь, я не сделаю этого?

— Я даже прошу тебя выстрелить.

— Хорошо, — Автарх прицелился в голову Байрона и спустил курок.

Глава 19. ...И ПОТЕРПЕТЬ ПОРАЖЕНИЕ

Теодор Ризетт обогнул скалу. Он не хотел, чтобы его увидели, а скрываться в этом мире голых скал было трудно. За грудой беспорядочно раскиданных валунов он почувствовал себя увереннее, Он осторожно пробирался между ними, изредка останавливаясь, чтобы растереть лицо перчатками. Сухой мороз обманчив.

Теперь он видел их в щель между двумя гранитными монолитами, соединявшимися в форме буквы «V». Ризетт поудобнее пристроил свой бластер в развилке. Солнце было у него за спиной. Он чувствовал, как оно пригревает ему спину, и был вполне доволен. Если они посмотрят в его сторону, солнце ослепит их, и он останется незамеченным.

Он отлично слышал их голоса. Все же хорошо он придумал с этим встроенным микрофоном! Ризетт усмехнулся. Все идет по плану, только создатель этого плана явно не рассчитывал на присутствие здесь постороннего.

Артемида не видела бластер. Она не видела и двух фигур на скале. Пять минут назад она заме-

тила Ризетта и теперь следовала за ним. Но он шел слишком быстро. Догоняя его, она дважды упала, но даже не почувствовала этого. При втором падении она рассекла ногу, и теперь за ней оставался багровый след.

Из последних сил она сжимала станнер.

Как привлечь к себе его внимание? Она крикнула:

— Ризетт! — И вновь: — Ризетт!

Внезапно она споткнулась. Солнце светило ярко, но мир потемнел, сознание начало покидать её. Артемида почувствовала, что касается земли, что станнер выскальзывает из пальцев...

Чьи-то руки подхватили ее. Она с усилием приоткрыла глаза.

— Байрон? — прозвучал еле слышный шепот.

В ответ послышались слова, но это был голос не Байрона. Это голос Ризетта, поняла она.

И тут сознание окончательно покинуло девушку.

На лице Автарха было недоумение, как у ребенка, которому дали игрушку и тут же отобрали ее. Он вновь и вновь нажимал на спуск бластера, однако выстрел так и не раздался.

Байрон сказал:

— Кажется, с твоим бластером что-то не в по-

рядке?

Автарх переводил взгляд с Байрона на оружие. С ужасом он обнаружил, что бластер разряжен. Теперь оружие было просто бесполезной игрушкой. Автарх отбросил его в сторону.

— Око за око, — голос Байрона дрогнул.

Автарх, ничего не говоря, отступил назад.

Байрон медленно шагнул к нему.

— Существует множество способов убийства, но я не буду удовлетворен, если смерть твоя наступит сразу. Тогда ты не успеешь ощутить ее. Это будет плохо. Думаю, я должен продлить этот процесс.

Внезапно до его слуха донесся отчаянный крик:

— Ризетт! Ризетт! Не стреляй!..

В ту же минуту Автарх бросился на Байрона и повалил его на землю. Его пальцы пытались сдавить шею юноши. Байрону удалось вывернуться. Автарх отскочил в сторону, тяжело дыша и готовясь повторить попытку.

Они вновь сцепились и покатились клубком по земле. Потом вскочили, держа каждый свой карбондиоксидный цилиндр наперевес. Внезапно Автарх метнул цилиндр в сторону юноши, но не попал, и цилиндр с грохотом покатился по скале.

Это разозлило Байрона. Подскочив к Автарху, он рывком втащил его на вершину скалы, подталкивая к самому краю. Автарх уже чуть не потерял равновесие, но противник вовремя схватил его за руку.

— Ты подошел слишком близко к краю, Джоунти. Я еще не хочу, чтобы ты умирал. Поэтому не торопись.

Джоунти застонал от бессильной злобы.

И тут прозвучал голос Ризетта:

— Подожди!

— Убей этого человека, Ризетт! Убей его! — заверещал Автарх. В нем возродилась надежда.

Ризетт медленно поднял оружие и прицелился.

— Как ты думаешь, — спросил Байрон, — почему твой бластер оказался разряженным, Джоунти?

— Что?! — Автарх растерянно заморгал.

— Твой бластер разрядил не я, Джоунти. Так кто же? Кто сейчас целится в тебя, Джоунти? Не в меня, Джоунти, в ТЕБЯ?

Повернувшись к Ризетту, Автарх процедил:

— Предатель!

— Не я, сэр, — громко возразил Ризетт. — Предатель тот, кто способствовал смерти Господина Вайдемоса.

— Это не я, — закричал Автарх. — Если это сказал тебе он, то он лжет!

— Это сказал мне ты сам. Я не только разрядил твое оружие, но и снабдил тебя микрофоном, который позволял слышать каждое твое слово и

мне, и остальным членам команды. Теперь все знают, кто ты есть на самом деле.

— Я твой Автарх!

— Но также и самый гнусный из предателей.

Теперь Автарх лишь молча переводил глаза с одного на другого. К нему вернулось самообладание. Он холодно спросил:

— Если даже это и правда, что можно изменить? Ничего. Мы сейчас находимся на одной из планет Туманности. Эта планета должна быть мятежным миром, и только мне известны ее координаты.

Он все еще пытался играть роль вождя.

— Ты назовешь их нам, — сказал Байрон.

— Никогда!

Байрон обратился к Ризетту:

— Отправь его на «Беспощадный».

Ризетт тихо сказал:

— Леди Артемида...

— Так это она кричала? Где она?

— Все в порядке. Она вышла без карбондиоксидного цилиндра. Углекислый газ замедлил ее кровообращение, и тело автоматически ослабло. Она пыталась бежать, и это еще ухудшило положение.

— Зачем же она догоняла тебя? Чтобы убедить-

ся, что ее дружок не умер?

— Да, именно для этого, — ответил Ризетт. — Только она думала, что я человек Автарха и собираюсь убить ТЕБЯ. Я отправлю на корабль эту крысу, а ты, Байрон...

— Да?

— Возвращайся как можно скорее. Он все же остается Автархом Линганы, и тебе, возможно, придется поговорить с командой. Трудно решиться оборвать жизнь своего господина... Она за той скалой. Поспеши же к ней, пока она не замерзла до смерти. Ее нельзя оставлять там.

Артемида приходила в себя, когда послышались его торопливые шаги.

— Как ты?

— Спасибо, немного лучше. Прости, что доставляю тебе столько хлопот.

Они стояли, глядя друг на друга, и между ними шел беззвучный диалог.

Потом Байрон сказал:

— Я знаю, что мы не сможем повернуть время вспять, и то, что сделано — сделано. Но я хочу, чтобы ты меня поняла.

— Я только и делала все эти дни, что пыталась понять. Ты снова будешь говорить о моем отце?

— Нет. Я знаю, что твой отец невиновен. Автарх

оклеветал его. Моего отца убил он сам, и теперь, я думаю, ты не сможешь простить меня. Я знал, что он домогается тебя, Арта! Ты являлась объектом его матримониальных устремлений. Имя Хенриады для его целей было куда важнее имени Вайдемоса! Я оказался ненужным. Он решил, что ты в его руках, и он может смело избавиться от меня. Тогда мы с Ризеттом разработали наш план.

— И ты любил меня все это время?

— Неужели ты сама не знаешь этого, Арта?

— Почему же ты тогда не поделился со мной своими планами?

— Это была не твоя борьба, а моя. Если бы Автарх убил меня, ты бы, возможно, перестала меня ненавидеть. Ты могла бы выйти за него замуж, быть счастлива...

— И теперь ты боишься, что я буду ненавидеть тебя за то, что ты победил.

— А ты могла бы ненавидеть меня?

Она тихо сказала:

— Все это время я пыталась разлюбить тебя, но у меня так ничего и не получилось.

— Тогда прости меня!

— Я уж давно простила тебя, Байрон, потому что люблю!

И вновь она была в его объятиях. Ее холодные губы касались его щеки и тихо шептали что-то. Время остановилось.

Наконец он опомнился.

— Солнце садится. Становится прохладно.

— Странно, — задумчиво прошептала она, — но мне кажется, что, напротив, потеплело.

Обнявшись, они побрели к кораблю.

* * *

Их было пятьдесят — членов команды линганийского корабля — и все они с ожиданием смотрели сейчас на Байрона. Он выступил вперед.

— За что вы боретесь, люди? За что рискуете своими жизнями? Думаю, за свободу Галактики. Галактики, в которой каждый сможет выбрать свой собственный путь. Я прав?

В ответ раздался приглушенный ропот, который мог быть знаком одобрения, но лишенным энтузиазма.

Байрон продолжал:

— За что же боролся ваш Автарх? За себя самого. Он — Автарх Линганы. Если бы он победил, то стал бы Автархом Королевств Космической Туманности. Вы поменяли бы Хана на Автарха.

Кто бы выиграл от подобной замены? И стоило ли умирать за это?

Кто-то из толпы выкрикнул:

— Все же он один из нас, а не гнусный тираниец.

Другой перебил его:

— Автарх хотел примкнуть к мятежному миру. Он думал не только о себе.

— Да, он хотел войти в мятежный мир не только со своей организацией, — голос Байрона гремел над толпой. — Он хотел соблазнить их Линганой; он предложил бы им альянс с Хенриадами. И за это, он был уверен, мятежный мир даст ему все, что он попросит. Разве это не мысли собственника и эгоиста?! И потом, не подвергал ли он неоправданному риску ваши жизни? А мой отец? Он был верным другом свободы и чести. Но он был слишком популярен, и Автарх убрал его с дороги. Автарх может переступить через любого из вас. Можно ли чувствовать себя в безопасности рядом с таким человеком?

— Верно, — веско заявил Ризетт. — Он прав, ребята.

Внезапно тот же самый голос из заднего ряда спросил:

— А мятежный мир? Автарх знал его координа-

ты. А ты их знаешь?

— Об этом мы поговорим позже. Сейчас надо обдумать, какую дорогу мы изберем после...

— Минуточку, мой дорогой юный друг, — раздался тихий прерывистый голос, и Байрон в ужасе оглянулся.

Пятьдесят человек команды вскочили на ноги, но все они пришли на совет безоружными. Их окружил отряд тиранийских воинов, и сопротивление было бесполезным.

А за спиной Байрона и Ризетта с бластером в каждой руке стоял Саймок Аратап.

Глава 20. ГДЕ?

Аратап внимательно изучал стоящую перед ним четверку. Майора Андроса с ним больше не было, улетела и тиранийская эскадра.

Остался только флагманский корабль, его команда, и он, Аратап. Лично. Линганийская команда также отбыла.

Он медленно произнес:

— Позвольте предупредить вас, леди и джентльмены. Корабль Автарха в настоящее время под конвоем направляется в Тиранию в сопровождении майора Андроса. Вся команда, в соответствии с законом, предстанет перед судом за измену. Но вот что мне делать с вами?

— Учтите, — заговорил сидящий рядом с ним Хенрик с Родии, — что моя дочь — совсем молоденькая девушка. Она была вовлечена во все это помимо ее воли. Артемида, дитя мое, скажи им, что...

— Твоя дочь, — прервал его Аратап, — будет, несомненно, освобождена. Как мне известно, ее руки просит тиранийский придворный. Я не забыл этого.

— Я выйду за него замуж, — вмешалась Арте-

мида, — если вы освободите остальных.

Байрон полупривстал, но Аратап жестом усадил его на место. Тиранийский Представитель усмехнулся:

— Моя милая леди! Не требуйте от меня невозможного. Я не Хан, а всего лишь один из его слуг. У меня есть только одно право — судить его по справедливости. Так что же вы предлагаете?

— Мое согласие на замужество.

— А оно никому не нужно. Ваш отец уже дал его за вас. Вы можете предложить что-нибудь еще?

Аратап ожидал взрыва негодования. Ему в глубине души была неприятна его роль. Девушка могла также разразиться слезами, что произвело бы соответствующее впечатление на молодого человека. Ведь они явно влюблены друг в друга. Он определил для себя, что девушка очень привлекательна. Жаль, что она достанется этому старцу, Похангу.

Но она вела себя странно. Она, казалось, не собиралась падать без чувств. Отлично, подумал Аратап. У нее сильная воля. Поханг еще хлебнет с ней горя.

Он обратился к Хенрику:

— Ты просишь о снисхождении также для твоего кузена?

Губы Хенрика беззвучно шевелились.

Джилберт воскликнул:

— Я не нуждаюсь ни в каком снисхождении! Я не хочу от Тирании ничего. Прикажите убить меня.

— К чему эта истерика? — удивился Аратап. — Вы отлично знаете, что я не могу расстрелять вас без суда.

— Он мой кузен, — прошептал Хенрик.

— Это тоже будет учтено. Но не следует рассчитывать на то, что ваша служба Хану влечет за собой дополнительные поблажки. Думаю, ваш родственник скоро усвоит этот урок.

Он был удовлетворен реакцией Джилберта. Этот балбес, по-видимому, и в самом деле ищет смерти. Самое страшное наказание для него — оставить его в живых.

Перейдя к Ризетту, Аратап задумался. Это был один из людей Автарха. В связи с этим он обладал некоторой неприкосновенностью. Он сказал:

— Вы — глупец, который служит предателю. Лучше перейдите на службу к нам.

Ризетт фыркнул.

Аратап продолжил:

— Если вы дорожите своей воинской честью, вы можете потерять ее. Вас будут судить публично,

и все узнают, что вы глупец из глупцов. Жаль...

— Но я думаю, мы могли бы поторговаться, — сказал Ризетт.

— Поторговаться?

— У вас есть только массометр. Разве вам не хочется иметь другое современное оборудование?

Аратап отрицательно покачал головой.

— Нет. Для этого у нас есть Автарх. Он и послужит источником информации. Такая торговля меня не интересует.

И он повернулся к юноше. Аратап оставил его на закуску, потому что тот был гораздо умнее остальных. Но он был молод, а молодые люди чаще всего неопасны.

Байрон решил опередить его.

— Как вам удалось найти нас? Он работал на вас?

— Автарх? Не в том смысле, в котором ты думаешь. Думаю, бедняга пытался играть за две команды сразу, и проиграл.

Хенрик с глуповатой улыбкой вмешался в их разговор.

— У тиранийцев есть изобретение, позволяющее следить за кораблями в гиперпространстве.

Аратап быстро обернулся:

— Если вы, мой господин, скажете еще хоть

одно слово об изобретении, я разгневаюсь.

Хенрик умолк.

На самом деле это не имело значения. Никто из этой четверки не представлял теперь опасности, но он не должен был допустить, чтобы молодой человек узнал слишком многое.

— Итак, обратимся к фактам, — снова заговорил Байрон. — Почему нас не отправили на Тиранию вместе с остальными? Это произошло потому, что вы еще не решили, как лучше нас убить. Двое из нас Хенриады, я — Вайдемос. Ризетт — хорошо известный офицер линганийской гвардии. Есть еще и пятый, которого вы назвали предателем, — Автарх Линганы. Вы не можете убить ни одного из нас, чтобы это не стало известно всей Галактике. Поэтому вы пытаетесь торговаться с нами — и вам ничего другого не остается.

— Ты не так уж не прав, — согласился Аратап. — И в подтверждение этого я последую твоим советам; неважно, каким образом. Пока же меня занимает только один вопрос: где этот чертов мятежный мир?

Воцарилась тишина. Аратап поочередно смотрел на каждого из них.

— Здесь нет никакого мятежного мира, — сказал Байрон.

— И вы ничего не искали здесь?

— И мы ничего не искали.

— Твои слова смешны.

— Смешон ты, если ожидаешь ответа на свой вопрос.

— Очевидно, — Аратап рассуждал вслух, — что мятежный мир находится в центре октопуса. Чтобы найти его, я должен оставить вас в живых. Каждому из вас есть что терять. Моя леди, я могу избавить вас от ненавистного замужества. Мой господин Джилберт, мы можем создать для вас лабораторию, где вас никто не побеспокоит. Да-да, нам известно о вас больше, чем вы думаете. Полковник Ризетт, вы будете спасены от трибунала и сохраните таким образом свое доброе имя. Ты же, Байрон Фаррилл, вновь станешь Господином Вайдемоса, и мы простим тебе прегрешения твоего отца.

— И вернете его к жизни?

— И восстановим его честь.

— Его честь, — сказал Байрон, — осталась в его поступках и его гибели. Не в вашей власти разрушать или восстанавливать ее.

— Кто-нибудь из вас четверых, — Аратап будто не слышал юношу, — скажет мне, где искать мир. И этот человек получит то, что я ему пообещал. С

остальными же произойдет то, что они считают для себя наихудшим, — замужество, заключение, суд, казнь. Предупреждаю: я могу, если нужно, быть весьма жестоким.

Он выждал мгновение.

— Итак, кто же? Если не скажете вы, скажет кто-то другой. Тогда вы потеряете всякие шансы, а я все-таки получу нужную мне информацию.

— Это не поможет, — улыбнулся Байрон. — Мятежного мира нет.

— Автарх считает, что есть.

— Тогда и задайте свой вопрос Автарху.

Аратап выпрямился. Молодой человек явно блефует.

— Видишь, — добавил Байрон, — наш торг не удался. Ты не можешь предложить ничего из того, что мы купили бы. Верно?

Артемида крепко прижалась к нему. Ризетт коротко кивнул, а Джилберт пробормотал:

— Верно.

— Вы сами сделали свой выбор, — процедил Аратап, нажимая кнопку.

Теперь перед ним предстал Автарх.

— Что тебе нужно? — глухо спросил он.

— Сейчас я скажу тебе это, — сказал Аратап. — Во-первых, я хотел встретиться с тобой. Посмот-

реть, кого же мы поймали. Кстати, в наших руках оказался также молодой человек, который, по твоему замыслу, должен был умереть, но который все еще жив и сумел разрушить все твои планы, хотя ты — Автарх, а он всего лишь заключенный.

Было бы сложно описать выражение лица Автарха при этом сообщении. Но он быстро принял невозмутимый вид.

Не глядя на него, Аратап продолжал:

— Здесь также Джилберт из Хенриадов, который спас жизнь этого юноши и привел его к тебе. Здесь госпожа Артемида, которая, по-видимому, является возлюбленной этого молодого человека. И здесь полковник Ризетт, твое наиболее доверенное лицо, который приложил руку к твоему падению. Чего бы ты пожелал этим людям, Автарх?

— Что тебе нужно? — снова хрипло спросил Автарх.

— Информация. Дай мне ее, и ты вновь станешь Автархом. Твои сведения по заслугам оценят при дворе Хана. Иначе...

— Иначе?

— Иначе все эти люди будут освобождены, а ты казнен.

Лицо Автарха расплылось в коварной улыбке.

— Они не могут быть освобождены. Ведь только я знаю координаты мятежного мира!

— Но я ведь еще не сказал, какого рода информация мне нужна, Автарх!

— Существует только одна вещь, которую ты хотел бы знать.

Ризетт вмешался в этот разговор:

— Если ты и поверишь ему, все равно в конце концов будешь казнен!

Байрон одернул друга.

— Не глупи, — спокойно сказал он. — Ты все равно ничего не сможешь сделать.

— Меня, — произнес Автарх, — мало волнуют и Автархия, и я сам, Ризетт. — Он повернулся к Аратапу. — Они будут казнены? Ты можешь мне обещать? — Он указал пальцем на Байрона: — Особенно этот.

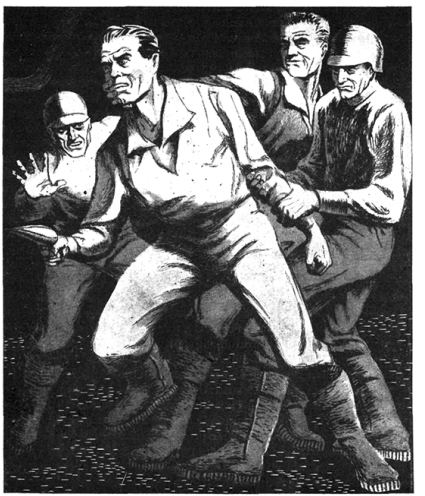
— Да, если такова твоя цена.

— Если я стану его палачом, то ты узнаешь все, что хочешь знать. Я дам тебе ро, тету и фи в парсеках и радианах: 7352.43, 1.7836, 5.2112. Эти три значения указывают положение мятежного мира в Галактике. Теперь ты знаешь их!

— Теперь да, — Аратап поспешно записывал цифры на клочке бумаги.

С криком «Предатель!» Ризетт вскочил на ноги.

Байрон не сумел удержать его. Ризетт боролся с охранником. Тому на помощь пришел другой охранник, но было поздно — Ризетт уже завладел бластером.



— Предатель, — в последний раз повторил он и выстрелил в Автарха. Автарх упал, тело его несколько раз конвульсивно дернулось — и затихло.

Аратап продолжал сохранять невозмутимость. Он только приказал:

— Уберите тело!

Друзья окружили Ризетта. Он порывисто пожал Байрону руку.

— Я убил-таки этого мерзавца!

Байрон отчетливо произнес:

— Ты попал в ловушку Аратапа, Ризетт.

— В ловушку? Я просто убил одного негодяя!

— В этом и заключается ловушка. Ты доставил ему удовольствие.

Ризетт ничего не ответил, а Аратап не вмешался. Его лицо выражало удовлетворение. Да, мозги этого юноши отлично работают!

Байрон продолжил:

— Если Аратап имел в виду именно то, что говорил, теперь ему известно то, что он хотел знать. Ведь он допрашивал нас просто, чтобы испытать. Я был готов к любым, связанным с этим неожиданностям. Ты — нет.

— Я думал, — голос Аратапа звучал необычайно мягко, — что вы сделаете это.

— Вот-вот, — подхватил Байрон. — Теперь тебе ясно, что он вовсе не собирался оставлять Автарха в живых? Все тиранийцы подобны змеям. Ему нужна была только информация Автарха; он не собирался платить за нее; но он не мог рисковать, убивая его собственноручно. За него это сделал ты.

— Правильно, — подтвердил Аратап, — и теперь у меня есть необходимая мне информация.

Где-то зазвонил колокольчик.

— Хорошо, — наконец прервал молчание Ризетт. — Если это доставило ему удовольствие, то же самое можно сказать и обо мне.

— Не совсем так, — прервал его Аратап, — поскольку твой юный друг не довел свои аналитические упражнения до конца. Ты совершил новое преступление. Это влечет за собой...

Внезапно он замолчал. Он услышал чьи-то шаги и скрип открываемой двери. На пороге стоял солдат.

— Что случилось?

— Общая тревога, сэр. Аккумуляторное отделение.

— Пожар?

— Еще точно неизвестно, сэр.

Про себя Аратап воззвал к небу и только сейчас

сообразил:

— Где Джилберт?

Он и не заметил, как тот выскользнул из комнаты.

Его нашли в машинном отделении, где он прятался за огромными установками, и притащили в каюту Аратапа.

Аратап раздраженно спросил:

— Кто позволил вам прогулку по кораблю, мой господин? Особенно сейчас, когда объявлена общая тревога.

Потом он продолжил начатую ранее мысль:

— Мне кажется, Ризетт, на сегодня достаточно. У нас есть похищенный тобой, Фаррилл, корабль; есть и мое флагманское судно. С их помощью мы найдем мятежный мир. Мы направимся в точку, которая соответствует координатам Автарха, как только навигаторы рассчитают Прыжок. Это будет одна из тех экспедиций, которая останется в памяти грядущих поколений.

Внезапно он вспомнил о своем отце, командовавшем эскадрой, покорявшей миры. Аратап был ДОВОЛЕН, что Андроса нет с ним. Это окажется только ЕГО личным завоеванием.

Пленников разделили. Артемиду поместили с отцом, а Ризетта и Байрона увели в противопо-

ложном направлении. Джилберт стонал, что не может оставаться один, и Аратапа тронули его мольбы. Дед этого человека бы великим правителем, — так учила история. Поэтому он позволил поместить беднягу с остальными.

Джилберта поселили к Байрону. Они почти не разговаривали друг с другом. Пришла ночь, но заснуть они тоже не могли. Внезапно Джилберт прошептал:

— Байрон!

— Что?

— Байрон, я сделал *это*. Все в порядке, Байрон.

— Постарайся уснуть, Джил.

Но Джилберт не мог успокоиться:

— Я сделал это, Байрон! Аратап, может быть, и умен, по я его перехитрил. Разве это не забавно? Не беспокойтесь Байрон, я все устроил.

Джилберт лукаво улыбался, словно нашкодивший мальчишка.

— Что же вы сделали? — Байрон вскочил на ноги и потряс Джилберта за плечо. — Отвечай же!

— Меня нашли в машинном отделении, — зачастил Джилберт. — Они думали, что я прячусь, но я не прятался. Я включил сигнал тревоги, потому что мне нужно было остаться на несколько минут одному. Байрон, я замкнул гиператомные

двигатели.

— Что?!

— Это было несложно и заняло всего минуту. Они ничего не заметили. Я сделал это осторожно. Они ничего не узнают, пока не попытаются совершить Прыжок, и тогда все — и корабль, и мы, и Аратап — все взлетит в воздух.

От неожиданности Байрон отступил назад:

— И ты это сделал?!

— Да. — В голосе Джилберта звучала гордость. — Все мы погибнем, Байрон. Я не боюсь смерти, но не хочу умирать в одиночестве. Только не в одиночестве! В момент моей смерти мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь был рядом. Это не страшно: мы все умрем быстро и легко. Это не страшно. Это...

— Идиот! Сумасшедший! — заорал Байрон. — Если бы не ты, у нас еще остался бы шанс победить!

Джилберт не слышал его. В его ушах звучал лишь собственный голос. Байрон бросился к двери.

— Охрана! — кричал он. — Охрана!

Кто знает, сколько им осталось — несколько часов или несколько минут?

Глава 21. ЗДЕСЬ?

По коридору загрохотали сапоги солдата.

— В чем дело?

— Я должен сейчас же увидеться с Представителем Аратапом.

— И поэтому ты поднимаешь такой шум? — У солдата было не все в порядке с логикой. — После взлета я подумаю, как это сделать.

— Дело не терпит отлагательств, — настаивал Байрон. — Это важно.

Дверей в этих маленьких каютах, приспособленных под камеры, не было, их заменяло силовое поле. Его можно было потрогать рукой: сначала оно немного подавалось, словно резина, но потом становилось твердым, как сталь.

Поле слегка подрагивало у Байрона под ладонью. Непроходимое для предметов, оно спокойно пропускало лучи нейронного станнера. Как раз он и был в руке у стражника.

— И тем не менее это подождет. Отойди от двери, или познакомишься с моим станнером.

— Смотри, — указал Байрон на Джилберта, — этот человек болен. Он может умереть. Это один из Хенриадов, и если он умрет на тираний-

ском корабле, потому что ты не дал поговорить мне с Аратапом, тебя ожидают не самые лучшие времена.

— А что с ним?

— Не знаю. И поторопись, если тебе не надоела жизнь.

Охранник пробормотал что-то себе под нос и исчез.

Байрон повернулся к Джилберту: в глазах того жил только страх. Он не узнавал юношу.

— Кто ты?

— Я — Байрон. Как ты себя чувствуешь?

Казалось, до Джилберта смысл его слов не доходит. Он переспросил:

— Байрон? — И потом, как бы придя в себя: — Байрон! Они совершают Прыжок? Смерть близка, Байрон!

Сердиться на него было невозможно. Сознание его явно помутилось.

Почему они не дают ему поговорить с Аратапом? Почему не приходят за ним? Байрон бессильно прислонился к стене.

И вновь зазвучали шаги. Он бросился к двери, еще не видя, кто стоит перед ним. Дождался!

Это вновь был охранник. С ним — офицер.

Байрон вздрогнул. Теперь на него были направ-

лены сразу два станнера. Он сказал:

— Человек, пришедший с тобой, — не Аратап. Я хочу поговорить с Представителем.

Офицер одернул его:

— Если Джилберт из Хенриадов болен, тебе вовсе не нужно видеть Представителя. Нужен врач.

Только сейчас Байрон разглядел на офицере погоны лейтенанта медицинской службы.

— Хорошо. Послушай меня. Этот корабль не должен совершать Прыжок. Но подобное решение может принять только Представитель, и поэтому я должен увидеться с ним. Можешь ты это понять? Ведь ты — офицер. Ты обязан доложить ему об этом.

Доктор, искоса взглянул на юношу, потом обратился к солдату:

— Выведи этого человека отсюда.

Байрон шагнул вперед. Перед ним с отсутствующим взглядом стоял офицер. Офицер, отвернувшись, пытался нащупать пульс Джилберта. Времени на размышления не оставалось. Резкой подсечкой Байрон повалил солдата на пол, одновременно выхватывая из его рук станнер. Он направил его на офицера:

— Бросай оружие! Живо!

Тот подчинился. Станнер выпал из его руки.

Байрон выстрелил — раз, потом другой. Два тела валялись у его ног. Он повернулся к Джилберту:

— Прости, но и ты тоже, Джил, — и станнер ударил в третий раз.

На лице Джилберта застыло обиженно-недоумевающее выражение.

Байрон помчался по коридору. На разговоры с Аратапом времени не оставалось. Он ворвался в рубку. На него испуганно смотрел из-за пульта человек в костюме инженерной службы.

— Когда следующий Прыжок? — спросил Байрон.

— Через полчаса. Кто ты?

Байрон не ответил. Станнер выстрелил в четвертый раз, и тело свалилось со стула. Оставалось всего полчаса.

Он услышал шум. Тогда, спрятав станнер в карман, он быстро направился в машинное отделение.

У главного компьютера сидели двое. Один из них спросил:

— Кто ты? И что здесь делаешь? Иди на свое место, — на нем были лейтенантские погоны.

— Слушай меня. Сейчас же прекратите подго-

товку к Прыжку. Мы все взлетим на воздух!

— Погоди, — сказал второй. — Я уже видел этого человека. Это один из пленников. Держи его, Лэнси.

Он прыжком попытался отрезать Байрону дорогу. Байрон стукнул кулаком по пульту, перевернув его.

— Верно, — сказал он. — Я один из пленников. Я Байрон с Вайдемоса. Но то, что я сказал, — правда. Выслушайте меня, — сказал Байрон. — Гиператомные двигатели замкнуты. Их нужно отремонтировать.

Лейтенант не сводил глаз со станнера. Он кротко возразил:

— Это невозможно, сэр, без приказа дежурного офицера или Представителя. Потребуются часы, чтобы изменить программу.

— Тогда зовите его. Зовите Представителя!

— Можно воспользоваться рацией?

— Быстрее!

Внезапно рубка наполнилась людьми. Казалось, вся охрана корабля примчалась сюда, привлеченная производимым ими шумом. Сопротивление было бессмысленно. Байрон отбросил в сторону станнер.

— Не стреляйте! Я безоружен! Я пришел предо-

стеречь вас! Гиператомные двигатели замкнуты. Прыжок означает гибель для всех нас. Прошу вас только заглушить двигатели. Не теряйте время. Ведь если я прав, вы спасете свои жизни.

На лицах солдат была написана нерешительность. Они явно не знали, что им предпринять. Внезапно раздался неестественно громкий голос:

— Все по местам! Прекратить подготовку к прыжку! Проверить гиператомные двигатели!

Это был Аратап, обращающийся через радиотранслятор. Затем последовал следующий приказ:

— Молодого человека доставьте ко мне. — Байрона схватили. С обеих сторон были два солдата, крепко державшие его под руки. Он попытался вырваться, но они оказались сильнее.

Аратап устало смотрел на Байрона. Юноша вдруг заметил, что его собеседник носит контактные линзы.

— Ты наделал много глупостей, Фаррилл.

— Просто я должен был спасти корабль. Отошлите охрану. Я больше не представляю опасности.

— Охрана останется здесь. Во всяком случае, пока я не услышу рапорт из машинного отделения.

Они молча ждали, и каждая минута казалась

Байрону вечностью. Внезапно на стене зажглось табло с надписью:

«Машинное отделение»

Аратап включил рацию:

— Докладывайте!

— Представитель, юноша не солгал!

Помолчав мгновение, Аратап сказал:

— Пересчитайте время Прыжка на шесть часов позже.

Он повернулся к Байрону и холодно отметил:

— Ты был прав.

Жестом он отослал охрану. Они остались одни.

— Пожалуйста, теперь детали.

— Это сделал Джилберт из Хенриадов, когда сумел бежать из вашей каюты. Он же включил сигнал общей тревоги.

Аратап кивнул.

— С годами он не поумнел. Но ты — ты ведь на самом деле испугался не смерти?

— Дело не в моей смерти, — ответил Байрон. — Мятежного мира не существует, как я уже говорил вам и вновь могу повторить. Центр сопротивления — Лингана. Я хотел только отомстить за смерть моего отца, а также избавить леди Артемиду от ненавистного ей замужества. Ну а Джилберт — он просто сумасшедший.

— Но Автарх верил в существование этой таинственной планеты. Ведь он дал мне какие-то координаты!

— Его уверенность базировалась на мечтах сумасшедшего. Джилберт придумал все это двенадцать лет назад. Автарх вычислил по его рассказам двадцать возможных планет. Но все это чепуха!

— И все же кое-что тревожит меня, — заметил Аратап.

— Что?

— Ты слишком старательно отговариваешь меня. Конечно, я благодарен тебе за то, что ты удержал нас от Прыжка. Теперь ты можешь рассчитывать на благосклонность Хана. Ты спас также и свою жизнь. И все же я не верю, что ты откровенен со мной. В тебе живет юношеский романтизм. В твоем возрасте все хотят стать героями. Именно поэтому мы все же совершим Прыжок.

— Не вижу причин.

— Ты глуп, — Аратап нахмурил брови. — И все же жаль, что ты не на нашей стороне. — Это прозвучало как комплимент. И тут же продолжил. — Сейчас мы отведем тебя в каюту, — добавил он, — и восстановим силовое поле. Простая мера

предосторожности.

Байрон кивнул.

Стражника, которого вырубил Байрон, в каюте уже не было, но врач по-прежнему находился там и стоял, склонившись над безжизненной фигурой Джилберта.

— Он еще без сознания? — спросил Аратап.

При звуках этого голоса доктор стремительно выпрямился.

— Действие станнера кончилось. Но этот человек немолод и долго находился под стрессом. Я не знаю, придет ли он в себя.

Байроном овладел ужас. Он упал на колени и осторожно коснулся плеча Джилберта.

— Джил, — прошептал он, тревожно вглядываясь в бледное лицо.

— Отойдите, — приказал медик, доставая свою сумку. — Шприц, по крайней мере, цел, — пробормотал он.

Он склонился над Джилбертом и глубоко всадил в него иглу. Бесцветная жидкость автоматически перекачивалась в вену. Когда шприц опустел, врач выдернул иглу и застыл в ожидании.

Веки Джилберта дрогнули, он открыл глаза и еле слышно прошептал:

— Я ничего не вижу, Байрон.

— Все в порядке, Джил. Отдыхайте, — сказал Байрон, склонившись к нему.

— Не хочу. — Джилберт попытался сесть. — Байрон, когда прыжок?

— Скоро, скоро!

— Останьтесь со мной. Я не хочу умирать в одиночестве.

Пальцы его слабо сжали руку Байрона: потом отпустили. Голова откинулась назад.

Доктор наклонился к нему и тут же выпрямился.

— Мы опоздали. Он умер.

На глазах у Байрона выступили слезы.

— Прости меня, Джил, — прошептал он, — Но ты ничего не знал. Ты ничего не понял…

Это были трудные часы для Байрона. Аратап не разрешил ему присутствовать на погребении в космосе. Байрон знал, что сейчас где-то на корабле тело Джилберта сгорает в атомной печи и выбрасывается в пространство, где его атомы навеки смешаются с межзвездными туманами.

Артемида и Хенрик должны быть на похоронах. Поймут ли они? Поймет ли ОНА, что у него не было другого выхода? Поймет ли, что он должен был сделать то, что сделал?

Еще его беспокоило то, что корабль вскоре должен совершить Прыжок. Тогда наступят совсем плохие времена.

Он вновь и вновь пытался проанализировать, прав ли он. А что, если он ошибся? Что, если они сейчас совсем близко от мятежного мира? Тогда информация уйдет на Тиранию, и сюда немедленно будет послана целая армада. А сам он умрет, зная, что мог спасти этот мир, но вместо этого способствовал его гибели.

Уже стемнело, а он все еще думал о документе, который не успел разыскать.

Еще Байрона удивляло, что Аратап намерен найти мятежный мир, имея в своем распоряжении только один корабль. Каковы его намерения?

Автарх сказал, что документ похищен много лет назад, но кто владеет им теперь?

Вероятно, тиранийцы. Наверное, они давно знают секрет, как с помощью одного корабля разрушить целый мир.

Если это правда, тогда неважно, существует или нет мятежный мир на самом деле.

Прошло еще немного времени, и к нему явился Аратап собственной персоной. Байрон встал, приветствуя его.

Аратап сказал:

— Мы запросили информацию. В указанном месте ДЕЙСТВИТЕЛЬНО есть звезда. Координаты, данные нам Автархом, верны.

— И?

— Искать планету повстанцев мы не будем. Астронавигаторы доложили, что менее миллиона лет назад звезда превратилась в Новую. Даже если у нее и были планеты, то они уничтожены. Теперь звезда — белый карлик, а у него не может

быть планет.

— Тогда...

— Тогда ты прав. Мятежного мира на самом деле не существует.

Глава 22. ТАМ!

Событие это подорвало все основы философии Аратапа. В последнее время он не был самим собой. Он был теперь своим отцом. Он, как и отец, все эти дни вел эскадру кораблей в битву с врагами Хана.

Безумные дни! Там, где он ожидал найти мятежный мир, обнаружилась только пустота. У Хана не было врагов, и не с кем было сражаться. Аратап теперь — просто Представитель — и не более того.

Жаль потраченных эмоций. Это было ни к чему.

Он сказал Байрону:

— Ты был прав. Мятежного мира не существует. И теперь я хочу поговорить с тобой.

Молодой человек вопросительно смотрел на него, и Аратап с удивлением подумал, что мальчик явно возмужал и перестал бояться. «Вот и явные симптомы упадка во мне самом, — подумал Аратап. — Интересно, многие из нас начинают, подобно мне, видеть в побежденных людей? И желать им добра?»

— Я собираюсь освободить Правителя и его

дочь. Этот жест политически оправдан. Думаю, я могу освободить их прямо сейчас и отправить домой на «Беспощадном». Сможешь ли ты отвезти их?

— Ты освобождаешь и меня?

— Да.

— Почему?

— Ты спас мой корабль и мою жизнь.

— Сомневаюсь, что твоя личная благодарность может повлиять на твои решения, касающиеся государственной политики.

Аратап
беззвучно рассмеялся. Ему ОПРЕДЕЛЕННО нравился этот мальчик.

— Тогда назову другую причину. Пока я расследовал большой заговор против Хана, ты был опасен. Но, как выяснилось, никакого заговора не существует. Есть только кучка линганийцев, предводитель которых убит. Вы больше не представляете для нас опасности. Предать тебя или суду линганийцев, пожалуй, опаснее, чем отпустить.

Суд состоялся бы на Лингане, и мы бы не смогли контролировать его полностью. На суде неизбежно встал бы вопрос о так называемой планете повстанцев. И хотя ее нет, половина подданных

может решить, что дыма без огня не бывает. Таким образом, мы сами натолкнем их на мысль о создании повстанческой организации, посеем в душах зерна сомнений и надежды на будущее. И тогда тиранийскому правлению здесь будут угрожать уже реальные заговоры и восстания.

— Так вы освободите нас всех?

— Это не совсем освобождение, потому что никто из вас не отличается особой лояльностью. С Линганой мы поступим по своему усмотрению, и следующий Автарх вряд ли осмелится восстать против Хана. Ассоциации больше не будет. Мятежники, которых мы захватили, будут сосланы на ближайшие к Тирании планеты. Ты же не сможешь вернуться на Нефелос, и не рассчитывай на это. Ты и полковник Ризетт, вы всегда будете жить на Родии.

— Очень хорошо, — сказал сдержанно Байрон, — но как быть со свадьбой Артемиды?

— Ты хочешь, чтобы она не состоялась?

— Вы должны знать, что мы любим друг друга и хотели бы пожениться.

— Как там говорили древние? «Необходимо прощать ложь влюбленным и дипломатам».

— И все же предупредите Хана, что укрепление правящей фамилии на Родии может грозить ему

новыми трудностями, как в случае с Линганой.

Аратап рассмеялся.

— Хочешь добрый совет? — отсмеявшись, спросил он.

— Какой?

— Поскорее женись на ней. Для Поханга мы подыщем другую невесту.

Пораженный Байрон протянул ему руку:

— Спасибо, сэр.

Аратап пожал ее.

— Мне не особенно нравится Поханг. Да, я хочу, чтобы ты еще кое-что запомнил. Не давай амбициям одержать в тебе верх. Хотя ты и женишься на дочери Правителя, сам ты никогда не станешь Правителем. Ты не тот человек, который нам нужен.

Аратап проводил «Беспощадного» взглядом. Молодой человек свободен, а сам он уже на полпути в Тиранию. Да, майора Андроса хватил бы удар!

Он должен прибыть на Тиранию. Возможно, с ним встретится Хан, чтобы выслушать его. Взвесив все «за» и «против», Хан, безусловно, поймет, что другое решение было невозможным, и не осудит его.

Ризетт на борту «Беспощадного» также проводил взглядом тиранийский флагман.

— Итак, он отпустил нас! — заметил полковник. — Знаешь, если бы все тиранийцы были похожи на него, я бы пошел к ним на службу. Как ты думаешь, он слышит сейчас, что мы говорим?

Байрон оторвал глаза от пульта:

— Конечно, нет. Да и вряд ли он захотел бы делать это. Вспомни, ведь он первый рассказал нам все, что знал о нас.

В рубку вошла Артемида. Она прижала палец к губам:

— Не так громко. Мне кажется, он уснул. Скоро мы уже будем на Родии, верно, Байрон?

— Чтобы добраться туда, нам хватит одного Прыжка, Арта. Аратап вычислил его для нас.

— Пойду помою руки, — Ризетт вышел из рубки.

Они проводили его взглядами, и Байрон обнял девушку. Он целовал ее глаза, губы, волосы, руки; поцелуи были нежными и легкими.

— Я очень люблю тебя! — сказала она.

— Я люблю тебя так, — ответил Байрон, — что не могу выразить словами. Как ты думаешь, он даст согласие на наш брак?

— Пока не знаю. Но я попытаюсь еще раз все объяснить ему.

Их диалог прервал вернувшийся в рубку Ри-

зетт.

— Значит, нам предстоит прожить на Родии до самой смерти... Не думал я, что меня может ожидать подобное. Эх, и почему этот мятежный мир — только выдумка?

— Мятежный мир существует, Теодор.

— Что?!

— Мятежный мир ЗДЕСЬ.

Ризетт резко ответил:

— Я еще не совсем свихнулся, Байрон.

— Я не лгу. Такой мир СУЩЕСТВУЕТ, и я знаю, где он находится. Я мог узнать это несколько недель назад, но только сейчас мне удалось сопоставить все факты. Вспомни слова Джоунти, когда он понял, что мы с тобой заодно. Помнишь?

— Нет.

— Он сказал, что на свете множество звезд и до любой из них нужно добираться через биллионы миль. Вот тут-то я все и понял.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Артемида.

— Подумай сама. Метеор врезался в корабль дяди Джила и сбил его с курса. Поэтому окончание Прыжка было уже не в нашей системе планет. Так думал дядя Джил. Так считал и Автарх. И оба они ошибались. А что, если при столкновении

направление полета и скорость не изменились?

— Тогда...

— Да, тогда корабль приземлился там, где и должен был, — на Родии. И как это я сразу не догадался?

Артемида сказала:

— Но ведь тогда мятежный мир должен быть у нас дома. Это невозможно!

— Почему же невозможно? Этот мир находится где-то в Родийской Системе. У нас есть два способа найти его. Давай опять обратимся к фактам. Что случилось с Джилбертом после возвращения из мятежного мира? Он вновь был на Родии. Он считал, что это — заслуга совершенного тиранийского корабля, хотя скорее всего жители мятежного мира, зная, что на борту этого корабля один из Хенриадов, никогда не оставили бы его в живых, если бы этот мир находился за пределами Родийской Системы. Кто, кроме родийцев, стал бы сохранять жизнь Хенриаду?

Артемида взволнованно перебила его:

— Но если то, что ты говоришь, — правда, то мой отец находится в страшной опасности.

— И находился в ней все последние двадцать лет. Но вовсе не по тем причинам, которые ты имеешь в виду. Однажды Джилберт рассказал

мне, как сложно было ему прикидываться дурачком. Но твоему отцу играть свою роль было намного сложнее.

— Ты же не хочешь сказать...

— Именно это я и хочу сказать, Арта. И вот что надоумило меня. Еще когда Автарх обвинял твоего отца в предательстве, я усомнился в том, что мой отец мог оказаться таким доверчивым. Мы были уверены, что отец работал на Джоунти, и ошибались. Еще больше в моей уверенности меня укрепил Джилберт, когда рассказал о том, что отец и Правитель долго разговаривали в библиотеке. На самом деле отец служил Правителю и был просто лазутчиком в стане Джоунти. Знаешь, почему для меня было так важно спасти корабль Аратапа? Не из-за себя, конечно, и даже не из-за тебя. Я должен был спасти Правителя. Он самая важная персона среди нас. Бедняга Джилберт не понимал этого.

Ризетт простонал:

— Я просто не могу во все это поверить.

Внезапно в их разговор вмешался новый голос:

— И тем не менее — поверь. Это правда.

У двери стоял Правитель. Это был его голос и в то же время не его. Он звучал веско и уверенно.

Артемида подбежала к нему:

— Отец! Байрон говорит...

— Я все слышал. — Он ласково провел рукой по ее волосам. — И все это правда. Я даже согласен на ваш брак.

Она изумленно всматривалась в него:

— Ты говоришь совсем не так, как раньше. Ты говоришь...

— Как если бы я не был твоим отцом, — грустно сказал он. — К сожалению, Арта, так будет недолго. Как только мы вернемся на Родию, все будет как прежде.

Байрон затаил дыхание. Хенрик жестом подозвал его к себе.

— Было время, молодой человек, когда мне хотелось принести тебя в жертву. Такое время может возникнуть вновь. И тогда я не смогу защитить тебя. Понимаешь?

Они кивнули друг другу.

— Двадцать лет назад я был не так уверен в себе, — продолжал Хенрик. — Я только вступил в эту роль и страдал нерешительностью. Мне следовало бы убить Джилберта, а я сохранил ему жизнь. Именно поэтому кое-кто теперь знает, что мятежный мир существует и что я — его вождь.

— Это знаем только мы, — возразил Байрон.

— Не считай Аратапа глупее, чем он есть, —

Хенрик слегка усмехнулся. — Вам с ним были известны одни и те же факты, и если ты сумел сделать правильные выводы, значит, то же самое может и он. Я уверен, что и на свободу он отпустил тебя с одной-единственной целью — чтобы поближе подобраться ко мне.

— Значит, мне придется покинуть Родию? — Байрон чуть не плакал.

— Нет. Это будет фатальной ошибкой. Нет никаких причин для подобного поступка, и это может насторожить кое-кого. Поэтому ты останешься с нами и будешь делать вид, что ничего не произошло.

— Но, Правитель, вы не знаете кое-чего. Существует один документ...

— Который искал твой отец?

— Да.

— Твой отец, мой мальчик, тоже знал не все. Он знал о существовании этого документа, но не знал, где документ находится. Если бы он спросил об этом меня, я бы сразу же сказал ему, что на Земле документа давно нет.

— Более того, сэр. Я уверен, что им владеют тиранийцы.

— Ну конечно же, нет! Документ у меня. Вот уже двадцать лет он у меня. Я получил его, когда еще

только зрела идея мятежного мира. И я всегда знал, что нужно нам, чтобы победить.

— Это какое-нибудь оружие?

— Это самое мощное оружие во Вселенной. Оно разрушит и Тиранию, и Родию, но спасет Королевства Космической Туманности. Без него мы, конечно, можем противостоять тиранийцам, но при этом только заменим феодальный деспотизм другой формой угнетения. Мы должны стремиться совсем к иной политической модели. Придет время, как это уже было однажды на планете Земля, и появится новый, еще невиданный в Галактике тип правительства. Не Ханство, не Автархия, не Директория.

— Во имя неба, — взмолился Байрон, — так кто же будет управлять?

— Народ.

— Народ? Но как он сможет управлять? Ведь решения должен принимать только один человек?

— Есть способ. Документ, который находится у меня, имеет отношение к небольшой территории одной планеты, но его можно распространить на всю Галактику. — Правитель улыбнулся. — Идите сюда, дети. Я обвенчаю вас. Сейчас это уже не причинит большого вреда.

Дрожащей рукой Байрон взял за руку Артеми-

ду. Он был как никогда счастлив. И все же что-то угнетало его.

— Прежде чем вы начнете церемонию, сэр, расскажите немного о документе, чтобы я не мучился любопытством и смог полностью переключить свое внимание на Арту.

— Отец, пожалей меня, — засмеялась Артемида. — Выполни его просьбу! Ну зачем мне жених, если мыслями он будет не со мной?

Хенрик улыбнулся в ответ:

— Я знаю этот документ наизусть. Слушайте.

И в ярких лучах родийского солнца, показавшегося на экране, Хенрик начал с тех самых слов, которые были старше — гораздо старше — любой планеты в Галактике. Кроме одной.

«Мы, народ Соединенных Штатов, в целях образования более совершенного Союза, утверждения правосудия, охраны внутреннего спокойствия, организации совместной обороны, содействия общему благосостоянию и обеспечения нам и нашему потомству благ свободы, устанавливаем и принимаем эту конституцию для Соединенных Штатов Америки...»[2]

---

[2] Примечания: 2
Конституция США, первый абзац.

Айзек Азимов
Космические течения

ПРОЛОГ. ГОД НАЗАД

Человек с Земли пришел к решению. Решение зарождалось медленно, но было твердым.

Вот уже несколько недель он не чувствовал надежной кабины своего корабля, не видел холодной черноты пространства вокруг. Сначала он хотел сделать быстрое сообщение в Межзвездное Космоаналитическое Бюро и вернуться в космос. Но его задерживали здесь. Это было почти как тюрьма.

Он допил чай и взглянул на человека по другую сторону стола:

— Я не останусь здесь дольше!

Другой человек тоже пришел к решению. Оно зарождалось медленно, но было твердым.

Нужно время, нужно много времени. Ответа на первые письма нет. Значит, он не должен выпускать из рук человека с Земли. Он потрогал гладкий стержень у себя в кармане.

— Вы не понимаете всей щекотливости проблемы.

— Речь идет об уничтожении целой планеты, — возразил землянин. — И потому я хочу, чтобы вы передали подробности по всему Сарку, всем

обитателям.

— Мы не можем. Это вызовет панику.

— Но раньше вы говорили, что можете.

— Я обдумал все. Теперь мне стало ясно: это невозможно.

— А представитель МКБ — он все еще не прибыл? — помолчав, спросил землянин.

— Нет. Они заняты организацией нужных мер. Еще день-два…

— Опять день-два! Неужели они настолько заняты, что не могут уделить мне ни минуты? Они даже не видели моих расчетов!

— Я предлагал вам передать им эти расчеты. Вы не согласились.

— И не соглашусь. Они могут прийти ко мне, или я к ним. Вы не верите мне. Не верите, что Флорина будет уничтожена.

— Я верю. Вы зря горячитесь.

— Да, горячусь. Что в этом удивительного? Или вы только и думаете, что на меня, бедняжку, космос подействовал? По-вашему, я сумасшедший?

— Чепуха!

— Не притворяйтесь: вы так думаете. Вот почему я хочу видеть кого-нибудь из МКБ. Они увидят, сумасшедший я или нет!

— Вам сейчас нехорошо. Я помогу вам.

— Нет, не поможете! — истерически вскричал землянин. — Я сейчас уйду. Если вы хотите остановить меня, то убейте! Только вы не посмеете. Кровь всего населения Флорины падет на вас, если вы меня убьете!

— Я не убью вас!

— Вы меня свяжете. Вы запрете меня здесь! Вот чего вам хочется! А что вы будете делать, когда МКБ начнет искать меня? Мне полагается регулярно отсылать сообщения, как вам известно.

— Бюро знает, что вы в безопасности, у меня.

— Знает? А знает ли оно, опустился ли я вообще на планету или нет? Получены ли мои первые сообщения? — Голова у него кружилась, тело начало цепенеть.

Его собеседник встал. Он медленно обошел большой стол, направляясь к землянину.

Слова прозвучали необыкновенно ласково:

— Ради вашего же блага.

Из кармана появился черный стержень. Землянин прохрипел:

— Психозонд!

Он попытался встать, но едва смог пошевелиться.

Сквозь сведенные судорогой зубы он прохрипел:

— Зелье!

— Зелье, — согласился другой. — Послушайте, я не причиню вам вреда. Но вы так возбуждены и встревожены. Я удалю тревогу. Только тревогу.

Землянин уже не мог говорить. Мог только сидеть. Только тупо думать: «Великий Космос, меня опоили». Ему хотелось закричать, убежать, но он не мог.

Другой уже подошел к нему. Он стоял, глядя на него сверху вниз. Землянин взглянул снизу вверх. Глазные яблоки у него еще двигались.

Психозонд был автоматическим прибором. Нужно было только присоединить его концы к соответствующим точкам на черепе и он начинал действовать. Землянин смотрел в ужасе, пока мышцы глаз у него не одеревенели. Он даже не почувствовал, как острые, тонкие проволочки впивались в черепные швы.

Молча, мысленно он вопил:

«Нет, вы не понимаете! Это целый мир, населенный людьми! Разве вы не видите, что нельзя рисковать жизнью сотен миллионов людей?»

Слова другого доносились глухо, удаляясь в какой-то тоннель, длинный и черный:

— Вам не будет больно. Через час вам станет хорошо, совсем хорошо. Вы вместе со мной по-

смеетесь над этим.

Мрак опустился и окутал все. Полностью он так и не развеялся никогда. Понадобился год, чтобы завеса поднялась хоть отчасти.

НАЙДЕНЫШ

Рик вскочил. Он дрожал так, что должен был прислониться головой к голой молочно-белой стене.

— Я вспомнил!

Шум жующих челюстей затих. Лица у всех были одинаково чистые, одинаково бритые, лоснящиеся и белые в тусклом свечении стен. В глазах не было интереса, только рефлекторное внимание, возбужденное внезапным, неожиданным возгласом.

Рик закричал снова:

— Я вспомнил свою работу! У меня была работа!

Кто-то крикнул ему:

— Замолчи!

Кто-то добавил:

— Сядь!

Лица отвернулись, жевание возобновилось. Рик тупо смотрел вдоль стола. Он услышал слова «сумасшедший Рик», увидел пожатие плеч. Увидел палец, покрутившийся у виска. Все это не значило для него ничего.

Он медленно сел. Снова взял ложку с острым

краем и с зубцами на переднем конце, так что ею можно было одинаково неуклюже хлебать, резать и протыкать. Для раба с плантацией этого было достаточно. Он повернул ложку и уставился на свой номер, выбитый на ее ручке. У всех прочих, кроме номеров, были и имена. А у него кличка — Рик. На жаргоне плантаций это означало что-то вроде идиота.

Но, может быть, теперь он будет вспоминать все больше и больше. Впервые с тех пор, как он появился на фабрике, он вспомнил нечто бывшее до того. Если бы только подумать!..

Когда он шел вечером с фабрики, его догнала Валона Марч.

— Я слышала, за завтраком была какая-то неприятность?

Рик пробормотал:

— Ничего не было, Лона.

Она настаивала:

— Я слышала, ты вспомнил что-то. Верно, Рик?

Она тоже называла его Риком. А он изо всех сил старался вспомнить свое имя. Однажды Валона раздобыла рваную адресную книгу и прочла из нее все имена. Ни одно не показалось ему более знакомым, чем другие.

Он взглянул ей прямо в лицо и сказал:

— Я должен бросить фабрику.

Валона нахмурилась:

— Не знаю, сможешь ли ты. Это нехорошо.

— Я должен вспомнить побольше о себе.

Валона облизнула пересохшие губы:

— Не знаю, нужно ли это.

Рик отвернулся. Это она устроила его на фабрику и спасла жизнь. Но все-таки он должен…

— Опять головные боли?

— Нет. Я действительно вспомнил что-то. Вспомнил, какая работа была у меня раньше… Поедем в поля, Лона.

— Уже поздно.

— Прошу тебя! Только за черту поселка.

…Через полчаса они свернули с шоссе на извилистую, плотно усыпанную песком дорогу. Молчание было тяжелым, и Валона почувствовала, как ее охватывает страх.

Что если Рик покинет ее? Во многих отношениях он еще походил на ребенка. Но, прежде чем его лишили разума, он был, конечно, образованным человеком. Образованным и очень важным.

В свое время она испугалась при первых его словах. Они прозвучали так неожиданно и странно после долгих несвязных жалоб на головную боль. Уже тогда Лона боялась, что он может

вспомнить слишком много и бросить ее. Она была только Валоной Марч, по прозвищу Большая Лона. Крупная, большеногая девушка с красными от работы руками. Девушка, которой никогда не найти мужа.

Иллюстрации ***H. R. Van Dongen***

Она лишь смотрела с тупой досадой на парней. Она была слишком крупная, чтобы хихикать и подмигивать им. У всех других женщин один за другим появлялись дети, а она могла только протискиваться к ним, чтобы взглянуть на красное, безволосое существо с зажмуренными глазками и резиновым ротиком.

Но вот в ее жизни появился Рик — своего рода младенец. Его нужно было кормить, окружать заботами, выносить на солнце, убаюкивать, когда головная боль терзала его, защищать.

А ее кулаков боялись даже взрослые.

В тот день, когда она впервые привела Рика работать на фабрику, она одним ударом свалила своего мастера, который сказал о них какую-то непристойность.

Поэтому ей хотелось, чтобы Рик перестал вспоминать. Она знала, что ничего не может предложить ему: с ее стороны было эгоизмом желать, чтобы он навсегда оставался беспомощным и умалишенным. Просто она никому еще не была нужна до такой степени. Просто она боялась вернуться в одиночество.

Она спросила:

— Ты уверен, что вспоминаешь, Рик?

— Да. Я могу доверять своим воспоминаниям, Лона, когда они возвращаются. Ты это знаешь. Например: ты не учила меня говорить. Я сам вспомнил. Верно? А теперь я вспоминаю, каким я был раньше. У меня должно было быть это «раньше», Лона!

«Должно было». При этой мысли у нее стало тяжело на сердце. Это было другое «раньше», другой мир. Она знала это, потому что единственным словом, которого он не мог вспомнить, было слово «кырт». Ей, Лоне, пришлось учить его слову, обозначавшему на Флорине то, что важнее всего в мире.

— Что ты вспоминаешь? — спросила она.

Возбуждение Рика вдруг упало. Он заколебался.

— Это не очень понятно, Лона. Только то, что

у меня была работа, и я знаю какая. По крайней мере знаю отчасти. Я анализировал Ничто.

Она никогда в жизни не слышала слова «анализировал» и все же спросила:

— Но, Рик, что это может быть за работа: а-нали-зи-ро-вать ничего? Это не работа!

— Я не говорил «ничего». Я сказал: анализировал Ничто. С большого «Н».

— Разве это не одно и то же?

— Нет, конечно. — Он глубоко вздохнул. — Но боюсь, что не смогу объяснить тебе. Это все, что я вспомнил. Но я чувствую, какая это была важная работа. Не может быть, чтобы я был преступником!

Это уже было, когда он впервые заговорил. Заговорил так внезапно, что испугал ее. Она не посмела посоветоваться даже с Резидентом. В ближайший свободный день Лона повезла Рика в город к доктору.

После обследования доктор вышел к ней.

— Когда ты встретила этого человека?

Она рассказала ему, очень осторожно, без всяких подробностей, ничего не сказав ни о Резиденте, ни о патрульных.

— Значит, ты ничего не знаешь о нем?

— О том, что было раньше, — ничего.

— Этот человек был подвергнут психозондированию. Ты знаешь, что это такое?

Сначала она покачала головой, потом прошептала тихо:

— Это то, что делают с сумасшедшими, доктор?

— И с преступниками. Чтобы излечить рассудок или изменить в нем то, что заставляет их красть и убивать.

— Но Рик никогда ничего не крал, — растерялась Лона.

— Откуда ты знаешь, что он делал до того, как ты его встретила? Сейчас это очень трудно выяснить. Зондирование было глубокое и грубое. Неизвестно, какая часть разума удалена полностью, а какая только затуманена шоком. Его нужно держать под наблюдением.

— Нет, нет! Он останется со мной! Я хорошо забочусь о нем, доктор!

Он нахмурился, но заговорил еще ласковее:

— Да, но я и думал о тебе, девушка. Может быть, из него удалено не все злое. Не хочешь же ты, чтобы когда-нибудь он обидел тебя.

В эту минуту сестра привела Рика, успокаивая его ласковым воркованием, как младенца. Рик приложил руку к голове и глядел бессмысленно, пока его взгляд не остановился на Валоне. Он

протянул к ней руки и слабо вскрикнул:

— Лона!

Они кинулась к нему, крепко обняла, прижимая его голову к своему плечу. Потом посмотрела на доктора.

— Он никогда, ни за что не обидит меня.

— И все-таки о нем нужно сообщить. Не знаю, как ему удалось ускользнуть из-под надзора в таком состоянии.

— Значит, его отнимут у меня, доктор?

— Боюсь, что да. Таков закон.

Весь обратный путь она ехала тяжело и слепо, в отчаянии прижимая Рика к себе.

Через неделю по гипервидео было известие об одном докторе, погибшем в катастрофе, когда прервался один из местных электрических лучей. Имя показалось ей знакомым, и ночью в своей комнате она сравнивала его с записанным на бумажке. Имена совпадали.

Позже, когда Рик стал понимать больше, она рассказала ему о том, что говорил доктор, и посоветовала оставаться в поселке, если он хочет быть в безопасности…

— Я не мог быть преступником, — повторил Рик, — если у меня была такая важная работа! Надо уйти. Другого пути нет. Я должен бросить

фабрику и поселок и узнать о себе побольше.

— Рик! Это опасно! Если даже ты анализировал Ничто, почему это важно настолько, чтобы тебе узнавать больше?

— Потому что я вспомнил еще кое-что.

— Что, что ты вспомнил?

— Не скажу, — прошептал Рик.

— Ты должен сказать кому-нибудь. Иначе опять забудешь.

Он схватил ее за руку.

— Это верно. Ты никому не скажешь, правда, Лона? Ты будешь моей памятью на случай, если я забуду?

— Конечно, Рик.

Рик огляделся. Мир был прекрасен. Валона как-то рассказала ему, что в Верхнем Городе, в нескольких милях над ним, есть огромная светящаяся надпись:

ФЛОРИНА — САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ ПЛАНЕТА В ГАЛАКТИКЕ

И сейчас, оглядываясь, он мог поверить этому.

— То, что я вспомнил, ужасно. Но когда я вспоминаю, то всегда правильно. Это мне припомнилось в конце дня.

— Да?

Он в ужасе пристально смотрел на нее:

— Все на этой планете должны погибнуть. Все, кто живет на Флорине.

Мирлин Теренс доставал книгу-фильм с полки, когда к нему позвонили. Резидент неторопливо подошел к двери, на ходу заглаживая верхний разрез рубашки. Даже одежда у него была похожа на одежду Сквайров. Иногда он почти забывал, что родился на Флорине.

На пороге стояла Валона Марч. Она опустилась на колени и склонила голову в почтительном приветствии.

Теренс широко распахнул дверь.

— Войди, Валона. Садись. Час отбоя давно уже прошел. Надеюсь, что патрульные не видели тебя?

— Кажется, нет, Резидент.

— Ты чем-то расстроена. Опять Рик?

— Да, Резидент. — Она сидела, как всегда, спрятав свои большие руки в складках платья, но он заметил, что ее сильные короткие пальцы переплелись и слегка вздрагивают.

— Что бы это ни было, я слушаю тебя, — сказал он негромко.

— Вы помните, Резидент, как я пришла к вам и рассказала о городском докторе и о том, что он

говорил?

— Да, Валона, помню. И еще помню, что велел тебе никогда не делать ничего подобного, не посоветовавшись со мной. А ты помнишь это?

Глаза у нее расширились. Ей не нужно было напоминаний, чтобы снова ощутить его гнев.

— Я никогда больше не сделаю ничего такого, Резидент. Я только хотела напомнить вам, что вы обещали сделать все, чтобы помочь мне удержать Рика.

— Я так и сделаю. Значит, патрульные спрашивали о нем?

— Нет. О, Резидент, по-вашему, они смогут спросить?

— Я уверен, что нет. — Он начал терять терпение. — Ну же, Валона, рассказывай, в чем дело!

— Он говорит, что вспоминает разные вещи.

Теренс подался вперед и чуть не схватил девушку за руку.

— Разные вещи? Какие?

В памяти Теренса ожил день, когда нашли Рика. Он увидел толпу ребят у одного из оросительных каналов, как раз за чертой поселка. Они пронзительно кричали, окликая его: «Резидент! Резидент!», и показывали на какую-то белую шевелящуюся массу.

Это был взрослый мужчина, почти голый: изо рта у него текла слюна, и он слабо повизгивал, бесцельно двигая руками и ногами. На мгновение его глаза встретились с глазами Теренса и стали как будто осмысленнее… Потом рука человека приподнялась и большой палец очутился во рту.

Кто-то из ребят засмеялся:

— Резидент, да он сосет пальцы!

Простертое тело сотряслось внезапным криком. Лицо покраснело и сморщилось. Раздался тихий, бесслезный плач, но палец так и остался во рту.

Теренс стряхнул с себя оцепенение.

— Вот что, ребята, нечего бегать по кыртовому полю, нечего портить урожай. Сами знаете, что будет, если рабочие с плантаций поймают вас. Расходитесь и молчите обо всем. Эй, вон ты, сбегай-ка к доктору Дженксу и попроси его прийти сюда.

Доктор Дженкс помог Теренсу уложить человека в тележку и как можно незаметнее привезти в поселок. Вдвоем они смыли с него засохшую грязь.

Дженкс тщательно осмотрел Рика.

— Инфекции, по-моему, нет, Резидент. И он сытый. Ребра не выпирают. Не знаю, что с ним делать. Как вы думаете, куда его девать теперь?

— Боюсь, что не знаю. Он не умеет даже ходить. Он как младенец. И похоже, все забыл. Может быть, это после болезни?

— По-моему, нет. Возможно, это психическое заболевание. Но я полный профан в психиатрии, подобных больных я посылаю в город. Вы никогда не видели нашего города, Резидент?

— Я здесь только месяц.

Дженкс вздохнул, полез за платком.

— Да. Старый Резидент — тот был молодец. Держал нас хорошо. Я живу почти шестьдесят лет, а этого парня никогда не видел. Он, верно, из другого поселка. Посмотрим, что скажут патрульные.

Патрульные, конечно, явились. Избежать этого было невозможно. Их было двое, этих наемников, носящих громкое имя Членов Флорианского Патруля. Они глядели равнодушно и скучно.

— Кто этот умалишенный? — спросил один из них у Теренса.

— Кто его знает! Его нашли позавчера в канаве на кыртовом поле.

— А документы у него были?

— Нет, сударь. Только тряпка на теле.

— Что с ним такое?

— По-моему, просто идиот.

— И охота вам возиться с такой дрянью? — Член

Флорианского Патруля зевнул, спрятал свою книжку и сказал:

— Ладно, об этом даже рапортовать не стоит. Нам до него дела нет.

И оба ушли.

Посоветовавшись с доктором Дженксом, Резидент отдал Рика под присмотр Валоне Марч. В конце концов лишняя пара рабочих рук, притом бесплатных, это не так уж и плохо.

…Теренс стал их неофициальным опекуном. Он добился для Валоны дополнительного пайка, добавочных талонов на одежду — всего, что нужно, чтобы двое взрослых (из них один незарегистрированный) прожили на жалованье одного. Он помог ей устроить Рика на фабрику. Смерть врача в городе избавила его от тревоги, но он оставался настороже.

Было естественно, что Валона обращалась со всеми своими затруднениями к нему. И теперь он ждал, чтобы она ответила на его вопросы.

— Он говорит, что все в мире умрут.

— А говорит ли он почему?

— Он не знает. Говорит, что когда-то у него была важная работа, но я не пойму какая.

— Как он ее описывает?

— В общем он… анализировал Ничто. Но, Рези-

дент, как можно делать что-нибудь с Ничем?

Теренс встал и улыбнулся.

— Как, Валона, разве ты не знаешь, что все во Вселенной состоит из ничего?

Валона не поняла этого, но согласилась. Резидент был очень ученым человеком. С неожиданным приливом гордости она вдруг увидела, что ее Рик еще ученее.

— Идем. — Теренс протягивал ей руку. — Идем к Рику.

В хижине Валоны было темно, и они вошли туда ощупью.

В свете маленького, прикрытого рукой фонарика Теренс заметил, что один угол комнаты отгорожен старенькой ширмой.

Эту ширму он сам недавно добыл для Валоны, когда Рик стал гораздо больше похож на взрослого, чем на ребенка.

Из-за ширмы доносилось ровное дыхание.

— Разбуди его, Валона.

Валона постучалась в ширму.

— Рик! Рик! Детка!

Послышался легкий вскрик.

— Это я, Лона, — быстро сказала она. Они зашли за ширму, и Теренс осветил фонариком себя и Валону, потом Рика.

Рик заслонился от света рукой.

— Что случилось?

Теренс сел на край кровати.

— Рик, — произнес он, — Валона сказала, что ты начинаешь вспоминать кое-что.

— Да, Резидент. — Рик держался смиренно с Резидентом, самым значительным из когда-либо виденных им людей. С Резидентом был вежлив даже управляющий фабрикой. Рик сообщил Теренсу о тех крохах, что извлекла его память в течение дня.

— Вспомнил ли ты что-нибудь еще?

— Больше ничего, Резидент.

Теренс задумался.

— Хорошо, Рик, можешь спать.

Валона проводила его за порог. Он видел, как подергивалась у нее щека и как она вытерла себе глаза тыльной стороной кисти.

— Покинет он меня, Резидент?

Теренс взял ее за руки и заговорил серьезно:

— Будь взрослой, Валона. Он поедет со мной ненадолго, но я привезу его обратно.

— А потом?

— Не знаю. Ты должна понять, Валона: сейчас нам важнее всего, чтобы Рик мог вспомнить побольше.

Валона спросила вдруг:

— Неужели правда, что все на Флорине умрут, как он говорил?

Теренс крепче сжал ее руки.

— Не говори этого никому, Валона, иначе патрульные заберут его навсегда.

Он повернулся и медленно направился к своему дому, даже не замечая, что руки у него дрожат. Дома он тщетно пытался уснуть, и через час пришлось настроить наркополе. Это был один из немногих приборов, которые он привез, когда впервые вернулся с Сарка на Флорину, чтобы стать Резидентом. Прибор плотно надевался на голову, как шапочка из тонкого черного фетра. Теренс поставил его на пять часов и включил контакт.

Он еще успел уютно улечься в постели, прежде чем замедленная реакция замкнула накоротко центры мозга и мгновенно погрузила его в сон без сновидений.

БИБЛИОТЕКАРЬ

Они вышли из диамагнитного роллера на стоянке за чертой города. Рик ждал, пока Теренс запрет кабину стоянки и опечатает ее прикосновением подушечек пальцев. В новом комбинезоне Рик чувствовал себя не очень удобно. Он неохотно последовал за Резидентом под одну из высоких мостоподобных структур, поддерживающих Верхний Город. Ибо Город был двойным: его строго делил горизонтальный слой сталесплава площадью 50 квадратных миль, опиравшийся на двадцать тысяч стальных решетчатых колонн. Внизу, в тени, жили «туземцы». Наверху, на солнце — Сквайры. В Верхнем Городе трудно было поверить, что ты находишься на Флорине. Население было почти исключительно саркитское, включая немногочисленных патрульных. Это был высший класс в самом буквальном значении этого слова.

Теренс хорошо знал дорогу. Он шел быстро, избегая взглядов прохожих, смотревших на его резидентскую одежду со смешанным выражением зависти и досады. Солнце светило, и его лучи, падая сквозь правильно распределенные отверстия в сталесплаве, еще более сгущали окружающую темноту.

В лучах сидели в подвижных креслах старики,

наслаждаясь теплом и двигаясь вместе с движением луча. Иногда она засыпали и оказывались в тени, пока не просыпались от скрипа колесиков при перемене позы. Там, где не было стариков, матери почти сплошь перегораживали светлую полосу своими отпрысками в колясках.

— Ну, Рик, держись, — сказал Теренс. — Сейчас мы поднимемся.

Они остановились перед сооружением, занимавшим промежуток между четырьмя колоннами, вознесенными от земли до самого Верхнего Города. Это был лифт.

Когда они поднялись наверх, дверь открылась в совершенно новый мир. Как и все города на Сарке, Верхний Город был чрезвычайно ярким и пестрым. Отдельные строения, будь то жилые дома или общественные здания, пестрели сложной, многоцветной мозаикой, которая вблизи выглядела бессмысленной путаницей, но издали сливалась в яркую гамму красок, менявшихся и переливавшихся вместе с изменениями угла зрения.

— Идем, Рик, — произнес Теренс.

Рик смотрел, широко раскрыв глаза. Ничего живого, никаких растений! Только огромные массы камня и красок. Он никогда не знал, что

дома бывают такими величественными. Что-то мгновенно шевельнулось у него в мозгу. На секунду огромность перестала казаться странной… А потом память снова закрылась.

Мимо промелькнул экипаж:

— Это Сквайры? — прошептал Рик.

Он успел лишь взглянуть. Коротко стриженые волосы, широкие, развевающиеся рукава из блестящей ткани ярких цветов, от синего до фиолетового, короткие бархатистые штаны и длинные чулки, блестевшие, словно сотканные из медной проволоки.

— Молодые, — сказал Теренс. Он не видел их так близко с тех самых пор, как покинул Сарк. И он снова вздрогнул, подавляя бесполезный трепет ненависти.

Сзади раздалось шипение со встроенным воздушным управлением. Машина повисла над дорогой; ее блестящее, гладкое дно было со всех сторон загнуто кверху, чтобы снизить сопротивление воздуха, характерное для патрульных машин.

Они были рослые, как и все патрульные: широкие лица, плоские щеки, длинные черные волосы, светло-коричневая кожа. Их черные блестящие мундиры, подчеркнутые ярким серебром

пряжек и орнаментальных пуговиц, сглаживали различие в лицах и еще больше подчеркивали одинаковость.

Один из них сидел за пультом управления. Другой легко перепрыгнул через низкий борт экипажа.

— Удостоверения! — патрульный мгновенно взглянул на документы и вернул их Теренсу. — Что вы тут делаете?

— Я хотел посетить библиотеку, офицер. Это моя привилегия.

— У твоего дружка нет резидентских привилегий, — отрезал патрульный.

— Я поручусь за него.

Патрульный пожал плечами.

— Как угодно. У резидентов есть привилегии, но резиденты не Сквайры. Помните об этом… Вон то здание — библиотека. Полетели, Кред!

С того места, где они стояли, библиотека казалась пятном яркой киновари, темнеющей до пурпура к верхним этажам. По мере того как они подходили, пурпур сползал все ниже.

— По-моему, это некрасиво, — сказал Рик.

Теренс удивленно взглянул на него. Он привык ко всему этому еще на Сарке, но тоже находил яркие цвета Верхнего Города несколько вуль-

гарными.

Они остановились у спирального помоста, ведущего к главному входу. Цвета были распределены так, чтобы давать иллюзию ступенек; это придавало библиотеке надлежащий архаический вид, по традиции присущий «ученым» зданиям.

Главный холл был просторный, холодный и почти пустой. Библиотекарша удивленно взглянула на них и поднялась с места.

— Я — Резидент. Особые привилегии. Я отвечаю за этого туземца. Бумаги у Теренса были наготове, и он протянул их.

Библиотекарша села и приняла строгий вид. Она раскрыла удостоверение и сунула его в контрольную щель, где мелькнул тусклый фиолетовый свет.

— Комната двести сорок два, — сказала она.

Эта комната походила на кабинет технического секретаря. Искусственный свет, принудительная вентиляция, никаких украшений. Два диктофона и через всю стену — огромный тусклый стенд, где снизу вверх шел длинный список алфавитного материала, названий, авторов, каталожных номеров.

— Я знаю, что это такое, — вдруг произнес Рик. — Надо нажать цифры и буквы нужной

книги на этих маленьких кнопках, и книга появляется вон на том экране.

Теренс повернулся к нему.

— Откуда ты знаешь? Ты вспомнил?

— Может быть. Я не уверен.

— Ну что ж, назовем это разумной догадкой.

Он набрал какую-то комбинацию букв и цифр. Экран вспыхнул: «Энциклопедия Сарка, том 54, Алмаз — Анод».

— Ну вот, смотри, Рик. Я не хочу тебе ничего подсказывать. Но ты должен просмотреть этот том и останавливаться на всем, что покажется тебе знакомым. Ты понял?

— Да.

— Хорошо. Теперь смотри…

Минуты шли. Вдруг Рик ахнул и закричал:

— Я увидел, Резидент! Я увидел!

Это была статья об анализе Космоса.

— Я знаю, что там сказано, — продолжал Рик. Он с трудом переводил дыхание. — Вот смотрите, это всегда тут говорится!

Он прочел вслух медленно, но гораздо лучше, чем можно было бы объяснить отрывочными уроками, полученными им от Валоны:

— «Не удивительно, что по своему темпераменту Космоаналитик является интровертом и

субъектом, весьма сильно не приспособленным к жизни. Посвятить большую часть своей жизни одиноким наблюдениям ужасной пустоты межзвездных пространств — это больше, чем можно потребовать от вполне нормального человека. Отчасти понимая это, Институт Космического Анализа принял в качестве официального девиза не слишком правильную формулировку: „Мы анализируем Ничто“».

Рик закончил чтение, почти вскрикнув.

— Ты понимаешь то, что прочел? — спросил Теренс.

Тот взглянул на него пылающими глазами.

— Там сказано: «Мы анализируем Ничто». Это я и вспомнил. Я был одним из них.

— Ты был Космоаналитиком?

— Да! — закричал Рик. Потом добавил потише: — Голова болит. — Он смотрел, наморщив лоб. — Я должен вспомнить больше. Есть опасность. Огромная опасность!.. Я не знаю, что делать.

— Библиотека в нашем распоряжении, Рик, — Теренс смотрел на него внимательно и взвешивал каждое слово. — Посмотри каталог сам и поищи тексты по Космоанализу. Посмотрим, куда это приведет тебя…

— Как насчет «Трактата об инструментальном

Космоанализе» Врийта? спросил после долгих размышлений Рик. — Это правильно?

— Тебе решать, Рик.

Рик нажал кнопку, но на экране засветилось: «О данной книге спросить лично у библиотекаря».

Теренс протянул руку и погасил экран.

— Попробуй найти другую книгу, Рик.

— Но… — Рик поколебался. После новых поисков в каталоге он нашел «Состав пространства» Эннинга.

На экране снова появилась рекомендация обратиться к библиотекарю. Теренс чертыхнулся и погасил экран.

Из маленького репродуктора над диктофоном послышался тонкий сухой голос библиотекарши, от которого оба похолодели:

— Комната двести сорок два! Есть кто-нибудь в комнате двести сорок два?

— Что вам надо? — хрипло спросил Теренс.

— Какая книга вам нужна?

— Никакая. Благодарю вас. Мы только пробовали аппарат.

Наступило молчание, словно происходило какое-то невидимое совещание. Потом голос сказал резче:

— В записях стоит требование на «Трактат об

инструментальном Космоанализе» Врийта и «Состав пространства» Эннинга. Это верно?

— Мы набирали номера наугад, — сказал Теренс.

— Могу ли я узнать ваши основания для затребования этих книг? — Голос был неумолим.

— Говорю вам, они нам не нужны… Молчать! — Это относилось к Рику, начавшему жалобно шептать что-то.

Снова пауза. Потом голос произнес:

— Если вы подойдете к столу, то сможете получить эти книги. Они оставлены для вас, и вам нужно только заполнить формуляр.

Теренс протянул руку к Рику.

— Пойдем.

— Может быть, мы нарушили правила, — пробормотал Рик.

— Чепуха, Рик. Мы уходим.

Теренс спешил, увлекая за собою Рика. Они вышли в главный холл. Библиотекарша взглянула на них.

— Подождите! — крикнула она, вскочив и держась за стол. — Одну минуту! Одну минуту!

Они не останавливались. Но перед ними очутился патрульный.

— Вы здорово спешите, парни.

Библиотекарша подбежала к ним, слегка задыхаясь:

— Вы из комнаты двести сорок два, верно?

— Послушайте, — твердо произнес Теренс, — почему нас задерживают?

— Вы запрашивали о некоторых книгах? Мы можем достать их для вас.

— Слишком поздно. В другой раз. Разве вы не поняли, что книги нам не нужны? Я вернусь завтра.

— Библиотека всегда стремится удовлетворить читателей, — чопорно произнесла женщина. — Книги будут получены за две минуты. — На скулах у нее вспыхнули два ярких красных пятна. Она повернулась и бросилась к маленькой двери, открывшейся при ее приближении.

— Офицер, если вы не возражаете… — начал было Теренс. Но патрульный прервал его, показав станнер — прекрасное оружие ближнего действия.

— Парень, тебе лучше подождать, пока вернется эта дама. Будь вежливым.

Лоб Теренса покрылся потом. Каким-то образом он недооценил положение. Он был так уверен в своем анализе событий, во всем. И вот к чему это привело. Не нужно было быть таким настой-

чивым. Виновато его проклятое любопытство, желание войти в Верхний Город, пройти по коридорам библиотеки, словно он был саркитом…

На одно безумное мгновение ему захотелось прыгнуть на патрульного — и вдруг, совсем неожиданно, это не понадобилось.

Сначала промелькнуло что-то. Патрульный обернулся, но опоздал.

Станнер оказался вырванным у него из рук. Офицер успел лишь хрипло вскрикнуть, когда он прикоснулся к его виску.

Рик вскрикнул от радости, а Теренс воскликнул:

— Валона! Клянусь всеми демонами Сарка, — Валона!

МЯТЕЖНИК

Теренс пришел в себя почти тотчас же. Он сказал:

— Скорей отсюда. Живо! — и пошел прочь.

На мгновенье ему захотелось оттащить бесчувственное тело патрульного в тень за колоннами главного холла, но на это явно на было времени.

Они вышли на лестницу, где послеполуденное солнце разливало в окружающем мире теплоту и свет. Краски Верхнего Города сдвинулись к оранжевым тонам.

— Идемте скорее! — тревожно сказала Валона.

Теренс удержал ее за локоть. Он улыбался, но голос у него был низкий и твердый:

— Не беги. Иди, как всегда, и следуй за мной. Держи Рика. Не давай ему бежать…

Несколько шагов. Они двигались, словно сквозь клей. Шум в библиотеке? Или это только кажется? Теренс не смел оглянуться.

— Сюда, — сказал он.

Знак над тротуаром слегка мигал в солнечном свете, не в силах соперничать с ним: «Вход в амбулаторию».

Женщина в форменном платье взглянула на

них издали. Она заколебалась, нахмурилась, начала приближаться. Теренс не стал ее ждать. Он резко свернул в сторону, прошел по одному коридору, потом по другому. Все равно их вот-вот остановят. Почти не бывало случаев, чтобы туземцы ходили без надзора по верхнему ярусу больницы. Что с ними будет?

Конечно, в конце концов их остановят.

Поэтому сердце Теренса забилось спокойнее, когда он увидел малозаметную дверь с надписью: «На нижний ярус». Лифт оказался наверху. Теренс втолкнул в него Валону и Рика.

Так было проще всего попасть в Нижний Город, избегнув больших товарных лифтов с их медленным ходом и чересчур внимательными лифтерами. Правда, туземцам запрещалось пользоваться больничными лифтами, но это добавочное преступление было ничтожным по сравнению с нападением на патрульного.

Они вышли на нижнем ярусе.

— Я не могла не прийти, Резидент, — быстро шептала Валона. — Я так беспокоилась о Рике! Я думала, вы не привезете его обратно, и…

— Но как ты попала в Верхний Город?

— Я шла за вами и видела, что вы поднялись на лифте. Когда он вернулся, я сказала лифтеру, что

отстала от вас, и он взял меня наверх.

— Просто так?

— Я немножко потрясла его.

— Демоны Сарка! — простонал Теренс.

— Так получилось, — смиренно пояснила Валона. — Потом я видела, как патрульные показывают вам здание. Я подождала, пока они улетят, и тоже пошла туда. Только я не посмела войти и пряталась, пока не увидела, что вы выходите, а патрульный хочет остановить вас…

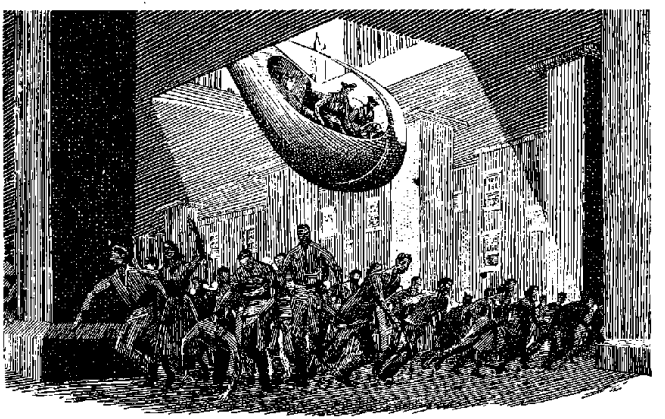
Они были уже на улице, в полутени Нижнего Города. Вокруг кишели звуки и запахи Туземного квартала, и верхний ярус опять стал только крышей над ними. Но они зашли слишком далеко, и отныне их везде подстерегала опасность.

Эта мысль еще не успела покинуть Резидента, когда Рик крикнул:

— Смотрите!

Теренс ощутил в горле спазм.

Самое страшное зрелище, какое могли увидеть туземцы Нижнего Города. Словно гигантская птица спускалась в одно из отверстий из Верхнего Города. Она закрыла солнце и углубила зловещую тень в этой части квартала. Машина с вооруженными патрульными.



Туземцы завопили и начали разбегаться. Может быть, у них и не было особых поводов бояться, но все же они разбегались.

Теренс колебался, а Рик и Валона ничего не могли сделать без него. Внутренняя тревога Резидента усилилась до лихорадки. Если они побегут, то куда? Если останутся на месте, то что смогут сделать?

Какой-то широкоплечий детина приближался к ним тяжелой рысцой. На мгновенье он приостановился рядом с ними, словно в нерешительности. Потом сказал равнодушно:

— Пекарня Хорова вторая налево, за прачечной. — И круто повернул обратно.

— В пекарню, — прохрипел Теренс.

Размышлять было поздно.

Он бежал, обливаясь потом. Сквозь шум слышал лающую команду из динамика патрульных. Он взглянул через плечо. С полдюжины патрульных рванулись из машины, рассыпаясь веером. А он, Теренс, в своей проклятой резидентской одежде заметен так же, как любой из столбов, поддерживающих Верхний Город.

Двое патрульных бежали прямо к ним. Теренс не знал, увидели его или нет, да это и неважно. Оба патрульных столкнулись с тем широкоплечим, который только что сказал им о пекарне. Все трое были достаточно близко. Теренс услышал хриплый бас широкоплечего, громкие ругательства патрульных и толкнул Валону и Рика за угол.

Над пекарней висела сильно вылинявшая надпись из светящейся пластмассы, поломанной во многих местах. Из распахнутой двери стру-

ился восхитительный запах. Когда они вбежали внутрь, то не сразу различили затемненное мукой свечение радарных печей. Из-за бункера выглянул какой-то старик.

Теренс начал было: «Широкоплечий человек...» — и расставил руки для пояснения, как вдруг снаружи послышались крики: «Патруль! Патруль!»

— Сюда! Скорей! — проскрипел старик. — Залезайте в эту печь.

— Туда? — отшатнулся Теренс.

— Она ненастоящая. Скорее!

Сначала Рик, потом Валона и Теренс пролезли сквозь дверку печи. Что-то слабо щелкнуло, задняя стенка печи сдвинулась и свободно повисла на петлях. Они толкнули ее и прошли в маленькую, тускло освещенную комнату.

Они ждали. Вентиляция была плохая, и запах печеного хлеба усиливал голод. Валона все время улыбалась Рику, механически время от времени похлопывая его по руке. Рик тупо смотрел на нее.

Прошла целая вечность.

В стенке щелкнуло. Теренс напрягся. Сам того не сознавая, поднял сжатые кулаки.

Сквозь отверстие протискивались огромные плечи. Они едва помещались там. Широкопле-

чий взглянул на Теренса и улыбнулся:

— Легче, приятель. Мы не будем драться. — Рубашка едва держалась на его плечах, на скуле краснела ссадина. — Поиски окончились. Если вы голодны, можете заплатить и получите всего вдоволь. Что скажете?

Огни Верхнего Города освещали небо на целые мили, но в Нижнем стояла густая тьма. Окна пекарни были плотно завешены, чтобы скрыть свет.

— Я Матт Хоров, но меня называют Пекарем, — представился широкоплечий. — А вы кто?

— Ну, мы… — Теренс пожал плечами.

— Вижу. То, чего я не знаю, никому не повредит. Возможно. Однако в этом вы можете мне довериться. Я спас вас от патрульных, не так ли?

— Да. Благодарю. — Теренсу не удавалось придать своему голосу сердечность. — Как вы узнали, что они гонятся за нами? Там разбегались все.

Пекарь улыбнулся.

— Ни у кого не было таких лиц, как у вас. Ваши лица можно было бы размолоть на известку…

Теренс попытался улыбнуться.

— Но вы рисковали жизнью. И я благодарю вас за спасение.

— Я делаю это каждый раз, когда могу. Если

патрульные гонятся за кем-нибудь, я не могу не вмешаться. Я ненавижу патрульных.

— И попадаете в неприятности?

— Конечно. Вот зачем я построил эту поддельную печь. С нею патрульные не могут поймать меня и затруднить мне работу. Вы знаете, сколько на Флорине сквайров? Десять тысяч. А сколько патрульных? Может быть, двадцать тысяч. А нас, туземцев, — пятьсот миллионов. Если все мы встанем против них... — Он прищелкнул пальцами.

Теренс возразил:

— Мы встали бы против иглоружей и плазменных пушек, Пекарь.

— Нам нужно завести свои. Вы, резиденты, жили слишком близко к сквайрам. Вы их боитесь.

Мир Валоны переворачивался кверху дном. Этот человек дрался с патрульными, а сейчас говорил так уверенно и небрежно с Резидентом. Когда Рик схватил ее за рукав, она разжала его пальцы и велела ему спать.

— ...Даже имея иглоружья и плазменные пушки, сквайры могут владеть Флориной только при одном условии: это помощь ста тысяч резидентов.

Теренс вскипел:

— Я ненавижу сквайров еще больше, чем вы. И все-таки…

— Продолжайте, — хохотнул Пекарь. — Я не выдам вас за вашу ненависть к сквайрам. Итак: почему же патрульные погнались за вами?

Теренс не ответил.

— Осторожность, конечно, не мешает, но бывает и чрезмерная осторожность, Резидент. Вам понадобится помощь. Они знают, кто вы.

— Нет, не знают, — поспешно сказал Теренс.

— Они должны были видеть ваши документы в Верхнем Городе.

— Кто вам сказал, что я был в Верхнем Городе?

— Я догадался.

— Мою карточку смотрели, но не так долго, чтобы прочесть мое имя.

— Достаточно долго, чтобы признать в вас Резидента. Им остается только найти Резидента, который отсутствовал в своем городе сегодня. Наверно, все провода на Флорине гудят сейчас об этом. Итак: вам нужно помочь?

Они говорили шепотом. Рик свернулся в углу и уснул. Взгляд Валоны переходил с одного из говоривших на другого.

— Нет, спасибо. — Теренс покачал головой. — Я… я выпутаюсь сам.

Пекарь расхохотался.

— Интересно посмотреть как. И все-таки подумайте над этим до утра. Может быть, и решите, нужна ли вам помощь.

— Валона.

Голос был так близко, что легкое дыхание шевелило ей волосы, и так тих, что она едва расслышала его. Она была прикрыта только простыней и сжалась от страха и смущения.

Это был Резидент.

— Молчи. Только слушай. Я ухожу. Дверь не заперта. Но я вернусь. Ты слышишь? Ты понимаешь?

Она протянула руку в темноту, нашла его руку, сжала ее.

— И следи за Риком. Не теряй его из виду. Валона… — Он долго молчал. — Не доверяй слишком этому Пекарю. Я его не знаю. Ты поняла? Послышался легкий шорох, потом еще более легкий, отдаленный скрип, и он ушел. Она приподнялась на локте, но, кроме дыхания Рика и своего собственного, не услышала ничего.

Она сомкнула веки, сжала их в темноте, пытаясь думать. Почему Резидент сказал так о Пекаре, который ненавидит патрульных и спас их троих? Почему, когда все запуталось как нельзя больше,

этот Пекарь явился и действовал так быстро и уверенно? Может быть, все подстроено заранее, и Пекарь давно уже ожидал того, что случилось потом?..

— Алло! Вы еще здесь?

Она окаменела, когда луч света упал прямо на нее. Потом опомнилась и медленно натянула простыню до шеи. Луч погас. Ей не нужно было догадываться, кто спрашивал. Его широкие плечи смутно рисовались в полусвете, просачивающемся сзади.

— Я думал, ты ушла вместе с ним.

— С кем, сударь? — тихо спросила Валона.

— С Резидентом. Ты знаешь, девушка, что он ушел. Не пробуй притворяться.

— Он вернется, сударь.

— Он сказал, что вернется? Он ошибся. Патрульные поймают его. Он не очень хитер, твой Резидент, иначе бы он увидел, что я оставил дверь открытой нарочно. Ты тоже собираешься уходить?

— Я подожду Резидента.

— Как угодно. Ждать придется долго. Уйдешь, когда захочешь.

Снова вспыхнул луч света и заскользил по полу, пока не нашел худое, бледное лицо Рика.

Веки Рика судорожно сжались от света, но он продолжал спать.

— А вот этого человека тебе лучше оставить здесь. Если ты решила уйти, дверь открыта, но не для него.

— Он только бедный, больной парень… — начала Валона высоким, испуганным голосом.

— Да? Ну, так я собираю бедных, больных парней, и этот останется тут. Помни это!

Луч света словно приковался к спящему лицу Рика.

УЧЕНЫЙ

Доктор Селим Джунц терял терпение уже целый год, но к нетерпению нельзя привыкнуть даже со временем. Скорей наоборот. Тем не менее этот год научил его, что Саркитскую Разведку нельзя торопить; тем более что сами сотрудники были по большей части переселенными флорианами и поэтому страшно дорожили своим достоинством.

Однажды он беседовал со стариком Эблом — транторианским посланником, прожившим на Сарке так долго, что его башмаки пустили корни здесь; Джунц спросил, почему саркиты позволяют служить в своих собственных государственных учреждениях тем самым людям, которых они искренне презирают.

Эбл прищурился над кубком зеленого вина.

— Политика, Джунц, — сказал он. — Политика. Все дело в практической генетике, проводимой с саркитской логикой. Сами по себе они мелки, нестоящий народ, эти саркиты, и важны лишь постольку, поскольку владеют неистощимой золотой россыпью — Флориной. Поэтому они каждый год снимают сливки с ее городов и посел-

ков и привозят цвет флориниански молодежи на Сарк для обучения.

Посредственных сажают заполнять бланки и подписывать заявления, а по-настоящему умных отправляют обратно на Флорину, чтобы они стали резидентами, этими туземными правителями городов. Самые разумные элементы на Флорине

искренне преданы делу саркитов, так как пока они служат Сарку, о них хорошо заботятся, а как только они от Сарка отвернутся, то самое большее, на что они смогут надеяться, — вернуться к флориниансскому существованию. А это неважная вещь, друг мой, совсем неважная.

Старый дипломат одним глотком допил вино и продолжал:

— Далее. Ни резиденты, ни сотрудники учреждений на Сарке не могут иметь детей, не теряя своего положения. Даже от флориниансских женщин. О смешанных браках с саркитами и говорить нечего. Таким образом, лучшая часть флориниансских генов все время уходит из обращения, так что в конце концов Флорина будет населена только дровосеками и водоносами.

— Но тогда сами саркиты останутся без служащих, не так ли?

— Это дело будущего.

Итак, сейчас доктор Джунц, космоаналитик, сидел в одной из внешних приемных Департамента по флориниансским делам и нетерпеливо ждал минуты, когда его вызовут, пока низшие служащие-флориниане беспрерывно спешили по бюрократическим лабиринтам. Наконец его провели в роскошно обставленный кабинет и

указали кресло перед столом Клерка Младшего Секретаря. Ни один флориниан не мог быть чем-либо большим, чем Клерк, независимо от того, сколько нитей подлинного действия держит он в своих руках. Младший и Старший Секретари по флоринианским делам были, конечно, саркитами, и хотя Джунц мог встречаться с ними в обществе, он знал, что никогда не встретит их в учреждении.

Клерк тщательно просматривал картотеку, разглядывая каждый мелко исписанный листок так, словно там содержались секреты всей Вселенной. Он был молодой, вероятно, недавно кончил школу; как у всех флориниан, у него были очень светлые волосы и кожа. Наконец он отложил в сторону бумаги и произнес:

— Судя по записям, вы бывали в этом учреждении и раньше?

— Да, бывал, сударь, — сказал с некоторой резкостью доктор Джунц.

— Но не в последнее время?

— Но не в последнее время.

— Вы все еще разыскиваете того космоаналитика, исчезнувшего… Клерк перебрал листки, — …более одиннадцати месяцев назад?

— Совершенно верно.

— За все это время, — продолжал Клерк, — не встречалось никаких следов этого человека и не было доказательств, что он когда-либо вообще находился на саркитской территории.

— Последнее сообщение от него, — произнес ученый, — было получено из пространства близ Сарка.

Клерк взглянул на него; бледно-голубые глаза на мгновение сосредоточились на Джунце, потом опустились.

— Возможно, но его присутствие на Сарке не доказано.

Не доказано! Губы Джунца плотно сжались. Именно этот ответ, все более и более категорический, он получал от Межзвездного Космоаналитического Бюро за последние месяцы.

«Нет доказательств, доктор Джунц. Нам кажется, что вы могли бы найти лучшее применение своему времени, доктор Джунц. Бюро заботится о том, чтобы поиски продолжались, доктор Джунц».

Все это означало: «Перестаньте швыряться деньгами, Джунц!»

Это началось, как правильно сказал Клерк, одиннадцать с половиной месяцев назад по Межзвездному стандартному времени. За два дня до

того, как Джунц опустился на Сарк, намереваясь произвести обычную инспекцию отделений Бюро на этой планете. Его встретил представитель МКБ, молодой человек, непрестанно жевавший какой-то эластичный продукт химической промышленности Сарка.

Инспекция почти уже закончилась, когда местный представитель, вспомнив о чем-то, отправил свою эластичную жвачку за коренные зубы и сказал:

— Сообщение от одного из наблюдателей, доктор Джунц. — И протянул листок.

Джунц прочел вслух:

«Прошу сохранять прямую кодированную линию Главштаба МКБ для подробного сообщения о деле чрезвычайной важности. Затронута вся Галактика. Делаю посадку по минимальной траектории».

Агент развеселился.

— Представьте только, сударь! «Затронута вся Галактика». Это здорово, даже для наблюдателя. Я вызвал его по межзвездной связи, когда получил сообщение, и хотел добиться толку, но мне не удалось. Он твердил только, что в опасности находится жизнь каждого из обитателей Флорины. Понимаете, там полмиллиарда человек. Он был

похож на психопата. Поэтому, откровенно говоря, мне не хочется встречаться с ним наедине, когда он опустится. Что вы предлагаете?

— У вас есть запись вашего разговора?

— Да, сударь. — Он порылся в карманах. — Вот.

Это был кусочек ленты. Джунц пробежал его в аппарате и нахмурился.

— Это копия, да?

— Я послал оригинал в Бюро Межпланетного Транспорта на Сарке. Я думал, лучше всего будет встретить его с каретой «Скорой помощи». Ему, наверно, очень плохо.

Джунцу хотелось согласиться с молодым человеком. Когда одинокие аналитики космических глубин сходят с ума, реакции у них могут быть очень сильными. Джунц задумался.

— Погодите. Вы сказали так, словно он еще не сел?

Агент казался удивленным.

— Я думаю, он сел, но мне никто не сообщал об этом.

— Ну так вызовите Транспорт и спросите о подробностях. Психопат он или нет, но подробности должны быть записаны.

Джунц пришел туда на следующий день для последней проверки перед отлетом. У него было

много дел на других планетах, и он спешил. Почти уже уходя, он спросил оборачиваясь:

— Ну, что с нашим наблюдателем?

— Ах да, я совсем забыл, — спохватился агент. — Транспорт о нем ничего не знает. Я послал энергетический спектр его гиператомного двигателя, и они сказали, что его корабля нет нигде в пространстве.

Джунц решил отложить свой отъезд на сутки. На следующий день он побывал в Бюро Межпланетного Транспорта в городе Сарке, столице планеты. Тут он впервые встретился с флорианскими бюрократами, но те качали головами ему в ответ. Они получили сообщение о предполагаемой высадке одного аналитика из МКБ. Да, но корабль не садился.

— Но, это важно, — настаивал Джунц. — Человек очень болен.

Получили ли они копию записи его разговора с агентом из МКБ? Они широко раскрывали глаза. Копию? Никто не мог вспомнить, что получал что-нибудь. Они сожалели, что человек болен, но никакой корабль МКБ не опускался здесь.

Джунц вернулся к себе в отель и долго размышлял обо всем этом. Прошел еще один срок, назначенный им для отъезда. Он сменил свою

комнату на другую, более приспособленную к длительному пребыванию. Он устроил себе свидание с Лудиганом Эблом, транторианским посланником.

Следующий день он провел, читая книги по истории Сарка; и когда время встречи с Эблом пришло, его сердце билось с тихой, еле сдерживаемой яростью. Это не пройдет им даром…

Старый Посланник принял его как гостя, потряс ему руку, вызвал механического бармена и на первых двух стаканах не допускал никаких разговоров о делах. Джунц воспользовался случаем для полезной болтовни, спросил о Флориниан-ской Гражданской Службе и выслушал лекцию о практической генетике на Сарке. Гнев его усилился. И все-таки он спокойно начал излагать историю, рассказывая ее экономно-скупо. Эбл не перебивал.

Когда Джунц замолчал, он спросил:

— Послушайте, вы знаете этого исчезнувшего?

— Нет.

— И не встречали его?

— С нашими наблюдателями-аналитиками трудно встретиться.

— У него раньше бывали такие иллюзии?

— Это первая, судя по записям в центральном

управлении МКБ, — если только это иллюзия.

— Но что я могу сделать?

— Дайте мне объяснить. Саркитское Бюро Межпланетного Транспорта проверило ближайшее пространство на энергетический спектр двигателей нашего наблюдателя и не нашло следов его. В этом они лгать не будут. Я не хочу сказать, что саркиты брезгуют ложью, но они брезгуют бесполезной ложью, и они-то знают, что я могу устроить проверку пространства в два-три часа.

— Правильно. Так что же?

— Есть два случая, когда энергетический спектр нельзя обнаружить. Один — это когда корабля нет в ближайшем пространстве, так как он проскочил гиперпространство и ушел в другую область Галактики; второй когда его нет в пространстве, так как он опустился на планету. Я не могу поверить, что этот человек передумал. Если его утверждения относительно опасности для Флорины и важности для Галактики являются мегаломаническими иллюзиями, ничто не помешает ему опуститься на Сарк и сообщить об опасности. Он не мог передумать и улететь. У меня пятнадцатилетний опыт работы в этой области. Если же его заявление имело под собой основания, то дело было слишком серьезно,

чтобы он мог передумать и уйти от ближнего пространства.

Старый транторианин поднял палец и сказал, слегка покачивая им:

— Значит, вы заключаете, что он находится на Сарке?

— Вот именно. Опять-таки тут есть две возможности. Во-первых, если он действительно охвачен психозом, то мог высадиться на планете в любом месте вне космопорта. Он может блуждать где-нибудь, больной, наполовину беспамятный. Это очень необычно для наших наблюдателей, но это случается. В таких случаях амнезия обычно бывает временной. Когда она проходит, жертва вспоминает подробности своей работы. В конце концов работа для космоаналитиков — это сама жизнь. Часто такого больного обнаруживают по тому, что он заходит в публичную библиотеку и ищет литературу по космическому анализу.

— Понимаю. Так вы хотите, чтобы я помог вам получить от Комитета библиотекарей сообщение о таком случае?

— Нет, здесь я не предвижу никаких трудностей. Я попрошу, чтобы некоторые стандартные работы по космическому анализу были поставлены в спецхранение и чтобы всякого, кто спросит

о них, если он не сможет доказать, что он настоящий саркит, задержали и допросили. Это для меня сделают, потому что будут знать — или будет знать начальство, — что такой план мне ничего не даст вообще.

— Почему не даст?

— Я уверен, что наш человек высадился в космопорту Сарка, как и намеревался, а затем саркитские власти посадили его в тюрьму или даже убили.

— Вы шутите?

— Какие шутки? И жизнь, и богатство, и власть саркитов зависят от обладания Флориной. Вы не хуже меня знаете, что богатство Сарка заключено в кыртовых плантациях Флорины. И вот появляется человек — неважно, в здравом уме или нет — и говорит, что какое-то обстоятельство галактической важности угрожает жизни всех обитателей Флорины. Взгляните на эту копию последней передачи нашего наблюдателя.

Эбл взглянул на обрывок ленты, брошенный Джунцем ему на колени.

— Это немного.

— Конечно. Здесь сказано, что опасность есть. Что это какая-то огромная опасность. Вот и все. Но такое нельзя было посылать саркитам. Даже если

космоаналитик ошибся, разве могло саркитское правительство позволить ему распространять свое безумие, если только это безумие, и наполнять им всю Галактику? Не говоря уже о панике, которая могла бы подняться на Флорине, о помехах в производстве кыртового волокна, очевидно, что вся грязь политических взаимоотношений между Сарком и Флориной открылась бы перед Галактикой во всей своей красе. А чтобы всего этого избежать, они должны отделаться только от одного человека. Остановится ли Сарк перед убийством в подобном случае? Планета с такими, как вы описали, генетическими экспериментаторами колебаться не станет.

— Так что же вы хотите, чтобы я сделал? Пока мне ничего не ясно в этой истории. — Эбл казался невозмутимым.

— Найдите, кто его убил, — мрачно произнес Джунц. — У вас должна быть организация для шпионажа здесь. О, не будем играть в прятки. Я шатаюсь по Галактике достаточно долго, чтобы выйти из политического отрочества. Докопайтесь до сути, пока я буду отвлекать их внимание своими библиотечными разговорами. А когда вы изобличите их как убийц, я хочу, чтобы Трантор показал, что ни одно правительство в Галактике

не должно рассчитывать на безнаказанность, убивая людей из МКБ.

Так окончилась его первая встреча с Эблом.

Джунц оказался прав в одном: саркитские власти были очень любезны, пока это касалось библиотечных дел. Но во всем остальном он был, по-видимому, неправ. Проходили месяцы, а агенты Эбла не могли найти на Сарке следов исчезнувшего наблюдателя, живого или мертвого.

Так продолжалось более одиннадцати месяцев. Джунц начал чувствовать, что готов отказаться от всего, но решил подождать конца двенадцатого месяца. А потом появился проблеск, и он явился вовсе не от Эбла, а от подставного лица. Пришло сообщение из Публичной библиотеки Сарка, и Джунц оказался сидящим через стол от сотрудника Отдела по флориниански м делам.

Клерк закончил свои мысленные расчеты и взглянул на посетителя.

— Итак, что я могу сделать для вас?

Джунц заговорил сухо и точно:

— Вчера в 4:22 пополудни мне сообщили, что Флориниански й филиал Публичной библиотеки Сарка задерживает для меня человека, который пытался получить две стандартные работы по космическому анализу и который не был

урожденным саркитом. С тех пор из библиотеки никаких сообщений не было. Он слегка повысил голос, чтобы заглушить какое-то возражение, начатое было Клерком. — В бюллетене теленовостей, принятом на общественном аппарате, который находится в отеле, где я сейчас живу, и помеченном 0:05 пополудни вчера, сказано, что во Флоринианском филиале Публичной библиотеки Сарка сбит и находится в бессознательном состоянии член Флоринианского патруля и что ведется преследование трех флоринианских туземцев, совершивших этот проступок. Позже, в передаче новостей, этот бюллетень не был повторен. Так вот, я не сомневаюсь в том, что оба сообщения связаны между собой. Я уверен в том, что человек, которого я разыскиваю, находится в руках патруля. Я просил разрешения лететь на Флорину и получил отказ. Я просил Флорину прислать этого человека на Сарк, и не получил ответа. Я пришел в Отдел по флоринианским делам получить содействие в этом. Либо я полечу туда, либо его пришлют сюда.

Бесцветный голос Клерка произнес:

— Правительство Сарка не принимает ультиматумов от сотрудников МКБ. Мое начальство предупредило меня, что вы, вероятно, будете

расспрашивать меня об этом деле, и я получил соответствующие инструкции. Человек, о котором сообщалось, что он хотел получить книги из спецхранения, и двое его спутников, Резидент и флориниансская женщина, действительно совершили проступок, о котором вы говорили, и патруль преследовал их. Однако они не были схвачены.

Джунца охватило горькое разочарование. Он не пытался скрыть его.

— Они бежали?

— Не совсем. Они были прослежены до пекарни некоего Матта Хорова.

Джунц поразился.

— И им позволили остаться там?

— Беседовали ли вы в последнее время с его светлостью Лудиганом Эблом?

— Что в этом общего с…

— Нам известно, что вас часто видели в транторианском посольстве.

— Я не видел посла уже с неделю.

— Тогда я предлагаю вам повидаться с ним. Мы позволили преступникам оставаться в лавке Хорова вследствие щекотливости наших взаимоотношений с Трантором. Мне поручено сказать вам, если понадобится, что Хоров, чему

вы, вероятно, не удивитесь... — на бледном лице Клерка появилось что-то похожее на насмешливую гримасу, — хорошо известен нашему Отделу безопасности как транторианский агент.

ПОСЛАННИК

За десять часов до разговора Джунца с Клерком Теренс выскользнул из пекарни Хорова. Он осторожно пробирался переулками. Его рука касалась шершавой поверхности хижин рабочих. Кругом был полный мрак, если не считать бледного света, периодически падавшего из Верхнего Города.

Нижний Город походил на спящее ядовитое чудовище, лоснящиеся кольца которого скрывались под блестящим покровом Верхнего. Кое-где, вероятно, шла призрачная ночная жизнь, но не здесь, в трущобах.

Теренс отпрянул в пыльную улочку (даже ночные дожди Флорины едва могли проникать в обитель тени под сталесплавом), услышав звук отдаленных шагов. Огни фонариков появились, скользнули мимо, растворились во тьме.

Патрульные ходили взад и вперед всю ночь. Внушаемого ими страха было вполне достаточно, чтобы поддерживать порядок почти без применения силы.

Теренс спешил; на лицо ему падали белые блики, когда он проходил под отверстиями в сталесплаве, и он не мог удержаться, чтобы не поглядеть наверх.

Сквайры недоступны!

Действительно ли они недоступны? Сколько раз уже менялось его отношение к саркитским Сквайрам. Ребенком он не отличался от прочих детей. Патрульные были черно-серебряными чудовищами, от них нужно было убегать, все равно, провинился ты или нет. Сквайры были туманными, мистическими сверхлюдьми, чрезвычайно добрыми, жившими в раю под названием Сарк, и терпеливо, бдительно охранявшими благосостояние глупых обитателей Флорины.

Десятилетним мальчишкой он написал в школе сочинение о том, как представляет себе жизнь на Сарке. Это был чистый вымысел. Он помнил очень немногое, только один абзац. Там описывались Сквайры, они собираются каждое утро в огромном зале, окрашенном, как цветы кырта, и стоят там в своем двадцатифутовом велико-

лепии, рассуждая о прегрешениях флориниан и сетуя о необходимости карать их, дабы вернуть к добродетели.

Учительнице его сочинение очень понравилось, и в конце года, когда другие мальчики и девочки проходят короткие курсы чтения, письма и морали, его перевели в специальный класс, где он учился арифметике, галактографии и истории Сарка. В шестнадцать лет его взяли на Сарк.

Теперь Теренс приближался к окраине города. Ветерок доносил до него густой ночной аромат цветов кырта. Через несколько минут он будет в сравнительной безопасности среди открытых полей, где нет регулярных обходов патруля и где сквозь клочковатые ночные облака он снова увидит звезды. Даже ту яркую желтую звезду, которая была солнцем для Сарка.

Она была солнцем и для него много лет подряд. Когда он впервые увидел ее в иллюминаторе корабля уже не как звезду, а как невыносимо яркий белый шарик, ему захотелось упасть на колени. Мысль о том, что он приближается к раю, прогнала даже парализующий страх первого космического перелета.

Он высадился в раю, и его поручили старику флоринианину, который проследил за тем, что-

бы он хорошо вымылся и прилично оделся. Его привели в большое здание, и по пути туда старый проводник низко поклонился проходившей мимо фигуре.

— Кланяйся! — сердито шепнул старик юному Теренсу.

Теренс повиновался и был смущен.

— Кто это?

— Сквайр, деревенщина!

— Это — Сквайр?

Он резко остановился, и его пришлось подогнать. Так он познакомился со Сквайрами. Они оказались обыкновенными людьми. Другие юные флориниане, быть может, и оправились бы после такого разочарования, похожего на удар, но Теренс не мог. Что-то внутри него переменилось навсегда.

Больше пяти лет проработал он в Гражданской Службе, и его, как обычно, перебрасывали с места на место, чтобы проверить способности.

Однажды к нему пришел пухлый, мягкий флориниан, дружески улыбнулся, похлопал по плечу и спросил, что он думает о Сквайрах.

Теренс подавил желание повернуться и убежать. Он подумал, не отпечатались ли его тайные мысли на лице в виде какого-то таинственного

кода. Он покачал головой, забормотал что-то насчет добродетели Сквайров.

Но пухлый человек поджал губы и сказал:

— Вы не думаете этого. Приходите сюда ночью. — И дал ему маленькую карточку, которая через несколько минут и превратилась в пепел.

Теренс пришел. Ему было страшно, но и очень интересно. Он встретил нескольких знакомых, они глядели на него таинственно. Оказалось, что он не был одинок.

Эти люди тоже считали Сквайров низкими скотами, выжимающими богатства из Флорины для собственных никчемных развлечений и оставляющими тяжело работающих туземцев умирать в нищете и невежестве. Он узнал, что приближается время, когда против Сарка будет поднято гигантское восстание и богатства Флорины будут отданы их законным владельцам.

— Но Сквайры и патрульные вооружены… — недоумевал Теренс.

И ему рассказали о Транторе, гигантском государстве, непрерывно расширявшемся в последние столетия, так что теперь в него входит половина всех обитаемых планет в Галактике. Трантор, сказали ему, разобьет Сарк с помощью флориниан.

— Но, — сказал Теренс сначала себе, потом другим, — если Трантор так велик, а Флорина так мала, — не станет ли Трантор еще более крупным и тираническим хозяином? Если это единственный выход, то лучше уж терпеть Сарк.

Но над ним посмеялись и прогнали, угрожая смертью, если он когда-либо проговорится о том, что слышал.

Теренс даже работал некоторое время в Отделе Безопасности, на что могли надеяться лишь немногие из флориниан. Здесь Теренс увидел, к своему удивлению, что нужно бороться и с настоящими заговорами. Люди на Флорине каким-то образом сходились и начинали готовить восстание.

Обычно их поддерживали деньги Трантора. Иногда предполагаемые мятежники действительно думали, что Флорина сможет победить без посторонней помощи. А потом появился этот незначительный с виду человек, который был когда-то космоаналитиком, а теперь бормотал о чем-то, угрожающем жизни каждого из обитателей Флорины…

Теренс был теперь в полях, где прошел ночной дождь и звезды мерцали из облаков. Он глубоко вдыхал запах кырта — сокровища и проклятия

Флорины.

У него не было иллюзий. Да, он уже не Резидент. И даже не свободный флоринианский крестьянин. Он преступник, беглец, который должен скрываться. Но за последние сутки у него в руках было величайшее оружие против Сарка. Сомнений не было. Он знал: Рик вспомнил правильно, что был когда-то космоаналитикоми, что был психозондирован.

Но Рик в руках толстого человека, который выдает себя за флоринианского патриота, а на самом деле это транторианский агент, Теренс не сомневался в этом с первого же мгновения. Кто еще из жителей Нижнего Города смог бы построить поддельную радарную печь?

Как бы то ни было нельзя оставлять Рика в руках Трантора. У него уже созрел план дальнейших действий. Надо только подождать рассвета.

* * *

Через десять часов после своей беседы с Клерком Джунц снова встретился с Лудиганом Эблом.

Посланник приветствовал Джунца со своей обычной сердечностью, хотя и с явным чувством вины. При первой встрече (это было давно, прошел почти стандартный год) Эбл не обратил

внимания на его рассказ о космоаналитике. Тогда он думал лишь об одном: поможет ли это Трантору?

Трантор! Он всегда был первым в его мыслях, но Эбл был не из тех глупцов, которые отождествляют звездный рай или желтый значок транторианских военных сил с солнцем и космическим кораблем.

Словом, он не был патриотом в обычном смысле этого слова, и Трантор как Трантор не значил для него ничего.

Но он был поклонником мира; тем более что он старел и любил свой кубок с вином, атмосферу, наполненную тихой музыкой, послеобеденный сон и спокойное ожидание смерти. Он считал, что так должны поступать все, но люди предавались войне и разрушению. Они умирали, замороженные пустотой космического пространства, испаряясь во вспышке взорвавшихся атомов, голодая на осажденных планетах.

В кабинете у Эбла висела карта Трантора — кристально прозрачный свод с трехмерной схемой Галактики. Звезды были алмазными искрами, туманности светлыми или темными пятнами, а глубоко в недрах мерцало несколько синих огоньков, обозначавших собой Транторианскую

Республику.

Карта была историческая, с десятью кнопками, так что через каждые пятьдесят лет можно было проследить, как вокруг Трантора загоралось множество звезд.

Простое нажатие десяти кнопок — и проходит полтысячи лет, и господство Трантора распространяется, пока не охватывает половину Галактики.

По мере того как Транторианская Республика превращалась в Транторианское Содружество, ее путь проходил сквозь чащу погибших людей, погибших кораблей, погибших миров.

Но все это придавало Трантору силу.

А сейчас Трантор трепетал на грани нового превращения: из Транторианского Содружества в Галактическое, когда его господство поглотит все звезды и настанет вселенский мир. И Эблу хотелось именно этого.

Итак, поможет ли это Трантору? — вот о чем думал осторожный Посланник год назад при первом разговоре с доктором Джунцем.

— …Нет, я вовсе не сержусь на ваших агентов, пущенных за мной по пятам, — говорил Джунц. — Вероятно, вы осторожны и не должны доверять никому и ничему. И все-таки: почему мне не сообщили, когда местопребывание разыскиваемого мною человека было обнаружено? Или вы тоже не знали, что искать его на Сарке бессмысленно, поскольку весь этот год он был на Флорине? Но теперь вы нашли его, и я хочу с ним поговорить.

— Я сожалею, но вы не сможете этого сделать.

— Почему?

— Хорошо, я отвечу вам. Потому что двенадцать часов назад Матт Хоров, транторианский агент, был убит флоринианским патрулем. Двое флориниан, которых агент прятал у себя, женщина и мужчина, — по всей вероятности, разыскиваемый вами наблюдатель, — ушли, исчезли.

Очевидно, они попали в руки Сквайров.

Джунц приподнялся с кресла.

Эбл спокойно поднял к губам стакан с вином и произнес:

— Официально я ничего не могу сделать. Убитый был флориниданином, а исчезнувшие, пока мы не сможем доказать обратное, тоже флориниане.

ПАТРУЛЬНЫЙ

Рик проснулся в серой мгле рассвета. Долгие минуты он лежал, проверяя свой разум. Что-то в нем зажило за ночь; что-то проросло и стало цельным. Это готово было случиться еще с той минуты, два дня назад, когда он начал «вспоминать». Процесс продолжался весь вчерашний день. Поездка в Верхний Город, библиотека, нападение на патрульного, потом бегство и встреча с Пекарем — все это действовало на него как фермент. Ссохшиеся волокна мозга, давно замершие, начали вынужденную болезненную деятельность. Теперь, после сна, в них чувствовалась слабая пульсация. Он думал о пространстве и о звездах, о долгих одиноких странствиях, о великом молчании. Наконец, он повернул голову и окликнул:

— Лона!

Она мгновенно очнулась, приподнялась на локте, вглядываясь в его сторону.

— Я чувствую себя прекрасно, Лона. Я вспомнил еще больше. Я был на корабле и знаю в точности…

Но она не слушала его. Натянула платье, стоя

к нему спиной, загладила передний шов-застежку и нервно потрогала пояс. Потом подошла на цыпочках.

— Тсс, не говори так громко. Все в порядке.

— Где Резидент?

— Его нет. Он… он ушел.

В комнате стало светло, и появилась массивная фигура Пекаря. Его толстые губы растянулись в улыбке:

— Вы рано проснулись.

Они молчали.

— Сегодня вы уйдете.

Она помнила, как он смотрел на Рика после того, как Резидент ушел.

— О вас сообщено кому следует. Вы будете в безопасности.

Он вышел, но вскоре вернулся, неся пищу, одежду и два таза с водой. Одежда была новая и казалась совершенно незнакомой.

Он смотрел, как они едят, потом сказал:

— Я дам вам новые имена и новые биографии. Вы должны внимательно слушать, чтобы ничего не забыть. Вы не флориниане, поняли? Вы брат и сестра с планеты Вотекс. Вы посетили Флорину…

Он продолжал, рассказывая подробности, задавая вопросы, слушая ответы.

Рику было приятно, что он может продемонстрировать свою память, свою способность к восприятию, но Валона казалась обеспокоенной.

Пекарь заметил это.

— Послушай, девушка, если начнешь куражиться, я отошлю его одного, а ты останешься здесь.

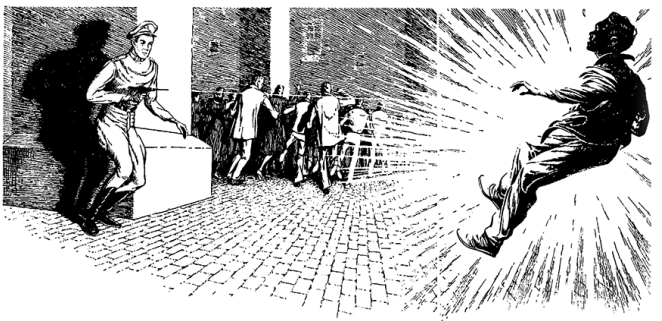
— Нет, нет… — затрепетала Валона. — Я не доставлю вам никаких затруднений.

Солнце стояло уже высоко, когда Пекарь вывел их на улицу. Рик с изумлением оглядел себя, насколько мог. Он не знал, что одежда может быть столь диковинной. Валона совсем не походила на работницу с плантаций. Даже ноги покрывал какой-то тонкий материал, а каблуки были такие высокие, что ей приходилось очень осторожно балансировать на ходу.

Собрались прохожие, разглядывая их, окликая друг друга, переговариваясь. В большинстве своем это были дети, женщины, идущие на рынок, мрачные и оборванные бездельники. Пекарь словно не замечал их. В руках он сжимал толстую палку.

Вдруг дальние окраины окружающей толпы возбужденно заволновались, и Рик различил черную с серебром форму патрульного.

Вот тогда это и случилось. Оружие, выстрел, упавший Пекарь и снова безумное бегство. Неужели черные тени патрульных будут вечно гнаться за ними?



Они очутились в трущобах одного из дальних пригородов. Валона тяжело дышала, и на ее новом платье проступили влажные пятна пота.

Рик задохнулся:

— Я не могу больше бежать!

— Нужно!

— Подожди. — Он уперся, но она тянула его. — Слушай меня.

Страх и паника постепенно покидали его.

— Лона, куда мы бежим, зачем? На нас же костюмы жителей другой планеты… Смотри, это дал нам Пекарь.

Рик возбужденно достал из кармана маленький прямоугольник, разглядывая его с обеих сторон и пытался раскрыть, как книгу. Ему это не удалось. Тогда он ощупал его края. Когда пальцы сжались на одном из углов, что-то щелкнуло, и одна сторона прямоугольника стала молочно-белой. Мелкие буквы на ней были непонятными.

Рик догадался:

— Это паспорт. Значит, можно улететь отсюда. Ведь Пекарь хотел, чтобы мы покинули Флорину. На корабле. Давай так и сделаем.

— Рик, но нас поймают!

— Не поймают, если мы полетим не на том корабле, на котором он хотел нас отправить. Там нас будут подстерегать. Нам нужно лететь на другом корабле. На любом другом.

Корабль! Любой корабль. Эти слова пели у него в ушах. Была его идея удачной или нет — ему все равно. Ему хотелось быть на корабле. Хотелось быть в пространстве.

— Ладно, Рик! Я знаю, где тут космопорт. Когда я была маленькой, мы иногда в свободные дни ездили туда и смотрели издали, как корабли взлетают.

Контролер с улыбкой посмотрел на остановившихся перед ним мужчину и женщину, неловких и вспотевших в своем странном одеянии, сразу выдававшем в них чужеземцев. Женщина протягивала паспорт сквозь прорезь.

Взгляд на нее, взгляд на паспорт, взгляд на список забронированных мест. Он нажал нужную кнопку, и из автомата выскочили две прозрачные ленты.

— Ступайте, — нетерпеливо сказал он. — Наденьте их себе на руки и идите.

— А где наш корабль? — вежливым шепотом спросила женщина.

Это ему понравилось. Чужеземцы не часто попадаются в космопорту Флорины. В последние годы они встречаются все реже и реже. Но когда они появляются, то это тебе не патрульные и не Сквайры. Они не знают, что ты только флорианин, и разговаривают с тобой вежливо.

— Вы найдете его на площадке № 17, сударыня. Желаю вам приятного перелета на Вотекс. — Он сказал это с пышной учтивостью.

Потом он вернулся к любимому занятию: звонить своим друзьям, пытаться незаметно подключаться к частным разговорам по энергетическим лучам в Верхнем Городе. Прошло несколько часов прежде чем он понял, какую ошибку совершил.

Этот корабль был гораздо меньше, чем стоявший у площадки № 17, на который были действительны их билеты. Он выглядел более полированным. Его четыре воздушных шлюза были открыты, главный вход зиял, и ведшая от него лесенка походила на высунутый язык, достигающий земли.

— Его проветривают, — сказал Рик. — Пассажирские корабли всегда проветривают перед полетом, чтобы избавиться от запаха сжатого кислорода, много раз уже использованного.

Валона взглянула на него.

— Откуда ты знаешь?

Рик почувствовал нарастающую в нем гордость.

— Просто знаю. Там сейчас никого нет. На сквозняках никому не приятно. — Он тревожно оглянулся. — Странно, почему народу так мало.

Струя воздуха устремилась им навстречу, когда они вошли в шлюз корабля. Платье Валоны вздy-

лось, и ей пришлось держать подол руками.

— Это всегда так бывает? — спросила она. Ей никогда не случалось бывать в космическом корабле, она даже не мечтала об этом. Губы у нее сжались и сердце стучало.

— Нет. Только во время продувки.

Рик радостно двинулся по твердым металлитовым мосткам, жадно оглядывая пустое помещение.

— Вот, — сказал он. — Это кухня. Впрочем, пища не так важна. Некоторое время мы можем обойтись и без нее. Вода важнее.

Он начал возиться среди утвари, расположенной в уютных, компактных гнездах, и раздобыл большой контейнер с крышкой. Поискал взглядом водяной кран и облегченно усмехнулся, когда раздались мягкие вздохи насоса и журчанье воды.

— Теперь возьмем несколько жестянок. Не нужно много. Нельзя, чтобы это заметили.

Рик нашел маленькую комнату, занятую пожарным оборудованием, аварийными медицинскими запасами и аппаратами для сварки.

— Устроимся здесь, Лона, — сказал он не очень уверенно. — Сюда не заглядывают, разве что в крайних случаях. Нам нельзя будет зажигать

свет, чтобы они не заметили утечки энергии, и пользоваться туалетом: придется выжидать периодов отдыха и не попадаться на глаза ночным сменам.

Ток воздуха внезапно прекратился. Мягкое монотонное жужжание сменилось тишиной.

— Скоро они погрузятся, и тогда мы полетим, — сказал Рик.

Если Рик почувствовал себя человеком, когда проснулся сегодня на рассвете, то сейчас он был гигантом и руки его протягивались через всю Галактику. Звезды были мячиками, а туманности — клочьями паутины, которые нужно снять.

Он был на корабле! Воспоминания хлынули широким потоком, вытесняя друг друга. Он забыл о кыртовых полях, о фабрике, о Валоне, ворковавшей в темноте. Это были лишь мгновенные разрывы в картине, которая возвращалась теперь и оборванные концы которой медленно соединялись.

Корабль!

Если бы Рика раньше поместили на корабль, не пришлось бы ждать так долго, пока восстановятся клетки, выжженные в мозгу.

— Не волнуйся, Валона, ты почувствуешь вибрацию и услышишь шум, но это будут только

двигатели. Ты ощутишь на себе большую тяжесть. Это ускорение!

— А что такое: ус-ко-ре-ние?

— Не бойся. Лона. Просто тебе будет неприятно, ведь у нас нет оборудования, воспринимающего давление. Ты прислонись к этой стене, а когда почувствуешь, что тебя прижимает к ней, не сопротивляйся. Чувствуешь: это уже начинается!

Он втиснулся в стену; и по мере того, как скорость гиператомных двигателей нарастала, тяжесть все увеличивалась.

Валона тихонько застонала, потом умолкла, тяжело дыша. В горле у нее свистело; ее грудная клетка, не защищенная ремнями и гидравлическими буферами, старалась впустить в легкие хоть немного воздуха.

Рику удалось произнести, задыхаясь, несколько слов, не вдумываясь в их значение, но Валона должна чувствовать, что он рядом. Пусть ее покинет острый страх перед неизвестностью, который переполняет ее. Это был только корабль, только чудесный корабль; но ведь она никогда раньше не бывала на корабле.

— Валона, будет еще прыжок, когда мы войдем в гиперпространство и сразу покроем большую часть расстояния между звездами. Ты даже не

заметишь, как это случится. Только чуть дернется что-то внутри, и готово. — Рик добывал слова медленно, слог за слогом, и это заняло много времени.

Тяжесть медленно исчезала, и наконец невидимые цепи, приковавшие их к стене, ослабели и упали. Задыхаясь, Рик и Валона опустились на пол.

— Не ранен ли ты, Рик?

— Я ранен? — Он еще не отдышался, но засмеялся при мысли, что можно быть раненным на корабле. — Когда-то я месяцами не опускался ни на какую планету.

— Почему? — спросила она. Подползла поближе и приложила руку к его щеке, чтобы увериться, что ее Рик здесь.

— Такая у меня работа.

— Да, — подтвердила она. — Ты анализировал Ничто.

— Правильно. Именно это я и делал. Ты знаешь, что это значит?

— Нет.

Он знал: она ничего не поймет, но должен был говорить. Должен был насладиться воспоминаниями, опьяниться тем, что может вспоминать прошлое.

— Видишь ли, все материалы во Вселенной состоят из сотни различных веществ. Мы называем эти вещества элементами. Железо и медь — элементы.

— Я думала, что металлы.

— Да, но они же и элементы. И кислород, и азот, и углерод, и палладий. Важнее всех водород и гелий. Они самые простые и встречаются чаще всех.

— Я никогда не слыхала об этом, — сказала Валона.

— Девяносто девять процентов всей Вселенной — это водород, а большая часть остального — гелий. Даже в пространстве.

— Мне говорили когда-то, — сказала Валона, — что пространство — это пустота. Там ничего нет. Верно?

— Не совсем. Нет почти ничего. Но, видишь ли, я был космоаналитиком; это значит, что я носился в пространстве, брал из него очень маленькие количества элементов и анализировал их. Я определял, сколько там водорода, сколько гелия, сколько других элементов.

— Зачем?

— Ну, это сложно. Ведь распределение элементов в пространстве неодинаково. В некоторых

районах встречается больше гелия, в других больше натрия, и так далее. Такие области с особым составом элементов движутся в пространстве как течения. Если изучить их особенности и направление, можно представить, как возникла Вселенная и как она развивалась.

— А как это можно узнать?

Рик поколебался.

— Никто не знает в точности… — Он продолжал говорить, опасаясь, что запас знаний, в которых сейчас блаженно купался его разум, может иссякнуть. — Потом мы определяем плотность, то есть густоту космического газа во всех районах Галактики, чтобы корабли могли точно рассчитать свой прыжок в гиперпространство. Это похоже на… — Голос у него замер.

Валона напряглась и нетерпеливо ждала продолжения. Но Рик умолк. Ее голос прозвучал хрипло в полном мраке:

— Рик? Что с тобой, Рик?

Снова молчание. Ее руки вцепились в его плечо, затрясли его.

— Рик! Рик!

И ответил ей почему-то голос прежнего Рика. Тихий, испуганный, без всякой радости и уверенности:

— Лона, мы сделали что-то плохое.

— В чем дело? Что плохого мы сделали?

— Нам не нужно было убегать. Не нужно было прятаться на этом корабле.

Он весь дрожал, и Валона тщетно пыталась обтереть ему рукой влажный лоб.

— Почему? — спрашивала она. — Почему?

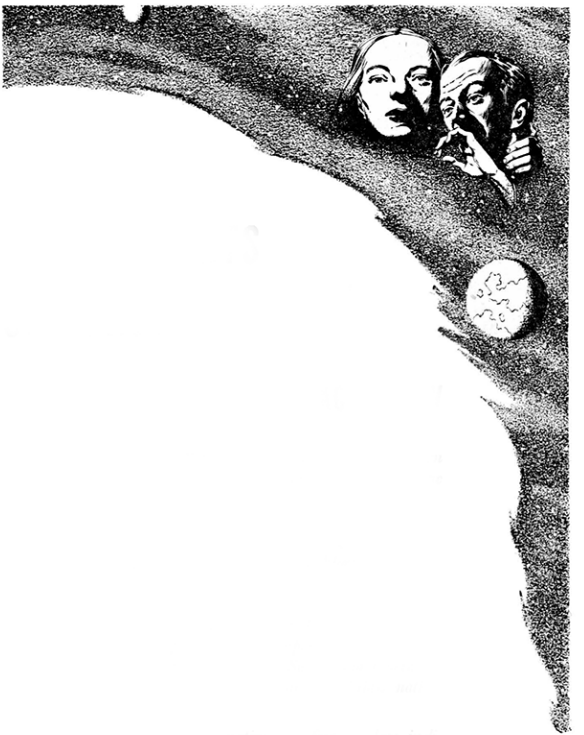
— Ведь если Пекарь хотел вести нас по городу средь бела дня, то, значит, он не ждал помех от патрульных. Ты помнишь патрульного? Того, что застрелил Пекаря?

— Да.

— Ты помнишь его лицо?

— Я не посмела смотреть.

— А я посмел, и в нем было что-то странное, в этом лице. Но тогда я не думал… Лона, это был не патрульный! Это был Резидент, Лона! Это был Резидент, переодетый патрульным!



ВЫСОКОРОДНАЯ ДАМА

Разгневанная Сэмия Файфская быстро шагала из конца в конец комнаты. Темные волосы ее были собраны в пышную массу, тонкие каблучки делали ее чуть выше ростом. Ее узкий, четко

раздвоенный подбородок дрожал.

— О нет, — шептала она, — этого он со мной не сделает. Этого он не сможет сделать… Капитан!

Голос у нее был резкий и властный. Капитан Рэйсти склонился перед ней.

— Моя госпожа?

— Мне нельзя приказывать, — торжественно сказала она. — Я взрослая. Я сама себе хозяйка. Я предпочитаю остаться здесь.

— Прошу вас понять, госпожа моя, — сказал осторожно капитан. — Это не мои приказы. Моего мнения не спрашивали. Мне попросту сказали, что я должен сделать. Вот копии приказов.

— Меня не интересуют ваши приказы. — Сэмия отвернулась и быстро отошла от него, застучав каблучками.

Он последовал за нею и произнес мягко:

— В приказе сказано, что если вы не пожелаете лететь, я должен, простите меня, увести вас на корабль силой.

— Вы не посмеете! — она резко повернулась к нему.

— Приказ таков, что я осмелюсь на все.

Она попыталась успокоить его.

— Но, капитан, ведь настоящей опасности нет. Это смешно, это совершенно бессмысленно. Го-

род спокоен. Все, что случилось, — это то, что вчера вечером в библиотеке сбили одного патрульного.

— Другой патрульный убит сегодня утром, и снова флоринианами.

— Что общего между ними и мною? Я не патрульный.

— Госпожа моя, корабль уже на старте. Вскоре он взлетит. Вы должны быть на нем.

— А моя работа? Мои исследования? Вы понимаете… Нет, вы не поймете.

Капитан не сказал ничего. Она отвернулась. Мерцающее платье из медного кырта с прожилками молочного серебра обрисовывало необычайно теплую округлость ее плеч и рук. Капитан Рэйсти взглянул на нее и в его взглядах было что-то большее, чем убогая учтивость и смиренная бесстрастность, с какими простой саркит обязан смотреть на Высокородную Даму. Он всегда удивлялся, почему такая прелестная крошка предпочитает тратить свое время, притворяясь погруженной в университетские премудрости.

Сэмия очень хорошо знала: за это серьезное увлечение наукой ее, Сэмию Файфскую, слегка презирают те, кто привык думать, что удел аристократических Высокородных Дам Сарка —

блистать в обществе и, кроме того, производить на свет не меньше (но и не больше) двух будущих саркитских Сквайров.

Они приходили к ней и говорили:

— Вы действительно пишете книгу, Сэмия? — и просили ее показать и хихикали.

Это женщины. Мужчины были еще хуже со своим любезным снисхождением и явной убежденностью, что достаточно только взгляда с их стороны или мужской руки вокруг талии, чтобы излечить Сэмию от этого вздора и обратить ее мысли к действительно важным вещам.

Это началось давно. Сэмия всю жизнь была влюблена в кырт, хотя большинство людей принимало его как нечто должное. Кырт! Царь, император, бог тканей!

Химически это всего лишь разновидность целлюлозы. Химики клялись в этом. Но со всеми своими инструментами и теориями они не могли объяснить, почему на Флорине и только на Флорине из всей Галактики, целлюлоза становится кыртом. Но спросите их, чем именно кырт отличается от целлюлозы, и они лишаются речи.

Когда-то ослепленная блеском кыртовых волокон, она спросила у своей няньки:

— Почему он блестит, няня?

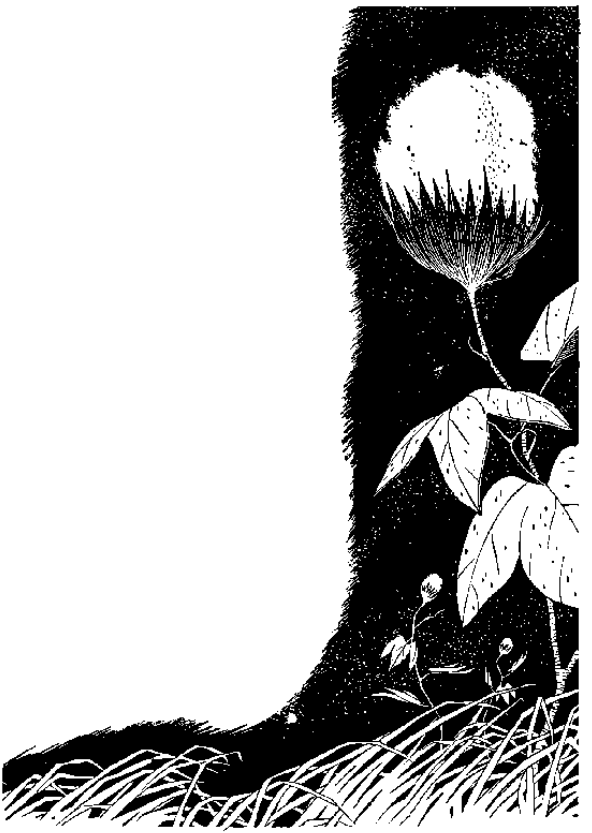
— Потому, что это Кырт, Миаканс.

— Почему другие вещи не блестят так, няня?

— Другие — это не Кырт, Миаканс.

Вот и все. Двухтомная монография на эту тему была написана только три года назад. Она внимательно прочла ее. Все сводилось к нянькиному объяснению. Кырт — это кырт, потому что он кырт.

Правда, кырт не блестел сам по себе, но если спрясть его как должно, то он будет сиять на солнце любым цветом или всем спектром сразу. Другой вид обработки придавал нити алмазное сверканье. Несложная обработка делала материал непроницаемым для шестисот градусов и инертным почти ко всем химическим веществам. Волокна можно было превращать в тончайшие нити для воздушных тканей, и те же волокна обладали прочностью на растяжение, с которой не мог соперничать никакой из известных стальных сплавов.



Кырт имел более широкое, более разнообразное применение чем любое другое известное человеку вещество. Не будь он так дорог, он мог бы заменить стекло, пластмассу или металл во всех бесчисленных областях их применения в технике. Он был единственным материалом для нитяных крестов в оптических инструментах, для изложниц гидрохронов, применяемых в гиператомных моторах, для всех прочных сооружений — везде, где металл оказывался слишком хрупким и слишком тяжелым.

Но кырта было мало, очень мало. Фактически весь сбор кырта уходил на ткани, из которых делались самые сказочные одеяния в Галактике. Флорина одевала аристократию на миллионе планет, так что урожай приходилось распределять весьма скупо.

Когда Сэмия стала старше, она пришла к отцу.

— Что такое кырт, папа?

— Это хлеб и масло, Миа.

— Для меня?

— Не только для тебя, Миа. Это хлеб и масло для всего Сарка.

Она узнала, что не было планеты в Галактике, которая не пыталась бы выращивать кырт на своей собственной почве. Сначала Сарк принял

закон о смертной казни для всякого, кого поймают на контрабандном вывозе семян кырта с планеты. Это не мешало успехам контрабанды, а потом Сарку стало ясно, что закон нужно отменить. Всякий, откуда бы он ни явился, мог покупать семена кырта по цене веса готовой кыртовой ткани: на любой планете Галактики, кроме Флорины, из семян кырта вырастал простой хлопок. Белый, тусклый, непрочный и бесполезный.

Перепробовано было все. Брались образцы флориниански почвы. Строились искусственные источники света, воспроизводящие спектр флориниански солнца. Инопланетную почву заражали флориниански бактериями. А кырт всегда вырастал белым, тусклым, непрочным и бесполезным.

Вот уже пять лет Сэмия Файфская мечтала написать настоящую книгу по истории кырта: о планете, где он рос, и о людях, которые его выращивали.

Это была мечта, окруженная глумливым смехом, но Сэмия дорожила ею. Она настояла на том, чтобы полететь на Флорину. Она собиралась провести сезон в полях и несколько месяцев на фабрике. Она хотела…

Но не все ли равно, чего она хотела? Ей было

приказано возвращаться. Что ж, она полетит на Сарк! Но она, Сэмия Файфская, вернется еще на Флорину. Через день, через два, через неделю!

Сэмия оставалась у иллюминатора, пока Флорина не стала казаться едва заметным шариком…

— Госпожа, не угодно ли вам удалиться в вашу каюту?

Она взглянула на капитана Рэйсти и сказала не без сарказма:

— Какие новые приказы вы получили, капитан? Уж не пленница ли я?

— Конечно, нет. Это только предосторожность. Космопорт перед нашим взлетом был необычно пуст. По-видимому, этот флориниан убил еще кого-нибудь, и весь гарнизон космопорта помогает патрульным ловить преступника по всему Городу.

— А при чем тут я?

— Мне кажется, на наш корабль проникли нежелательные лица.

— Зачем?

— Пока я этого не знаю.

— Вы придумываете, капитан.

— Боюсь, что нет, госпожа моя. Наши энергометры были бесполезны в пределах планетарного расстояния от флориниан ского солнца, но теперь

они действуют, и мне кажется, что из аварийных складов исходит излишек теплового излучения.

— Это вы серьезно?

Неподвижное лицо капитана на мгновение стало высокомерным. Он сказал:

— Излучение равновелико тому, какое могло бы дать двое обыкновенных людей.

— Или нагревательная установка, если кто-нибудь забыл ее выключить.

— Наши энергетические запасы не тронуты, госпожа моя. Впрочем, мы готовы произвести расследование, но я прошу вас сначала удалиться в каюту.

Она молча кивнула и вышла.

* * *

Когда Мирлин Теренс, переодетый в форму патрульного, увидел на улице Пекаря, Рика и Валону, он понял, что действовать надо быстро и решительно. У него не было выбора: он потянулся к оружию, и Пекарь упал перед ним, мертвый и страшный.

Позже, когда толпа кипела и струилась, когда Рик и Валона растворились в толпе, а летательные машины настоящих патрульных появились в воздухе как коршуны, что еще он мог сделать?

Первым его импульсом было бежать за Риком и Валоной, но он быстро подавил его. Он никогда не пробьется к ним сквозь эту сумасшедшую толпу, а вероятность того, что патрульные его поймают, была слишком велика. Он поспешил в другую сторону, к пекарне.

На рассвете он подошел к патрульной станции. Одинокий скучающий дежурный был смесью равнодушия и свирепости. Терансу было приказано удостоверить свою личность и род занятий. Вместо документов Резидент вынул из кармана пластмассовый брусок, вырванный из какой-то полуразрушенной хижины на окраине города.

Он ударил патрульного бруском по голове, потом обменялся с ним платьем и оружием. Список его преступлений был уже достаточно велик, и он не встревожился, когда увидел, что патрульный не только оглушен, но и убит. А он все еще был на свободе, и ржавая машина патрульного правосудия до сих пор напрасно скрежетала, разыскивая его.

Он был у пекарни. Пожилой помощник Пекаря, стоявший на пороге, только пискнул при виде страшной формы патрульного и юркнул в лавку. Резидент кинулся за ним, схватил за осыпанный мукой воротник и скрутил его.

— Где Пекарь?

Губы у старика раскрылись, но звука не было.

— Говори. Две минуты назад я убил человека. Мне ничего не стоит убить еще одного.

— Сжальтесь! Я не знаю, сударь.

— Ты умрешь за то, что не знаешь.

— Но он ничего не сказал мне. Я слышал, как один раз он упомянул о Вотексе и о каком-то космическом корабле.

Теренс оттолкнул его.

Значит, Пекарь достал билеты для них. Корабль будет ждать. Рик и Валона придут туда. Они не могут не прийти. Но как ему, Резиденту, средь бела дня пробраться на космодром?.. Да, положение было отчаянное. Если он потеряет Рика — потенциальное оружие против тирании Сарка, — его жизнь будет ничтожной добавочной потерей. Все остальное не значило ничего…

И потому он вышел на улицу, вышел бестрепетно, хотя патрульные уже искали человека в форме патрульного, хотя их воздушные машины были еще на виду.

Теренс знал, куда он идет. Из многочисленных космопортов Флорины только один предназначен для обычных путешественников, саркитов победнее, флоринианских служащих и немногих

чужеземцев, которым удалось получить разрешение посетить Флорину.

Контролер у ворот порта следил за приближающимся Теренсом со всеми признаками горячего интереса. Неизвестность вокруг него стала нестерпимой.

— Приветствую вас, сударь, — сказал он. В голосе у него звучала робкая жалость. — Большое волнение в Городе, не так ли?

Теренс не клюнул на приманку. Он низко опустил дугообразное забрало шляпы и застегнул верхнюю пуговицу мундира.

— Приходили ли здесь двое, мужчина и женщина, направляющиеся на Вотекс? — спросил он резко и властно.

Контролер поразился. С минуту он прочищал горло, потом ответил гораздо смиреннее:

— Да, офицер. С полчаса назад. Может быть, еще меньше. — Он вдруг покраснел. — Связаны они как-нибудь с?.. Офицер, билеты у них были в порядке. Я бы не пропустил чужих без надлежащего разрешения.

Теренс не обратил на это внимания. Надлежащее разрешение! Пекарь раздобыл его за ночь. О Галактика, подумал он, как глубоко проник транторианский шпионаж в саркитскую адми-

нистрацию!

— Как они назвали себя?

— Гарет и Ханса Барн.

— Отлетел ли их корабль? Быстро!

— Н-нет, сударь.

— Какая платформа?

— Семнадцатая.

У главного шлюза корабля стоял межпланетник в офицерской форме. Теренс слегка задохнулся. Он спросил:

— Вошли ли в корабль Гарет и Ханса Барн?

— Нет, не входили, — флегматично ответил межпланетник. Для него, саркита, патрульный был просто человек в мундире.

— Так они не вошли? — теряя терпение, спросил Теренс.

— Я уже сказал. И ждать мы их не будем. Мы отправляемся по расписанию, с ними или без них.

Теренс снова пошел к контролеру.

— Улетели они?

— Улетели? Кто, сударь?

— Барны. Те, что с Вотекса. Они не сели на корабль. Так что же, они ушли обратно?

— Никто не выходил, сударь.

— Отлетал ли какой-нибудь корабль с тех пор, как они вошли?

Контролер посмотрел в расписание.

— Один, — сказал он. — Лайнер «Отважный». — И, желая задобрить гневного патрульного добровольной информацией, добавил: — «Отважный» идет специальным рейсом на Сарк, чтобы вернуть с Флорины Высокородную Сэмию Файфскую.

Теренс медленно отошел. Устрани невозможное, и остальное, даже самое невероятное, будет правдой. Рик и Валона вошли в космопорт. Они не были схвачены, иначе сторож наверняка знал бы об этом. Они не взошли на корабль, куда действительны их билеты. Они не ушли из порта. Единственным кораблем, взлетевшим с тех пор, был «Отважный». Следовательно, Рик и Валона — на нем. Они либо пленники, либо беглецы.

Что по сути одно и то же. Если они беглецы, то скоро станут пленниками. Только флориниан-ской крестьянке и умалишенному неизвестно, что на современном космическом корабле спрятаться невозможно. Но самое поразительное: из всех космических кораблей они выбрали именно тот, на котором летит дочь самого Сквайра Файфского!

СКВАЙР

Сквайр Файф был самым важным лицом на Сарке, и потому он не любил стоять. Торс у него был массивный, а голова, несомненно, величавая, но торс был посажен на коротенькие ножки, поэтому он ходит неуклюже переваливаясь.

Вот почему Великий Сквайр всегда сидел за столом, и никто не видел его в другом положении, кроме дочери, личных слуг и жены, когда она была еще жива.

Сквайр позировал и знал это. Он изгнал всякое выражение с лица, а его руки, широкие, сильные, с короткими пальцами, слегка держались за край стола, гладкая, полированная поверхность которого была совершенно голой. Не было ни бумаг, ни слуховой трубки, ни украшений.

Он говорил своему бледному, белому как рыба секретарю тем особым, безжизненным тоном, которым обращался только к механическим слугам и флоринианским служителям:

— Полагаю, все это принято?

Секретарь отвечал столь же безжизненным тоном:

— Сквайр Бортский заявил, что обязательства по прежним деловым свиданиям помешают ему явиться раньше чем в три.

— А вы сказали ему?

— Я сказал, что задержки нежелательны.

— Результат?

— Он будет здесь, господин. Остальные согласились без оговорок.

Файф улыбнулся. Великие Сквайры слишком

чувствительны к своей независимости.

Теперь он ждал. Комната была большая, места для всех приготовлены. Большой хронометр, чья крошечная животворная искорка радиоактивности ни разу не задерживалась и не угасала за тысячу лет, бесстрастно показывал время.

А повидал он за тысячелетие немало. Когда он отсчитывал первые минуты, Сарк был новой планетой с возведенными вручную городами, с сомнительными связями среди прочих, более старых планет. В те времена хронометр висел на стене в старом кирпичном здании, самые кирпичи которого с тех пор превратились в прах. Он одинаково ровно отмечал три кратковременные саркитские «империи», когда недисциплинированным солдатам Сарка удавалось более или менее длительно править полудюжиной соседних миров. Его радиоактивные атомы распадались в строго статистической последовательности в те два периода, когда политику Сарку диктовали чужие звездные флоты.

Пятьсот лет назад он отметил спокойное время, когда Сарк обнаружил, что в почве ближайшей планеты, Флорины, скрыты неисчислимые сокровища. Затем две победоносные войны и торжественное провозглашение победного ми-

ра. Сарк отказался от своих империй, прочно проглотил Флорину и стал настолько могущественным, что даже Трантор не осмеливался указывать ему.

Трантору нужна была Флорина, как была она нужна и другим правительствам. Столетия превратили Флорину в лакомый кусок, к которому протягивались из космоса жадные руки. Но схватили ее руки Сарка, и Сарк скорее допустил бы Галактическую войну, чем выпустил свою добычу.

Трантор знал об этом! Трантор знал об этом!

Беззвучный ритм хронометра словно повторялся этим припевом в мозгу Сквайра.

Было 2:23.

Около года назад уже состоялась встреча пяти. Тогда, как и теперь, Сквайры, рассеянные по лицу всей Планеты, каждый на своем материке, встретились в трехмерной проекции.

Подлинная особа Сквайра Руне находилась у антиподов, на единственном материке, где в это время была ночь. Кубическое пространство, окружавшее его изображение в зале у Файфа, светилось холодным искусственным светом, тускневшим в более ярком дневном свете.

В этом зале собрался, во плоти или в изобра-

жении, весь Сарк. Руне был лысый, розовый, жирный, а Балле — седой, морщинистый, высохший. Стин, напудренный и нарумяненный, сохранял улыбку совершенно обессиленного человека, притворяющегося, что еще обладает жизненной силой, но уже лишенного ее, а Борт доводил безразличие к жизненному комфорту до того неприятного уровня, что красовался двухдневной щетиной и грязными ногтями.

Пять Великих Сквайров.

Они были верхней из трех ступенек правящих сил на Сарке. Нижняя Флориниански Гражданская Служба — оставалась самой устойчивой среди всех эксцессов, отмечавших возвышение и падение отдельных благородных домов на Сарке. Именно она фактически смазывала оси и вращала колеса управления. Выше находились министры и начальники департаментов, назначаемые наследственным (и безвредным) Главой Государства. Их имена, как и имя самого Главы, были необходимы на государственных бумагах, чтобы придать им законную силу, но их единственная обязанность состояла в том, чтобы подписывать свои имена. И вот наконец эти пятеро, каждому из которых остальные четверо молчаливо предоставляли один из материков.

Они были главами семейств, контролировавших большую часть торговли кыртом. Власть на Сарке продавалась и политика диктовалась деньгами. И эти деньги были у них. А из всех пяти самым богатым был Файф…

Вот что сказал при прошлой встрече Сквайр Файф остальным хозяевам второй по богатству планеты Галактики (второй после Трантора, извлекавшего прибыли из полумиллиона миров):

— Я получил странное сообщение. Если вы не возражаете, я прочту его вслух. — И стал читать сладким голосом, придавая словам драматичность: «Вы — Великий Сквайр Сарка, и никто не может соперничать с вами по власти и богатству. Но эта власть и богатство покоятся на утлом основании. Вы думаете, что будете вечно владеть всей мировой добычей кырта. Но спросите себя: долго ли просуществует Флорина? Вечно ли?

Нет! Флорина может быть разрушена завтра же. Не моими руками, конечно, но так, что вы не сможете предсказать или предусмотреть это. Подумайте о гибели Флорины. Подумайте также о том, что ваше богатство и власть уже исчезли, так как я требую большую часть их. У вас будет время подумать, но не очень много времени.

Если вы станете медлить, я заявлю всей Га-

лактике и особенно всей Флорине истину о ее близкой гибели. После этого у вас не будет ни кырта, ни власти, ни богатства. Не будет их и у меня, но к этому я привык.

Я требую: отдайте большую часть ваших владений мне, и вы сможете безопасно владеть тем, что у вас останется. Это будет лучше, чем *ничто*, ожидающее вас в противном случае. Не презирайте того, что у вас останется. Флорина может просуществовать до самой вашей смерти, а вы можете жить если и не роскошно, то хотя бы комфортабельно».

— Забавное письмо, — закончил Сквайр Файф. — Подписи нет, а общий тон, как вы слышали, напыщен и ходулен. Что вы думаете обо всем этом, Сквайры?

— Очевидно, это дело человека не далеко ушедшего от психоза. — В красном лице Руне отражалось недовольство. — Он словно пишет исторический роман. Откровенно говоря, Файф, я не понимаю, зачем ради такой чепухи надо нарушать традиции автономии материков и созывать нас всех.

Файф сложил вместе свои короткие пальцы.

— Я собрал вас не для того, чтобы прочесть письмо сумасшедшего. Это, надеюсь, вы пони-

маете. Я боюсь, что перед нами встала серьезная проблема. Прежде всего я спросил себя: почему дело касается только меня одного? Конечно, я самый богатый из Сквайров, но я один контролирую только треть торговли кыртом. А впятером мы контролируем ее всю. Сделать пять копий ленты так же легко, как сделать одну.

— Вы употребляете слишком много слов, — пробормотал Борт. — Я получил копию этого письма и уверен: эти трое получили тоже. Хотите знать, что я сделал со своим? Выбросил его. В мусоропровод. Советую сделать то же самое и с вашим. Покончим с этим. Я устал.

Его рука потянулась к выключателю, который должен был прервать контакты и погасить изображение, находящееся у Файфа.

— Погодите, Борт! — Голос Файфа стал резким. — Не делайте этого. Я еще не кончил. Вы не захотите, чтобы мы принимали меры и решали без вас. Я уверен, что не захотите.

— Потерпим, Сквайр Борт, — посоветовал Руне мягким тоном, хотя его маленькие, заплывшие жиром глазки отнюдь не были любезными. — Я удивляюсь, почему Сквайр Файф обеспокоен пустяками.

— Ну что же, — произнес Балле сухим, скри-

пучим тоном, — может быть Файф думает, что у нашего пишущего письма друга есть сведения о нападении Трантора на Флорину.

— Фи, — гневно сказал Файф, — откуда ему знать это, кто бы он ни был? Наша разведка знает свое дело, уверяю вас. И как он сможет остановить нападение, получив наше богатство в качестве взятки? Нет, нет. Он говорит о гибели Флорины так, словно думает о физическом уничтожении, а не о политическом.

— Это просто безумие, — сказал Стин.

— Да? — возразил Файф. — Значит, вы не постигаете значения событий за последние две недели?

— Каких событий? — спросил Борт.

— По-видимому, исчез один космоаналитик. Все вы прекрасно информированы об этом. Так вот, вы читали копию его последнего сообщения с базы на Сарке, перед тем как он исчез?

— Мне показывали сообщение. Я не обратил внимания.

— А остальные? — взгляд Файфа вызывал их одного за другим. — Вашей памяти хватает на неделю?

— Я читал, — произнес Руне. — Я помню. Действительно! Там тоже говорилось об уничто-

жении. Вы к этому и ведете?

— Слушайте, — пронзительно заговорил Стин, — там было множество неприятных намеков, а смысла никакого. Об этом и говорить-то не стоит.

— Ничего не поделаешь, Стин, — сказал Файф. — Мы должны говорить об этом снова. — Космоаналитик сообщал об уничтожении Флорины. После его исчезновения мы получаем письма, тоже грозящие уничтожением Флорине. Неужели это совпадение?

— Вы хотите сказать, что космоаналитик посылал шантажирующие письма? — прошептал старик Балле.

— Маловероятно. Почему он говорил сначала от своего имени, а потом анонимно?

— Когда он говорил сначала, — сказал Балле, — он сообщался со своим местным начальством, а не с нами.

— Пусть даже так. Шантажист сообщается только со своей жертвой, если может.

— В чем же дело?

— Он исчез. Будем считать космоаналитика честным. Но он передал опасные сведения. Потом аналитик попадает в лапы негодяев, и они-то нас и шантажируют.

— Кто же это?

Файф мрачно откинулся в кресле; губы у него едва шевельнулись.

— Вы спрашиваете меня серьезно? Это Трантор!

— Трантор?

— Почему бы нет? Есть ли лучший способ завладеть Флориной? Это одна из главных целей их внешней политики. И если они могут сделать это без войны, тем лучше для них. Послушайте, если мы поддадимся этому невозможному ультиматуму, Флорина будет принадлежать им. Они предлагают нам оставить немного, но надолго ли мы сохраним даже это? С другой стороны, предположим, что мы игнорируем это письмо, и у нас фактически нет другого выбора. Что сделает тогда Трантор? Будет распространять среди флориниан слухи о близком конце света. Те впадут в панику, и что может за этим последовать, кроме катастрофы? Какая сила может заставить человека работать, если он думает, что конец света наступит завтра же? Урожай погибнет. Склады опустеют. А Трантор только и ждет признаков беспокойства на Флорине. Если Сарк окажется не способным гарантировать поставку кырта, для них самым естественным будет двинуться на под-

держание так называемого порядка. И свободные миры Галактики, вероятно, поддержат их ради кырта. Особенно если Трантор решит нарушить монополию, повысить производство и понизить цены. Потом, конечно, все изменится, но сразу они получат поддержку.

Единственный логический вывод: Трантор может завладеть Флориной. Если бы они просто применили силу, то вся свободная Галактика вне сферы влияния Трантора присоединилась бы к нам из чувства самосохранения.

— А при чем здесь космоаналитик? — спросил Руне. — Если ваша теория верна, вы должны объяснить это.

— Думаю, что верна. Эти космоаналитики обычно люди неуравновешенные, а этот построил какую-то сумасшедшую теорию. Неважно какую. Трантор не может обнародовать ее, иначе Бюро Космического Анализа ее разгромит. Но если они схватили этого человека и узнали от него какие-то подробности, это могло дать им нечто, имеющее для неспециалистов поверхностную важность. Они могут использовать эту химеру, придать ей вид реальности. Бюро — это транторианская марионетка, и его отрицания, когда история распространится путем псевдонаучных

слухов, не смогут быть достаточно энергичными, чтобы бороться с ложью. Но мы узнали об опасности. Мы найдем космоаналитика, если сможем. Мы должны держать всех известных нам транторианских агентов под строгим наблюдением, не мешая им. Так можно узнать о готовящихся событиях. Надо тщательно подавить на Флорине любые слухи о возможной гибели планеты. На первый же слабый шепот мы должны ответить самым энергичным противодействием. А пока будем ждать следующего хода…

Это было год назад. Они расстались, и тут последовало самое странное фиаско, которое когда-либо выпадало на долю Сквайра Файфского.

Второго хода не было. Никто больше не получал писем. Космоаналитик так и не был найден, а Трантор продолжал якобы поиски. Не было и следа апокалипсических слухов на Флорине; сбор и переработка кырта шли гладко, как всегда.

Файф снова созвал совещание. Сквайры явились вовремя. Сначала Борт, сжав губы, царапая толстым обломанным ногтем щетину на небритой щеке. Потом Стин, только что смывший краску с лица, бледный, с нездоровым видом. Балле, равнодушный и усталый, со впалыми щеками, окруженный подушками, со стаканом

молока рядом. Последним — Руне, опоздавший на две минуты, надутый, с влажными губами.

Файф начал:

— Сквайры! Прошлый раз я говорил об отдаленной и сложной опасности. Сегодня она не так уж далеко. Она близко, очень близко. Один из вас знает, о чем я говорю. Остальные скоро узнают.

— О чем же вы говорите? — отрывисто спросил Борт.

— О государственной измене!

БЕГЛЕЦ

Мирлин Теренс покинул космодром и погрузился, наконец, в благословенную тень Нижнего Города. Он шел уверенно и не спеша, как и положено патрульному. И крепко сжимал свой нейрохлыст. Улицы пусты. Туземцы прячутся по хижинам. Тем лучше. Его ни о чем не спрашивают. Никто не задерживается, чтобы взглянуть в его бледное флоринианское лицо, не изучает его внешности. Черно-серебряного мундира вполне достаточно.

Но теперь пора перестать быть патрульным.

И другое. Отныне он не будет в безопасности нигде на Флорине. Убийство патрульного — величайшее преступление, и даже через 50 лет, если он сможет так долго скрываться, охота на него будет активно продолжаться. Значит, нужно покинуть Флорину.

Как?

Что ж, он дал себе еще сутки жизни. Это щедро. Значит, нужно рисковать так, как ни один человек в здравом уме рисковать не сможет…

Отряд патрульных повернул на улицу как раз в тот момент, когда дверь подъемника закрылась

за Резидентом. Систематические поиски, вероятно, уже начались.

Он вышел из лифта в Верхнем Городе. Здесь не было укрытий. Колонн, сталесплава, закрывающего его, Мирлина Теренса, сверху.

Ни одного патрульного. Проходившие мимо Сквайры смотрели сквозь него. О географии Верхнего Города у него были смутные понятия. Где-то в этой части должен находиться парк. Самое логичное — спросить о дороге, затем войти в любое высокое здание и посмотреть с верхних террас. Первое просто невозможно. Патрульному не нужны никакие указания. Второе слишком опасно. Внутри здания патрульный слишком заметен.

Он попросту доверился направлению, подсказанному памятью случайно виденных им карт Верхнего Города. Путь оказался правильным. Вскоре Теренс достиг парка.

В мягком климате Флорины парк зеленел круглый год. Там были лужайки, рощицы, каменные гроты. Был прудик с красивыми рыбками и пруд побольше, чтобы плескаться детям. Ночью парк пылал цветной иллюминацией, пока не начинался дождь. Были танцы, трехмерное кино, извивающиеся тропинки, где блуждали парочки.

С полчаса Теренс бесцельно шагал по дорожкам. Никто не видел его. Никто не замечал. В этом он был уверен. Пусть спросят у Сквайров, проходивших мимо него: «Видели ли вы вчера в парке патрульного?» И Сквайры лишь посмотрят удивленно. Это все равно, что спросить их, видели ли они кузнечика, проскакавшего через дорожку.

И тут он увидел то, что искал.

Человек! Вернее, Сквайр. Он быстро шагает взад и вперед. Докуривает сигару резкими затяжками, сует ее во впадинку скалы, где она мгновение лежит спокойно. Потом исчезает в быстрой вспышке. Смотрит на свои часы. Теренс оглянулся. По лестнице за ним не шел никто. Пора действовать!

Он подошел к Сквайру и быстро извлек свой станнер. Сквайр так и не увидел этого. Станнер слабо зажужжал. Сквайр окаменел, парализованный, и рухнул наземь.

Вокруг все еще не было никого. Он оттащил одеревенелое с остекленевшими глазами тело в ближайшую пещеру. Доволок до самого дальнего конца и раздел Сквайра, с трудом стаскивая одежду с окаменелых рук и ног. Сбросил свою запыленную, пропотевшую патрульную форму и надел белье Сквайра. Впервые в жизни он ощутил

кыртовую ткань всем телом.

Облачившись в одежду Сквайра, Мирлин Теренс натянул ермолку. Они не были особенно модными среди молодежи, но некоторые носили их, — к счастью, этот Сквайр тоже. Без ермолки светлые волосы Теренса сделали бы маскарад невозможным.

Потом он настроил станнер на максимальную мощность и направил его на Сквайра. Вскоре от того осталась лишь дымящаяся обугленная масса. Это должно затруднить преследование.

Он превратил форму патрульного в мелкий белый пепел и выбрал из кучки почерневшие серебряные пуговицы и пряжки. Это тоже затруднит погоню.

Он вышел из парка, шагая безо всякой цели. Прошло еще полчаса.

Но что же дальше?

Он остановился на небольшой площади, где посреди лужайки бил фонтанчик. Вода пенилась и переливалась радугой. Он оперся об ограду, спиной к заходящему солнцу, и медленно, по одной, уронил почерневшее серебро пуговиц в бассейн. Потом подумал о Нижнем Городе, и мгновенная судорога раскаяния исчезла в нем.

Он медленно обследовал карманы, стараясь, чтобы это выглядело небрежно. Связка пластинчатых ключей, несколько монет, удостоверение личности (Святой Сарк, они есть даже у Сквайров! Но Сквайры не обязаны предъявлять их всякому встречному патрульному).

Его новое имя было, по-видимому, Алстэр Димон. Он надеялся, что ему не придется им пользоваться. В конце концов вероятность встречи с тем, кто бы знал Димона лично, невелика, но ею нельзя пренебрегать.

Ему 29 лет. Он ощутил легкую дурноту при

мысли о том, что оставил в пещере, но поборол ее. Сквайр — это Сквайр. Сколько 29-летних флориниан погибло от их рук или по их приказу? В самом деле — сколько?

Он продолжал рыться в карманах. Копия свидетельства водителя яхты. У всех зажиточных саркитов есть яхты, все умеют водить их. Это нынешняя мода. Несколько листков саркитских кредиток. Они могут пригодиться.

Ему вспомнилось, что он ничего не ел с прошлого вечера, когда был у Пекаря. И тут его озарило: яхта сейчас на месте, а ее владелец мертв. Это его яхта! Ангар № 26, порт 9. Хорошо…

А где этот порт 9? Он не имел ни малейшего понятия.

Он оперся головой о холодный гладкий парапет вокруг фонтана. Что делать? Что делать?

Голос, раздававшийся над ним, заставил его вздрогнуть.

— Алло, — сказал голос, — вы нездоровы?

Теренс взглянул. Это был пожилой Сквайр. Он курил длинную папиросу с ароматическими листьями внутри, а с его золотого браслета свисал какой-то крупный зеленый камень.

— Я только отдыхаю, — сказал Резидент. — Решил пройтись и забыл о времени. Боюсь, что

опаздываю на совещание.

Он неловко помахал рукой. Теренс довольно хорошо подражал саркитскому акценту — недаром общался с ними так долго, — но позаботился о том, чтобы не преувеличивать его. Преувеличение заметить легче, чем недостаток.

Не смотрит ли он на Теренса как-то странно? Резиденту пришло вдруг в голову, что, может быть, одежда сидит на нем плохо. Он быстро сказал:

— Погодите! Я, кажется, немного заблудился. Мне нужен порт 9. Посмотрим… — Он неопределенно оглядывался.

— Посмотрим. Это улица Реккет. Вам нужно только спуститься к улице Триффис и повернуть налево, а тогда идти до самого порта. — Он машинально показал направление.

Теренс улыбнулся.

— Вы правы. Мне нужно перестать мечтать и начать мыслить. Благодарю вас, сударь.

— Вы можете взять мой скитер.

— Вы очень любезны, но… — Теренс уже уходил, чуть-чуть поспешно, махая рукой. Сквайр глядел ему вслед.

Может быть, завтра, когда труп в пещере будет найден и начнутся розыски, Сквайр вспомнит об этой встрече. Он может сказать: «В нем было

что-то странное, если вы меня понимаете. Он говорил как-то странно и словно не знал, где находится. Я поклялся бы, что он не знает, где улица Триффис».

Но это будет завтра.

Он направился туда, куда Сквайр указал ему. Дошел до блестящего знака «Улица Триффис», почти тусклого на фоне оранжевого радужного здания. Свернул налево.

Порт 9 кишел молодежью в спортивных костюмах, с высокими остроконечными шляпами и вздувающимися на бедрах штанах. Теренс чувствовал себя заметным, но никто не обратил на него внимания. Воздух был полон терминами, которых он не понимал.

Он нашел ангар 26, но выждал несколько минут, прежде чем приблизиться. Ему не хотелось, чтобы какой-нибудь Сквайр торчал поблизости, чтобы у кого-нибудь была яхта в соседнем ангаре, чтобы кто-нибудь знал Алстэра Димона в лицо и удивился незнакомцу, занявшемуся Димоновым кораблем.

Наконец он вошел в ангар, где матовым сиянием струились длинные тела яхт.

А дальше что?

За последние двенадцать часов он убил трех

человек. Он возвысился от флоринианского резидента до патрульного, от патрульного до Сквайра. Он пришел из Нижнего Города в Верхний, из Верхнего — в космопорт. Судя по видимым признакам, он владел яхтой, кораблем, достаточно надежным, чтобы увезти его на любую обитаемую планету в этом секторе Галактики.

Было только одно «но».

Он не умеет водить яхту.

Он устал до смерти и вдобавок голоден. Он пришел сюда, но не может двинуться дальше. Он был у края пространства, но перешагнуть через этот край не мог.

Сейчас патрульные, должно быть, решили, что в Нижнем Городе его нет. Они начнут обыскивать Верхний, как только до их тупых мозгов дойдет мысль, что флоринианин может осмелиться. А когда они найдут тело, поиски примут новое направление. Патрульные начнут искать поддельного Сквайра.

И найдут его. Он забрался в самый конец тупика и, прижавшись спиной к стене, мог только ждать, пока далекие звуки погони станут все громче и громче, пока ищейки в конце концов не кинутся на него.

Тридцать шесть часов назад в руках у него была

величайшая возможность всей его жизни. Теперь возможность исчезла, а вскоре за нею последует и жизнь.

КАПИТАН

— Госпожа моя, как я могу позволить вам беседовать с ними наедине?

— Разве они вооружены, капитан?

— Конечно, нет. Это неважно. Но нельзя же рассчитывать на то, что они поступят разумно.

— Тогда зачем вы все время пугаете их? Вы окружили этих несчастных здоровенными космолетчиками с пистолетами, капитан. Я не забуду этого.

— Но что я скажу вашему отцу, госпожа, если он узнает, что я позволил вам находиться без охраны в присутствии двух отчаянных преступников?

— Отчаянных преступников! О Великий Космос! Двое жалких глупцов, которые попытались бежать со своей планеты и не нашли ничего лучшего, чем спрятаться в корабле, идущем на Сарк!

И капитан сдался.

— Хорошо, госпожа, но я сам буду при этом присутствовать. Я — это не трое парней с пистолетами. Иначе... — Он, в свою очередь, придал своему голосу решительность: — Иначе я буду вынужден отказать вам в просьбе.

— Великолепно. Но если они не смогут говорить

из-за вас, то я позабочусь, чтобы вы больше не были капитаном ни на одном корабле.

Валона быстро прикрыла рукой глаза Рику, когда Сэмия вошла в каюту.

— Он лишен разума, госпожа. Он не знает, что вы Высокородная Дама. Он мог бы взглянуть на вас.

— Так ты с Флорины, девушка? — спросила Сэмия.

Валона покачала головой.

— Мы с Вотекса.

— Вам не нужно бояться. Неважно, если вы и с Флорины. Вас никто не обидит.

— Мы с Вотекса.

— Тогда почему ты закрыла ему глаза?

— Ему нельзя смотреть на Высокородную Даму.

— Даже если он с Вотекса? — засмеялась Сэмия.

Валона молчала.

— Только флориниан нельзя смотреть на Высокородных Дам. Так что ты призналась, что вы с Флорины.

Валона вспыхнула.

— Он — нет!

— А ты?

— Я — да. Но он — нет. Не делайте ему ничего! Он вправду не флориниан. Его только нашли однажды на Флорине. Я не знаю, откуда он, но он не флориниан.

Сэмия удивленно взглянула на нее.

— Хорошо, я поговорю с ним. Как тебя зовут, юноша?

— Рик. Кажется, Рик.

— Ты флориниан?

— Нет. Я был на корабле. Я прибыл сюда откуда-то из других мест. Рик не мог оторвать взгляда от Сэмии, но словно видел вместе с нею корабль. Маленький, очень уютный корабль. — На корабле я прибыл на Флорину, а раньше жил на планете.

— На какой планете?

Воспоминание с болью пробивалось по каналам, слишком тесным для него. И наконец Рик закричал, радуясь звуку, произнесенному его голосом:

— Земля! Я прибыл с Земли!

Рик повернулся к Валоне, схватил ее за локоть, вцепился в рукав.

— Лона, скажи им, что я прибыл с Земли! Это так! Это так!

Глаза у Валоны расширились от тревоги.

— Мы нашли его однажды, госпожа, и у него

вовсе не было разума. Он не мог ни одеваться, ни говорить, ни ходить. Не умел ничего. С тех пор он вспоминает, мало-помалу. — Она кинула испуганный взгляд на лицо капитана.

— Он действительно мог прибыть с Земли?

— В этом есть что-то странное, — сказала Сэмия, по-женски настраиваясь на романтический лад. — Я уверена в этом… Почему он был так беспомощен, девушка, когда его нашли? Он был ранен?

— Доктор сказал, что Рик психозондирован.

— Психозондирован! — Сэмия ощутила волну легкого отвращения. Значит, он был психопатом? — Она встала и неуверенно поглядела на Рика.

Рик вскочил.

— Погодите!

— Прошу вас, госпожа. Думаю, вам все стало ясно, — произнес капитан, открывая перед нею дверь. — Мои люди успокоят их.

— Госпожа! Госпожа! — вскричал Рик. — Я могу доказать это! Я с Земли!

Сэмия нерешительно остановилась.

— Послушаем, что он может сказать.

Рик весь горел. От усилия вспомнить губы у него растянулись в гримасу вроде улыбки.

— Я помню Землю. Она была радиоактивна. Я помню Запретные Зоны и голубое сияние на горизонте по ночам. Почва светилась, и ничто на ней не росло. Было лишь немного мест, где люди могли жить. Вот почему я был космоаналитиком. Вот почему я хотел оставаться в пространстве. Моя планета была мертвой.

— Идемте, капитан. Он попросту бредит, — сказала Сэмия.

Но на этот раз капитан Рэйсти остановился, приоткрыв рот.

— Радиоактивная планета? — пробормотал он. — Но где он узнал об этом?

— Каким образом планета может быть радиоактивной и обитаемой? недоумевала Сэмия.

— Но такая планета есть. Это Земля.

— Это Земля! — произнес Рик гордо и уверенно. — Древнейшая планета в Галактике. Это планета, с которой произошло все человечество.

— Так и есть! — тихо прошептал капитан. Внезапно решившись, он подошел к Рику.

— Что еще ты помнишь?

— Больше всего корабль, — сказал Рик, — и космический анализ.

— Значит, все это правда? — недоумевала Сэмия. — Но как же могло случиться, что его психозондировали?

— Эй ты, туземец, или инопланетный, или кто ты там еще! — сказал капитан Рэйсти. — Как случилось, что тебя психозондировали?

Рик казался смущенным.

— Вы все говорите это. Даже Лона. Но я не знаю, что значит это слово… Я был на корабле… Там была опасность. Я уверен в этом. Большая опасность для Флорины, но подробностей я не помню.

— Опасность для планеты? — Сэмия бросила быстрый взгляд на капитана.

— Да. В течениях.

— В каких течениях? — спросил капитан.

— В космических.

Капитан развел руками, потом уронил их.

— Это безумие!

— Нет, нет! Пусть он продолжает! — Губы у Сэмии приоткрылись, темные глаза блестели. — Что такое космические течения?

— Различные элементы, — неопределенно ответил Рик. Он объяснял это раньше. Ему не хотелось повторяться. Он продолжал, быстро, почти бессвязно, высказывая мысли по мере того, как они приходили, подгоняемый ими: — Я послал сообщение местной базе на Сарке. Это я помню очень хорошо. На Флорину надвигалась опасность. Да. И даже больше, чем на Флорину. На всю Галактику. Нужна была большая осторожность.

Почему-то, — продолжал он, задыхаясь, — мое сообщение было перехвачено каким-то служащим на Сарке. Это было ошибкой. Я не знаю, как это случилось… Я уверен, что послал сообщение местному Бюро на его собственной длине волны. Как вы думаете, можно ли перехватить субрадио? Он даже не удивился тому, что слово «субрадио» вспомнилось ему так легко. — Во всяком случае, когда я высадился на Сарке, меня ожидали.

Снова пауза, на этот раз длинная и вдумчивая. Капитан не сделал ничего, чтобы прервать ее.

— Кто тебя ждал? Кто? — не вытерпела Сэмия.

— Не… не знаю. Не могу вспомнить. Это было не в Бюро. Это было где-то на Сарке. Я помню, что

говорил с ним. Он знал об опасности. Он говорил о ней. Я уверен, что говорил. Мы сидели за столом вместе. Я помню стол. Он сидел напротив меня. Это ясно, как Космос. Мы разговаривали. Кажется, я не спешил давать подробности. Я уверен в этом. Я хотел говорить сначала в Бюро. А тогда он…

— Да? — поторопила его Сэмия.

— Он сделал что-то. Он… Нет, я больше ничего не помню. Ничего не вспомню!

Он прокричал эти слова, и наступило молчание, прерванное жужжанием коммуникатора на руке капитана.

— Сообщение с Сарка для капитана. Крайне секретно. Личный прием.

Из коммуникатора поползла тонкая прозрачная фольга с красными строчками. Сэмия склонилась к руке капитана.

«Двое флориниан тайком, незаконно пробрались на ваш корабль. Схватите их немедленно. Один из них будет называть себя космоаналитиком, нефлоринианским туземцем. Не делайте по этому поводу ничего. Вы строго отвечаете за сохранность этих людей. Задержите их для передачи охране безопасности. Крайне секретно. Крайне спешно».

СЫЩИК

Четверо Великих Сквайров глядели на Сквайра Файфа каждый по-своему: Борт — гневно, Руне — с улыбкой, Балле — с досадой, Стин — испуганно.

Руне заговорил первым:

— Государственная измена? Не пытаетесь ли вы испугать нас фразой? Что это значит? Измена — кому? Борту? Мне самому? Кто изменяет и как? И ради всего Сарка, Файф, эти совещания нарушают нормальные часы моего сна!

— Последствия, — возразил Файф, — помешают многим часам сна. Я не говорю об измене кому-нибудь из нас, Руне. Я говорю об измене Сарку.

— Сарку? — повторил Борт. — Но что это такое, если не мы сами?

— Назовите это мифом. Назовите чем-нибудь, во что верят простые саркиты.

— Я не понимаю, — простонал Стин. — Вы все, как всегда, стараетесь заговорить друг друга до смерти. Право, я хотел бы покончить с этим!

— Я согласен со Стином, — сказал Балле.

Файф произнес:

— Я хочу объясниться немедленно. Вы слышали, вероятно, о недавних беспорядках на

Флорине. Итак…

Неожиданное требование на книги по космическому анализу. Потом нападение на пожилого патрульного, умершего через два часа с проломленным черепом. Потом погоня, закончившаяся перед тайником транторианского агента. Потом убийство второго патрульного, причем убийца ускользнул в патрульном мундире, а транторианский агент был, в свою очередь, убит еще через несколько часов.

Если вы хотите получить самый последний кусочек новостей, — закончил Файф, — можете добавить к этим видимым пустякам еще кое-что. Несколько часов назад в городском парке на Флорине был найден труп, вернее, остатки трупа.

У меня уже лежит доклад врачей, исследовавших строение скелета. Он не принадлежал ни патрульному, ни флоринианину. Это скелет саркита.

Стин вскричал: «Браво!» Балле широко раскрыл свои старые глаза; металлические зубы Руне, поблескивание которых придавало жизненность кубу сумрака, где он сидел, исчезли, когда он закрыл рот. Даже Борт казался пораженным.

— Я продолжаю, — сказал Файф. — Тот, кто убил саркита, хотел чтобы золу приняли за остатки

одежды этого саркита, снятой и сожженной до убийства, которое мы могли бы тогда принять за самоубийство или за результат частой вражды, без всякой связи с нашим другом-самозванцем. Убийца не знал, что анализ золы всегда покажет отличие кырта саркитской одежды от целлюлита мундира патрульного.

Итак, где-то в Верхнем Городе скрывается живой Резидент в одежде саркита. Наш флорианин, пробыв патрульным достаточно долго и находя, что опасность слишком велика, решил стать Сквайром. И он сделал это единственно возможным способом.

— Поймали его? — хрипло спросил Борт.

— Нет, не поймали.

— Почему? Клянусь Сарком, почему?

— Его поймают, — равнодушно произнес Файф. — Сейчас у нас есть заботы поважнее. Это последнее преступление — пустяки в сравнении с ними.

— Перейдите к делу! — немедленно потребовал Руне.

— Терпение! Прежде всего позвольте спросить вас, помните ли вы об исчезновении космоаналитика в прошлом году. Между этими событиями есть прямая связь. Ведь все началось с того, что во

Флоринианской библиотеке были затребованы книги по космическому анализу. Начну с описания трех человек, замешанных в библиотечном инциденте, и прошу вас несколько минут не перебивать меня.

Во-первых, Резидент. Он самый опасный из троих. На Сарке о нем были прекрасные отзывы, как о разумном и надежном материале. К сожалению, он обратил свои способности против нас. Несомненно, он виновен во всех четырех убийствах. Хороший рекорд для кого угодно.

Второе лицо — женщина. Она простая работница, непривлекательная и малограмотная. Но ее родители были членами «Души Кырта», если вы помните этот наивный крестьянский заговор, без труда ликвидированный лет двадцать назад. Это приводит нас к третьему лицу, самому необычному.

Его историю нельзя проследить дальше чем за десять с половиной месяцев. Его нашли в поселке близ столицы Флорины в состоянии полного идиотизма. Он не мог ни ходить, ни говорить, ни даже есть самостоятельно.

Заметьте теперь, что он появился впервые через несколько недель после исчезновения космоаналитика. Заметьте также, что за несколько

месяцев он научился говорить и даже выполнять работу на кыртовой фабрике. Какой идиот мог бы научиться этому так быстро? Остается одно — психозондирование.

Его можно было произвести только на Сарке или в Верхнем Городе на Флорине. Для полноты картины были обследованы все врачебные кабинеты в Верхнем Городе. Потом один из наших агентов догадался проверить записи всех врачей, умерших с тех пор, как идиот появился. Я позабочусь о том, чтобы агента повысили за эту идею.

Мы нашли запись о нашем идиоте только в одном из таких кабинетов. Идиот был привезен для физического обследования месяцев шесть назад. Его привозила женщина, вторая в нашем трио. По-видимому, это было сделано тайно. Врач обследовал идиота и отметил явные признаки вмешательства психозонда.

И вот тут интересная деталь. Доктор был одним из тех, кто держит кабинеты и в Верхнем и в Нижнем Городе. Этот идеалист считал, что туземцы достойны первоклассной медицинской помощи.

Будучи человеком педантичным, он заносил в картотеку обоих кабинетов — я подчеркиваю: обоих кабинетов — сведения обо всех пациентах, не делая различий между флоринианами и

саркитами. Так вот, агент сличил все карточки в одном кабинете с их копиями в другом. И что же оказалось? Единственная карточка без копии — нашего идиота. Причем найдена она в кабинете Верхнего Города. А в Нижнем? В конце концов этот человек был флориниианином, привезла его флориниианка, и обследование было проведено именно в Нижнем Городе — обо всем этом есть запись в карточке идиота. Итак: куда девалась другая карточка, копия первой?

На эту загадку может быть только один ответ. Она была уничтожена кем-то, кто не знал, что есть копия. Но об этом после.

Вместе с записью о нашем идиоте есть отметка о включении ее данных в ближайший периодический доклад доктора Отделу Безопасности. Это было правильно. Всякий случай психозондирования касается либо преступника либо извращенного человека. Но такое сообщение сделано не было. Меньше чем через неделю врач погиб в уличной катастрофе. Не правда ли, отличный детективный сюжет?

Рассмотрим эту историю с другой стороны. Забудем пока об идиоте и вспомним о космоаналитике. Первое, что мы слышали о нем, — это сообщение в Бюро Транспорта, что его корабль

вскоре опустится на планету; кроме того, было получено сообщение, сделанное им раньше.

Космоаналитик так и не прибывает. Его не находят нигде в ближнем пространстве. Кроме того, исчезает посланное им сообщение, о котором говорило Бюро. МКБ заявляет, что мы намеренно скрываем это сообщение. Отдел Безопасности считает, что сообщение выдумано в пропагандистских целях. Теперь мне думается, что и те и другие были неправы. Сообщение было послано, но не было получено правительством Сарка.

Представим себе, что Некто (пока назовем его просто Икс) имеет доступ к записям Бюро Транспорта. Икс узнает о космоаналитике и его сообщении. Он устраивает так, чтобы послать секретную субрадиограмму на корабль космоаналитика, направляя его для посадки на маленький частный порт. Космоаналитик так и делает. Икс встречает его там. И вот уже сумасшедший космоаналитик заговорил. Какими бы несвязными, безумными, невероятными ни были его речи, Икс увидел в них превосходный материал для пропаганды. Он послал свои шантажирующие письма Великим Сквайрам — нам. Его поведение и планы были, вероятно, именно такими, какие я тогда приписывал Трантору. Если мы не догово-

римся, он намеревался разрушить производство на Флорине слухами о гибели и вынудить нас сдаться.

Икс мог бы убить космоаналитика, но я думаю, что он был ему нужен как источник дальнейшей информации (в конце концов он сам ничего не знал о космическом анализе и не мог основывать свой шантаж на чистом блефе) или, возможно, как выкуп в случае конечного поражения. Так или иначе, он прибег к психозондированию. После этого у него в руках был не космоаналитик, а идиот, не причиняющий ему пока никаких затруднений. А через некоторое время его разум восстановился бы.

Что дальше? Нужно было сделать так, чтобы целый год никто не нашел космоаналитика, никто из значительных лиц вообще не увидел его. Поэтому он поступил гениально просто. Он перевез свою жертву на Флорину, и космоаналитик стал полоумным туземцем, работающим на фабрике кырта.

Я полагаю, что в течение этого года Икс или его доверенный навещал те места, куда он «пересадил» космоаналитика, чтобы убедиться в его здоровье и безопасности. При одном из таких посещений он каким-то образом узнал, что

психозондированного идиота возили к врачу, который наверняка доложит о нем наверх. Поэтому врача немедленно убрали, а его запись исчезла, по крайней мере из кабинета в Нижнем Городе. Это был первый просчет Икса. Он не подумал, что где-то может оказаться копия.

И тут он сделал второй просчет. Идиот начал слишком быстро приходить в разум, а у местного Резидента оказалось достаточно мозгов, чтобы увидеть, что это больше, чем простой бред. Быть может, девушка, возившая идиота к врачу, рассказала Резиденту о психозондировании. Это догадка.

Вот вам вся история.

Файф сцепил свои сильные руки и ждал реакции слушателей.

— Насколько я вижу, — медленно произнес Балле, — вы сочинили историю, столь же невозможную, как и в прошлом году. Это на девять десятых догадки.

— Чепуха! — отрезал Борт.

— А кто этот Икс? — спросил Стин. — Пока вы не узнаете, кто такой Икс, во всем этом нет смысла. — И он деликатно зевнул, прикрывая зубы согнутым пальцем.

— По крайней мере одному из вас ясно, в чем

дело! — рявкнул Файф. Центр истории — в личности Икса. Рассмотрим черты, которыми Икс должен обладать, если мой анализ правилен. Прежде всего Икс — это человек, связанный с Разведкой. Он может приказать произвести мощную кампанию шантажа, без всяких помех доставить космоаналитика с Сарка на Флорину и подстроить смерть врача. Он наверняка не простой смертный. Значит, он должен быть Великим Сквайром. Разве не так?

Борт вскочил. Стин засмеялся высоким, истерическим смехом. Глаза Руне, полуутонувшие в мягких складках жира, горячечно заблестели. Балле медленно покачал головой.

— Во имя Космоса, кого вы обвиняете, Файф? — взвизгнул Борт.

— Пока никого. — Файф остался невозмутимым. — Никого в частности. Давайте посмотрим. Нас пятеро. Никто на Сарке не мог бы сделать того, что сделал Икс. Только мы. Это можно считать доказанным. Но кто из пятерых? Прежде всего это не я.

— Мы можем поверить вам на слово, не так ли? — фыркнул Руне.

— Вам не нужно верить мне на слово, — возразил Файф. — Лишь у меня одного для этого нет

мотивов. Икс хочет получить контроль над кыртовой промышленностью. У меня этот контроль есть. Я законно владею третью флоринианских земель. Мои фабрики, заводы и флот так сильны, что могли бы вытеснить всех и каждого из вас из промышленности, если бы я захотел. Мне не нужно прибегать к шантажу. У остальных есть любые мотивы. Руне владеет самым маленьким из материков и самой малой долей вкладов. Я знаю: это ему не нравится. Он может притворяться, будто ему это нравится. Балле происходит из древнейшего рода. Было время, когда его род правил Сарком. Он, вероятно, не забыл об этом. Борту не нравится то, что на совете он всегда остается в меньшинстве и не может поэтому вести на своих территориях политику хлыста и пистолета, какую ему хотелось бы. У Стина вкусы расточительные, а финансы в плохом состоянии. Необходимость добывать средства — жестокая необходимость. Ну, вот вам все возможные мотивы. Зависть. Жажда власти. Алчность. Престиж. Так кто же из вас?

В старых глазах Балле неожиданно сверкнула злоба.

— Вы подозреваете нас? А кого именно?

— Это неважно. Икса испугало наше первое

совещание, на котором я говорил о необходимости единых действий. Икс был на нем. Икс был и остается одним из нас. Он знал, что единство действий означает для него поражение.

Мы должны быть едины, и для этого есть только один безопасный путь, учитывая, что Икс — один из нас. С автономией материков нужно покончить. Это роскошь, которую мы не можем себе позволить, ибо козни Икса окончатся только с экономическим поражением всех нас или вмешательством Трантора. Я сам — единственный, кому я могу доверять, и отныне я становлюсь во главе объединенного Сарка. Идете ли вы со мной?

Они вскочили со своих мест, крича и размахивая кулаками. Увы, физически они ничего не могли сделать. Файф улыбнулся. Каждый из них — на другом материке. Он может сидеть у себя за столом и смотреть, как они истекают пеной.

— У вас нет выбора. За год, прошедший после нашего первого совещания, я подготовил все. Пока вы спокойно присутствовали на совещании и слушали меня, преданные мне офицеры завладели флотом.

— Измена! — вскричали они.

— Измена автономии материков, — возразил

Файф. — Верность Сарку. Через двадцать четыре часа я узнаю, кто такой Икс. Космоаналитик, о котором мы все время говорили, находится в моих руках.

Файф хихикнул.

— Вы удивляетесь, кто из вас может оказаться Иксом? Один из вас знает это наверное, будьте спокойны. А через сутки узнаем и все мы. И помните, господа: вы почти беспомощны. Военные корабли — мои. До свидания. — Он сделал прощальный жест.

Один за другим они исчезали, как звезды в глубине пространства исчезают с экрана, когда их заслоняет проплывающая мимо невидимая глыба разбитого звездолета.

ЯХТСМЕН

Генро шел медленно, с полупогасшей папиросой, свисающей из угла рта.

Он останавливался у каждого занятого ангара, зорко вглядываясь внутрь.

У ангара № 26 он выказал повышенный интерес. Заглянул через низкую балюстраду и произнес:

— Сквайр?

У Сквайра, появившегося изнутри, вид был непрезентабельный. Прежде всего Сквайр был не в спортивном костюме. Во-вторых, он давно не брился, а довольно неприятная с виду ермолка закрыла пол-лица. Наконец, в поведении этого Сквайра была какая-то подозрительная осторожность, отнюдь не свойственная Сквайрам.

— Я Маркис Генро. Это ваша яхта, сударь?

— Да, моя. — Слова были произнесены медленно и напряженно.

— Вы не возражаете, если я войду?

Сквайр поколебался и отступил. Генро вошел.

— Какой у вас двигатель, сударь?

— Почему вы спрашиваете?

— Откровенно говоря, я хочу купить новый

корабль.

— То есть вы интересуетесь этим?

— Не знаю. Что-то в этом роде, возможно, если цена будет подходящая. Но, во всяком случае, вы не возражаете, если я посмотрю управление и двигатели?

Сквайр стоял молча.

— Ну, как вам угодно. — Генро повернулся уходить.

— В конце концов я могу продать, — сказал Сквайр. — Можете войти в корабль, если хотите.

— Спасибо. Покажете дорогу?

Сквайр снова порылся в карманах и достал связку ключей.

— После вас, сударь.

Генро взял ключи, перебрал их, ища условные значки корабля. Собеседник не делал никаких попыток помочь ему.

— Кажется, этот, — сказал он наконец.

Медленно беззвучно шлюз открылся, и Генро вошел в темноту…

У Мирлина Теренса не было выбора. Три долгих отчаянных часа он оставался близ Димонова корабля в ожидании, не будучи способным ни к чему другому. А теперь этот человек пришел и осматривает корабль. Иметь с ним дело — вообще

безумие. Вот-вот ему станет ясно, что он, Мирлин Теренс, самозванец.

И все же неплохо, что на этой посудине нашлась пища. Пока настойчивый покупатель бродил по кораблю, Теренс принялся за консервированные мясо и фрукты. С жадностью напился. Через коридор от кухни был душ. Он заперся там и вымылся. Было приятно снять тесную ермолку хотя бы на время. В неглубоком шкафу он нашел смену одежды.

Наконец Генро вернулся.

— Скажите, вы не будете против, если я попробую вести этот корабль?

— Не возражаю. Вы справитесь с этой моделью? — спросил Теренс с превосходно разыгранной беспечностью.

— Думаю, что да, — ответил тот с легкой улыбкой. — Я умею обращаться с любой из нынешних моделей. Во всяком случае, я беру на себя смелость запросить у контрольной башни о свободном взлетном колодце. Вот мои права яхтсмена, если вы хотите взглянуть на них перед стартом…

Скоро они уже были в пространстве. Сначала звезды на экране двигались туда и сюда, пока длинные тонкие пальцы яхтсмена играли на кнопках управления. Наконец, поверхность экра-

на заполнилась широким оранжевым сегментом планеты.

— Неплохо, — сказал Генро. — Вы держите корабль в хорошем состоянии, Димон. Он невелик, но у него есть свои достоинства.

— Я думаю, вы захотите испробовать его на скорость и маневренность, сказал осторожно Теренс. — Я не возражаю.

— Очень хорошо. Куда бы нам направиться, по-вашему? Что, если… — Он поколебался, потом закончил: — Ну да, почему бы и не на Сарк?

Дыхание у Теренса слегка ускорилось. Он ожидал этого. Он был готов поверить, что живет в мире волшебства.

— Почему бы и нет, Генро? — сказал он порывисто.

— Значит, на Сарк.

С нарастающей скоростью диск Флорины соскользнул с экрана…

Теренс просыпался медленно, с туманом в глазах. Несколько долгих минут у него не было ни малейшего представления об окружающем.

— Я, кажется, уснул, — позевывая, сказал он.

— Кажется, да. Вот Сарк. — Генро кивнул на большой белый полумесяц на экране.

— Когда мы опустимся?

— Примерно через час.

И вдруг Теренс заметил, что серый металлический предмет в руке у Генро — изящное дуло иглоружья.

— Что, в чем дело? — начал было Теренс, вставая.

— Садитесь, — сдержанно произнес Генро. В другой руке у него была ермолка.

Теренс поднял руку к голове, и его пальцы вцепились в светлые волосы.

— Да, — отчеканил Генро. — Это очевидно. Вы туземец.

Теренс молча смотрел перед собою.

— Я знал, что вы туземец, еще раньше, чем взошел на корабль бедного Димона. Вашей основной ошибкой, Резидент, была мысль, будто вы можете бесконечно хитрить с организованной полицейской силой. Что можно чувствовать, Резидент, хладнокровно убив человека, например Димона?

— Я не выбирал его, — прохрипел Теренс. Он задыхался. И пробормотал, сквозь красный туман гнева и разочарования: — Вы, саркиты, убили миллионы флориниан. Женщин. Детей. Вы разбогатели на этом. Эта яхта…

— Димон не виноват, что родился господином, а не слугой, — сказал Генро. — Будь вы саркитом, что бы вы сделали? Отказались от имущества, если бы оно у вас было, и пошли работать на кыртовых полях?

— Ну, так стреляйте! — корчась, закричал Теренс. — Чего ждете?

— Спешить незачем. У меня много времени, чтобы окончить рассказ. У нас не было уверенности относительно личностей убитого и убийцы, но я кое о чем догадывался. Необходимо было убедить Безопасность, что я один смогу доставить

вас на Сарк. Без шума и затруднений. Вы должны согласиться, что именно это я и сделал. Признаться, сначала я сомневался: действительно ли вы тот, кого мы ищем. Вы, находясь на территории порта, были одеты в обычный костюм. Это невероятно дурной вкус. Никто, подумал я, не станет притворяться яхтсменом, не нося соответствующего костюма.

Я подумал, что вас нарочно выставили, как приманку, что вы стараетесь быть арестованным, в то время как преступник ускользает в другом направлении.

Я колебался и испытывал вас другими способами. Я возился с ключами от корабля не там, где нужно. Нет такого корабля, который открывался бы с правой стороны воздушного шлюза. Все они всегда и неизменно открываются с левой. Вы не выказали удивления при моей ошибке. Никакого!

Потом я спросил вас, может ли ваш корабль проделать путь от Флорины до Сарка меньше чем за шесть часов. Вы сказали, что да. Это поразительно! Рекордное время для такого перелета — свыше девяти часов.

Я решил, что вы вовсе не приманка. Ваше неведение было чересчур велико… Кстати, вы знаете,

почему я рассказываю вам все это? — Неожиданно мягко докончил Генро.

Теренс молчал.

— Во-первых, — сказал Генро, — мне нравится видеть, как вы страдаете. Я не люблю убийц, и особенно не люблю, когда туземцы убивают саркитов. Мне было приказано доставить вас живым, но в моих инструкциях ничего не сказано о том, чтобы сделать перелет приятным для вас. Во-вторых, вам необходимо ознакомиться с ситуацией сейчас, поскольку позже, когда мы опустимся на Сарк, следующие шаги вы должны сделать сами.

Теренс взглянул на него.

— Не понимаю.

— Безопасность знает, что вы прибываете. Флориниански отдел сообщил им об этом, как только мы вышли из атмосферы планеты.

— Не понимаю, — безнадежно сказал Теренс.

— Я сказал: вас ждут на Сарке. Но я подразумевал не Отдел Безопасности. Я подразумевал Трантор…

РЕНЕГАТ

За кофе Эбл рассказал Джунцу о случившемся за последние тридцать шесть часов.

Джунц был поражен. Он поставил свою наполовину выпитую чашку и сказал:

— Допустим, что из всех кораблей они смогли спрятаться именно в этом. Но ведь их могут и не обнаружить. Если вы пошлете людей навстречу этому кораблю при посадке...

— Ба! Вы и сами знаете: на любом из нынешних кораблей нельзя не обнаружить лишнего теплоизлучающего тела.

— Это могли просто не заметить. Приборы, разумеется непогрешимы, но люди — нет.

— Напрасно вы так думаете. Послушайте, в то время, когда корабль с космоаналитиком на борту приближается к Сарку, были получены вполне надежные сведения о том, что Сквайр Файф сообщается с прочими Великими Сквайрами. Эти межконтинентальные совещания редки, как звезды в Галактике. Совпадение? Странное совпадение!

— Как вы узнали все это?

— Что «все»?

— Все. Как и когда космоаналитик спрятался. Как и каким образом Резидент ускользал от поимки. Или вы собираетесь хитрить со мной?

— Дорогой мой доктор Джунц!

— Вы признали, что ваши люди следили за космоаналитиком независимо от меня. Вы позаботились безопасно устранить меня с дороги, не предоставляя ничего случаю.

— Всю эту ночь, доктор, я держал постоянную связь с некоторыми из своих агентов…

— Чтобы узнать все это, вам нужно было иметь разведчиков в самом правительстве Сарка.

— Ну, разумеется… Один такой человек, мой лучший агент, работает в Отделе Безопасности на Сарке. Кстати, сейчас он везет мне Резидента.

— Вы говорили, Резидент схвачен.

— Отделом Безопасности. Но мой агент — он еще и агент Безопасности.

— Что вы планируете теперь?

— Почти не знаю сам. Прежде всего мы должны получить Резидента. Я уверен только в том, что он опустится в порту. А потом? Ведь Сквайры тоже будут ждать Резидента.

Строго говоря, инопланетные посольства по всей Галактике имели права экстерриториальности. Практически это означало, что действитель-

но независимым на территории своих посольств был только Трантор.

Территория транторианского посольства занимала почти квадратную милю, и эту площадь контролировали патрули в форме и со значками Трантора. Ни один саркит не мог войти иначе, как по приглашению, а вооруженный саркит ни в коем случае. Все отчетливо сознавали, что за патрулями стояла карающая сила миллиона организованных планет. Посольство оставалось неприкосновенным.

Оно даже сообщалось с Трантором, минуя саркитские порты прибытия и отправления. Из трюмов транторианского корабля-матки, означающей границу между «планетным пространством» и «свободным пространством», могли выскальзывать маленькие гирокорабли, снабженные направляющими лопастями для полета в атмосфере, и опускаться на площадку территории посольства.

Гирокорабль, появившийся сейчас над посольством, не шел по расписанию и не был транторианским. По сигналу тревоги в воздух ринулись маленькие истребители посольства. Подняла к небу свой сморщенный ствол иглопушка. Задвигались, поднимаясь, энергетические экраны.

— Требую убежища! Меня собьют через две минуты, если вы не позволите мне опуститься.

— Кто вы такой?

— Мне нужно говорить с послом! — Коротковолновой приемник закашлялся, и полуистерический голос закричал: — Есть тут кто-нибудь? Я спускаюсь, вот и все! Я не могу ждать ни секунды, говорю вам!

Гирокорабль опустился вертикально быстрее, чем должен был бы, поскольку руки, державшие управление, были скованы ужасом. Эскадрилья саркитских кораблей, появившихся над ним минут через десять, держала грозную стражу два часа, потом исчезла.

Они сидели за обедом: Эбл, Джунц и новоприбывший — Сквайр Стин. Эбл держал себя как непринужденный хозяин, воздерживаясь от расспросов. За вином Сквайр, наконец, заговорил.

— Вам интересно, почему я покинул материк?

— Я не могу догадаться, — согласился Эбл, — зачем Сквайру Стину пришлось убегать от саркитстких кораблей.

— Сегодня было межконтинентальное совещание.

— В самом деле? — удивился Эбл.

Он выслушал рассказ о совещании, не дрогнув

и бровью.

— И он дал нам двадцать четыре часа, — возмущенно сказал Стин. Теперь уже осталось шестнадцать. Право!

— А вы Икс! — вскричал Джунц, беспокойство которого все нарастало во время рассказа. — Вы Икс! Вы прилетели сюда потому, что он поймал вас. Ну что ж, это замечательно! Эбл, вот вам доказательство относительно космоаналитика. Мы можем заставить их выдать нам нашего человека.

— Ну, право! Право! Вы с ума сошли! Перестаньте! Дайте мне сказать, говорю вам… Ваша светлость, я не могу вспомнить имя этого человека.

— Это доктор Селим Джунц, Сквайр.

— Послушайте, доктор Селим Джунц, я никогда не видел этого идиота, космоаналитика или как там его… Я никогда не слышал такой чепухи. Я не Икс. Право! Я буду вам благодарен, если вы перестанете называть меня этой дурацкой буквой. Подумать только, вы поверили смешной мелодраме Файфа! Он считает нас дураками и идиотами. Право! Он сочинил всю эту гадкую ерунду про идиотов и космоаналитиков. Я не удивлюсь, если туземец, якобы убивающий пат-

рульных дюжинами, окажется просто одним из агентов Файфа в рыжем парике. Так вот, никакого Икса вообще нет, но если Файфа не остановить, он завтра же заполнит все субрадио известиями о заговорах, требованиями чрезвычайного положения и, наконец, объявит себя Вождем. У нас на Сарке Вождей не было уже пятьсот лет, но Файфа это не остановит. Он просто перечеркнет конституцию… Как только совещание окончилось, я велел проверить свой личный порт, и, знаете ли, он был захвачен его людьми. Это явное нарушение автономии материков. Это было сделано так подло. Право! Но хоть он и гадкий человек, но он очень умен. Он подумал, что некоторые из нас попытаются бежать, и велел стеречь космопорты, но… — Тут Стин улыбнулся по-лисьему и чуть слышно хихикнул, — ему не пришло в голову стеречь гиропорты. Вероятно, он думал, что на всей планете нет безопасного места для нас. Он забыл о транторианском посольстве. И вот я здесь.

— Вы оставили семью, — осторожно начал Эбл. — Подумали ли вы, что у Файфа все-таки может быть оружие против вас?

— Конечно, я не мог запихнуть всех моих любимых в свой гироплан. Стин слегка покраснел. — Файф не посмеет тронуть их! Кроме того, я

завтра вернусь на мой материк.

— Как? — спросил Эбл.

Сквайр в замешательстве взглянул на него, тонкие губы его приоткрылись.

— Я предлагаю союз, ваша светлость. Вы не можете притворяться, будто Трантор не интересуется Сарком. Вы наверняка скажете Файфу, что всякая попытка изменить конституцию Сарка повлечет за собой вмешательство Трантора.

Эбл сложил вместе свои узловатые пальцы и смотрел на них.

— Я не могу поверить, Сквайр Стин, что вы действительно хотите объединить свои силы с Трантором.

По слабо улыбающемуся лицу Стина прошла мгновенная тень ослепляющей ненависти.

— Лучше Трантор, чем Файф! — воскликнул он.

— Мне не хочется угрожать силой. Не можем ли мы подождать некоторого развития событий?

— Нет, нет! — вскричал Стин. — Ни одного дня. Право! Если вы не решитесь сейчас, немедленно, то потом будет поздно. Как только срок пройдет, он увидит, что зашел слишком далеко, чтобы отступить с достоинством. Если вы поможете мне сейчас, остальные Великие Сквайры присоединятся ко мне. Если вы промедлите хотя бы день,

Файфова машина пропаганды заработает. Я буду заклеймен как перебежчик.

— А если мы попросим у него разрешения поговорить с космоаналитиком?

— Какая от этого польза? Он будет вести двойную игру. Он скажет нам, что флоринианский идиот — это космоаналитик, но вам он скажет, что космоаналитик — это флоринианский идиот. Вы не знаете этого человека. Он ужасен!

Эбл раздумывал. Он напевал про себя, тихонько отбивая пальцем такт. Потом произнес:

— Резидент в наших руках.

— Какой Резидент?

— Тот, который убил патрульных и саркита.

— О? Ну, право! Вы думаете, Файфу это будет интересно, когда он готовится захватить весь Сарк?

— Думаю, что да. Видите ли, дело не в том, что Резидент в наших руках. Дело в обстоятельствах его захвата. Я думаю, Сквайр, что Файф выслушает меня, и выслушает весьма смиренно.

Впервые за все время своего знакомства с Эблом Джунц ощутил, что холодность в голосе старика уменьшилась и ее заменяет удовлетворение, почти торжество.

ПЛЕННИК

В конце концов Высокородная Сэмия Файфская была вынуждена перейти от выражения своих желаний к заявлению своих прав, как самая обыкновенная саркитка.

— Я полагаю, что имею право встречать любой прибывающий корабль, какой захочу, — капризно сказала она.

Начальник порта высказался вполне определенно:

— Госпожа моя, мы совсем не хотим ущемлять вас. Дело в том, что мы получили от Сквайра, вашего отца, специальные распоряжения: помешать вам встретить этот корабль.

— Может быть, вы хотите приказать мне покинуть порт?

— Нет, госпожа. Нам не было приказано удалить вас из порта. Если угодно, вы можете оставаться. Но при всем уважении к вам мы должны задержать вас, если вы захотите подойти к колодцам поближе.

Он ушел, а Сэмия сидела в бесполезной роскоши своей машины, остановившейся неподалеку от самого внешнего входа порта.

Со стороны отца это было нечестно. Они всегда обращались с нею как с ребенком. Вот и сегодня…

Едва Сэмия рассказала отцу о психозондированном космоаналитике и об опасности, надвигающейся на Флорину, как Файф, даже не дав дочери договорить, резко спросил:

— Откуда ты знаешь, что он космоаналитик, Миа?

— Он так говорит.

— А подробности об этой опасности?

— Он не знает. Он был психозондирован. Разве ты не видишь, что это самое лучшее доказательство? Он знал слишком много. Кому-то было нужно скрыть это. — Ее голос инстинктивно понизился и зазвучал конфиденциально. — Видишь ли, если бы его теории были неверны, его не нужно было бы психозондировать.

— Почему же его не убили в таком случае?

— Если ты прикажешь Отделу Безопасности, чтобы мне позволили говорить с ним, то я узнаю это. Он мне верит. Я знаю, что верит. Я узнаю от него больше, чем может Отдел Безопасности. Пожалуйста, прикажи допустить меня к нему, папа. Это очень важно.

Файф нежно притронулся к ее сжатым кулач-

кам и улыбнулся.

— Не время, Миа. Не время. Скоро в наших руках будет третий человек. Тогда — может быть.

— Третий? Туземец-убийца?

— Вот именно. Корабль, на котором его везут, опустится примерно через час.

— И до тех пор ты не сделаешь ничего с космоаналитиком и с туземкой?

— Ничего.

— Хорошо! Я встречу корабль.

— Очень важно, чтобы о прибытии этого человека никто не знал. Ты будешь в порту слишком заметна.

— Ну и что?

— Я не могу объяснять тебе государственную политику, Миа.

— Политику, фи! — Она наклонилась к нему, клюнула его в середину лба быстрым поцелуем и исчезла.

А теперь она сидела беспомощно в своей машине на территории порта, пока высоко в небесах росла какая-то точка, черная на фоне яркого послеполуденного неба.

Сэмия нажала кнопку, открыла боковой шкафчик и достала оттуда бинокль. Она поднесла его к глазам, и точка превратилась в крошечный

кораблик с ясно видимым красноватым сиянием кормовых дюз.

Сарк заполнял весь экран.

— Космопорт не будет строго охраняться, — сказал Генро, не отрываясь от управления. — Это тоже было мое предложение. Я сказал, что всякий необычный прием корабля может внушить Трантору какие-нибудь подозрения. Я сказал, что успех зависит от того, насколько Трантор не догадается об истинном положении вещей, пока не станет слишком поздно.

— Сарк, Трантор, — угрюмо сказал Теренс, — какая разница…

— Для вас большая. Я воспользуюсь ближайшим к восточным воротам колодцем. Вы выйдете через аварийный шлюз на корме, как только я сяду. Идите к воротам быстро, но не слишком. Предоставляю вам свободу действий, если встретится препятствие. Судя по вашей истории, в этом на вас можно положиться. За воротами будет ждать машина, которая повезет вас в посольство. Вот и все…

Улыбка Генро была холодной и невеселой.

— Когда увидят, что вы бежали, меня могут в худшем случае расстрелять как изменника. Если же меня найдут совершенно беспомощным и

физически неспособным задержать вас, то просто уволят, как дурака. Последнее, кажется, предпочтительнее, так что я попрошу вас, перед тем как уйти, применить ко мне станнер.

Они садились. Уже можно было различить что-то вроде радуги саркитского города.

— Надеюсь, — сказал Генро, — вы не собираетесь делать что-нибудь сами. Сарк не место для этого. Либо Трантор, либо Сквайры. Помните. Если Трантор не получит вас через час, то Сквайры поймают вас еще до конца дня. И тогда… Впрочем, вы и сами знаете, что они сделают с вами…

Порт стойко держался на экране, но Генро больше не смотрел на него. Он переключил приборы, направляя пульсолуч книзу.

Корабль медленно поворачивался в воздухе на высоте мили и опускался хвостом вниз.

В сотне ярдов над колодцем двигатели запели высоким тоном. Теренс ощущал их вибрацию, сидя на гидравлических пружинах. Голова у него кружилась.

— Берите станнер. Быстро. Каждая секунда на счету. Аварийный шлюз закроется за вами. Встречающим понадобится пять минут, чтобы удивиться, почему я не открываю главный шлюз, еще пять — чтобы прорваться сюда, еще

пять — чтобы найти вас. В вашем распоряжении пятнадцать минут: выйти из порта и сесть в машину…

Теренс ощутил холодок саркитской осени. Он провел годы в этом суровом климате, но почти забыл о нем в мягком вечном лете Флорины. И вдруг прошлое нахлынуло на него так, словно он никогда не покидал планеты Сквайров.

Но теперь Теренс был беглецом, и на нем горело клеймо величайшего преступления — убийства Сквайра.

Видел ли кто-нибудь, как он выходил из корабля?

Он слегка притронулся к шляпе. Она еще была надвинута ему на уши, и маленький медальон, украшавший ее теперь, был гладким на ощупь. Генро сказал, что это нужно для его опознания. Люди с Трантора будут искать именно этот медальон, сверкающий на солнце.

Он мог бы снять его, уйти самостоятельно, найти путь на какой-нибудь другой корабль, как-нибудь. Он мог бы покинуть Сарк, как-нибудь. Мог бы бежать, как-нибудь.

Слишком много «как-нибудь»! В глубине сердца он знал, что дошел до конца. Как и говорил Генро: либо Трантор, либо Сарк. Он боялся Трантора и

ненавидел его, но знал, что выбора нет: ни в коем случае он не может выбрать Сарк.

— Вы! Эй, вы! — Молодая женщина выглядывала из окна сверхроскошной машины. — Подите сюда.

Теренс подошел.

— Вы прибыли на корабле, который только что опустился, да?

Он молчал.

— Ну, что же вы?

— Да. Да, — выдавил из себя Теренс.

— Тогда садитесь.

Она открыла дверцу перед ним. Внутри машина была еще роскошнее.

— Вы из команды?

Испытывают, подумал Теренс. И спокойно сказал:

— Вы знаете, кто я. — На мгновение он поднял пальцы к медальону.

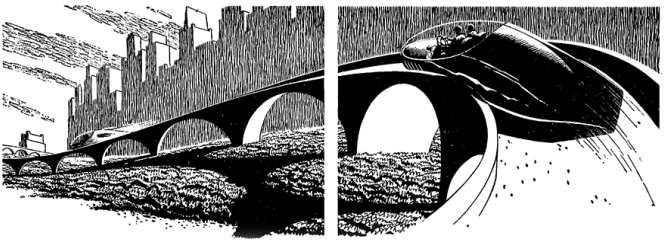
Машина попятилась и повернула.

У ворот, где стояла охрана, Теренс вжался в мягкую, покрытую кыртом спинку. Но для тревоги не было никаких причин. Его благодетельница повелительно произнесла:

— Этот человек со мной. Я Сэмия Файф.

Усталому Теренсу понадобились секунды, чтобы услышать и понять это. Когда он напряженно подался вперед, машина уже мчалась по экс-

пресс-полосе, делая сотню миль в час.



Их видел рабочий на территории порта. Он увидел их и коротко пробормотал что-то в лацкан своей куртки. И через несколько минут за пределами порта один агент Трантора сказал в машине досадливо другому:

— Человек с медальоном только что покинул порт в роскошной машине. Это машина Высокородной Сэмии! Значит, мы его прохлопали. Великий Космос, что делать?

— Следовать за ними.

— Но Высокородная Сэмия…

— Она для меня ничто. Она не должна быть ничем и для тебя. Иначе, что ты здесь делаешь?

— Откуда мы знаем, что убийца Сквайра с нею? Может быть, это притворство, чтобы заставить нас покинуть пост.

— Я знаю, но Файф не послал бы свою дочь, чтобы устранить нас. В конце концов достаточно отряда патрульных.

— Может быть, это вовсе не Сэмия…

— Все равно. Быстрее! Еще быстрее!..

— Я хочу поговорить с вами, — сказала девушка.

— Я готов говорить.

— Вы были на корабле, привезшем туземца с Флорины? Того, которого ловят за убийства?

— Я сказал, что да.

— Очень хорошо. Так вот, я привезла вас сюда для того, чтобы нам никто не помешал. Допрашивали ли туземца по пути на Сарк?

Такая наивность, подумал Теренс, не может быть поддельной. Сэмия действительно не знала, кто он такой. Он сказал осторожно:

— Да.

— Вы присутствовали при допросе?

— Да.

— Хорошо. Я так и думала. Кстати, почему вы

ушли с корабля?

— Я должен был доставить специальный отчет…

Он заколебался. Она быстро ухватилась за его слова.

— Моему отцу? Не беспокойтесь об этом. Я полностью оправдаю вас. Скажу, что вы приехали со мной по моему приказанию.

— Хорошо, госпожа моя.

Слова «госпожа моя» глубоко поразили его самого. Она была высокородной, самой высокой в стране, а он флориниан. Но человек, убивающий патрульных, легко может научиться убивать Сквайров, а убийца Сквайров может взглянуть Высокородной в лицо.

Он взглянул на нее твердо и испытующе.

Она была чрезвычайно красива.

И он понял вдруг, что убийство Сквайра не было тягчайшим из преступлений.

Он даже не сознавал, что двигается. Но ее фигурка очутилась в его объятиях, и она напряглась и вскрикнула, и тогда он заглушил ее крик поцелуем…

Ее руки покоились у него на плечах, когда в спину подуло холодным ветром и дверца машины открылась.

Сэмия молча смотрела, приоткрыв рот, как взбешенный саркит вытаскивал Теренса из машины.

— И она позволила ему, — бормотал он. — Позволила ему...

Сэмия беспомощно отодвинулась в сторону, насколько могла, а потом быстро закрыла лицо обеими руками, прижав пальцы так, что кожа под ними побелела.

— Что мы с нею сделаем?

— Ничего.

— Она видела нас. Она бросит за нами всю планету, раньше чем мы проедем хоть милю.

— Ты хочешь убить Высокородную Даму?

— Нет. Но мы можем испортить ей машину. К тому времени, как она доберется до радиофона, мы будем в безопасности.

— Не нужно. — Агент наклонился в машину. — Госпожа моя, у меня мало времени. Вы слышите меня?

Она не шевельнулась.

— Вам лучше выслушать меня. Сожалею, что помешал вам в нежную минутку, но, к счастью, эту минутку я использовал. Я действовал быстро и успел запечатлеть эту сцену с помощью стереоскопического фотоаппарата. Вы меня поняли? — Он повернулся к спутнику. — Она ничего не скажет обо всем этом. Ни словечка. Идите за мной, Резидент.

Теренс последовал за ним. Он не мог обернуться на белое, осунувшееся личико в машине.

Что бы теперь с ним не случилось, он совершил чудо. Он целовал самую гордую даму на Сарке, ощущал беглое прикосновение ее нежных, ароматных уст.

ОБВИНЯЕМЫЙ

В своей частной жизни Эбл предпочитал обходиться без дипломатических двусмысленностей. Соединившись личным лучом с Файфом, он мог быть просто пожилым человеком, любезно беседующим за стаканом вина.

— Трудно было добиться вас, Файф.

Файф улыбнулся. Он выглядел спокойно и беззаботно.

— Я был занят, Эбл.

— Да. Я кое-что слышал об этом.

— От Стина?

— Отчасти. Стин пробыл у нас часов семь.

— Знаю. Моя ошибка. Вы намерены выдать его нам?

— Боюсь, что нет.

— Он преступник.

Эбл коротко рассмеялся и передвинул свой кубок, следя за медленно поднимающимися пузырьками.

— Я думаю, мы можем назвать его политическим эмигрантом. Космический закон защищает его на территории Трантора.

— Ваше правительство поддержит вас?

— Думаю, что да, Файф. Я пробыл на иностранной службе около четырех столетий и знаю, что Трантор поддержит, а что нет.

— Мне кажется, у вас есть какое-то предложение…

— Есть. У вас находится наш человек.

— Какой ваш человек?

— Космоаналитик. Уроженец планеты Земля, которая, кстати, входит в состав владений Трантора. У меня есть Стин, у вас землянин. В некотором смысле мы равны. Прежде чем начать выполнять свои планы, прежде чем истечет ваш ультиматум и произойдет ваш переворот почему бы не посовещаться насчет общего положении с кыртом?

— Не вижу необходимости. То, что происходит сейчас на Сарке, целиком его внутреннее дело. Я лично готов гарантировать, что в кыртовой промышленности перебоев не будет, независимо от политических событий здесь. Думаю, это удовлетворит законные интересы Трантора.

Эбл задумчиво сказал:

— Кажется, у нас есть еще один политический эмигрант. Любопытный случай. Кстати, это один из ваших флориниански подданных. Резидент. Называет себя Мирлином Теренсом.

Глаза у Файфа вдруг загорелись.

— Мы подозревали это. Клянусь Сарком, Эбл, есть пределы открытого вмешательства Транто-ра на этой планете. Человек, похищенный вами, убийца. Вы не можете давать ему политическое убежище.

— Этот человек вам нужен?

— У вас на уме какой-то обмен? Что вы пред-лагаете?

— Совещание, о котором я говорил.

— Ради флоринианского убийцы? Конечно, нет!

— Но способ, каким Резиденту удалось ускольз-нуть от вас к нам, довольно любопытен. Вам должно быть интересно…

Уже занимался рассвет. Джунцу хотелось бы уснуть, но он знал, что ему опять понадобится сомнин.

— Я мог бы пригрозить силой, как советовал Стин, — сказал Эбл Джунцу. — Это было бы плохо. Риск велик, результаты — неясны. Пока Резиден-та не доставили к нам, у меня не было выбора. Кроме политики ничегонеделания.

— Я что дальше? — угрюмо спросил Джунц. — Шантажировать Файфа этим пикантным сним-ком?

— Называйте это как угодно: шантажировать, вести не совсем честную игру. Это не имеет значения. Высокородная Сэмия виновна только в некоторой податливости и известной наивности. Я уверен, что ее целовали и раньше. Если она поцелуется снова, если поцелуется несчетное число раз с кем угодно, кроме флориниан ина, никто ничего не скажет. Но она поцеловалась с флориниан ином.

Неважно, что она не знала, что он флориниан ин. Неважно, что он поцеловал ее насильно. Если мы опубликуем этот снимок, то для нее и для ее отца жизнь станет невыносимой. Я видел, какое лицо было у Файфа, когда он смотрел копию.

— О чем же договорились в конце концов? — Джунц вздохнул.

— Мы встретимся завтра в полдень.

— Значит, он отсрочил свой ультиматум?

— До бесконечности. Я буду в его кабинете лично.

— И вы рискнете?..

— Риск тут небольшой. Будут свидетели. И мне очень хочется самому увидеть космоаналитика, которого вы ищете так долго.

— Надеюсь, я могу быть при встрече? — спросил Джунц.

— О да! Резидент тоже будет. Он нам понадобится, чтобы опознать космоаналитика. Стин тоже. Все вы будете присутствовать в трехмерной проекции.

— Благодарю.

С усовершенствованием трехмерной передачи важные совещания редко происходили лицом к лицу. Файф ощущал материальное присутствие старого посла как элемент явной непристойности.

Эбл! Старый скряга в потертом платье и с миллионом планет за спиной.

Джунц! Темнокожий, шерстистоволосый надоедала, чье упрямство ускорило кризис.

Стин! Предатель! Не смеет взглянуть ему в глаза!

Резидент! Смотреть на него было всего тяжелее. Туземец, оскорбивший его дочь своим прикосновением, но остающийся живым и неприкосновенным за стенами транторианского посольства.

— Совещание навязано мне насильно, — мрачно сказал Файф. — Я не вижу необходимости говорить что-нибудь. Я здесь для того, чтобы слушать.

— Я думаю, Стин хотел бы высказаться пер-

вым, — ответил Эбл.

Тогда Стин закричал:

— Вы заставили меня обратиться к Трантору, Файф! Вы нарушили принцип автономии. Не ждите, чтобы я благодарил вас за это. Я не претендую на звание сыщика, каким считает себя Сквайр Файф, но думать я умею. Право! И я думал! Вчера Файф рассказывал нам историю насчет таинственного преступника, которого он называет «Икс». Я вижу: это была только болтовня с целью объявить чрезвычайное положение. Я не был одурачен ни на минуту!

— Так никакого Икса нет? — спокойно спросил Файф. — Тогда почему вы бежали? Если человек бежит, ему не нужно других обвинений.

— Вот как? — вскочил Стин. — Ну, а я могу бежать из горящего дома даже не будучи поджигателем!..

— Продолжайте, Стин, — произнес Эбл.

— И продолжу!.. Так кто же этот Икс? Я знаю, что не я! И все же не сомневаюсь: предатель — Великий Сквайр. Но кто из Великих Сквайров знал об этом больше всех? Кто пытался использовать историю с космоаналитиком, чтобы запугать остальных и вынудить их к «объединенным действиям», этой капитуляции перед диктаторством

Файфа? Я вам скажу, кто этот Икс. — Стин встал; его темя касалось верхнего края куба приемника и сделалось плоским. Он указал дрожащим пальцем. — Икс — это он! Это — Сквайр Файф! Он нашел космоаналитика. Он устранил его, когда увидел, что не произвел на нас впечатления своими глупыми россказнями на первом совещании, а теперь вытащил снова, когда уже подготовил военный переворот!

Файф устало повернулся к Эблу.

— Кончил он? Если да, уберите его: он невыносимое оскорбление для всякого порядочного человека.

— Стин сказал, что хотел, — ответил Эбл. — Но ближе к делу. Мы хотели бы видеть космоаналитика.

— У нас под стражей есть человек с пониженным интеллектом, называющий себя космоаналитиком. Я прикажу привести его!

Такое Валоне Марч никогда в жизни не снилось. Вот уже больше суток прошло с того момента, как они спустились на эту планету, а она не переставала удивляться. Даже тюремные камеры, куда ее и Рика поместили отдельно, были сказочно великолепны. Вода шла из отверстия в трубе, стоило только нажать кнопку. От стен исходило

тепло, хотя воздух снаружи был холоднее, чем она считала возможным для воздуха. И всякий, кто говорил с нею, был так роскошно одет.

А вот теперь ее привели в эту большую и светлую комнату. Тут находилось несколько человек. Один, сурового вида, за столом, и другой, гораздо старше, весь сморщенный, в кресле, и еще трое…

И одним из них был Резидент!

Она вскочила и кинулась к нему.

— Резидент! Резидент!

Она пробежала прямо сквозь него. Ее ноги прошли сквозь тяжелое кресло, где сидел Резидент. Она видела его ясно, отчетливо. Она протянула дрожащую руку, и рука погрузилась в обивку, которой она тоже не ощутила.

Она вскрикнула и упала. Резидент машинально протянул руки, чтобы поддержать ее, и она упала сквозь них, как сквозь воздух телесного цвета…

Она снова была в кресле, и Рик крепко держал ее за руку, а морщинистый старик наклонялся над нею.

— Не бойся, милая. Это только изображение. Как фотография, знаешь ли.

Она указала пальцем на Резидента.

— Его здесь нет?

— Это трехмерная проекция, Лона, — вдруг

вмешался Рик. — Резидент находится в другом месте, но мы видим его здесь.

Валона покачала головой. Если Рик говорит так, значит, все в порядке. Она потупилась. Она не смела смотреть на людей, которые одновременно и есть и нет.

Эбл обратился к Рику:

— Так вы знаете, что такое трехмерная проекция, молодой человек?

— Да, сударь. — Этот день был потрясающим и для Рика, но в то время, как Валону он ошеломлял, Рик находил окружающее все более знакомым и понятным.

— Где вы узнали о ней?

— Не знаю. Я знал раньше. Прежде, чем забыть.

— Обратите внимание, Файф, — вмешался Эбл, — ваш флориниан с пониженным интеллектом довольно хорошо знаком с трехмерной проекцией.

— Его хорошо дрессировали, я думаю, — отрезал Файф.

— Допрашивали его со времени прибытия на Сарк?

— Конечно.

— И что же?

— Ничего нового.

Эбл обратился к Рику:

— Как вас зовут?

— Рик — единственное имя, которое я помню, — ответил тот спокойно.

— Знаете ли вы кого-нибудь из присутствующих?

Рик без страха переводил взгляд с одного лица на другое.

— Только Резидента. И Лону, конечно.

— Это, — сказал Эбл, указывая на Файфа, — величайший из Сквайров, какие когда-нибудь жили. Ему принадлежит целая планета. Что вы думаете о нем?

— Я землянин, — ответил Рик. — Я-то ему не принадлежу.

— Слушайте, Рик, — снова заговорил Эбл. — Расскажу вам одну историю. Я хочу, чтобы вы слушали ее всем своим разумом и думали. Думали и думали! Вы понимаете?

Рик кивнул.

Эбл заговорил медленно, повторяя ход событий.

Он рассказывал о сообщении относительно опасности, о его перехвате, о встрече Рика с Иксом, о психозондировании, о том, как Рика нашли

и выхаживали на Флорине, о враче, который поставил ему диагноз, а потом умер, обо всем остальном.

— Вот и вся история, Рик. Знакомо ли вам что-нибудь в ней?

— Я помню последнюю часть, — медленно произнес Рик. — Последние несколько дней. Я вспоминаю кое-что из прошлого… Это очень смутно… Но это все.

— Но вы вспоминаете прошлое? Вы вспоминаете опасность для Флорины?

— Да, да. Это первое, что я вспомнил.

— А что было потом? Вы опустились на Сарке и встретили одного человека…

— Не могу. Не могу вспомнить! — Рик застонал.

— Попытайтесь! Попытайтесь!

Рик взглянул на него, весь побелев, с мокрым лицом.

— Я помню одно слово.

— Какое слово, Рик?

— У него нет смысла.

— Все равно скажите.

— Оно связано со столом. Давно, очень давно. Очень смутно. Я сидел. Кажется, кто-то другой тоже сидел. Потом он встал и смотрел на меня

сверху вниз. И тут было слово.

Эбл спросил терпеливо:

— Какое слово?

Рик сжал кулаки и прошептал:

— Файф!

ОБВИНИТЕЛЬ

— Покончим с этой комедией! — прорычал Файф.

— Почему вы называете это комедией? — почти закричал Эбл.

— А разве не так? Я согласился на эту встречу главным образом потому, что вы говорили об опасности для Флорины. Я отказался бы, если бы предвидел, что на этом совещании меня самого будут судить предатели и убийцы, играющие роль и прокурора и судьи.

Эбл произнес с ледяной учтивостью:

— Это не суд, Сквайр. Доктор Джунц пришел, чтобы выручить члена МКБ, это его право и обязанность. Я — для того, чтобы защитить интересы Трантора в смутное время. У меня нет сомнений относительно этого человека, Рика: он и есть пропавший космоаналитик. Мы можем кончить эту часть совещания немедленно, если вы согласитесь отдать Рика доктору Джунцу для дальнейших исследований, включая проверку медицинских характеристик. Разумеется, нам понадобится ваша дальнейшая помощь. Нужно найти преступника, произведшего зондирова-

ние, и установить гарантии против повторения таких актов в будущем.

— Вот так речь! — усмехнулся Файф. — Ваши планы видны насквозь. Что будет, если я выдам этого человека? Тогда, наверное, МКБ сумеет найти в нем именно то, что хочет найти. Оно называет себя межзвездным учреждением без всяких местных связей. Но разве не факт, что Трантор финансирует две трети годового бюджета МКБ?

И что же оно найдет? Это тоже очевидно. Память вернется к этому человеку медленно. МКБ будет выпускать ежедневные бюллетени. Малопомалу он будет вспоминать все новые и новые нужные подробности. Сначала мое имя. Потом мою внешность. Потом мои точные слова. Меня торжественно признают виновным. Будут потребованы репарации, и Трантор будет вынужден оккупировать Сарк. Временно, разумеется. Потом оккупация станет постоянной.

Но есть границы, которых не может перейти никакой шантаж. Ваш шантаж, господин посланник, дошел до них. Если этот человек нужен вам, пусть за ним прилетит весь флот Трантора!

— О силе не может быть и речи, — сказал Эбл. — Но я замечаю, что вы тщательно избегаете

отрицать значение того, что космоаналитик сказал под конец.

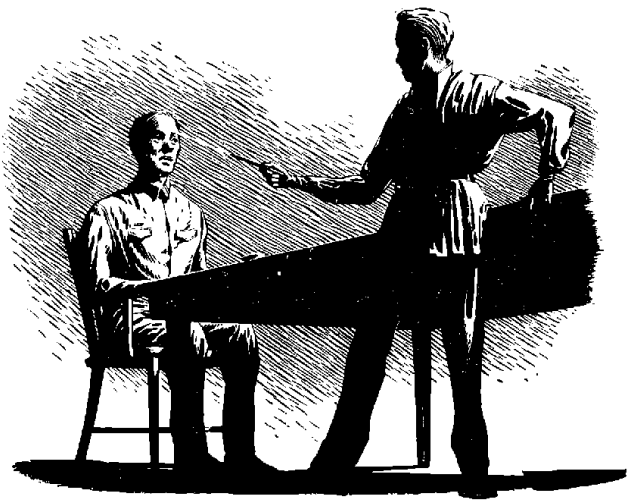
— Это ничего не значит. Имя Файфа — великое имя на Сарке. Даже если предположить, что так называемый космоаналитик правдив, у него в распоряжении был целый год, чтобы услышать это имя на Флорине. Он прибыл на Сарк в корабле, везшем мою дочь, это еще лучшая возможность, чтобы услышать имя Файф. Разве не естественно, что это имя слилось с его смутными воспоминаниями? Конечно, он может и не говорить правды. Эти постепенные откровения могут быть и заученными.

— Слушайте, слушайте! — закричал Рик, вырвавшись из цепких рук Валоны.

— Еще одно откровение, кажется, — заметил Файф.

— Слушайте. Мы сидели за столом. В чае было зелье. Мы ссорились. Не помню, из-за чего. Потом я не мог шевелиться. Мог только сидеть. Не мог говорить. Мог только думать: «Великий Космос, меня опоили». Мне хотелось вскочить, и закричать, и убежать, но я не мог. Потом другой, Файф, подошел ко мне. Он стоял и возвышался надо мной. А я не мог ничего сказать. Не мог ничего сделать. Мог только смотреть, подняв на

него глаза.



— Повернитесь и взгляните на него! — быстро сказал Джунц. — Вы его знаете?

Рик обернулся к Сквайру Файфу. С минуту он

пристально смотрел на него, потом отвернулся.

— Теперь вы вспоминаете?

— Нет! Нет!

Файф сделал свирепую гримасу.

— Ваш человек забыл свою роль, или же его история станет более вероятной, если он вспомнит мое лицо в следующий раз?

— Я никогда не видел этого человека, и никогда не говорил с ним, — возразил Джунц. — Я ищу только правду.

— Тогда могу ли я задать несколько вопросов?

— Задавайте.

— Благодарю вас за любезность. Теперь ты, Рик, или как там тебя зовут…

— Да, сударь?

— Ты помнишь человека, который подходил к тебе из-за стола, пока ты сидел, оглушенный и беспомощный?

— Да, сударь.

— Последнее, что ты помнишь, это то, что человек смотрел на тебя сверху вниз?

— Да, сударь.

— А ты смотрел на него снизу вверх или пытался смотреть?

— Да, сударь.

— Сядь.

Рик повиновался.

Некоторое время Файф не делал ничего. Безгубый рот у него сжался, мускулы под иссиня-черной тенью на щеках и подбородке напряглись. Потом он соскользнул с кресла.

Соскользнул вниз! Словно опустился под столом на колени. Но он вышел из-за стола, и тогда стало ясно, что он стоит.

Голова у Джунца закружилась. Человек, такой большой и величественный, пока сидел, внезапно превратился в жалкого карлика.

Уродливые ноги Файфа двигались с усилием, неуклюже неся его крупное тело и голову. Лицо у него налилось кровью, но глаза сохранили высокомерное выражение.

Рик сидел, Файф стоял, но они смотрели друг другу в глаза на одном уровне.

— Могу ли я быть этим человеком? — спокойно спросил Файф.

— Нет, сударь.

— Ты уверен?

— Да, сударь.

— Ты все-таки говоришь, что помнишь имя «Файф»?

— Я помню это имя, — настойчиво ответил Рик.

— Значит, кто-то ложно воспользовался моим именем?

— Да, должно быть.

Файф повернулся, медленно, с достоинством вернулся к столу и вскарабкался на свое кресло.

— С тех пор как я стал взрослым человеком, я никому еще не позволял видеть меня стоящим. Есть у вас основания продолжать совещание?

Вот тогда заговорил Джунц:

— Мне кажется, надо продолжать совещание. Ведь Рика подвергли зондированию не просто потому, что он космоаналитик!

— Вот и спросите его сами: почему его психозондировали, — сказал Файф.

— Разумеется, он не вспомнит, — гневно возразил Джунц. — Психозонд действует всего сильнее на наиболее логические цепи суждений, хранящиеся в мозгу. И все же стоит спросить у него об опасности, нависшей над Флориной. Итак, что вы помните, Рик?

— Только то, что была опасность и что она связана с космическими течениями, — пробормотал Рик.

Наступило молчание, которое снова нарушил Джунц:

— Вы говорили, что не доверяете показаниям,

как вы их называете, туземцев. Но у нас есть один человек — не простой туземец. Мне кажется, он показал достаточно ясно, что не похож на почтительного флориниана. Пора уже задать и ему несколько вопросов. Если он окажется упрямым и ненадежным, мы можем рассмотреть заявление о его выдаче Сарку.

Теренс, до сих пор упрямо рассматривавший пальцы на своих сжатых руках, бросил беглый взгляд на Джунца.

— Рик был в вашем поселке с тех пор, как его впервые нашли на Флорине, не так ли?

— Да.

— И вы были в поселке все это время? То есть вам не приходилось уезжать по делам надолго, да?

— Резиденты не ездят по делам. Все их дела — в поселке.

— Кто именно из Сквайров посещал ваш поселок в прошлом году?

— Откуда мне знать? Я не могу ответить на этот вопрос: Сквайры — это Сквайры, а туземцы — это туземцы. Для вас я Резидент, для них всегда туземец. Я не встречаю их у ворот и не проверяю документы.

— Кому принадлежат ваши земли?

— Сквайру Файфу.

Стин вмешался совершенно неожиданно:

— О, послушайте! Право! С такими расспросами вы играете на руку Файфу, доктор Джунц. Разве вы не видите, что никуда не придете? Неужели Файф заинтересован в слежке за этим человеком, неужели он возьмет на себя труд летать на Флорину и обратно? А зачем тогда патрульные?

— В подобном случае, — сказал Джунц, — когда экономика и, может быть, физическая сохранность планеты зависят от мозга одного человека, тот, кто применил зондирование, естественно, не станет доверять патрульным.

— Даже если он уничтожил этот мозг? — спросил, улыбаясь, Файф.

Эбл выпятил нижнюю губу и нахмурился. Его последняя ставка уплывала, как и все прочие, в руки Файфа.

Помощь пришла неожиданно со стороны угрюмо молчавшей Валоны:

— Я хочу сказать что-то.

— Говори, девушка. В чем дело? — сказал Джунц.

— Я только крестьянская девушка. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Мне просто кажется, что все может быть по-другому. Был ли мой Рик таким

важным? Ну, этим, космоаналитиком?

— Я думаю, был.

— Тогда это должно быть так, как вы говорили. Тот, кто поместил его на Флорину, не смел потом ни на минуту потерять его из виду. Я хочу сказать, чтобы Рика не бил начальник фабрики, чтобы дети не забрасывали его камнями, чтобы он не заболел и не умер. Его не оставили бы беспомощным в поле, где он мог умереть раньше, чем его найдут, верно? Не полагались бы только на удачу, чтобы он остался жив. — Она говорила напряженно и медленно.

— Продолжай, — сказал Джунц, наблюдая за ней.

— Потому что есть человек, следивший за Риком с самого начала. Он нашел его в полях, он устроил так, чтобы я заботилась о нем, он знал о каждом его дне. Он даже знал все о докторе, потому что я рассказала ему. Это он! Он! — Ее голос поднялся до крика, а рука твердо указывала на Мирлина Теренса, Резидента.

И на этот раз даже сверхчеловеческое спокойствие Файфа изменило ему. Его руки сжались на краю стола, массивное тело приподнялось над креслом, а голова быстро повернулась к Резиденту.

ПОБЕДИТЕЛИ

Все были поражены словно параличом.

Потом раздался пронзительный смех Стина.

— Я верю, — хохотал Стин. — Я все время говорил это. Я говорил, что туземец был нанят Файфом. Теперь вы видите, что за человек Файф. Он нанял туземца, чтобы…

— Это адская ложь!

Говорил не Файф, а Резидент. Он вскочил, и глаза у него пылали от возбуждения.

— Что — ложь? — спросил Эбл.

Теренс некоторое время смотрел на него, не понимая, потом ответил, задыхаясь:

— То, что сказал Сквайр. Никто из саркитов не платит мне.

— А то, что сказала девушка? Это тоже ложь?

— Нет. Правда. Психозонд применял я. Не смотри на меня так, Лона! Я не хотел повредить Рику. Я не хотел ничего того, что случилось.

— Все подстроено, — возмутился Файф. — Не знаю в точности ваших замыслов, Эбл, но для этого преступника явно невозможно включить в свою биографию и это преступление. Как известно, только Великий Сквайр может обладать

достаточными познаниями и возможностями. Или вы хотите спасти своего наемника, Стин, подстраивая ложные признания?

— Я не беру денег и от Трантора, — сказал Резидент. — Но если хотите знать, что произошло, я расскажу вам. В конце концов либо Сарк, либо Трантор, так что пропадай все! По крайней мере у меня будет случай высказаться. — Он указал на Файфа. — Вот это — Великий Сквайр. Только Великий Сквайр, говорит Файф, может обладать достаточными познаниями и возможностями, чтобы сделать то, что сделал преступник. Он сам верит в это. А что он умеет? Что умеет любой из саркитов?

Они не участвуют в управлении. Управляют флориниане! Управляет Флориниянская Гражданская Служба. Флориниане получают бумаги, пишут бумаги, раскладывают бумаги. А бумаги управляют Сарком. Конечно, большинство из нас слишком забито, чтобы даже пищать, но знаете ли вы, что мы можем сделать, если захотим, под самым носом у наших проклятых Сквайров? Ну вот, посмотрите, что сделал я.

Год назад я временно был начальником движения в космопорте. Это записано в моем послужном списке. Вам придется немножко порыться,

чтобы найти это, так как официальным начальником движения был саркит. Официальное звание было у него, а всю работу делал я. Мое имя можно отыскать лишь в специальном отделе с пометкой «Туземный персонал». Ни один саркит не стал бы пачкать глаз, заглядывая туда.

Когда местное отделение МКБ прислало сообщение космоаналитика, предлагая встретить корабль с каретой «Скорой помощи», эти сведения получил я. Согласитесь: не так уж часто приходится слышать о гибели Флорины.

Я договорился встретиться с космоаналитиком в маленьком пригородном порту. Сделать это было легко. Все рычаги и нити, приводившие в движение Сарк, были к меня в кулаке.

Я встретил космоаналитика, спрятал его и от Сарка и от МКБ. Я выжал из него все сведения, сколько мог, и решил использовать их ради Флорины и против Сарка.

У Файфа невольно вырвался вопрос:

— Так это ты послал первые письма?

— Я посылал эти первые письма, Великий Сквайр, — спокойно произнес Теренс. — Я думал, что смогу овладеть достаточной долей кыртовых площадей, чтобы поставить Трантору свои условия и прогнать саркитов с моей планеты.

— Ты с ума сошел!

— Возможно. Во всяком случае, ничего не получилось. Я сказал космоаналитику, что я Файф. Это было необходимо, ибо он знал, что Файф крупнейший человек на планете, и, пока он считал меня Файфом, он говорил открыто.

К несчастью, у него терпения еще меньше, чем у меня. Он упорно требовал свидания с представителем МКБ. Мне было трудно справиться с ним, пришлось прибегнуть к зондированию. Зонд я смог достать. Как с ним обращаться, я видел в госпиталях. Я знал о нем немного. К несчастью, недостаточно. Я настроил зонд так, чтобы убрать страх и тревогу из верхних слоев его разума. Это была простая операция. Я до сих пор не знаю, что произошло. Вероятно, страх и тревога лежали глубже, очень глубоко, и зонд автоматически следовал за ними, попутно разрушая весь сознательный разум. На руках у меня осталось лишенное разума существо… Я сожалею, Рик… Итак, космоаналитик остался совершенно беспомощным. Нельзя было позволять, чтобы его нашел кто-нибудь, кто мог бы разузнать насчет его личности. Нельзя было и убивать его. Я был уверен, что память к нему вернется, а мне его знания еще были нужны.

Я устроил так, что меня послали на Флорину Резидентом, и взял с собою космоаналитика с поддельными документами. Я устроил так, что его нашли, и выбрал Валону, чтобы ходить за ним. С тех пор опасностей не было, кроме одного раза с доктором. Тогда мне пришлось пойти на силовые станции Верхнего Города. Там инженерами были саркиты, но у входа стояли флориниане. На Сарке я узнал о механизмах энергии достаточно, чтобы закоротить силовую линию. С тех пор убивать мне стало легко. Но я никогда не думал, что доктор держит копии карточек в обеих половинах своего кабинета. А подумать было бы нужно. Потом, сто часов назад, — а кажется, будто сто лет, — Рик начал вспоминать снова. Ну, вот и все. Джунц прав.

Теперь смотрите. Только я знаю, где находятся бумаги Рика. Ни один саркит, ни один трантор-ианин никогда не найдет их. Если они вам нужны, вы должны мне дать политическое убежище. Саркит или трантор-ианин могут называть себя патриотами; почему не может флорин-ианин?

— Мы не отдадим вас Сарку, — сказал Джунц. — За вред, нанесенный космоаналитику, вас будут судить. Я не могу гарантировать исхода, но если вы пойдете нам навстречу, то это зачтется в вашу

пользу.

Теренс испытующе поглядел на Джунца.

— Попытаюсь поверить вам, доктор… По словам космоаналитика, солнце Флорины вошло в стадию, предшествующую взрыву новой звезды.

— Как? — Это восклицание вырвалось у всех, кроме Валоны.

— Оно готово бабахнуть и взорваться, — насмешливо произнес Теренс. А когда это случится, то вся Флорина исчезнет, как облачко табачного дыма.

— Я не космоаналитик, но слышал, что невозможно предсказать, когда звезда взорвется, — сказал Эбл.

— Это верно. Объяснял ли вам Рик, почему он так думает? — спросил Джунц.

— Вероятно, в его бумагах это сказано. Я помню только что-то об углеродном течении.

— Что такое?

— Он все время твердил: «Углеродное космическое течение. Углеродное космическое течение». Это и еще что-то о «каталитическом эффекте». Вот и все.

Стин хихикнул. Файф нахмурился. Джунц широко открыл глаза.

Потом Джунц пробормотал:

— Простите, я сейчас вернусь. — Он вышел из куба приемника и исчез.

Он вернулся через четверть часа.

Вернувшись, Джунц изумленно огляделся. В комнате были только Эбл и Файф.

— Мы ждали вас, доктор Джунц, — сказал Эбл. — Космоаналитик и девушка находятся на пути в посольство. Совещание окончено.

— Окончено? Великий Космос, мы только начали! Я хочу объяснить вам условия взрыва новой звезды.

Эбл смущенно задвигался в кресле.

— В этом нет надобности, доктор.

— Это очень нужно. Это необходимо. Дайте мне пять минут.

— Пусть говорит, — произнес Файф. Он улыбался.

— Начнем сначала. В самых ранних научных записях Галактической цивилизации уже отмечалось, что звезды получают свою энергию от ядерных превращений в своих недрах. Было известно также, что, насколько мы знаем относительно условий в недрах звезд, их энергия получается от двух, и только двух, типов ядерных реакций. Оба ведут к превращению водорода в гелий. Первая реакция — прямая: два ядра водорода

соединяются с двумя нейтронами, давая одно ядро гелия. Вторая — проходит несколько фаз. Она кончается тем, что водород превращается в гелий, но в промежуточных фазах участвуют ядра углерода. Эти ядра не используются, но снова образуются в ходе реакции, так что ничтожное количество углерода участвует в ней снова и снова, служа для превращения в гелий огромных количеств водорода. Иначе говоря, углерод действует как катализатор. Все это было известно еще в доисторические времена, еще когда человечество было привязано к одной планете, если такое время когда-нибудь было.

— Если это известно всем, — заметил Файф, — вы лишь тратите время.

— Но это все, что мы знаем. Идет ли в звездах только одна из этих реакций или обе, это никогда не было известно. Всегда существовали школы, предпочитавшие либо ту либо другую теорию. Но обычно общее мнение склонялось к непосредственному превращению водорода в гелий, как более простому.

Так вот, теория Рика должна была быть следующей. Непосредственное превращение водорода в гелий — это нормальный источник звездной энергии, но в некоторых условиях начинает

участвовать и углеродный катализ, подстегивая этот процесс, ускоряя его, разогревая звезду.

В пространстве есть течения. Вы это тоже знаете. Некоторые из них углеродные. Звезды, проходя сквозь течения, захватывают из них несчетные количества атомов. Однако общая масса захваченных атомов микроскопически мала в сравнении с массой самой звезды и ничуть не влияет на нее. Кроме углерода! Звезда, проходящая сквозь течение с повышенным содержанием углерода, становится устойчивой. Я не знаю, сколько лет, или столетий, или миллионолетий нужно, чтобы атомы углерода просочились в недра земли, но для этого, вероятно, нужно много времени. Это означает, что углеродное течение должно быть широким, а звезда — входить в него под малым углом. Во всяком случае, как только количество углерода, просочившегося в звезду, перешло известный критический уровень, излучение звезды внезапно и резко возрастает. Внешние слои разлетаются в чудовищном взрыве, и рождается новая звезда. Что вы скажете?

Джунц ждал.

— Вы придумали все это за две минуты, на основании туманной фразы, которую, судя по воспоминаниям Резидента, космоаналитик про-

изнес год тому назад?

— Да. Да. В этом нет ничего удивительного. Космический анализ готов к этой теории. Если бы ее не выдвинул Рик, то вскоре выдвинул бы кто-нибудь другой. Действительно, подобные теории предлагались и раньше, но их никогда не принимали всерьез. Их выдвигали еще до того, как развилась техника космического анализа, и ни одна не была в состоянии объяснить внезапный рост содержания углерода в данной звезде.

Но теперь мы знаем: углеродные течения существуют. Мы можем нанести их пути на карту, узнать, какие звезды входили в них за последние десятки тысяч лет, проверить и сравнить это с записями появления новых звезд и изменения радиации. Именно это должен был сделать Рик. Таковы должны были быть расчеты и наблюдения, которые он пытался показать Резиденту. Но все это сейчас неважно. Важно вот что: надо начать немедленную эвакуацию Флорины.

— Я так и думал, что дойдет до этого, — сдержанно произнес Файф.

— Простите, Джунц, — сказал Эбл, — но это невозможно.

— Почему невозможно?

— Когда взорвется солнце Флорины?

— Не знаю. Судя по тревоге Рика год назад, я сказал бы, что времени у нас мало.

— Но вы можете установить срок?

— Конечно, нет.

— Когда вы сможете установить его?

— Не могу сказать. Даже если мы получим расчеты Рика, их все нужно будет проверить.

— Можете ли вы ручаться, что теория космоаналитика окажется верной?

Джунц нахмурился.

— Я лично в этом уверен, но никакой ученый не станет ручаться за теорию заранее.

— Тогда выходит, что вы требуете эвакуации Флорины на основании простых рассуждений!

— Я думаю, что жизнь населения всей планеты — это не такая вещь, которой можно рисковать.

— Если бы Флорина была обычной планетой, я согласился бы с вами. Но Флорина — это источник кырта для всей Галактики. То, чего вы требуете, невозможно.

— Господа, тайна дешевого кырта скоро будет у нас в руках. Через год кыртовой монополии не станет.

— Что вы хотите сказать?

— Вот теперь совещание дошло до самого существенного, Файф. Из всех обитаемых планет

кырт растет только на Флорине. Так что весьма вероятно, что кырт и предвзрывная стадия взаимосвязаны. Ведь другого солнца, готового взорваться, в Галактике нет, как, впрочем, и других кыртовых планет.

— Чепуха, — сказал Файф.

— Разве? Должна же быть какая-то причина, почему кырт — это кырт на Флорине и хлопок — во всех других мирах. Ученые давно пытались получить кырт искусственно на других планетах, но эти попытки шли вслепую, а потому не удались. Теперь мы будем знать, что это может быть показателем предвзрывного состояния звезды.

— Они пытались повторить картину излучений солнца Флорины, — гневно сказал Файф.

— Да, с помощью электрических дуг, дававших только видимую и ультрафиолетовую часть спектра. А что можно сказать об инфракрасной части и за ее пределами? О магнитных полях? Об эмиссии электронов? О влиянии космических лучей? Я не физический биохимик, так что тут могут быть и такие факторы, о которых я ничего не знаю. Но этим займутся — и по всей Галактике — люди, знакомые с физической биохимией. Через год, ручаюсь вам, решение будет найдено.

— Блеф! — проворчал Файф.

— Сквайр Файф, через год ваши владения на Флорине потеряют всякую ценность, с новой звездой или без нее. Продайте их. Продайте всю Флорину. Трантор заплатит.

— Купить целую планету? — в отчаянии спросил Эбл.

— Почему бы и нет? Средства у Трантора есть, а симпатии населения всей Галактики окупят расходы тысячекратно. Вы спасете сотни миллионов жизней, дадите всем дешевый кырт.

— Я подумаю, — произнес Эбл.

Он взглянул на Файфа. Глаза Сквайра опустились. После долгого молчания он тоже сказал:

— Я подумаю.

Джунц хрипло рассмеялся.

— Не думайте слишком долго. История с кыртом распространится быстро. Ее ничем не остановить. А тогда ни у кого из вас не будет свободы действий. Лучше поторгуйтесь сейчас!

Резидент выглядел подавленным.

— Это верно? — повторял он. — Действительно так? Флорины не будет?

— Это верно, — сказал Джунц.

Теренс протянул руки, потом уронил их.

— Если вам нужны Риковы бумаги, то они спрятаны в статистических карточках у меня дома. Я

взял старые карточки, за сто лет назад и раньше. Никому и в голову не пришло бы заглядывать в них.

— Послушайте, — сказал Джунц. — Я уверен: мы можем договориться с МКБ. Нам нужен человек на Флорине, человек, знающий флориниан, могущий объяснить им все факты, знающий, как организовать эвакуацию, как выбрать самые подходящие планеты для переселения. Хотите помочь вам?

— То есть загонять дичь для вас? И спасти шкуру от кары за убийство? Почему нет? — Глаза Резидента вдруг наполнились слезами. — Но я все-таки теряю. У меня не будет дома, не будет планеты. Мы все теряем. Флориниане теряют планету, саркиты теряют богатство, Трантор — возможность захватить это богатство. Выигрыша нет ни у кого.

— Если только не считать, — мягко произнес Джунц, — что в новой Галактике — в Галактике, избавленной от угрозы неустойчивых звезд, в Галактике, где кырт есть для всех, в Галактике, так приблизившейся к политическому объединению, — выигравшие все-таки есть. Целый квадрильон их. Обитатели Галактики — вот победители!

ЭПИЛОГ. ЧЕРЕЗ ГОД

— Рик! Рик! — Селим Джунц кинулся к кораблю, протягивая руки. — И Лона! Я бы никогда не узнал вас обоих. Как живете? Как поживаете?

— Как нельзя лучше. Наше письмо попало к вам, я вижу, — сказал Рик.

— Конечно. Расскажите мне, что вы обо всем этом думаете?

Они возвращались вместе, шли к кабинету Джунца.

Валона сказала печально:

— Мы были сегодня утром в своем поселке. Поля такие пустые!

Она была одета скорее как женщина Империи, чем как флориниансская крестьянка.

— Сколько уже эвакуировано меньше чем за год! — сказал Рик.

— Мы стараемся, как можем, Рик. О, я думаю, вас нужно называть вашим настоящим именем!

— Пожалуйста, не надо. Я никогда к нему не привыкну. Я — Рик. Это единственное имя, какое я помню.

— Решили вы, когда вернетесь к космоанализу? — спросил Джунц.

Рик покачал головой.

— Да, я решил, но решил не возвращаться. Эта часть памяти исчезла навсегда. Но мне безразлично. Я вернусь на Землю… Кстати, я надеялся, что встречусь с Резидентом.

— Кажется, не встретитесь. Он решил уехать сегодня. Кажется, ему не хотелось видеть вас. Он чувствует себя виноватым. У вас нет к нему враждебных чувств?

— Нет. Он хотел сделать хорошо, и он во многом изменил мою жизнь к лучшему. Прежде всего я узнал Лону. — Он обнял ее за плечи. Валона взглянула на него и улыбнулась. — Резидент настроил психозонд так, чтобы устранить чувство тревоги, но не позаботился об интенсивности. Да, мне уже нельзя быть космоаналитиком. Зато я вернусь на Землю. Я могу работать, а люди там всегда нужны.

— А я теперь — женщина Земли, — сказала Валона.

Рик посмотрел на горизонт. Верхний Город был ярким, как всегда, но людей там не было.

— Много еще осталось на Флорине? — спросил он.

— Миллионов двадцать, — ответил Джунц. — Переселение находится еще в самой начальной

стадии. Большинство переселенцев живет на соседних планетах во временных лагерях. Это неизбежные трудности.

— Когда отсюда уйдет последний человек?

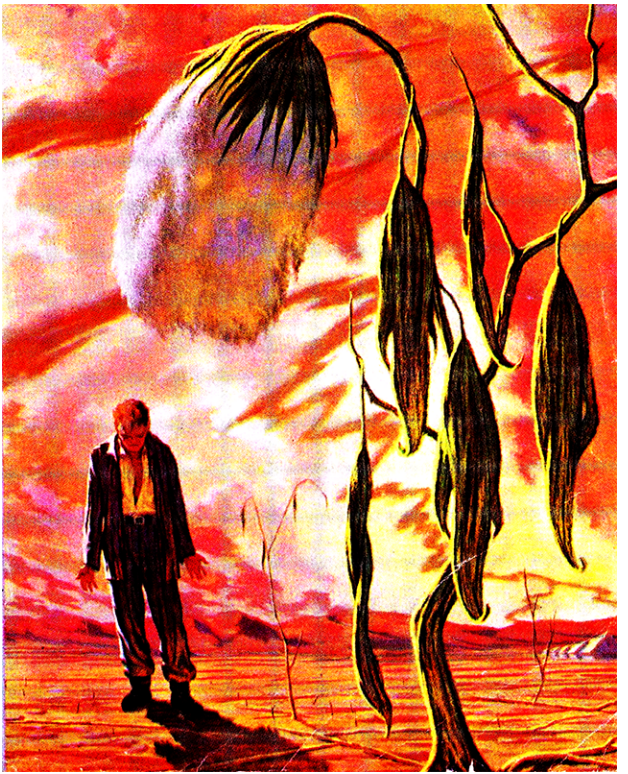
— Конечно, никогда.

— Не понимаю.

— Резидент неофициально попросил разрешения остаться. Ему разрешили, тоже неофициально. Общественность об этом не узнает.

— Остаться? — Рик был поражен. — Но, во имя всей Галактики, зачем?

— Не знаю, — ответил Селим Джунц, — но, кажется, вы объяснили это, когда говорили о Земле. Он чувствует то же, что и вы. «Я не могу, говорит он, — даже допустить мысли о том, чтобы дать Флорине умереть в одиночестве».



Айзек Азимов
Камешек в небе

Глава первая
Всего один шаг

За две минуты до того, как исчезнуть навеки с лица знакомой ему Земли, Джозеф Шварц шел по улице уютного чикагского пригорода, повторяя про себя стихи Браунинга.

Это было по-своему странно — встречному человеку вряд ли пришло бы в голову, что Шварц знает наизусть Браунинга. Шварц выглядел в точности таким, каков он и был, то есть удалившийся от дел портной, не получивший, как выражаются современные умники, никакого систематического образования. Но его пытливый ум, поглощая все без разбора путем беспорядочного чтения, собирал крохи знаний там и сям, а цепкая память удерживала их в сознании.

Браунингского «Рабби Бен Эзру», например, он прочел в молодости не единожды и, разумеется, заучил наизусть. Не все ему там было ясно, но в последние годы три начальные строки стали звучать в такт с его сердцем. И в тот день раннего лета тысяча девятьсот сорок девятого года, такой солнечный и яркий, Шварц повторял их про себя, замкнувшись в крепости своего разума:

Пусть мы стареем, но погоди —
Лучшие годы еще впереди.
Ранние годы жизни даны лишь ради них...

Шварц всем своим существом чувствовал истину этих строк. После тяжелой юности в Европе и первых трудных лет в Соединенных Штатах так хорошо было перейти к безмятежной, обеспеченной старости. Имея свой дом и деньги, Шварц вполне мог позволить себе оставить свою работу, что он и сделал. Жена в добром здравии, две дочери удачно выданы замуж, есть внук, утешение лучших последних лет. Что еще человеку нужно?

Правда, была на свете атомная бомба, и повсюду плотоядно поговаривали о третьей мировой войне, но Шварц верил в человека и не хотел думать, что будет еще одна война. Не может быть, чтобы на Земле снова вспыхнуло адское солнце гневного взорванного атома. И Шварц мирно улыбался попадавшимся на дороге детям, в душе желая им поскорее и без лишних мучений проскочить через юность к тем лучшим годам, что еще впереди.

Он переступил через тряпичную куклу, усмех-

нувшись тому, что она валяется прямо на дороге — этакий бродяжка, которого еще не хватились дома. И не успел он опустить ногу…

На другом конце Чикаго помещался Институт ядерных исследований, сотрудники которого, возможно, тоже верили в человека, но немного стыдились своей веры, поскольку не был еще изобретен прибор, позволяющий точно измерить степень добра и зла в человеческой душе. Как подумаешь — впору молиться, чтобы некие небесные силы запретили этому самому человеку, этому изобретательному мерзавцу, превращать самые интересные и безобидные открытия в смертельное оружие.

А ведь тот же ученый, который без зазрения совести продолжал ядерные исследования, способные привести к гибели половину земного шара, пожертвовал бы собой ради спасения жизни самого ничтожного из своих ближних.

…Внимание доктора Смита привлекло голубое свечение за спиной у химика. Доктор Смит заметил его, проходя мимо полуоткрытой двери. Молодой жизнерадостный химик, посвистывая, встряхивал волюметрическую колбу, в которой раствор уже был доведен до нужного объема. В жидкости лениво плавал, неспешно растворяясь,

белый порошок. Вот как будто и все, но тот же инстинкт, который заставил доктора Смита остановиться, толкнул его на дальнейшие действия.

Доктор ворвался в комнату, схватил линейку и смел на пол все, что было на лабораторном столе. Раздалось жуткое шипение расплавленного металла. С носа у доктора Смита сорвалась капля пота.

Молодой химик тупо уставился на бетонный пол, где застывали потеки серебристого металла. От них еще веяло жаром.

— Что случилось? — чуть слышно выговорил он.

Доктор Смит, еще не совсем пришедший в себя, пожал плечами.

— Не знаю, это вы мне скажите. Что вы тут такое делали?

— Да ничего, — промямлил химик. — У меня там лежала проба необработанного урана. А я определял медь в электролите. Не знаю, что могло произойти.

— Что бы это ни было, молодой человек, могу вам сказать одно: я видел свечение вот над этим платиновым тиглем. Тяжелая радиация. Уран, говорите?

— Да, сырой уран, это ведь не опасно? Одно

из условий, необходимых для излучения, — это высокая чистота металла, верно? Выдумаете, произошло излучение, сэр? Это же не плутоний, и бомбардировке он не подвергался.

— И масса не была критической, — задумчиво добавил доктор Смит, — по крайней мере, мы такую массу критической не считаем. — Он посмотрел на изъеденную поверхность стола, на его ящики, где обгорела и вздулась краска, на серебристые струйки, растекшиеся по бетонному полу. — Но уран плавится при тысяче восьмистах градусах стоградусной шкалы, а мы не настолько изучили ядерные процессы, чтобы судить о них с уверенностью. Во всяком случае, здесь все, наверно, пропитано рассеянной радиацией. Когда металл остынет, молодой человек, надо бы соскрести его и тщательно проанализировать.

Доктор рассеянно посмотрел по сторонам, потом подошел к дальней стене и с беспокойством стал глядеть в одну точку на высоте своего плеча.

— Что это такое? — заинтересовался доктор Смит. — Это и раньше здесь было?

— Где, сэр? — нервно спросил химик, глядя туда, куда указывал его коллега.

В стене было крохотное отверстие, будто кто-

то вбил гвоздь и потом вынул его. Только этот гвоздь, пробив штукатурку и кирпич, прошел стену насквозь, потому что в отверстие проникал дневной свет.

— Никогда не замечал этого раньше, — потряс головой химик. — Правда, и внимания не обращал.

Доктор Смит молча отошел назад, пройдя мимо термостата — прямоугольного ящика из листовой стали. Вода в нем бурлила, мешалка вращалась как безумная, а нагревательные лампы под водой мигали в такт щелчкам ртутного реле.

— А вот это было раньше или нет?

И доктор поскреб ногтем стенку термостата, ту, что пошире. В металле, чуть выше уровня воды, была аккуратная дырочка.

— Нет, сэр, вот этого не было, — широко раскрыл глаза химик. — Ручаюсь, что не было.

— Хм-м. Интересно, на той стороне тоже дырка?

— А чтоб я сдох. Есть дырка, сэр!

— Идите-ка сюда и посмотрите сквозь эти два отверстия. Только сначала закройте термостат. А теперь что вы видите?

Смит приложил палец к отверстию в стене.

— Вижу ваш палец, сэр. Вы его держите на от-

верстии, да?

Смит не отреагировал на шутку и распорядился со спокойствием, пытаясь скрыть поднимающееся раздражение:

— А теперь посмотрите в другом направлении. Что вы видите?

— Ничего.

— Но ведь там стоял тигель с ураном! Вы смотрите именно на то место, не так ли?

— Кажется, да, сэр, — протянул химик.

Доктор Смит, быстро сверившись с табличкой на все еще открытой двери, отчеканил ледяным голосом:

— Мистер Дженнингс, все, что здесь произошло, совершенно секретно. Вы не должны говорить об этом кому бы то ни было. Понимаете?

— Прекрасно понимаю, сэр!

— Тогда пойдемте отсюда. Пошлем радиационную команду проверить помещение, а нам с вами придется полежать в лазарете.

— Вы думаете, могут быть ожоги? — побледнел химик.

— Там видно будет.

Но радиоактивных ожогов у них не оказалось. Анализ крови был нормальным, и на корнях волос тоже ничего не обнаружили. Тошноту,

одолевавшую обоих, сочли психосоматической, а прочие симптомы облучения отсутствовали.

Никто в институте ни тогда, ни в будущем так и не смог объяснить, почему тигель с необработанным ниже критической массы ураном, не подвергавшийся бомбардировке нейтронами, вдруг начал плавиться, излучая зловещий смертоносный свет.

Оставалось только заключить, что в ядерной физике еще немало темных и опасных закоулков.

Однако доктор Смит не смог заставить себя написать в своем рапорте всю правду. Он не упомянул о трех отверстиях в лаборатории. Не упомянул, что ближайшее к тиглю отверстие было едва заметно, второе — чуть пошире, а в отверстие на стене, которое втрое дальше от источника, чем первое, можно было уже просунуть ноготь.

Луч, идущий по прямой, должен был пройти несколько миль, прежде чем кривизна планеты заставит его покинуть поверхность земного шара. К тому времени его диаметр должен был бы достигнуть десяти футов. После этого луч пошел бы в космос, постепенно расширяясь и ослабевая, — чужеродная нить в ткани Вселенной.

Смит никому не рассказывал об этой своей фантазии.

И никому не рассказывал, что на следующий день, все еще лежа в лазарете, он послал за утренними газетами и просмотрел их от первой строки до последней, точно зная, что он ищет.

Ведь в гигантском городе ежедневно исчезает множество людей, однако в этот день никто не прибегал в полицию и не рассказывал, как у него на глазах исчез человек (а может, половина человека?). Во всяком случае, ни о чем таком не сообщалось.

И доктор Смит заставил себя забыть об этой истории.

То, что произошло с Джозефом Шварцем, случилось в промежутке между двумя его шагами. Переступая правой ногой через тряпичную куклу, он вдруг почувствовал, как закружилась голова — будто какой-то вихрь поднял его в воздух и вывернул наизнанку. Когда же он поставил ногу на землю, дыхание остановилось — Шварц скорчился и опустился на траву.

Он долго сидел с закрытыми глазами, не решаясь открыть их.

Так и есть! Он сидел на траве, хотя только что шел по бетону.

И куда подевались дома? Ряды приземистых белых домиков с лужайками? Они все исчезли!

И это совсем не лужайка: трава здесь росла буйная, неухоженная, а вокруг были деревья, много деревьев, которые на горизонте были еще гуще.

Больше всего потрясло Шварца то, что листья на деревьях пожелтели и под рукой он тоже чувствовал сухую хрупкость опавшей листвы. Шварц был городской житель, но мог отличить осень от лета.

Осень! Но ведь он шагнул сюда из июньского дня — свежего, буйствующего зеленью. С этой мыслью Шварц машинально взглянул себе на ноги и вскрикнул. Тряпичная кукла, через которую он переступил, — весть из реального мира!

Ох, нет! Кукла распалась надвое в его дрожащих руках — не разорванная, а аккуратно порезанная посередине. Чудеса! Она была разрезана вдоль, почти до конца туловища, и даже старая пряжа, которой она была набита, так и осталась внутри, только торчали ровно обрезанные нитки.

Потом Шварц заметил, что носок его левого ботинка как-то странно блестит, и, не выпуская из рук куклы, задрал ботинок на поднятое колено другой ноги. Рант подошвы как ножом обрезало, но ни один нож и ни один сапожник на свете не

могли бы сделать вот так. Невероятно гладкий свежий срез блестел жидким блеском.

Смятение, поднимаясь вдоль позвоночника, наконец достигло мозга, и Шварц застыл от ужаса.

И заговорил сам с собой, чтобы услышать свой голос и хоть на что-то опереться в этом перевернутом мире. Голос был тихий, напряженный и перепуганный.

— Во-первых, я не сумасшедший. Я чувствую себя точно так же, как всегда… Если б я и раньше был сумасшедший, я ведь знал бы об этом? Или нет? — Шварц подавил нахлынувшую было истерию. — Тут что-то другое. Может, это сон? Как определить, сон это или нет? — Он ущипнул себя и почувствовал боль, но остался недоволен. — Может ведь и присниться, будто я чувствую боль. Это не доказательство.

Шварц в отчаянии посмотрел по сторонам. Разве сон может быть таким четким, таким подробным, таким продолжительным? Он где-то читал, что сны длятся в среднем не более пяти секунд и вызываются легкими раздражителями, влияющими на спящего. Кажущаяся продолжительность сна — это иллюзия.

Ничего себе утешение! Шварц отдернул рукав и посмотрел на часы. Секундная стрелка все время

двигалась. Если это сон, то пять секунд растянулись до бесконечности. Шварц бессознательно отер со лба холодный пот.

— А может, это амнезия?..

Не ответив себе на вопрос, он медленно закрыл лицо руками.

Может, когда он занес ногу над куклой, его память вылетела из того накатанного, хорошо смазанного желобка, по которому так долго и послушно двигалась? И через три месяца, осенью — а может, через год и три месяца, или десять лет и три месяца — вернулась к нему в этом незнакомом месте? Казалось бы, всего один шаг, и вот на тебе… Где же он тогда был в промежутке и что делал?

— Нет! — вырвалось у него. — Не может этого быть.

На нем была та же рубашка, которую он надел сегодня утром — в тот отрезок времени, что считал сегодняшним утром, — и эта рубашка была свежая.

Шварц вспомнил еще кое о чем, полез в карман пиджака, достал оттуда яблоко и надкусил его. Яблоко было сочное и еще сохранило прохладу — два часа назад Шварц взял его из холодильника, Два часа назад по его отсчету.

И как же быть с тряпичной куклой? Шварц почувствовал, что сходит с катушек. Нет, это все-таки сон… или он не в своем уме.

Только теперь до него дошло, что время дня тоже сдвинулось. Близился вечер, насколько возможно было судить по удлинившимся теням. Шварца вдруг охватил холод от окружающей его тишины и безлюдия.

Он мгновенно вскочил с земли. Первым делом нужно найти людей — хоть кого-нибудь. А заодно и жилье. Значит, надо искать дорогу.

И Шварц инстинктивно повернул туда, где деревья были пореже.

Вечерняя прохлада забиралась под пиджак, а кроны деревьев становились сумрачными и зловещими, когда он вышел на узкую полосу, мощенную укатанным щебнем, и устремился по ней, чуть не рыдая от облегчения и наслаждаясь тем, что ступает по твердой поверхности. Но дорога была пуста, куда ни посмотри, и у Шварца вновь сжалось сердце. Он надеялся на какую-нибудь машину, которую можно остановить и спросить водителя — в нетерпении он даже произнес это вслух: «Вы, случайно, не а Чикаго едете?»

А если это совсем не окрестности Чикаго? То-

гда в любой город, лишь бы там был телефон. У Шварца с собой было всего четыре доллара и тридцать семь центов, но ведь можно обратиться в полицию…

И Шварц все шел и шел по середине дороги, поглядывая то вперед, то назад и не замечая, что солнце садится, и появляются первые звезды.

Ни одной машины! И становится совсем темно.

Увидев слева на горизонте какое-то сияние, Шварц решил, что у него опять помутилось в голове. Небо в просветах между деревьями светилось холодным голубым огнем. Ничего похожего на дрожащий красный отсвет, который, по мнению Шварца, мог бы быть отражением лесного пожара — это было слабое, призрачное свечение. Щебень под ногами у Шварца тоже вспыхнул слабым светом. Шварц нагнулся и потрогал его — щебень на ощупь был как щебень, но все-таки чуть-чуть светился.

И Шварц, сам не зная зачем, вдруг бросился бежать, глухо и неровно топоча по дороге. Заметив, что все еще сжимает в руке порезанную куклу, он в бешенстве отшвырнул ее от себя. Злобная издевка, напоминающая о рухнувшей жизни…

Потом он в панике спохватился: все-таки кукла

может доказать, что он не сумасшедший, зря он ее выбросил. И стал ползать по земле, пока не нашел ее — темное пятнышко на чуть мерцающей дороге. Из нее торчали нитки, и Шварц рассеянно затолкал их обратно.

И снова пошел вперед, сказав себе: нечего бегать, не молоденький.

Жутко проголодался, а когда увидел в темноте огонек, поначалу испугался, но ненадолго.

Жилье, люди!

Шварц заорал, однако ему никто не ответил. И все же это был дом — светлая точка в кромешной жути последних часов. Шварц свернул с дороги и пошел напролом, прыгая через канавы, натыкаясь на деревья и продираясь через кусты. Потом перешел через ручей.

Странное дело — ручей тоже слабо светился, фосфоресцируя в темноте. Но Шварц отметил это лишь краем сознания.

Он подошел к дому и потрогал твердую белую стену. Это был не камень, не кирпич и не дерево, но Шварца это сейчас не волновало. Материал был похож на толстый фаянс. Впрочем, какая разница? Шварцу нужна была дверь, он нашел ее и, не видя звонка, стал бить в нее ногами и вопить, точно демон.

Он услышал какие-то шорохи внутри, услышал блаженную музыку человеческого голоса и снова завопил:

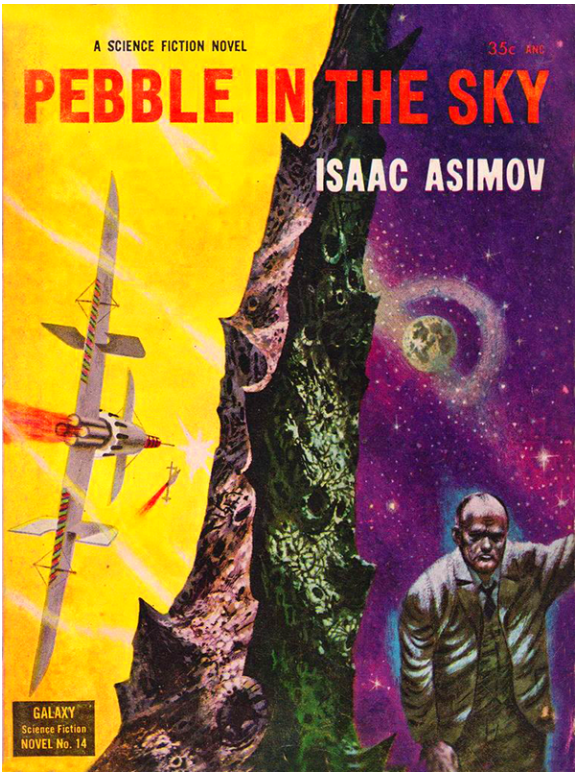
— Эй, люди!

Дверь, как видно, хорошо смазанная, со слабым шорохом открылась. На пороге появилась встревоженная женщина, высокая и жилистая. Позади нее маячила сухопарая фигура мрачного мужчины в рабочей одежде. Нет, не в рабочей. Шварц просто никогда не видел такой одежды, но она чем-то напомнила ему рабочую спецовку.

Анализировать было некогда. И эти люди, и их одежда казались ему прекрасными — лучшие друзья не могли быть ему милее в эту минуту.

Женщина произнесла что-то певучим, но строгим голосом, и Шварц ухватился за косяк, чтобы не упасть. Он беспомощно пошевелил губами, и липкий, глубоко запрятанный в нем страх ожил, прервал дыхание и стиснул сердце.

Женщина говорила на неизвестном ему языке.


A SCIENCE FICTION NOVEL
35c AND
PEBBLE IN THE SKY
ISAAC ASIMOV
GALAXY
Science Fiction
NOVEL No. 14

Глава вторая
Что делать с незнакомцем?

В тот вечер Лоа Марен и ее флегматичный муж Арбин играли в карты. Старик в инвалидном кресле сердито зашуршал газетой из своего угла и позвал:

— Арбин!

Арбин ответил не сразу — он обдумывал свой ход, выравнивая веер карт. Приняв решение, он рассеянно откликнулся:

— Чего тебе, Грю?

Седоголовый Грю свирепо глянул на зятя поверх газеты и снова зашуршал. Шуршанием он облегчал себе душу. Если тебя переполняет энергия, а ты прикован к инвалидному креслу и вместо ног у тебя две сухих палки, то надо же как-то, черт возьми, выражать свои чувства? Грю выражал их с помощью газеты. Он ею шуршал, жестикулировал, а то и хлопал по чему попало.

Грю знал, что повсюду, кроме Земли, текущие новости снимаются на микропленку, которую можно потом заправить в обычный книжный проектор, и презрительно ухмылялся про себя,

считая подобное новшество упадочным и дегенеративным.

— Читал — на Землю археологическую экспедицию посылают? — спросил он зятя.

— Нет, не читал, — спокойно ответил Арбин.

Это и так было ясно — газеты, кроме старика, никто еще не видел, а от видео семья в прошлом году отказалась. Вопрос Грю был своего рода гамбитом, начинающим партию.

— Посылают. Да еще за счет Империи. Как тебе это нравится? — И Грю начал читать, почему-то запинаясь на каждом слове, как большинство людей, читающих вслух: — «Бел Арвардан, старший научный сотрудник Имперского археологического института, заявил в интервью, данном «Галактик Пресс», что многого ожидает от археологических изысканий на планете Земля, расположенной на окраине сектора Сириуса (см. карту). “Земля, — сказал Арвардан, — с ее архаической культурой и уникальной экологией, представляет собой пример извращенной цивилизации, которой наши социологи слишком долго пренебрегали, рассматривая Землю лишь как трудный для управления объект. Я твердо уверен, что через год-другой в наших устоявшихся фундаментальных концепциях о социальной

эволюции и истории человечества произойдут революционные изменения”». И так далее, и так далее, — закончил Грю.

Арбин, слушавший краем уха, пробормотал:

— Почему это у нас извращенная цивилизация?

Лоа, которая совсем не слушала, напомнила мужу:

— Твой ход, Арбин.

— Спросил бы лучше, с чего «Трибьюн» это напечатала? Ты же знаешь, они и за миллион имперских кредиток не стали бы печатать сообщение «Галактик. Пресс» без особой на то причины. — Не дождавшись ответа, Грю продолжал; — Так вот, они сделали на этом передовицу. На всю полосу размахнулись, все кости перемыли несчастному Арвардану, Человек собирается сюда в научных целях, а они из кожи лезут, чтобы ему помешать. Поглядите только, какую демагогию они там развел». — Он потряс газетой. — Читайте же! Что ж вы не читаете?

Лоа отложила карты, плотно сжав свои тонкие губы.

— Отец, у нас был тяжелый день, может быть, отдохнем от политики? Отложим ее на потом? Прошу тебя, отец.

— «Прошу тебя, отец! Прошу тебя, отец!» — нахмурясь, передразнил ее Грю. — Видно, вам здорово надоел старый отец, раз вам жалко перемолвиться с ним парой слов о событиях дня. Понятно, что я вам мешаю: сижу тут в углу, а вам приходится работать за троих, А кто виноват? Я сильный. Я хочу работать. И вы знаете, что мои ноги можно вылечить, как новые были бы. — Грю звонко, с размаху хлопнул себя ладонями по ногам: звук он слышал, но ничего не чувствовал. — А не могу я их вылечить только потому, что я слишком стар и меня уже не стоит лечить. Как же не извращенная цивилизация? Как иначе назвать мир, где человек хочет работать, а ему не дают? Господи, пора уж нам перестать бубнить о своих «особенностях». Не особенности это, а вывихи! — Грю махал руками, весь багровый от гнева.

Арбин встал я крепко взял старика за плечо.

— Ну, чего ты так раскипятился, Грю? Когда ты дочитаешь газету, я прочту передовицу.

— Раз ты с ними согласен, что толку читать? Вы, молодые, все какие-то бесхребетные: блюстители вами вертят, как хотят.

— Тише, отец, — резко сказала Лов. — Не надо об этом. — И прислушалась, сама не зная к чему.

Арбина тоже будто что кольнуло, как всегда при упоминании Общества Блюстителей Старины. Опасно вести такие речи, как Грю: насмехаться над древней культурой Земли и тому подобное. Это же чистой воды ассимилянтизм. Тьфу, до чего мерзкое слово, даже когда произносишь его про себя. Во дни молодости Грю все болтали об отходе от старых обычаев, но сейчас не те времена. Грю следовало бы это понимать, да он и понимает, только нелегко вести себя рассудительно, когда ты прикован к инвалидному креслу и тебе остается одно: считать дни до следующей переписи.

Грю, не разделявший беспокойства дочери и зятя, все же умолк. После вспышки он успокоился, и газетный шрифт стал расплываться у него перед глазами. Не успев подвергнуть дотошному разбору спортивную страницу, он уронил голову на грудь и тихо захрапел, а газета выпала у него из рук, прошуршав на этот раз самостоятельно.

— Может, мы плохо к нему относимся? — тревожно шепнула Лоа. — Тяжело так жить такому человеку, как отец. По сравнению с его прежней жизнью это все равно что умереть.

— Жизнь, какую ни на есть, не сравнить со смертью, Лоа. У Грю остались его газеты и его книги. Не обращай внимания. Ему только на

пользу немного погорячиться. Теперь он на пару дней уймется и будет доволен.

Арбин снова разобрал свои карты и только собрался пойти, как в дверь забарабанили и раздались какие-то неразборчивые хриплые вопли. Арбин отдернул руку, а Лоа в испуге, с дрожащими губами уставилась на мужа.

— Убери отсюда Грю, — скомандовал Арбин. — Быстро!

Лоа взялась за спинку кресла, успокоительно нашептывая что-то старику, но тот вздрогнул и проснулся, как только его сдвинули с места. Выпрямившись, он машинально схватился за газету и раздраженно, отнюдь не шепотом, спросил:

— В чем дело?

— Ш-ш. Все в порядке, — уклончиво ответила Лоа, выкатывая кресло в другую комнату.

Она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, не сводя испуганных глаз с мужа и бурно дыша плоской грудью. Стук раздался снова…

Открывая дверь, они встали рядом, будто ища друг у друга защиты, и неприветливо встретили маленького толстого человечка, который слабо улыбался им.

— Что вам угодно? — с церемонной учтивостью спросила Лоа и тут же отпрянула: человек покач-

нулся и вытянул руку вперед, чтобы не упасть.

— Больной он, что ли? — растерялся Арбин. — Ну-ка, помоги мне завести его в дом.

Несколько часов спустя, когда супруги готовились ко сну, Лоа сказала:

— Арбин…

— Что?

— А это не опасно?

— Что не опасно? — переспросил он, будто не понимая.

— Ну, то, что мы взяли этого человека в дом. Кто он такой?

— А я почем знаю? — буркнул муж. — Не могли же мы отказать в приюте больному человеку. Завтра, если он не предъявит удостоверения, сообщим в ближайший отдел безопасности, и дело с концом.

Он отвернулся, явно не желая продолжать разговор. Но тонкий голос жены не давал ему покоя.

— А ты не думаешь, что он агент Общества Блюстителей? И пришел из-за Грю?

— Из-за того, что Грю говорил вечером? Ну, это просто глупо, не стоит и обсуждать.

— Сам знаешь, я не о том говорю. Мы уже два года нелегально содержим Грю и тем нарушаем самый строгий из Наказов.

— Ничего плохого мы не делаем. Мы же выполняем норму, хотя она рассчитана на троих работников? С чего тогда нас подозревать? Мы Грю даже из дому не выпускаем.

— Их могло навести на след инвалидное кресло. Тебе ведь пришлось покупать и мотор, и другие детали.

— Да не начинай ты снова, Лоа, Я тысячу раз объяснял, что покупал только стандартное кухонное оборудование. И какой смысл Братству посылать сюда тайного агента? Думаешь, они стали бы так изощряться из-за несчастного старого инвалида, как будто не могут прийти днем с ордером на обыск? Подумай сама.

— Ну, тогда, Арбин, — вдруг загорелась Лоа, — если ты правда так думаешь, а я надеюсь, что да, тогда он чужак. Не может он быть землянином.

— То есть как не может? Еще чего выдумала. Что делать гражданину Империи на Земле?

— Не знаю! Вдруг он совершил преступление там, у себя? А что? — ухватилась Лоа за свою идею. — Все сходится. Где ему скрываться, как не на Земле? Кто его тут будет искать?

— Это в том случае, если он вправду чужак. Чем ты это докажешь?

— Языка-то он не знает! Ты ведь не станешь

отрицать, что ни слова не понял из того, что он говорит? Значит, он откуда-то с задворок Галактики, где говорят на своем диалекте. Я слышала, жителям Фомальгаута приходится заново учить язык, чтобы объясниться при дворе императора на Тренторе. Ты не видишь разве, что из этого следует? Если он иномирец, значит не зарегистрирован в Комитете Переписи Населения и регистрироваться ему там совсем ни к чему. Можем оставить его на ферме, пусть работает вместо отца, и нас опять будет трое, а не двое — впереди ведь новый сезон, а норму надо выполнять. Может помочь нам прямо сейчас, с уборкой.

И Лоа выжидающе уставилась на мужа, который поразмыслив сказал:

— Ложись-ка спать, Лоа. Утро вечера мудренее.

Шепот прекратился, свет погас, и все в доме заснуло.

Утром разбирательством дела, в свою очередь, занялся Грю. Арбин обратился к нему, доверяя старику больше, чем себе.

— Все ваши беды оттого, Арбин, — сказал Грю, — что я числюсь в работниках и наша норма рассчитана на троих. Надоело мне быть причиной ваших забот. И так уж второй год зря живу на свете. Все, хватит.

— Да вовсе не в этом дело, — смутился Арбин, — Я не собирался тебе намекать, что ты нам в тягость.

— А, какая разница! Через два года перепись — так и так мне конец.

— По крайней мере, ты еще два года сможешь читать свои книги и наслаждаться отдыхом. С какой стати лишать себя этого?

— С такой стати, что других лишают. А вы с Лоа? Когда придут за мной, то и вас заберут. Что же я буду за человек, если растяну свою поганую жизнь такой ценой?

— Перестань, Грю. Нечего тут спектакли разыгрывать. Мы тебе сто раз говорили, что мы сделаем — заявим о тебе за неделю до переписи.

— Надуете врача?

— Дадим ему взятку.

— Хм-м. Пришелец-то удвоит вашу вину — вам придется скрывать и его тоже.

— Его мы отпустим. Космоса ради, зачем нам сейчас ломать над этим голову? У нас еще два года впереди. Что мне делать с этим человеком?

— Незнакомец, — задумался Грю. — Стучит в дверь, неизвестно откуда явился, говорит непонятно. Не знаю, что посоветовать.

— Он человек смирный и, кажется, напуган до

смерти. Вреда от него не будет.

— Напуган, говоришь? А может, он слабоумный? И говорит не на чужом языке, а просто бормочет по-идиотски?

— Непохоже что-то, — обеспокоился Арбин.

— Ты говоришь так потому, что хочешь его использовать. Ладно, я скажу тебе, что с ним делать. Свези его в город.

— В Чику? — ужаснулся Арбин. — Это же верная гибель.

— Ничего подобного, — спокойно ответил Грю. — Вся беда в том, что ты газет не читаешь. Но я-то их читаю, к счастью для этой семьи. Так вот: в Институте ядерных исследований изобрели прибор, который будто бы усиливает способности человека к обучению. В воскресном приложении была об этом статья на всю полосу. Они приглашают добровольцев. Вот и сдай его, как добровольца.

Арбин решительно замотал головой.

— Ты с ума сошел. Не могу я этого сделать. Первым делом у меня спросят его регистрационный номер. Начнут разбираться — кто да почему, так и до тебя доберутся.

— Разбираться никто не будет. Ты все неправильно понимаешь, Арбин. Институту нужны

добровольцы, потому что машина у них пока в опытной стадии, и несколько человек вроде бы уже погибло — поэтому я уверен, что вопросов задавать не будут. А если этот бедняге умрет, то ему, пожалуй, хуже, чем теперь, не будет. Дай-ка мне, Арбин, книжный проектор, поставь на шестую часть. И принеси газету, как только придет, ладно?

Когда Шварц открыл глаза, было уже за полдень. Сердце сжимала непрекращающаяся тупая боль — оттого, что он проснулся, а рядом нет жены, оттого, что исчез его мир.

Он уже испытал когда-то такую боль — вспышка памяти с осязательной четкостью вызвала перед Шварцем забытое прошлое. Он стоит мальчишкой в заснеженной деревне, и его ждут сани, чтобы везти к поезду, а поезд отвезет его на корабль.

Невыносимая тоска по привычному миру на миг сроднила Шварца с тем двадцатилетним парнем, который эмигрировал в Америку.

Тоска была слишком реальна — она не могла быть сном.

Шварц подскочил — над дверью мигнул свет и баритон хозяина дома произнес что-то. Дверь открылась, и Шварцу принесли завтрак — жидкую

кашицу неизвестного происхождения, но чем-то напоминавшую кукурузную, и молоко.

— Спасибо, — сказал Шварц и энергично закивал головой.

Фермер что-то ответил и снял рубашку Шварца со спинки стула. Он изучил ее вдоль и поперек, обратив особое внимание на пуговицы, потом повесил обратно и отодвинул скользящую дверь ванной. Шварц впервые обратил внимание на теплую молочную белизну стен.

«Пластик» — сказал он себе, по-дилетантски довольствуясь этим всеобъемлющим понятием.

Еще он заметил, что в комнате нет никаких углов — плоскости переходили одна в другую плавно и закругленно.

Хозяин протягивал Шварцу его вещи, вполне определенными жестами предлагая ему умыться и одеться.

Шварц проделал это, пользуясь хозяйской помощью и руководством. Вот только побриться было нечем, а жесты вокруг подбородка лишь вызвали заметное отвращение у фермера. Шварц поскреб седую щетину и тяжко вздохнул.

Фермер привел его к маленькой, продолговатой двухколесной машине и жестом пригласил сесть. Земля замелькала под колесами, пустая дорога

начала разматываться назад, и наконец Шварц увидел впереди низкие, белые, как сахар, здания, а вдалеке — голубую полоску воды.

— Чикаго? — с жаром спросил он.

Это была последняя вспышка надежды — то, что он видел, совсем не походило на Чикаго. Фермер ничего не ответил. И последняя надежда умерла.

Глава третья
Один мир или множество миров?

Бел Арвардан, только что дав свое интервью об экспедиции на Землю, чувствовал себя в мире со всей сотней миллионов планет, составляющих Галактическую Империю. Речь шла не о том, чтобы завоевать известность в одном из секторов. Если его теория относительно Земли будет доказана, его имя станет известно на каждой планете Млечного Пути, которую заселил человек за сотни тысяч лет своей экспансии в космосе.

Первые высоты на пути к славе, эти горные пики науки, Арвардан завоевал рано, но не без борьбы, и, едва достигнув тридцати пяти лет, уже имел в ученом мире весьма скандальную репутацию. Все началось со взрыва, потрясшего стены Арктурского университета, когда в беспрецедентном возрасте двадцати трех лет Арвардан получил там диплом археолога. Взрыв — нематериальный, но оттого не менее мощный — грянул, когда «Журнал Галактического археологического общества» отказался опубликовать дипломную работу Арвардана. В первый раз за всю историю

университета была отвергнута чья-то дипломная работа. И в первый раз за всю историю солидного научного журнала отказ был составлен в столь резких выражениях.

Неспециалисту показалось бы загадочным столь бурное возмущение, вызванное тоненькой сухой брошюркой под названием «О датировке артефактов сирианского сектора применительно к радиальной гипотезе происхождения человечества». Все дело было в том, что Арвардан объявил себя сторонником одной мистической гипотезы, относившейся скорее к метафизике, нежели к археологии. Она утверждала, что человечество зародилось на одной-единственной планете, откуда и распространилось постепенно по всей Галактике. Это была излюбленная теория фантастов того времени, которая на каждого уважающего себя археолога Империи действовала, как красная тряпка на быка.

Однако в последующие десять лет Арвардан заставил считаться с собой маститых ученых, сделавшись специалистом по доимперским культурам, сохранившимся еще кое-где в закоулках Галактики.

Так, он написал монографию о механистической цивилизации сектора Ригеля, где труд

роботов создал уникальную культуру, просуществовавшую несколько веков. Однако в конце концов само совершенство механических рабов настолько свело к нулю человеческую инициативу ригелян, что лорд-воитель Мори со своим флотом легко одержал над ними победу.

Ортодоксальная археология придерживалась мнения, что человеческие расы развивались независимо друг от друга на разных планетах, нетипичные же цивилизации, подобные ригельской, считались примерами расовых различий, которых еще не успели сгладить смешанные браки.

Арвардан убедительно опровергнул эту концепцию, доказав, что ригельская робокультура — это плод естественного развития социальных и экономических сил, действовавших в то время и в том регионе.

Затем Арвардан занялся варварскими мирами Змееносца, которые ортодоксы считали областью запоздалого развития человечества, еще не достигшей стадии межзвездных перелетов. Во всех учебниках эти миры служили подтверждением теории Мергера, объявлявшей человека естественным продуктом эволюции в любом мире, где есть водно-кислородная среда, соответствую-

щая температура и гравитация. Теория Мергера утверждала также, что все подвиды человечества могут вступать друг с другом в брак и что смешанные браки стали совершаться в эпоху межзвездных перелетов.

Однако Арвардан открыл следы ранней цивилизации, предшествовавшей тысячелетнему примитивному состоянию миров Змееносца, а в древних памятниках этих планет нашел свидетельства существования межзвездной торговли. И в качестве завершенного штриха наглядно продемонстрировал, что человек, в древности обитавший на Змееносце, был человеком высокоцивилизованным.

Лишь тогда «Журнал Галактического археологического общества» решился напечатать дипломную работу Арвардана — через десять лет после ее создания.

И вот теперь излюбленная идея Арвардана привела его на самую, пожалуй, заштатную планету всей Империи — на Землю.

Арвардан приземлился в единственном имперском поселении на всей планете, среди безлюдных плато северных Гималаев. Здесь, в не знавших радиации краях, сиял чертог неземной, в полном смысле слова, красоты, — хотя и

представлявший собой, собственно, всего лишь копию вице-королевского дворца из другого, более удачливого мира. Дворец был окружен пышной растительностью на радость его обитателям. Угрюмые скалы они покрыли слоем почвы, оросили, окутали искусственной атмосферой и климатом и создали пять квадратных миль парков и лужаек.

На все это ушло ужасающее, по земным понятиям, количество энергии, но ресурсы Империи были неисчерпаемы — в нее входили десятки миллионов планет, число которых все возрастало: статистика утверждала, что на восемьсот двадцать седьмом году Галактической Эры в среднем по пятьдесят планет ежедневно получали статус провинции, а для этого требовалось население не ниже пятисот миллионов.

В этом неземном оазисе жил прокуратор Земли, который мог порой среди этой рукотворной роскоши позабыть, что он правит столь захолустным миром, и вспомнить, что он принадлежит к древнему и прославленному аристократическому роду.

Жена его, пожалуй, реже поддавалась иллюзиям, особенно когда видела вдали, взойдя на травяной пригорок, резкую границу, отделявшую

их земли от общего запустения планеты. И тогда ни разноцветные фонтаны, ночью светившиеся как холодное текучее пламя, ни обсаженные цветами аллеи, ни идиллические рощи не могли подсластить ей горечь изгнания.

Поэтому Арвардана встретили гораздо радушнее, чем предусматривалось протоколом — ведь он нес с собой дыхание Империи, ее просторов, ее беспредельности.

Арвардан, в свою очередь, восхищался всем, что его окружало.

— Как прекрасно у вас здесь все устроено, с каким вкусом! Просто удивительно, как пронизывает имперская культура самые отдаленные уголки Галактики, лорд Энниус.

— Боюсь, что при дворе прокуратора Земли приятнее гостить, чем жить постоянно, — улыбнулся Энниус. — Это всего лишь раковина, которая отзывается пустотой, если ее тронуть. Моя семья, персонал, имперские гарнизоны здесь и в крупнейших городах Земли да случайные посетители вроде вас — вот и вся имперская культура. Вряд ли этого достаточно.

Они сидели под колоннадой. День угасал, солнце закатывалось за окутанные пурпурным туманом зубцы на горизонте, и воздух был так

насыщен ароматами, что с трудом выжимал из себя редкие дуновения.

Прокуратору не совсем подобало проявлять слишком большое любопытство к деятельности своего гостя, но надо же было принять во внимание нечеловечески долгую оторванность его от Империи!

— Вы предполагаете задержаться здесь на некоторое время, доктор Арвардан? — спросил он.

— Вот этого не могу вам сказать, лорд Энниус. Я опередил свою экспедицию, чтобы выполнить необходимые формальности. Мне нужно, например, получить от вас официальное разрешение на разбивку лагеря в определенных местах и на посещение интересных для меня объектов.

— Разумеется, разумеется! Но когда вы начнете раскопки? И что вы такое ожидаете найти в этой несчастной куче булыжника?

— Надеюсь разбить лагерь через несколько месяцев, если все пойдет хорошо. Но почему вы называете эту планету кучей булыжника? Ведь это абсолютно уникальное явление в Галактике.

— Уникальное? — надменно произнес прокуратор. — Ничего подобного! Самый заурядный мир. Не мир, а свинарник, жуткая дыра, выгребная яма, можете сами подобрать любой нелестный

эпитет. Но при всей этой тошнотворности его даже уникально мерзким назвать нельзя — просто заурядный, скотский, крестьянский мир.

— Но ведь этот мир радиоактивен, — ответил Арвардан, слегка озадаченный горячностью прокуратора.

— Ну так что же? В Галактике тысячи радиоактивных планет, и кое-где радиация гораздо выше, чем на Земле.

В это время к ним плавно подъехал передвижной погребец, остановившись в пределах досягаемости.

— Что вы предпочитаете? — спросил Энниус археолога.

— О, все равно. Может быть, лимонный коктейль?

— Сделайте милость. Все необходимые ингредиенты имеются. С ченси или без?

— Самую чуточку, — показал Арвардан, почти сведя вместе большой и указательный пальцы.

— Через минуту будет готово.

Где-то в недрах погребца, этого популярного повсюду детища человеческой изобретательности, заработал бармен — электронный бармен, который смешивал напитки не на глазок, но с точностью до атома, каждый раз достигая совер-

шенства. Ни один человек, каким бы артистом своего дела ни был он, не смог бы с ним состязаться.

Затем откуда-то из потаенных глубин выплыли высокие бокалы.

Арвардан взял зеленый и на миг приложил его к щеке, чтобы ощутить холодок, а потом поднес к губам.

— Как раз в меру. — Он поставил бокал на подставку, устроенную на подлокотнике кресла. — Вы правы, прокуратор, есть тысячи радиоактивных планет, но только одна из них обитаема — вот эта самая.

— Что ж, — Энниус отпил, смакуя свой напиток и немного смягчаясь от его бархатистого вкуса, — В этом смысле она, пожалуй, уникальна. Но этакой уникальности не позавидуешь.

— Дело не только в статистике, — продолжал Арвардан, попивая свой коктейль, — Вопрос гораздо обширнее и открывает громадные возможности для размышлений. Биологи доказали — или утверждают, что доказали, — будто на планете, где радиоактивность атмосферы и океана превышает определенную величину, жизнь не может развиться. Так вот, радиоактивность Земли значительно превышает эту цифру.

— Интересно, я этого не знал. По моему разумению, это должно служить убедительным доказательством того, что земляне в корне отличаются от всех прочих жителей Галактики. Вам это, наверное, на руку, вы ведь сирианин. — Энниус сардонически хмыкнул и произнес доверительно: — Знаете самую большую трудность, с которой я сталкиваюсь, управляя Землей? Это сильнейший антитеррализм, повсеместно существующий в секторе Сириуса, За который земляне платят той же монетой. Я не хочу, конечно, сказать, что антитеррализм в более или менее острой форме не распространен по всей Галактике, но Сириус стоит особняком.

— Лорд Энниус, я отрицаю свою причастность к этому, — с жаром ответил Арвардан. — Нетерпимости во мне меньше, чем в ком бы то ни было. Как ученый, я всей душой верю в единство человечества и отношу к этому единству даже и землян. Жизнь в основе своей одинакова — вся она основана на коллоидном растворе протеинов, который мы называем протоплазмой. Эффект радиоактивности, о котором я только что говорил, относится не только к определенному виду человечества или к определенным формам жизни. Он относится ко всем формам жизни, поскольку

вытекает из квантовой механики протеиновых молекул. Он относится и ко мне, и к вам, и к землянам, и к паукам, и к бактериям. Ведь что такое протеины? Как вам, наверное, известно и без меня, это чрезвычайно сложные соединения аминокислот с разными другими компонентами, образующие замысловатые трехмерные фигуры, столь же неустойчивые, как солнечный луч в пасмурный день. Эта неустойчивость и есть жизнь — ведь она постоянно колеблется, чтобы сохранить себя, подобно тросточке на носу акробата. И это чудодейственное вещество, протеин, сначала должно возникнуть из неорганической материи — лишь тогда зарождается жизнь. И вот в самом начале, под влиянием лучистой энергии солнца, органические молекулы гигантского раствора, который мы называем океаном, начинают усложняться. Один путь ведет от метана к формальдегиду, а затем к сахарам и крахмалам, другой путь — от мочевины к аминокислотам и протеинам. Все эти атомы соединяются и распадаются, конечно, чисто случайно: в одном мире процесс может длиться миллионы лет, в другом — всего несколько сот. Гораздо вероятнее, разумеется, что процесс будет продолжаться миллионы лет, а еще вероятнее, что дело кончится ничем.

Современная физическая химия точно воссоздала всю цепочку необходимых реакций и рассчитала, сколько на них затрачивается энергии, то есть сколько энергии нужно для перемещения каждого атома. Так вот, не остается никаких сомнений, что критические стадии зарождения, жизни требуют как раз отсутствия лучевой энергии. Вам это покажется странным, прокуратор, но фотохимия — наука о химических реакциях под влиянием лучевой энергии — сейчас получила большое развитие, и она доказывает нам, что и самая простая реакция может пойти в двух противоположных направлениях в зависимости от того, влияет на нее квантовая энергия света или нет. В обычных мирах единственный или, по крайней мере, главный источник лучевой энергии — это солнце. Под покровом облаков или ночью углерод и азот слагаются и разлагаются по-своему, пользуясь отсутствием импульсов энергии, которые солнце излучает, точно пускает шары в неисчислимую массу бесконечно малых кеглей. Но в радиоактивных мирах, светит там солнце или не светит, каждая капля воды, хоть ночью, хоть на пятимильной глубине, излучает всепроникающие гамма-лучи, которые бодают атомы углерода активизируют их, как выража-

ются химики, — и ключевые реакции идут по пути, на котором жизнь никогда не зародится.

Арвардан допил свой бокал и поставил его на погребец. Машина тут же втянула его внутрь, чтобы помыть, стерилизовать и подготовить к следующему заказу.

— Не хотите ли еще? — спросил Энниус.

— Спросите меня об этом после обеда. Пока что с меня вполне достаточно.

Энниус, постукивая заостренным ногтем по ручке кресла, сказал:

— Вы рассказываете захватывающие вещи, но, если все обстоит именно так, как же тогда Земля? Как могла зародиться жизнь на ней?

— Ага, видите — вот и вас это заинтересовало. Я думаю, что ответ очень прост. Радиоактивность выше уровня, допускающего создание жизни, все же недостаточно высока, чтобы уничтожить уже существующую жизнь. Жизнь может видоизменяться, но не погибнет, если избыток радиации не слишком уж огромен. Понимаете, тут совсем другая химия. Одно дело — помешать соединяться простым молекулам, другое — разрушить уже сложившиеся молекулярные конструкции. Это совсем не одно и то же.

— Я не улавливаю, что же из этого следует?

— Разве это не очевидно? Жизнь на Земле возникла *до того,* как планета стала радиоактивной. Дорогой мой прокуратор, это единственное возможное объяснение, иначе пришлось бы отвергнуть или факт существования жизни на Земле, или половину химической науки.

— Вы серьезно? — недоверчиво спросил Энниус.

— А почему бы и нет?

— Да как же может планета *стать* радиоактивной? Радиоактивные элементы живут в коре планеты миллионы и биллионы лет, так меня учили в университете на моем курсе юриспруденции. Они должны были так же спокойно лежать и в глубокой древности.

— Но ведь существует искусственная радиация, прокуратор, уровень которой может достигать огромных величин. Есть тысячи ядерных реакций, при которых создаются различные радиоактивные изотопы. И если предположить, что люди здесь использовали ядерную энергию в промышленных, а то и в военных целях — насколько допустимы военные действия в пределах одной планеты, — то почти весь верхний слой почвы мог в результате стать радиоактивным. Что вы на это скажете?

Солнце заливало кровавым светом горные вершины, бросая красный отблеск на худощавое лицо Энниуса. Подул легкий вечерний бриз, и сонное жужжание тщательно подобранных парковых насекомых стало еще успокоительней.

— По-моему, слишком натянуто, — сказал Энниус. — Начнем с того, что я не допускаю применения ядерного оружия и не допускаю, что оно в такой степени может выйти из-под контроля…

— Естественно — вы недооцениваете ядерную реакцию, поскольку живете в такое время, когда она легко контролируется. Но если кто-нибудь — а то и целая армия — применил ядерное оружие еще до тога, как против него была создана защита? Это все равно что бросать зажигательные бомбы туда, где не знают, как тушить их — водой или песком.

— Хм-м… Вы говорите прямо как Шект.

— А кто такой Шект?

— Один землянин. Один из немногих приличных землян, с которыми не стыдно поговорить воспитанному человеку. Он физик. Однажды он мне сказал, что Земля, возможно, не всегда была радиоактивна.

— Ага… Ну, в этом нет ничего удивительного. Ведь свою теорию я не выдумал, а почерпнул из

Древней книги, в которой излагается мифическая история доисторической Земли. Я только повторяю ее текст — разве что перевожу несколько туманную фразеологию в соответствующие научные термины.

— Древняя книга? — удивился и чуть насторожился Энниус. — Но где вы ее взяли?

— Собирал отрывки там и сям — это было непросто. Вся эта каноническая информация о нерадиоактивном мире крайне важна для моего проекта, хотя совершенно ненаучна… А почему вы спрашиваете?

— Потому что это Священная книга одной радикальной земной секты. Иномирцам ее читать запрещено. Я бы на вашем месте, пока вы здесь, не афишировал бы, что с ней знаком. Галактиан, или чужаков, как они зовут нас, казнили без суда и за меньшие провинности.

— Послушать вас, так имперская полиция здесь бессильна.

— Когда речь идет о святотатстве — да, бессильна. Мудрый да услышит, доктор Аврадан!

В воздухе прозвучал мелодичный звон, гармонично слился с шелестом листьев и медленно угас, точно жалея расстаться со всем, что было вокруг.

— Кажется, время обедать, — поднялся Энниус. — Не угодно ли последовать за мной и отведать того, что мы можем предложить вам в нашей скорлупке Империи?

Гости к обеду случались в резиденции не часто, и ее обитателям не часто представлялась возможность блеснуть. Поэтому блюда были многочисленны, обстановка изысканна, мужчины элегантны, а женщины обворожительны. Надо добавить, что доктор Арвардан с Баронны Сириуса был бесспорным львом общества — было от чего закружиться голове.

Арвардан не преминул в конце банкета поделиться с присутствующими многим из того, о чем говорил Энниусу, но тут его успех был далеко не столь велик.

Цветущий господин в мундире полковника, перегнувшись к Арвардану с тем снисхождением, которое военные всегда питают к ученым, сказал:

— Если я вас правильно понял, доктор Арвардан, вы пытаетесь нам доказать, что эти собаки-земляне принадлежат к древней расе, от которой, возможно, произошло все человечество?

— Не решаюсь утверждать это прямо, полковник, но думаю, что определенные предпосылки

к этому есть. Через год я положительно надеюсь высказать свое окончательное суждение.

— Если вы обнаружите, что это действительно так, в чем я сильно сомневаюсь, вы меня крайне удивите. Я служу на Земле уже четыре года и приобрел некоторый опыт. По мне, все земляне — негодяи и воры, все до единого. И определенно ниже нас по интеллекту. Им не хватает той искры, что позволила человеку расселиться по всей Галактике. Они ленивы, суеверны, жадны и совершенно лишены душевного благородства. Покажите мне землянина, который хоть в чем-то может сравниться с истинным человеком — например, со мной или с вами, — лишь тогда я соглашусь с тем, что это представитель расы наших предков. А до тех пор избавьте меня, пожалуйста, от подобных утверждений.

Дородный мужчина с другого конца стола добавил:

— Говорят, что хороший землянин — это мертвый землянин, да и тот воняет, — и громко расхохотался.

Арвардан, хмуро уставившись в свою тарелку, сказал:

— У меня нет желания обсуждать расовые различия, тем более что к нашей теме это не

относится. Я говорю о древних землянах. Их потомки долго жили в изоляции и подвергались воздействию неординарной окружающей среды, но я не стал бы небрежно отмахиваться даже и от них. Милорд, вы недавно упомянули об одном землянине…

— Вот как?! Не припомню.

— О физике по имени Шект.

— Ах да.

— Его зовут не Аффрет Шект?

— Именно так. Вы уже слышали о нем?

— Кажется, да. Это мучило меня весь обед, с тех пор как вы его назвали, но теперь я, кажется, вспомнил. Он работает, случайно, не в Институте ядерных исследований в… как же называется этот проклятый город? — Арвардан пару раз ударил ладонью по лбу. — В Чике!

— Это именно он. А что вы о нем слышали?

— В августовском номере «Физического обозрения» была его статья. Я это запомнил, потому что искал все, что связано с Землей, а земляне очень редко печатаются в галактических журналах. Автор пишет, что изобрел некий прибор, названный им «синапсатор», который якобы повышает способность нервной системы млекопитающих к восприятию.

— Правда? — нервно откликнулся Энниус. — Я не слышал.

Могу найти вам эту статью. Она весьма интересна, хотя не могу претендовать на то, что понял формулы, которые в ней приводятся. Говоря попросту, автор провел опыты на каких-то земных животных, кажется, они называются крысы. Он синапсировал их, а затем запустил в лабиринт. Ну, вы знаете: животному нужно найти выход из маленького лабиринта, чтобы добраться до еды. И оказалось, что синапсированные крысы в каждом случае находят выход втрое быстрее, чем контрольные крысы, не подвергавшиеся обработке. Понимаете, полковник, к чему я это говорю?

— Нет, доктор, не понимаю, — равнодушно ответил тот.

— Тогда объясню. Я твердо верю, что ученый, способный проделать такую работу, хотя бы и землянин, безусловно равен мне по интеллекту, мягко говоря, и, если вы простите мне подобную вольность, равен также и вам.

— Простите, доктор Арвардан, — вмешался Энниус. — Я бы хотел вернуться к синапсатору. Шект не испытывал его на людях?

— Сомневаюсь, лорд Энниус, — засмеялся Арвардан. — Девять десятых синапсированных

крыс во время опыта подохли. Вряд ли он решится экспериментировать на людях, пока не усовершенствует свое открытие.

Энниус слегка нахмурился. До самого конца обеда он молчал и ничего не ел.

Незадолго до полуночи прокуратор незаметно оставил общество, сказав лишь пару слов жене, и отправился на личном стратоплане в двухчасовой полет до города Чики, все так же слегка хмурясь. Его душу переполняла тревога.

Поэтому в тот день, когда Арбин Марей привез Джозефа Шварца в Чику, чтобы испытать на нем синапсатор, создатель синапсатора Шект провел целый час в доверительной беседе с самим прокуратором Земли.

Глава четвертая
Открытие

Арбин чувствовал себя в Чике, словно во вражеском окружении. Где-то в городе, одном из самых больших на Земле — говорили, что в нем целых пятьдесят тысяч населения, — где-то в Чике жили чиновники великой Империи.

Арбину никогда еще не доводилось видеть иномирца, и в Чике он все время вертел головой, боясь, что это случится, Он бы, хоть убей, не сумел ответить, как отличит чужака от землянина, даже если увидит его, но нутром чуял, что разница есть.

Входя в Институт, он оглянулся через плечо. При двухколеске он оставил талон на право шестичасовой стоянки. Разве такая расточительность не подозрительна сама по себе? Сейчас Арбин всего боялся. Кругом было полно глаз и ушей.

Только бы незнакомец не вылезал из-под заднего сиденья. Кивать-то он кивал, но вот понял ли? Арбин вдруг обозлился на самого себя. И зачем он позволил Грю втянуть себя в это безумство?

Тут перед ним открылась дверь и чей-то голос спросил:

— Что вам угодно?

В голосе звучало нетерпение — должно быть, секретарша спрашивала его уже несколько раз.

Арбин в свою очередь хрипло спросил ее — слова царапали горло, как сухой песок:

— Это здесь записывают на синапсатор?

— Распишитесь вот здесь, — сказала секретарша, бросив на него острый взгляд.

Арбин заложил руки за спину и повторил:

— Где мне узнать насчет синапсатора?

Грю говорил ему, кого надо спрашивать, но фамилия, как назло, вылетела из головы.

Секретарша ответила с металлом в голосе:

— Ничем не могу помочь, пока не распишетесь в книге для посетителей. Таковы наши правила.

Арбин молча повернулся и пошел к выходу. Женщина стиснула губы и энергично нажала ногой на сигнальную кнопку рядом со стулом.

Арбин понял, что его попытка сохранить анонимность потерпела полный крах. Девушка хорошо присмотрелась к нему — она его и через тысячу лет узнает. Его обуревало желание бежать — сначала к машине, а потом на ферму.

К нему приблизилась фигура в белом халате, и

он услышал слова секретарши:

— Доброволец на синапсатор, госпожа Шект. Не желает назвать себя.

Арбин посмотрел — еще одна девушка, молодая.

— Это вы занимаетесь опытами, барышня? — встревожился он.

— Нет, не я. — Она дружески улыбнулась, и тревога немного отпустила Арбина. — Но могу вас отвести к тому, кто занимается. Вы действительно доброволец?

— Я просто хочу поговорить с человеком, который занимается опытами, — повторил Арбин словно деревянный.

— Хорошо.

Девушку как будто не смутила его несговорчивость. Она скрылась за дверью, из которой раньше вышла, и вскоре поманила Арбина пальцем. С бьющимся сердцем он прошел за ней в небольшую приемную.

— Если вы подождете с полчаса, доктор Шект вас примет, — приветливо сказала девушка, — Сейчас он очень занят. Хотите, я принесу вам книгофильмы и проектор?

Арбин потряс головой. Стены комнаты точно сомкнулись вокруг него — ему казалось, что он

и пальцем не смог бы пошевелить, А вдруг он в ловушке, и сейчас за ним придут блюстители?

Никогда в жизни Арбину не приходилось так долго ждать.

Лорду Энниусу, прокуратору Земли, нетрудно было встретиться с доктором Шектом, но эта встреча стоила ему немалых волнений. На четвертом году прокураторства визит в Чику все еще оставался для Энниуса событием. Как полномочный представитель далекого императора на планете он по своему положению официально стоял наравне с вице-королями огромных секторов Галактики, озарявших сотни кубических парсеков, но на деле его пост мало чем отличался от изгнания.

Живя в бесплодной пустоте Гималаев, в окружении народа, ненавидевшего бесплодной ненавистью и его, и всю Империю, прокуратор был рад даже и поездке в Чику.

Правда, он позволял себе только короткие вылазки — и неудивительно: в Чике ему приходилось все время носить пропитанную свинцом одежду, даже спать в ней, а что еще хуже — постоянно пичкать себя метаболином. Прокуратор горько жаловался на это Шекту.

— Метаболин, — говорил он, рассматривая яр-

ко-красную пилюлю, — для меня, можно сказать, символ вашей планеты, друг мой. Он ускоряет все процессы обмена веществ, пока я сижу здесь в облаке радиации, которую вы даже не замечаете. — Он проглотил таблетку. — Ну вот. Теперь мое сердце забьется быстрее, дыхание заработает на всю катушку, а в печени забурлит химический синтез, который делает ее, как мне говорили медики, важнейшей фабрикой тела. И за все это я потом расплачиваюсь головными болями и слабостью.

Доктор Шект в душе веселился, слушая его. Шект был близорук — это сразу бросалось в глаза. Не потому, что он носил очки или как-то страдал из-за этого, а потому, что невольно приобрел привычку тщательно рассматривать все вблизи.

Доктор был пожилой человек, высокий, тощий, слегка сутулый. Был рассудительным, основательно взвешивал факты, прежде чем что-то сказать.

Благодаря своему широкому кругозору и хорошему знакомству с галактической культурой доктор был относительно свободен от враждебности и подозрительности, которые делали среднего землянина столь отталкивающим в глазах даже такого космополита, как Энниус.

— Я уверен, что эти пилюли вам не нужны, — сказал Шект. — Метаболин — всего лишь один из ваших предрассудков, и вы это знаете. Если бы я без вашего ведома заменил его сахарным драже, хуже бы нам не стало. Более того, ваша психосоматика вызвала бы потом у вас положенные головные боли.

— Вы говорите это потому, что сами в родной среде чувствуете себя комфортно. Вы же не станете отрицать, что обмен у вас идет быстрее, чем у меня?

— Конечно, не стану, но какое это имеет значение? Я знаю, Энниус, в Империи распространен предрассудок, будто бы земляне отличаются от прочих людей, но в основе своей это не так. Впрочем, если вы прибыли сюда как миссионер антитеррализма, тогда другое дело.

Энниус застонал:

— Клянусь жизнью императора — лучших миссионеров, чем ваши сограждане, не найти. Замкнулись на своей мертвой планете, без конца растравляют свои обиды. Да вы просто незаживающая язва Галактики! Я говорю серьезно, Шект. На какой планете еще существует столько повседневных ритуалов и кто еще цепляется за них с таким мазохистским пылом? Дня не проходит,

чтобы ко мне не явилась делегация из очередного органа власти, требуя смертного приговора для какого-нибудь бедняги, вся вина которого в том, что он проник в Запретную зону, или уклоняется от Шестидесяти, или просто съел больше, чем ему полагается.

— Но вы ведь почти всегда утверждаете все смертные приговоры, Вы только наигранно морщитесь, но не оказываете никакого сопротивления.

— Бог свидетель — я всегда борюсь за отмену приговора. Но что я могу поделать? Император твердо настаивает на том, чтобы во всех областях его Империи соблюдались местные обычаи. И это правильно, и даже мудро, ибо лишает народной поддержки разных идиотов, которые в противном случае устраивали бы бунт каждую среду. Если я начну упираться, когда ваши советы, сенаты и палаты будут настаивать на смертной казни, то поднимется такой визг, такой вой, такое пойдет поношение Империи и всех ее дел!.. Да скорее я просплю двадцать лет посреди легиона бесов, чем выдержу такую Землю в течение десяти минут.

Шект вздохнул и пригладил свою редкую шевелюру:

— Для Галактики, если она вообще помнит о нашем существовании, Земля — всего лишь осколок Вселенной. А для нас Земля — дом, к тому же единственный, который у нас есть. И мы ничем не отличаемся от вас, обитателей иных миров, разве что своей невезучестью. Мы толпимся на еле живой планете, огороженные тюремными стенами радиации, окруженные огромной Галактикой, которая нас отвергает. Как же быть, если нас пожирает горькая злоба? Вот вы, прокуратор, согласились бы отправлять избыток нашего населения во внешние миры?

— Мне-то что? — пожал плечами Энниус. — Против выступают люди, которые эти миры населяют. Им не хочется вымирать от земных болезней.

— Земных болезней! — сморщился Шект. — Заблуждение, которое давно пора искоренить. Мы никому не угрожаем смертью. Вот вы же не умерли, живя среди нас?

— Но я делаю все, чтобы избежать нежелательных контактов, — улыбнулся Энниус.

— Потому что сами наслушались дурацкой пропаганды ваших фанатиков.

— Но разве, Шект, наука не подтверждает, что земляне насквозь радиоактивны?

— Конечно. А как мы могли этого избежать? Вы тоже радиоактивны! Как и все обитатели сотни миллионов имперских планет. Мы радиоактивнее других, признаю, но недостаточно радиоактивны, чтобы кому-нибудь повредить.

Боюсь, что средний житель Галактики убежден в обратном и не желает проверять на опыте, так это или не так. Кроме того…

— Кроме того, мы не такие, как все, хотите вы сказать. Мы не люди, потому что под действием радиации мутировали и превратились неизвестно в кого. Но это тоже не доказано.

— Однако все в это верят.

— Так вот, прокуратор, пока все будут в это верить и откоситься к землянам как к париям, в нас не исчезнут те качества, которые так неприятны вам. Если нас немилосердно отталкивают, как же нам не толкаться в ответ? Вы ненавидите нас — так не жалуйтесь, если мы платим вам взаимностью. Нет-нет, мы не столько злодеи, сколько жертвы.

Энниуса огорчила вызванная им же вспышка. Даже лучшие из землян, подумал он, одержимы той же слепой идеей — Земля против всей Вселенной.

— Шект, уж вы простите меня, если я был

груб, — примирительно сказал он. — Примите во внимание мою молодость и скуку, от которой я страдаю. Перед вами бедный сорокалетний юноша — сорок лет для политика младенческий возраст, — отбывающий на Земле трудное время ученичества. Могут пройти годы, пока эти болваны из Департамента внешних провинций не вспомнят обо мне и не переведут в более приличное место. Поэтому мы с вами оба — узники Земли и оба граждане великого мира разума, где нет ни планетных, ни физических различий. Дайте же мне руку и будем друзьями.

Морщины на лице у Шекта разгладились, точнее, сменились другими, более благодушными. Он от души рассмеялся.

— Вы произносите слова просителя все тем же тоном имперского дипломата. Вы плохой актер, прокуратор.

— Тогда станьте, не в пример мне, хорошим лектором и расскажите мне о вашем синапсаторе.

Шект опешил и снова помрачнел.

— Значит, вы слышали о моем приборе? Так вы еще и физик, а не только администратор?

— Мне полагается знать все. Нет, правда, Шект, я действительно хочу знать.

Физик заглянул в лицо прокуратору, помедлил,

задумчиво ущипнул губу.

— Не знаю, с чего начать.

— О Боже, если вы обдумываете, как объяснить это математически, то я облегчу вам задачу. Математику оставьте в стороне. Я ничего не смыслю в ваших функциях, тензорах и прочем.

— Ну что ж, если излагать популярно, то прибор предназначен для увеличения способности человека к восприятию.

— Человека? Вот как! И он работает?

— Хотел бы я сам это знать. Нам предстоит еще много потрудиться. Я посвящу вас в суть дела, прокуратор, а там судите сами. Нервная система человека, и животных тоже, создана из нейропротеиновой ткани, а эта ткань состоит из огромных молекул, электрическое равновесие которых очень неустойчиво. Малейший стимул нарушает равновесие молекулы, она восстанавливает его, толкая другую, и так далее, пока импульс не дойдет до мозга. Сам же мозг представляет собой огромное скопище таких же молекул, соединенных между собой всеми возможными способами. Поскольку количество нейропротеинов мозга достигает примерно десяти в двадцатой степени — это единица с двадцатью нулями, — то количество возможных комбинаций достигает

факториала десятой — двадцатой степени. Это такое огромное число, что если бы все электроны и протоны во Вселенной сами стали бы вселенными, и все электроны и протоны в этих новых вселенных снова стали бы вселенными, то и тогда число электронов и протонов во всех этих вселенных не сравнилось бы с числом комбинаций молекул мозга. Вам пока все понятно?

— Ни слова, благодарение небу. Если бы я пытался следить за вашей мыслью, то уже залаял бы от такого напряжения ума.

— Ну, если короче, то нервным импульсом мы называем последовательное нарушение электронного равновесия, которое по нервам проникает в мозг, а из мозга опять поступает в нервы. Это понятно?

— Да.

— Ну так вы просто гений. Итак, в пределах одной нервной клетки импульс идет быстро, поскольку нейропротеины связаны между собой. Но напряженность нервных клеток ограниченна, а между двумя клетками существует тончайшая перегородка, созданная не из нейроткани. Другими словами, две смежные клетки не связаны между собой.

— Ага, — сказал Энниус, — значит, нервный

импульс должен перескочить через барьер.

— Совершенно верно! Перегородка ослабляет импульс и замедляет его прохождение согласно квадрату ширины импульса. Это относится и к мозгу. Но представьте, что будет, если понизить диэлектрическую константу такой перегородки.

— Какую такую константу?

— Прочность изоляции перегородки. Вот и все. Если ее понизить, импульсу будет легче проскочить. Человек будет быстрее думать и быстрее усваивать.

— Тогда вернусь к своему первому вопросу. Прибор работает?

— Я испытывал его на животных.

— И каков результат?

— Большинство из них быстро умирало от денатурации мозгового протеина, другими словами, происходила коагуляция, все равно что сварить яйцо вкрутую.

— Есть какая-то невыразимая жестокость в хладнокровии ученых, Ну а те, что остались живы?

— Определенно сказать нельзя, они ведь не люди. Показатели как будто благоприятные, но мне нужен человек. Видите ли, все зависит от естественных электронных свойств отдельного

мозга. Каждый мозг вырабатывает микротоки определенного типа. Точных дубликатов не бывает. Все равно что отпечатки пальцев или узор кровеносных сосудов на сетчатке глаза. Только свойства мозга еще более индивидуальны. При эксперименте нужно будет принять это во внимание, и тогда, если я прав, денатурации не произойдет. Но для эксперимента нужны люди. Я приглашал добровольцев, но... — Шект развел руками.

— Не могу их упрекать, старина. Нет, серьезно — если прибор будет усовершенствован, что вы собираетесь с ним делать?

— Не моя забота, — пожал плечами Шект. — Это решит Большой Совет.

— А вы не хотите передать свое изобретение Империи?

— Я? Я не возражаю. Но только Большой Совет обладает правомочностью...

— Да к черту ваш Большой Совет. Я с ними уже имел дело. А вы согласитесь побеседовать с ними, когда будет нужно?

— Но какой вес может иметь мое мнение?

— Можете сказать им, что, если Земля разработает полностью безопасный для человека синапсатор и передаст его Галактике, возможно

снятие некоторых ограничений, касающихся эмиграции на другие планеты.

— Неужели? — саркастически спросил Шект. — Не побоитесь эпидемий, выродков и нелюдей?

— Возможно массовое переселение на другую планету, — спокойно сказал Энниус. — Подумайте над этим.

В это время дверь открылась, и в кабинет влетела молодая девушка. В затхлой комнате сразу повеяло весной. При виде незнакомца девушка покраснела и попятилась.

— Входи, Пола, — торопливо сказал Шект. — Милорд, вы, кажется, не знакомы с моей дочерью. Пола, это лорд Энниус, прокуратор Земли.

Прокуратор уже встал с непринужденной галантностью, предотвратив судорожную попытку Полы сделать реверанс.

— Дорогая госпожа Пола, никогда бы не поверил, что Земля способна взрастить такой прекрасный цветок. Впрочем, вы могли бы стать украшением любого известного мне мира.

Энниус взял руку Полы, которую она быстро и немного неуклюже протянула ему в ответ, и как будто собрался поцеловать ее по галантному обычаю старины. Но если он и намеревался это сделать, то раздумал и, приподняв руку, отпустил

ее — может быть, чуть скорее, чем следовало.

Меня потрясает, милорд, ваша любезность по отношению к простой землянке, — чуть нахмурившись, сказала Пола. — Как это смело и великодушно с вашей стороны — так рисковать инфекцией.

— Моя дочь, прокуратор, заканчивает курс в Чикском университете, — откашлявшись, вмешался Шект, — а необходимую практику проходит у меня, работая здесь лаборантом два раза в неделю. Она способная девочка, возможно, во мне говорит отцовская гордость, но когда-нибудь она, чего доброго, займет мое место.

— Отец, — мягко прервала его Пола, — у меня для тебя важная новость. — И замялась.

— Мне уйти? — спокойно спросил Энниус.

— Нет-нет. Что такое, Пола?

— Отец, там пришел доброволец.

— На синапсирование? — выпучил глаза Шект.

— Говорит, что да.

— Вот видите, — сказал Энниус, — я принес вам удачу.

— Похоже на то. Скажи ему, Пола, пусть подождет. Отведи его в комнату С, я скоро приду туда. Вы извините меня, прокуратор? — спросил Шект, когда Пола ушла.

— Разумеется. Сколько времени будет продолжаться операция?

— Боюсь, что затянется на несколько часов. Хотите присутствовать?

— Нет, дорогой Шект, уж очень это мерзкое зрелище. Я пробуду до завтра в Доме правительства. Вы сообщите мне результат?

— Да, конечно, — с заметным облегчением сказал Шект.

— Хорошо. И подумайте о том, что я вам сказал насчет синапсатора. Перед вами открывается широкий путь.

И Энниус ушел, чувствуя себя еще хуже, чем до прихода сюда. Знания его увеличились ненамного, зато опасения порядком возросли.

Глава пятая
Доброволец поневоле

Оставшись один, доктор Шект тронул кнопку звонка, и к нему тут же вошел молодой лаборант в белоснежном халате, с аккуратно связанными сзади длинными каштановыми волосами.

— Пола сказала вам? — спросил доктор.

— Да, доктор Шект. Я понаблюдал за ним по визиглазу — он безусловно настоящий. На подосланного не похож.

— Как вы думаете, доложить о нем Совету или нет?

— Право, не знаю. Там может не понравиться, что вы докладываете по общедоступным каналам — ведь это вес записывается. А может, избавиться от него? Скажу, что нам нужны люди моложе тридцати. Ему-то все тридцать пять.

— Нет-нет, я сам посмотрю на него. — Голова у Шекта бешено работала. До сих пор все шло как по маслу. Немного информации, чтобы создать видимость откровенности — и все в порядке. И вдруг приходит доброволец, да еще сразу после визита Энниуса. Вдруг это все взаимосвязано?

Шект имел самое смутное представление о могущественных и таинственных силах, вступающих в единоборство на выжженном лоне Земли, но кое-что он знал. Знал достаточно, чтобы блюстители могли захотеть избавиться от него, и уж точно больше, чем они подозревали.

Как быть, если он оказался между двух огней?

Шект близоруко присматривался к стоявшему перед ним неуклюжему фермеру, который мял в руках шапку и отворачивал голову, будто избегая слишком пристального взгляда. По оценке Шекта, ему было никак не больше сорока, но тяжелая работа на земле не красит человека, Фермер побагровел под слоем грубого загара, на висках и у корней волос выступила испарина, хотя в комнате было прохладно. Руки беспокойно двигались.

— Итак, уважаемый, — приветливо сказал Шект, — вы не хотите назвать нам свое имя?

— Мне сказали, что добровольцам никаких вопросов задавать не будут, — упрямо пробубнил Арбин.

— Хм-м. Но хоть что-нибудь о себе вы скажете? Или хотите немедленно подвергнуться опыту?

— Кто, я? — в панике вскричал Арбин. — Это не я доброволец. Я ничего насчет этого не говорил.

— Так значит, доброволец кто-то другой?

— Конечно. Мне-то это на кой…

— Понимаю. Тот, другой человек, с вами?

— В общем, да, — осторожно ответил Арбин.

— Хорошо. Тогда просто скажите нам то, что считаете нужным. Все, что вы скажете, останется строго между нами, и мы поможем вам по мере наших сил. Договорились?

Фермер склонил голову, по-старинному выражая свою признательность.

— Спасибо вам. Тут вот в чем дело. У нас на ферме живет… э-э… дальний родственник. Помогает, значит… — Арбин говорил с трудом, и Шект ободряюще кивнул. — Работает он охотно, хорошо работает. Понимаете, у нас был сын, но умер, и мы с хозяйкой нуждаемся в помощи — она прихварывает. Нам без него никак не обойтись.

Арбин чувствовал, что у него ничего не получается, но долговязый ученый кивнул головой.

— Этого родственника вы и хотите подвергнуть опыту?

— Ну да, я ведь, кажется, так и сказал. Вы уж простите, если я плохо объясняю. Видите ли, у бедняги не все в порядке с головой. — И Арбин торопливо продолжил: — Понимаете, он не больной, Не такой, которых забирают. Просто туго соображает. И не разговаривает.

— То есть как не разговаривает? — опешил Шект.

— Да нет, он умеет говорить, просто не хочет. Он плохо говорит.

— И вы хотите, чтобы он поумнел?

Арбин медленно кивнул.

— Если его немного подучить, он бы смог делать работу, которая жене не под силу.

— А вы понимаете, что он может умереть? — Арбин беспомощно смотрел на доктора, крутя пальцами. — Мне нужно его согласие, — сказал Шект.

— Он не поймет, — упрямо мотнул головой фермер. И выпалил одним духом: — Но вы-то поймите, войдите в положение. Вы не похожи на человека, который не знает жизни. Он ведь стареет. О Шестидесяти пока речи нет, но что если в следующую перепись его сочтут полоумным и заберут? Мы не хотим его терять, потому я и привез его сюда. А если я так секретничаю, то это потому, — Арбин невольно обвел глазами стены, будто сомневаясь, нет ли за ними посторонних ушей, — потому, что вдруг блюстителям это не понравится. Вдруг они сочтут, что я, помогая убогому, нарушаю Наказ, но ведь жизнь-то тяжела… Да и вам будет польза. Вы же сами приглашали

добровольцев.

— Это так. Где же ваш родственник?

— В моей двухколеске, если его еще там не нашли, — оживился Арбин. — Он не сумеет за себя постоять, если кто-то…

— Будем надеяться, что он в сохранности. Давайте поставим машину в наш подземный гараж. Я прослежу, чтобы о вашем подопечном никто не узнал, кроме моих помощников. И могу вас заверить, что никаких неприятностей с Братством у нас не будет.

Шект дружески ударил Арбина по плечу, и тот осклабился, будто у него с шеи наконец сняли петлю.

Шект смотрел на лысеющего толстяка, который спал на кушетке, дыша глубоко и мерно. Да, говорит нечленораздельно, чужих слов не понимает. Однако физические признаки слабоумия отсутствуют. И рефлексы в порядке для пожилого.

Да-а, для пожилого…

Шект покосился на Арбина, бдительно наблюдающего за происходящим.

— Хотите, сделаем ему костный анализ?

— Нет, — крикнул Арбин и добавил потише: — Не хочу, чтобы что-нибудь делалось для его опознания.

— Было бы неплохо, для пущей безопасности, узнать его возраст.

— Ему пятьдесят, — коротко ответил Арбин.

Физик пожал плечами — это, в конце концов, неважно. И снова посмотрел на спящего. Пациент, когда его привели, был угнетен, безразличен, замкнут. Даже гипнопилюли как будто не вызвали в нем подозрения — когда ему предложили их, он судорожно улыбнулся в ответ и проглотил.

Лаборант уже вкатывал последнюю из громоздких составляющих синапсатора. В поляризованных окнах операционной при нажатии кнопки произошла молекулярная перестройка, и они сделались матовыми. Остался только холодный белый свет над операционным столом, на который с помощью сильного магнитного поля уже переносили по воздуху пациента.

Арбин по-прежнему сидел в темноте, ничего не понимая, но твердо намереваясь вмешаться, если что пойдет не так — да только как все должно идти?

Физики, не обращая на него внимания, прикрепляли электроды к голове пациента — это дело нескорое. Шект исследовал строение черепа по Ульстеру и, обнаружив извилистые, узловатые борозды, хмуро усмехнулся про себя. По бороздам

черепа нельзя безошибочно определить возраст, но в данном случае они достаточно красноречивы. Этому человеку гораздо больше пятидесяти.

Потом Шект перестал улыбаться. Что-то не так с этими бороздами…

Он готов был поклясться, что перед ним первобытный, атавистический череп, но… Может быть, это следствие умственной неполноценности пациента? Тут пораженный Шект воскликнул:

— Как я не заметил — у него же на лице растут волосы! У него всегда росла борода? — спросил он у Арбина.

— Борода?

— Волосы на лице! Идите сюда! Видите?

— Да. — Арбин вспомнил, что утром тоже заметил это, но потом позабыл. — Да, он таким и родился… вроде бы.

— Давайте-ка мы их уберем. Вы же не хотите, чтобы он смахивал на дикого зверя, верно?

— Конечно.

Лаборант, натянув перчатки, удалил щетину с помощью депиляторной мази.

— У него и на груди волосы, доктор Шект, — сказал он.

— О небо! Дайте-ка посмотреть. Надо же, какой мохнатый! Ладно, оставим. Под рубашкой не

видно. Продолжим с электродами. Ставим здесь, здесь и здесь. — Тонкие, как волоски, платиновые проволочки входили в кожу. Теперь по ним, сквозь черепные борозды, будут регистрироваться слабые микротоки, циркулирующие между клетками мозга.

Электроды подключили и выключили, и стрелки чувствительных амперметров дрогнули и опали. Иглы пишущих устройств прочертили на разграфленной бумаге несколько острых зубцов. Положив график на подсвеченное матовое стекло, физики склонились над ним и зашептались. До Арбина доносились отдельные слова:

— …Необычайная регулярность… посмотрите на высоту пятого зубца… надо бы проанализировать… и так ясно.

Затем началась долгая и утомительная процедура настройки синапсатора. Поворачивались тумблеры, снова и снова проверялись показания приборов. Наконец Шект улыбнулся Арбину:

— Теперь уже скоро.

Машина нависла над спящим, как неповоротливое голодное чудище. Ко всем конечностям прикрепили длинные провода, под голову подложили подушку из материала, похожего на твердую черную резину, закрепив ее зажимами

на плечах. И наконец челюсти двух больших электродов противоположного заряда разъединились и прилипли к бледным пухлым вискам.

Шект, не сводя глаз с хронометра, положил руку на выключатель. Щелчок — и ничего как будто не произошло, даже бдительный Арбин ничего не заметил. Через три минуты — а казалось, прошли часы, — Шект снова щелкнул выключателем.

Его ассистент поспешно нагнулся над продолжающим спать Шварцем и с торжеством объявил:

— Жив.

Еще несколько часов взволнованные физики продолжали вести график работы мозга, исписав целые тома. Далеко за полночь пациенту сделали укол, и у него дрогнули веки.

Измученный, но счастливый Шект отошел, потирая лоб.

— Все хорошо, но придется оставить его у нас на несколько дней, уважаемый, — твердо сказал он Арбину.

В глазах у фермера вспыхнула тревога.

— Но как же…

— Нет уж, положитесь на меня. Он будет цел и невредим, ручаюсь вам головой. Слышите — головой ручаюсь. Оставьте его нам; кроме нас,

его никто не увидит. Если вы сейчас заберете его с собой, он может этого не пережить. Какой же вам прок? И потом, если он умрет, придется объяснять блюстителям, откуда взялся труп.

Последний довод доконал Арбина, и он спросил, проглотив слюну:

— А как же я узнаю, когда за ним можно приехать? Я вам своего имени не скажу!

— А я вас и не спрашиваю, — видя, что фермер сдается, сказал Шект. — Приезжайте ровно через неделю к десяти вечера. Я буду ждать вас у входа в тот самый гараж, где стоит сейчас ваша машина. Доверьтесь мне — вам нечего бояться.

Ночью Арбин выехал из Чики. Прошли сутки с тех нор, как незнакомец постучался к нему в дверь, и за это время Арбин преступил не один Наказ. Как это еще сойдет ему с рук?

Он невольно оглядывался, ведя двухколеску по пустой дороге. Вдруг за ним следят? Вдруг выследят, куда он едет? А может, его уже засняли, и теперь в архивах Братства, в далеком Вашенне, идет неторопливый поиск? Там хранятся данные на всех живых землян, еще не достигших Шестидесяти. Шестидесяти, которые когда-нибудь приходят ко всем землянам. Арбину до них оставалась еще четверть века, но с некоторых пор

он жил в постоянном ожидании — из-за Грю, а теперь еще из-за незнакомца.

Что, если вообще не возвращаться в Чику?

Нет! Они с Лоа недолго смогут тянуть лямку за троих, а если они потерпят крах, откроется их первое преступление — укрывательство Грю. Видно, если уж раз нарушил Наказ, приходится продолжать.

Арбин знал, что вернется, чем бы это ему ни грозило.

Шект собрался прилечь только глубокой ночью, и то по настоянию обеспокоенной Полы, но спать не мог. Подушку будто нарочно изобрели для того, чтобы его удушить, простыни сбивались в комок. Шект встал и подошел к окну. Город был погружен во тьму, лишь где-то за озером небо слабо светилось голубым светом смерти, охватывающим всю Землю за исключением нескольких пятачков вроде этого.

События безумного дня продолжали прокручиваться в памяти. Отправив восвояси напуганного фермера, Шект первым делом отправился в Дом правительства. Энниус, должно быть, ждал его, потому что принял лично. На прокураторе по-прежнему был свинцовый костюм.

— А, Шект, добрый вечер. Эксперимент окон-

чен?

— Окончен, и мой доброволец тоже чуть не скончался, бедняга.

— Хорошо, что я не остался, — содрогнулся Энниус. — Ученые, сдается мне, недалеко ушли от убийц.

— Он еще жив, прокуратор, и мы, возможно, спасем его, но…

— Я бы на вашем месте впредь ограничивался крысами. Но на вас просто лица нет, дружище. Вы-то давно должны были закалиться, не в пример мне.

— Старею, милорд.

— На Земле это опасное занятие, — сухо ответил Энниус. — Отправляйтесь-ка спать, Шект…

Шект все сидел у окна, глядя на темный город умирающего мира.

Два года, как он изобрел синапсатор, и все эти два года его держит в руках Общество Блюстителей Старины или Братство, как они себя называют.

Он написал шесть или семь статей, которые, если опубликовать их в «Сирианском журнале нейрофизики», могли бы принести ему галактическую известность, а он так мечтал о ней. Но рукописи пылились а столе, а взамен в «Фи-

зическом обозрении» появилась та жалкая надувательская статейка. Таковы методы Братства; лучше полуправда, чем ложь.

Но Энниус заинтересовался синапсатором. Почему?

Может быть, он что-то знает? Вдруг Империя питает те же подозрения, что и доктор Шект?

За двести лет Земля восставала три раза. Три раза под знаменем былого величия повстанцы шли на имперские гарнизоны. Три раза терпели они поражение, чего и следовало ожидать. Если бы не высокая просвещенность Империи и не мудрые государственные мужи в галактических советах, Землю вычеркнули бы кровью из списка обитаемых планет.

Но теперь все могло обернуться по-другому. Могло — или должно было обернуться? Насколько можно полагаться на слова умирающего безумца в полубессознательном состоянии?

Впрочем, какая разница. Все равно он, Шект, не осмелится ничего предпринять. Остается только ждать. Он стареет, а на Земле это опасное занятие, как сказал Энниус. Грядут Шестьдесят, и мало кому удается ускользнуть от их неумолимых тисков.

А Шекту хотелось жить — хотя бы на этом вы-

жженном комке грязи, называемом Землей.

Он снова улегся в постель и перед тем, как уснуть, успел с тревогой подумать: а не засекли ли блюстители его беседу с Энниусом? Он не знал еще, что у блюстителей есть и другие источники информации.

К утру молодой ассистент Шекта принял окончательное решение.

Он восхищался Шектом, но хорошо знал, что эксперимент над безымянным добровольцем нарушает прямое указание Братства. Указание, которое носило характер Наказа — не подчиниться ему означало совершить тяжкое преступление.

Молодой человек хорошенько подумал. Откуда мог взяться доброволец? Кампания по их привлечению была тщательно продумана, Информация давалась такая, чтобы, с одной стороны, усыпить подозрения шпионов Империи, а с другой — не слишком поощрять желающих. Общество Блюстителей присылало для опытов своих людей, и этого было достаточно.

Кто тогда прислал этого? Те же блюстители, но тайно? Чтобы проверить, насколько надежен Шект?

А может, Шект — предатель? В тот день он с кем-то беседовал взаперти, с кем-то в громоздком

костюме, такие носят чужаки для защиты от радиации.

Шект в любом случае обречен, зачем же гибнуть вместе с ним? Он, лаборант, человек молодой, у него впереди почти четыре декады жизни. Зачем торопить свои Шестьдесят?

Глядишь, и повысят… Шект стар, может не пережить следующей переписи, какая же ему разница? Никакой.

Лаборант решился, Он протянул руку и набрал номер верховного министра, который, после императора и прокуратора, был властен над жизнью и смертью любого жителя Земли.

Снова настал вечер, и только тогда сквозь розовую дымку боли в мозгу Шварца стали проступать смутные образы. Он вспомнил, как они ехали к скоплению низких домов у озера, как он потом долго ждал, скрючившись на полу машины.

Что же было дальше? Что? Сознание отказывало. Да — за ним пришли, Была какая-то комната с множеством приборов. Ему дали две пилюли… Да. Ему дали пилюли, и он охотно принял их. Что ему было терять? Смерть от яда была бы благодеянием.

А потом — ничего.

Нет, какие-то проблески сознания все же со-

хранились. Над ним склонялись чьи-то лица… Вдруг вспомнилось холодное прикосновение стетоскопа к груди… Какая-то девушка кормила его с ложечки.

Да ведь это же была операция, внезапно понял Шварц! В панике он отбросил простыни и сел.

Та же девушка, положив руки ему на плечи, снова заставила его лечь. Она что-то успокаивающе говорила, Шварц не понимал ее и сопротивлялся этим тонким рукам, но тщетно — сил совсем не было.

Он поднес руки к глазам — руки были на месте. Пошевелил ногами под простыней — нет, и ноги не ампутировали. Не очень надеясь на результат, он спросил у девушки:

— Вы меня понимаете? Можете сказать, где я?

И с трудом узнал собственный голос.

Девушка улыбнулась и быстро, непонятно заговорила. Шварц застонал. Вошел пожилой мужчина, тот, что давал ему пилюли, что-то сказал девушке, и она стала делать Шварцу какие-то ободряющие жесты, указывая на губы.

— Что? — не понял он.

Девушка с жаром закивала, вся засветившись от радости, на нее было приятно смотреть даже в таких тревожных обстоятельствах.

— Хотите, чтобы я говорил? — спросил Шварц. Мужчина сел к нему на кровать и жестами предложил открыть рот.

— А-а, — сказал он.

И Шварц повторил за ним:

— А-а.

Одновременно тот массировал ему адамово яблоко.

— В чем дело? — сварливо осведомился Шварц, когда процедура окончилась. — Вас удивляет, что я умею говорить? За кого вы меня принимаете?

Дни шли за днями, и Шварц кое-чему научился. Мужчину звали доктор Шект — первое имя, которое Шварц услышал с тех пор, как переступил через тряпичную куклу. Девушка была его дочь, Пола. Шварц обнаружил, что можно больше не бриться — волосы на лице не росли. Это испугало его. Росли они раньше или нет?

Силы быстро возвращались к нему. Ему теперь разрешали одеваться и ходить, а есть давали не только кашу.

Выходит, у него все-таки амнезия, и здесь его лечат? Выходит, это и есть нормальный, естественный мир, а тот мир, который он будто бы помнит — только порождение больного мозга?

Его никуда не выпускали из комнаты, даже в

коридор. Значит, он в заключении? Он совершил какое-то преступление?

Нет большего одиночества, чем одиночество человека, заблудившегося в бесконечных извилистых переходах собственного разума, куда никто не может проникнуть и где никто не спасет. Нет беспомощнее того, кто ничего не помнит.

Пола забавлялась, обучая его говорить, Шварца нисколько не удивляла легкость, с которой он запоминал новые слова. Он помнил, что в прошлом отличался хорошей памятью — по крайней мере, она никогда его не подводила. Через два дня он уже мог понимать простые предложения. Через три — мог объясняться сам.

Однако на третий день его все-таки кое-что удивило. Шект показывал ему цифры и задавал задачи, Шварц решал, а Шект, посматривая на таймер, что-то быстро записывал. Потом он объяснил Шварцу, что такое логарифмы, и попросил найти логарифм числа 2.

Шварц ответил, старательно подбирая слова: его словарь был все еще очень беден, и он подкреплял его жестами:

— Я… не… знать. Нет… такой… цифра.

Шект взволнованно кивнул.

— Нет такой цифры, — подтвердил он. — Ни

одна, ни другая; часть одной, часть другой.

Шварц прекрасно понял, что говорит Шект, — ответ представляет собой не целое число, а только часть его. И сказал:

Ноль запятая три ноль один ноль три… и еще цифры.

— Достаточно!

Тогда Шварц и удивился. Откуда он знал ответ? Он был уверен, что раньше не слыхивал о логарифмах, но ответ возник у него в уме, как только был задан вопрос. Шварц не имел представления, как он это вычислил. Точно мозг существовал независимо от него, используя его, Шварца, только для кормления.

А может, до амнезии он был математиком?

Дни казались ему невыносимо долгими. Он все сильнее ощущал, что должен выйти в широкий мир и добиться хоть какого-то ответа. В этих четырех тюремных стенах он ничего не узнает, ведь он здесь — вдруг его осенило — всего лишь подопытный кролик.

Случай представился на шестой день. Окружающие стали полностью доверять ему, и однажды Шект, уходя, не запер дверь. Раньше она закрывалась так плотно, что не видно было даже, где она прилегает к стене, а теперь там просматривался

квадратик света.

Шварц подождал, не вернется ли Шект, а потом медленно поднес руку к светлому отверстию, как это делали другие. Дверь тихо и плавно скользнула вбок. Коридор был пуст.

Так Шварц «бежал».

Откуда ему было знать, что все шесть дней его пребывания в институте агенты Общества Блюстителей вели слежку за домом, за его комнатой и за ним самим?

Глава шестая
Ночные тревоги

Ночью дворец прокуратора представлял собой не менее волшебное зрелище. Ночные цветы, все неземного происхождения, раскрывались большими белыми гроздьями, и тонкий аромат доходил до самого дворца. Под поляризованным лунным светом силиконовые нити, искусно вплетенные в алюминиевые стены, начинали излучать слабый фиолетовый свет, отражаемый блестящим металлом.

Энниус смотрел на звезды. Они казались ему воистину прекрасными — ведь это была Империя.

Звездное небо Земли представляло собой нечто среднее между ослепительно сияющими небесами Центральных Миров, где звезды состязаются друг с другом в такой тесноте, что в их сплошном костре не видно ночи, и пустынным величием небес Периферии, где сплошная чернота лишь изредка нарушается мерцанием сиротливой звезды да светится млечная линза Галактики, в которой отдельные звезды сливаются в алмазную пыль.

На Земле можно было одновременно наблю-

дать две тысячи звезд. Энниусу виден был Сириус, вокруг которого вращается одна из десяти самых населенных планет Империи а вот Арктур, солнце его родного сектора. Солнце Трентора, столицы Империи, затерялось где-то среди Млечного Пути и даже в телескопе сливалось с общим сиянием.

На плечо Энниуса легла мягкая рука, и он накрыл ее своей.

— Флора? — шепнул он.

— Ты еще сомневаешься? — с нежной насмешкой ответила ему жена. — Знаешь ли ты, что не спишь с тех самых пор, как вернулся из Чики? И знаешь ли ты, что скоро рассвет? Может быть, мы и завтракать будем здесь?

— Почему бы и нет? — Любовно улыбнувшись, Энниус нашел в темноте каштановый локон жены и легонечко потянул. — Но зачем тебе бодрствовать со мной и утомлять самые прекрасные глазки во всей Галактике?

Она ответила, высвобождая волосы:

— Ничего моим глазкам не сделается, если ты не будешь пускать в них свой сахарный сироп. Я уже видела тебя таким, и меня не проведешь. Что тебя тревожит теперь, дорогой?

— То же, что и всегда. Что я напрасно похоронил тебя здесь, в то время как в Галактике нет ни

одного вице-королевского двора, который бы ты не украсила.

— Что еще? Полно, Энниус, не шути со мной.

Энниус покачал головой в темноте:

— Не знаю. Должно быть, меня одолели разные досадные мелочи, вместе взятые. Шект со своим синапсатором, Арвардан со своими теориями и всякое другое. Ах, что толку. Флора, — от меня здесь никакой пользы.

— Предутренние часы — не самое подходящее время для того, чтобы сводить счеты с совестью.

Но Энниус продолжал.

— Эти земляне! — процедил он сквозь зубы. — Такая горстка людей и так досаждает Империи! Помнишь, Флора, когда меня только назначили прокуратором, старый Фарул, мой предшественник, предупреждал меня о том, что готовит мне этот пост? Он был прав. Он еще недостаточно серьезно предостерег меня. А я тогда смеялся над ним, считая его в душе жертвой старческого бессилия. То ли дело я — молодой, дерзкий, активный. Кому и править, как не мне? — Он помолчал, погрузившись в себя, и заговорил как будто без связи с прежними словами: — Но не зависящие друг от друга доказательства убеждают меня в том, что земляне снова больны мечтой о

восстании. Ты знаешь доктрину Общества Блюстителей? Она гласит, что Земля в свое время была единственным обиталищем человечества, что она избранный центр Вселенной и только здесь существует истинный человек.

— Но ведь то же самое говорил нам Арвардан два дня назад.

В такие минуты лучше всего было дать мужу выговориться.

— Да, говорил, — сумрачно согласился Энниус, — но он говорил о прошлом, а блюстители ведут речь о будущем. Они говорят, что Земля снова станет центром Вселенной. Уверяют даже, что это мифическое Второе Царствие вот-вот наступит: Империя рухнет в некой вселенской катастрофе, а Земля восстанет во всем блеске своей древней славы… — Голос прокуратора дрогнул. — Во всей красе отсталого, варварского, зараженного мира. Эти бредовые идеи уже три раза поднимали их на восстание, и жестокие расправы ни на волос не поколебали их слепой веры.

— Они всего лишь бедные, несчастные люди, — сказала Флора. — Что им остается, кроме веры, если все остальное у них отнята — нормальный мир, нормальная жизнь. Они лишены даже созна-

ния своего равенства со всей прочей Галактикой, потому и уходят в свои мечты. Можно ли их за это упрекать?

— Еще как можно, — вскричал Энниус. — Пусть меняют свои мечты в корне и борются за ассимиляцию. Пока что они не отрицают, что отличаются от других людей, но хотят разом получить все, что эти другие имеют. Не может же Галактика подать им это на блюде. Пусть откажутся от своего сектантства, от своих устаревших преступных Наказов. Пусть станут людьми — и все будут считать их людьми. А останутся землянами, такими их и будут считать. Ладно, оставим это. Синапсатор — вот что не дает мне спать.

И Энниус задумчиво посмотрел на восток, где глубокая чернота неба едва начинала сереть.

— Синапсатор? Тот прибор, о котором доктор Арвардан говорил за обедом? Ты летал в Чику, чтобы узнать о нем побольше? — Энниус кивнул. — И что же ты выяснил?

— Да ничего. Я знаю Шекта — хорошо знаю, И вижу, когда он чувствует себя свободно, а когда нет. Так вот, Флора, все время, пока он говорил со мной, его терзала тревога. А когда я ушел, его прямо пот прошиб от облегчения. Тут какая-то нехорошая тайна, Флора.

— Но машина-то работает?

— Что я понимаю в нейрофизике? Шект говорит, что не работает. Он позвонил мне и сказал, что испытуемый чуть не погиб, но я ему не верю. Он был вне себя от волнения. Более того — он торжествовал! Испытуемый выжил, и эксперимент удался, иначе я уж и не знаю, что такое счастливый человек. Значит, он лгал мне? И синапсатор действует? И способен создавать гениев?

— Тогда зачем держать это в секрете?

— Зачем, зачем! Ты разве не понимаешь? Почему восставшие земляне каждый раз терпели поражение? Да потому, что силы были слишком неравны. А если увеличить интеллект среднего землянина в два раза? Или в три? Может быть, тогда силы перестанут быть неравными?

— Ох, Энниус.

— Мы окажемся в положении обезьян, воюющих с людьми. И каковы тогда будут наши шансы?

— Право же, ты пугаешься тени. Они не смогли бы этого скрыть. Всегда можно запросить из Департамента внешних провинций пару психологов и поручить им вести выборочное тестирование землян. Если коэффициент умственного развития резко превысит норму, это

сразу же будет заметно.

— Да, наверное. Но дело, может быть, и не в синапсаторе. Я ни в чем не уверен, Флора, кроме того, что восстание назревает. Будет что-то похожее на семьсот пятидесятый год, если не хуже.

— Готовы ли мы к этому? Ведь если ты так уверен…

— Готовы ли? — рассмеялся лающим смехом Энниус. — Мы-то готовы. Гарнизон в полной боевой. Все, что можно было сделать с подручным материалом, я сделал. Но я не хочу восстания, Флора. Не хочу войти в историю, как прокуратор эпохи восстания. Не хочу, чтобы мое имя связали с бойней и смертью. Сейчас меня наградят, а лет через сто во всех учебниках обзовут кровавым тираном. Помнишь вице-короля Сантании в шестом веке? Разве он мог поступить иначе, чем поступил, хотя при этом и погибли миллионы людей? Тогда его восхваляли, а кто теперь скажет о нем доброе слово? Я предпочел бы войти в историю как человек, предотвративший восстание и спасший бесполезные жизни двадцати миллионов глупцов.

Но видно было, что Энниус не питает на это надежды.

— А ты уверен, Энниус, что не можешь его

предотвратить, хотя бы сейчас?

Флора села рядом с мужем и провела кончиками пальцев по его напряженному лицу. Энниус поймал ее руку и крепко сжал.

— А как? Все против меня. Даже Департамент сыграл на руку земным фанатикам, прислав сюда этого Арвардана.

— Но, дорогой, что такого ужасного в этом археологе? Он чудак, признаю, но чем он может тебе навредить?

— Да разве непонятно? Ведь он рвется доказать, что Земля в самом деле родина человечества. Рвется подвести научную базу под будущий переворот.

— Ну так останови его.

— Не могу. В том-то вся и беда. Это только так считается, будто вице-король может все. У Арвардана есть письменное разрешение от Департамента внешних провинций, заверенное императором, и я бессилен. Могу только апеллировать к Центральному Совету, но на это уйдет несколько месяцев. И какие аргументы я могу привести? С другой стороны, останови я Арвардана силой — это сочтут актом неподчинения; а ты знаешь, как быстро Центральный Совет расправляется с чиновниками, которые слишком много

на себя берут, так ведется с гражданской войны восьмидесятых годов. Что тогда? Меня заменит человек, вообще не понимающий ситуации, и Арвардан все равно возьмет свое, И это еще не самое худшее, флора, Знаешь, как он собирается доказывать свою теорию? Угадай.

— Ты шутишь, Энниус, — тихо засмеялась Флора — Ну как я могу угадать? Я же не археолог. Наверное, будет откапывать старые статуи и кости и определять их возраст по степени радиоактивности, что-то в этом роде.

— Это бы еще ничего. Но он сказал мне вчера, что намерен работать в радиоактивных зонах Земли. Надеется найти там человеческие артефакты, доказать, что они существовали еще до того, как земная почва стала радиоактивной (он настаивает на том, что земная радиоактивность — искусственного происхождения), и таким образом определить их возраст.

— Но я почти так и сказала.

— А ты знаешь, что значит проникнуть в радиоактивную зону? Запретные Зоны — это один из самых строгих Наказов землян. Ни один человек не может войти в Запретную зону, а все радиоактивные зоны — запретные.

— Вот и хорошо. Арвардана остановят сами же

земляне.

— Прекрасно. Верховный министр ему запретит, Как потом убедить верховного министра, что Аравардан действует не с дозволения правительства и что Империя намеренно не потворствует святотатству?

— Неужели верховный министр такой чувствительный?

— Кто, он? — Энниус посмотрел в глаза жене: в сером предутреннем свете он уже начинал различать ее лицо. — Твоя наивность просто трогательна. Еще какой чувствительный. Знаешь, что случилось тут лет пятьдесят назад? Я тебе расскажу, и можешь судить сама. Как повелось, земляне не допускают у себя на планете никаких знаков императорской власти, настаивая на том, что законным правителем Галактики должна быть Земля. Но однажды юный император Станелл Второй — он был не совсем в здравом уме, и его убили после двух лет правления, как тебе известно, — так вот он распорядился, чтобы в Зале Совета в Вашенне установили эмблему Империи. Сам по себе приказ был разумным — подобные эмблемы установлены во всех планетарных залах Совета Галактики как символ единства Империи. А что получилось на деле? Как только

эмблему установили, весь город взбунтовался. Вашеннские безумцы сорвали эмблему и с оружием в руках двинулись на имперский гарнизон, У Станелла Второго хватило глупости повелеть, чтобы его приказ был выполнен любой ценой, даже если бы пришлось перебить всех землян до единого. Но его вовремя убили, и только Эдард, его преемник, отменил приказ об эмблеме. И все успокоилось.

— Ты хочешь сказать, что имперская эмблема так и не была установлена?

— Именно это я и хочу сказать. Бог свидетель — Земля единственная из миллионов планет Империи, где нет эмблемы в Зале Совета. И на этой-то планете мы с тобой и живем. Попытайся мы поставить эмблему сегодня — и они бы опять боролись до последнего. А ты сомневаешься в их чувствительности. Говорю тебе — они не в своем уме.

Они помолчали в медленно тающих предрассветных сумерках. Потом Флора заговорила вновь, тихо и неуверенно.

— Энниус?

— Да.

— Ожидаемое восстание беспокоит тебя не только потому, что ты опасаешься за свою ре-

путацию. Я не была бы твоей женой, если б не умела хоть немного читать твои мысли, и мне кажется, ты считаешь, что Империи грозит какая-то серьезная опасность. Не надо ничего от меня скрывать, Энниус. Ты боишься, что земляне *победят.*

— Флора, я не могу говорить об этом, — с мукой в глазах сказал Энниус. — Это нельзя даже назвать предчувствием… Может быть, четыре года в таком мире — слишком много для нормального человека, но почему тогда земляне так уверены?

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. У меня тоже есть свой источник информации. Все-таки они уже трижды терпели поражение. У них просто не могло остаться никаких иллюзий. А они бросают вызов двумстам миллионам миров, каждый из которых сильнее их, и при этом уверены в победе. Неужели в них так крепка вера в некий Рок или в некую Высшую силу, которая спасет их, и только их одних? А может быть… может быть…

— Что «может быть», Энниус?

— Может быть, у них есть какое-то секретное оружие.

— Оружие, которое позволит одному миру победить двести миллионов миров? Ты просто

паникуешь. Такого оружия не существует.

— Я ведь говорил тебе о синапсаторе.

— А я сказала тебе, как с ним бороться. Ведь больше ни о каком оружии тебе неизвестно?

— Нет, — неохотно сознался Энниус.

— Вот видишь. А теперь я скажу тебе, что делать, дорогой. Почему бы тебе не встретиться с верховным министром и не поделиться с ним, от своего имени, планами Арвардана? Выразишь свое неофициальное желание, чтобы ему не давали разрешения. Тогда никто не заподозрит имперское правительство в том, что оно причастно к безрассудному надругательству над земными законами. И ты остановишь Арвардана, сам при этом оставаясь в тени. Потом запроси в Департаменте двух хороших психологов — проси лучше четырех, тогда точно пришлют двух, — и пусть они займутся проверкой синапсатора. Со всем прочим управятся наши солдаты, а потомки пусть сами заботятся о себе. Почему бы тебе не уснуть прямо здесь? Откинем спинку стула, укроешься моей меховой накидкой, а завтрак я велю подать сюда, когда ты проснешься. В солнечном свете все покажется тебе иным.

И Энниус, проведя всю ночь без сна, уснул за пять минут до восхода. А восемь часов спустя

верховный министр впервые услышал из уст прокуратора о Беле Арвардане и его миссии.

Глава седьмая
Они что, сумасшедшие?

Что же касается самого Арвардана, то он желал лишь одного: устроить себе каникулы. Его корабль, «Змееносец», ожидался не раньше чем через месяц, и он мог провести этот месяц в свое удовольствие.

Поэтому на шестой день своего пребывания на Эвересте Арвардан распрощался с хозяевами и отправился в путь на самом большом стратолайнере Аэротранспортной компании, который совершал рейсы между Эверестом и столицей Земли — Вашенном. Он намеренно летел на пассажирском лайнере, а не на быстроходном личном стратоплане, который предоставил ему Энниус, поскольку испытывал естественное любопытство археолога и путешественника к повседневной жизни обитателей планеты Земля.

Была у него и другая причина.

Арвардан был родом из сирианского сектора, печально знаменитого своим антитеррализмом, но льстил себя надеждой, что сам этого предубеждения не разделяет. Как ученый, как археолог

он просто не мог себе этого позволить. Пусть он вырос, привыкнув считать землян анекдотическими персонажами, и теперь слово «землянин» казалось ему даже каким-то противным, но Убежденным антитерралистом он не был.

Так, по крайней мере, он считал. Например, если бы землянин захотел присоединиться к его экспедиции или работать с ним, обладая при этом нужной подготовкой и способностями, то Арвардан его бы принял. При наличии вакансии, конечно. И если остальные члены экспедиции были бы не против. Вот в чем загвоздка. Если сотрудники против, что ж поделаешь?

Арвардан не раз задумывался над этим. Он мог бы спокойно есть за одним столом с землянином, даже ночевать с ним под одной крышей в случае нужды… при условии, что землянин будет достаточно чистоплотным и здоровым. В общем, Арвардан во всем обращался бы с ним как с равным. Но, нельзя отрицать, все время бы сознавал, что землянин есть землянин. Тут уж ничего не поделаешь. Вот что значит вырасти в атмосфере нетерпимости… такой всеобъемлющей, что она почти не замечается, такой насыщенной, что ее аксиомы воспринимаются как вторая натура. Только сменив атмосферу, можно оценить, что

это такое.

Вот ему и представился случай испытать себя. Он летел в окружении одних только землян и чувствовал себя почти естественно — разве что чуточку напряженно.

Он смотрел на ничем не примечательные, обыкновенные лица своих попутчиков. Говорили, что земляне не такие, как все, но вот этих он не отличил бы в толпе от жителей других планет. Женщины были недурны собой. Тут Арвардан сдвинул брови. Нет уж, всякая терпимость имеет предел. Брак с землянкой, например, вещь совершенно немыслимая.

Сам самолет, по мнению Арвардана, был тесным и несовершенным. Двигатель, конечно, был ядерный, но использовался далеко не в полную силу. Да и защита была не на высоте. Видимо, рассеянная гамма-радиация и высокая плотность нейтронов в атмосфере не так уж волнует землян.

Арвардан залюбовался видом. Из густо-багровой верхней стратосферы Земля представляла собой сказочное зрелище. Огромные, затянутые туманом и густо усеянные освещенными облаками пространства суши отливали оранжевым оттенком пустыни. Позади медленно отступала

от стратоплана мягкая мохнатая ночь, где светились радиоактивные зоны.

От окна Арвардана отвлек общий смех, центром которого казалась пожилая пара, оба в теле и оба веселые.

Арвардан толкнул локтем своего соседа.

— Что там такое?

— Да вот, они уже сорок лет женаты и теперь совершают Большой тур.

— Большой тур?

— Ну да, кругосветное путешествие.

Пожилой супруг, раскрасневшись от удовольствия, без устали болтал, а жена периодически вмешивалась, дотошно поправляя его в совершенно незначительных деталях — вполне добродушно, Публика слушала их с большим участием, и Арвардану подумалось, что земляне ничуть не менее человечны, чем прочие обитатели Галактики.

— А когда вам на Шестьдесят? — спросил кто-то.

— Через месяц, — весело отвечали супруги. — Шестнадцатого ноября.

— Что ж, надеюсь, вам повезет и день будет хороший. Мой отец отправился на Шестьдесят в такой проливной дождь, которого я сроду не

видывал. Я ехал с ним — надо же было составить старику компанию в такой день, — и он все время жаловался. У нас была открытая двухколеска, и мы промокли до нитки. «Слушай, папа, — говорю я ему, — ты-то на что жалуешься? Мне ведь еще и обратно ехать придется, но я молчу».

Все покатились со смеху, не отставала и пара юбиляров. Но Арвардана охватил ужас — в нем зародилось отчетливое невеселое подозрение, И он спросил человека рядом с собой:

— Шестьдесят, о которых они говорят, это ведь эвтаназия? То есть когда человеку исполняется шестьдесят, его пускают в расход, да?

Но тут Арвардану стало не по себе: сосед, подавившись собственным хохотом, устремил на него долгий подозрительный взгляд и наконец сказал:

— А что же еще-то?

Арвардан сделал неопределенный жест и глуповато улыбнулся. Он знал об этом законе, но знание было чисто академическим. Одно дело — читать об этом в книге, обсуждать это в научном журнале, и совсем другое — вдруг понять, что это касается живых людей, что все окружающие тебя мужчины и женщины не могут по закону жить дольше шестидесяти лет.

Сосед так и не сводил с него глаз.

— Эй, парень, а ты откуда? У вас там что, не знают, что такое Шестьдесят?

— У нас это называется «Время», — вывернулся Арвардан. — Я оттуда. — И указал большим пальцем себе за плечо.

Но только через четверть минуты сосед отвел от него тяжелый, испытующий взгляд.

Экая подозрительность, скривил губы Арвардан, Тот карикатурный землянин его детства был, однако, взят с натуры.

— Она пойдет со мной, — говорил старик, кивая на свою добродушную жену. — Ей срок только через три месяца, но она решила, что ждать не стоит — лучше уж пойти вместе. Так ведь, толстушка?

— Ну да, — хихикнула она. — Дети все переженились, живут своим домом, я им буду только в тягость. Да мне и невесело будет без моего старичка, уж лучше мы уйдем вместе.

Тут все пассажиры углубились в подсчеты, сколько кому осталось времени — учитывались и месяцы, и дни. Жены спорили с мужьями.

Решительный мужичок в тесном костюме выпалил:

— Мне осталось ровно двенадцать лет, три месяца и четыре дня. Двенадцать лет, три месяца и

четыре дня. Ни больше, ни меньше.

— Если, понятно, раньше не умрешь, — резонно заметил кто-то.

— Чепуха. Я не собираюсь умирать раньше. Разве я похож на такого, который умрет раньше? Мне еще жить двенадцать лет, три месяца и четыре дня, и пусть только кто попробует с этим спорить.

Стройный юноша, вынув изо рта длинную щегольскую сигарету, мрачно сказал:

— Хорошо, если кто высчитывает свой срок с точностью до дня. А много ведь таких, которые заживаются после срока.

— Это точно, — подхватил другой, и все негодующе загудели.

— Я не против, — продолжал молодой человек, то попыхивая сигаретой, то красиво смахивая с нее пепел, — не против, если человек тянет после дня рождения до следующего Дня Совета. Может, ему дела надо уладить, мало ли. Но эти трусливые паразиты, которые стараются дотянуть до следующей переписи и отнимают хлеб у молодых…

К ним, как видно, молодой человек питал личную неприязнь.

— А разве возраст всех и каждого не регистрируется? — мягко вмешался Арвардан, — Ведь

трудно, должно быть, долго тянуть после дня рождения?

Все промолчали, не скрывая своего презрения к наивности вопроса, и наконец кто-то дипломатично произнес, будто закрывая тему:

— Да и несладко, по-моему, жить после шестидесяти.

— Особенно фермеру, — энергично поддержал другой. — Когда полвека проработаешь в поле, дураком надо быть, чтобы не радоваться, что уходишь. Но если ты чиновник или, скажем, бизнесмен…

Супруг с сорокалетним стажем рискнул высказаться, считая, видимо, что ему, как скорой жертве Шестидесяти, терять уже нечего:

— Тут все зависит от того, кто у тебя знакомые. — И многозначительно подмигнул. — Я знал человека, которому исполнилось шестьдесят через год после переписи восемьсот десятого года, и он жил, пока его не накрыли в перепись восемьсот двадцатого. Тогда ему было шестьдесят девять. Шестьдесят девять, подумать только!

— Как это он ухитрился?

— Деньги водились, и брат был в Обществе Блюстителей. С этакой комбинацией все можно.

Все согласились с рассказчиком.

— Слушайте, — таинственно начал молодой человек с сигаретой, — у меня был дядя, который прожил лишний год, всего год. Он как раз был из таких эгоистов, которые нипочем не хотят уходить. На нас ему было наплевать… Я не знал, что он живет, не то, честное слово, заявил бы на него, потому что уходить надо вовремя. Надо быть честным по отношению к молодым, В общем, его засекли, и блюстители первым делом вызывают нас с братом и спрашивают, почему мы не заявили. Я им говорю: я и понятия не имел, что дядя жив, и вся наша семья тоже, мы, говорю, его уже десять лет не видели. И наш старик подтвердил, и все-таки с нас содрали пятьсот кредиток штрафу. Вот что бывает, когда связей нет.

Растерянность Арвардана все возрастала. Они что, сумасшедшие? Как можно отрекаться от друзей и родных, желающих избежать смерти? Может, он случайно попал на самолет, который везет умалишенных в лечебницу или на эвтаназию? А может, все земляне такие? Сосед снова тяжело уставился на него.

— Эй, парень, откуда это «оттуда»?

— Простите?

— Я говорю, откуда ты? Ты сказал «оттуда». Это откуда же, а?

Теперь на Арвардана смотрели все, и смотрели очень подозрительно. Может, они принимают его за одного из этих самых блюстителей? А его вопросы наверняка сочли провокаторскими. Арвардан решился откровенно во всем признаться.

— Я не землянин. Бел Арвардан с Баронны, сектор Сириуса. А вас как зовут?

И протянул руку.

С таким же успехом он мог бы кинуть в середину салона атомную гранату.

Первоначальное выражение немого ужаса на лицах тут же сменилось злобой и враждебностью. Его сосед молча встал и пересел на другое сиденье, пассажиры которого потеснились, чтобы дать ему место.

Все отвернулись. Арвардана окружали теперь только враждебные спины. И это земляне так обращаются с ним, вознегодовал он. Земляне! А он-то протянул им руку дружбы. Он, сирианин, снизошел до общения с ними, а они его отталкивают!

Он сделал усилие и взял себя а руки. Этого следовало ожидать. Как видно: нетерпимость не бывает односторонней, и ненависть рождает ненависть. Кто-то подошел к нему, он возмущенно обернулся — это был молодой человек с

сигаретой, который как раз закуривал.

— Привет, — сказал он. — Меня зовут Крин. Не обращай внимания на этих недоумков.

— Я и не обращаю, — отрезал Арвардан.

Общество парня его мало устраивало, и он не был настроен принимать сочувствие от землянина.

Но Крин, видимо, не отличался тонкостью восприятия. Он раскурил сигарету, сделав несколько сильных затяжек, и стряхнул пепел в проход.

— Деревня! — презрительно зашептал он. — Сплошные фермеры. Нет у них галактического кругозора. Ты с ними не связывайся. Вот, к примеру, я — у меня совсем другие взгляды. Живи и давай жить другим, я так понимаю. Я ничего не имею против чужаков. Если они ко мне хорошо относятся, то и я к ним буду хорошо относиться. Да чего там, никто ведь не выбирает, кем ему родиться — чужаком или землянином. Как потвоему?

И он фамильярно потрепал Арвардана по руке.

Арвардан кивнул, но по коже у него пошли мурашки от этого прикосновения. Общаться с человеком, который жалеет, что не донес на своего дядю, было неприятно, независимо от его происхождения.

— Ты в Чику? — продолжал Крин. — Как, говоришь, тебя зовут? Албадан?

— Аврвардан. Да, я лечу в Чику.

— Это мой родной город. Самый обалденный городишко на Земле. Ты надолго туда?

— Не знаю, не решил еще.

— А-а. Слушай, ты извини, но уж очень мне нравится твоя рубашка. Можно я посмотрю поближе? Сирианская, наверно?

— Да.

— Отличный материал. На Земле такую не достанешь. Слушай, друг, у тебя лишней с собой нет? Я у тебя куплю, если захочешь продать. Мигом провернем.

Аврвардан решительно покачал головой.

— Извините, у меня с собой почти нет багажа. Я собирался купить себе одежду здесь, на Земле.

— Я дам тебе пятьдесят кредиток, — сказал Крин и, не получив ответа, обиженно добавил: — Это хорошая цена.

— Очень хорошая, но я уже сказал — у меня нет вещей на продажу.

— Ладно. Ты ведь надолго к нам на Землю?

— Возможно.

— А чем занимаешься?

Археолог наконец дал волю своему раздраже-

нию.

— Послушайте, господин Крин, я немного устал и хочу вздремнуть, с вашего позволения. Вы уж извините меня.

— «Извините»! У вас там что, вести себя не умеют? Я тебя вежливо спрашиваю, чего же ты огрызаешься?

Крин говорил уже не тихо, а почти вопил. К Арвардану поворачивались враждебные лица, и он, плотно сжав губы, с горечью подумал: сам напросился. Ничего бы не было, если бы он с самого начала держался в стороне и не хвастался своей несчастной терпимостью, которая никому не нужна.

— Господин Крин, — ровно сказал он, — я не просил вас составить мне компанию и вел себя вполне вежливо. Повторяю вам, я устал и хочу отдохнуть. По-моему, это вполне нормально.

— Послушай, — молодой человек вскочил, отбросил сигарету и продолжал, тыча пальцем в Арвардана, — не надо обращаться со мной, как с собакой. Вы, чужаки вонючие, являетесь сюда, все такие воспитанные и сдержанные, и думаете, что нас можно топтать ногами. Мы этого не потерпим, учти. Если тебе здесь не нравится, можешь убираться туда, откуда явился, а будешь

нахальничать, так получишь. Думаешь, я тебя боюсь?

Аврдан отвернулся и уставился в окно.

Крин замолчал и ушел на свое место. В салоне стоял взволнованный гул голосов. Археолог старался не слушать, но кожей чувствовал острые злые взгляды, Потом и это кончилось, как кончается все на свете.

Свое путешествие он завершил в молчании и одиночестве.

Посадку в Чикском аэропорту Аврдан встретил с облегчением. Он улыбнулся про себя, поглядев сверху на «самый обалденный городишко на Земле», но все же лучше, чем напряженная атмосфера в салоне.

Его багаж перенесли в такси-двухколеску. Уж здесь-то он будет единственным пассажиром, и если не распускать язык перед водителем, то ничего не случится.

— Дом правительства, — сказал он таксисту.

Так Аврдан впервые появился в Чике, и было это в тот самый день, когда Джозеф Шварц бежал из Института ядерных исследований.

Крин с горькой усмешкой проследил за отъездом Аврдана, вынул свою книжечку и углубил-

ся в нее, попыхивая сигаретой. Из пассажиров не удалось вытянуть ничего особенного, несмотря на историю с дядей, которой он часто с успехом пользовался. Правда, старикан жаловался на человека, который прожил лишнее, и намекал на его связи в аппарате власти — это можно было бы оформить как клевету на Братство, но старому дураку и так через месяц на Шестьдесят. Нечего с ним и связываться.

Но вот чужак — другое дело.

Крин с удовлетворением перечел свою запись: «Бел Арвардан, Баронна, сектор Сириуса — проявлял интерес к Шестидесяти — скрывает цель своего прибытия — прибыл в Чику на пассажирском стратоплане — ярко выраженные антитерральные настроения».

Может, на этот раз он напал на жилу. Вылавливать, кто что сболтнет, скучная работа, но ради таких вот моментов стоит помучиться. Через полчаса он уже представит свой рапорт.

И Крин не спеша пошел с летного поля.

Глава восьмая
Свидание в Чике

Доктор Шект в двадцатый раз перелистывал тетрадь своих последних записей, когда в кабинет вошла Пола. Надевая белый халат, она строго спросила:

— Ты что ж, отец, так и не ел?

— А? Ел, конечно. Ох, что это?

— Это обед. Точнее, бывший обед. То, что ты ел, наверное, было завтраком. Зачем же я покупаю продукты и приношу тебе сюда, если ты все равно не ешь? Придется, верно, перевести тебя на режим домашнего питания.

— Не волнуйся, я все это съем. Я не могу прерывать важнейший эксперимент каждый раз, когда ты считаешь нужным меня кормить.

За десертом доктор подобрел.

— Ты и представить себе не можешь, что за человек Шварц. Я говорил тебе про швы его черепа?

— Да, ты говорил, что у него череп первобытного человека.

— И это еще не все. У него тридцать два зуба

— по три коренных вверху и внизу, справа и слева. Среди них один искусственный, сделанный каким-то кустарем. По крайней мере, я никогда не видел, чтобы мост крепили металлическими крючками к соседнему зубу вместо того, чтобы вживлять в челюсть. А ты когда-нибудь видела человека, у которого тридцать два зуба?

— Я же не пересчитываю у людей зубы, отец. А сколько их должно быть — двадцать восемь?

— Верно, как звезды. Но и это еще не все. Вчера мы делали ему просвечивание брюшной полости. И как ты думаешь, что мы там нашли? Угадай.

— Кишки.

— Пола, ты меня нарочно выводишь из себя, но я не поддамся. Можешь не угадывать, я сам скажу. У Шварца аппендикс длиной три с половиной дюйма, и он открыт. Великий Боже! Совершенно беспрецедентный случай! Я проконсультировался с медицинским институтом, соблюдая осторожность, само собой, так вот: аппендиксы не бывают длиннее полудюйма и всегда закрыты.

— Ну и что все это означает?

— Да он же сплошной атавизм, живое ископаемое. — Шект встал и начал бегать по кабинету. — Знаешь, Пола, по-моему, мы не должны отдавать Шварца. Он слишком ценный экспонат.

— Нет, отец, так нельзя. Ты обещал тому фермеру вернуть ему Шварца, вот и верни. Ради самого же Шварца. Он такой несчастный.

— Несчастный! Да с ним тут обращаются, как с богатым иномирцем.

— Ему это безразлично. Бедняга привык к своей ферме, к своей семье, он там всю жизнь прожил. У нас он перенес сильный испуг и боль тоже, насколько я знаю, да еще и мыслить стал по-другому. Он не в силах все это понять. Надо считаться с правами человека и вернуть его семье.

— Но, Пола, наука требует…

— О, чепуха! Ничего она не требует! Что, по-твоему, скажет Братство, когда услышит о твоих подпольных экспериментах? Думаешь, их сильно волнует наука? Подумай о себе, если не хочешь думать о Шварце. Чем дольше ты его будешь здесь держать, тем вероятнее, что тебя поймают. Ты отправишь его домой завтра ночью, как договаривался, слышишь? Пойду посмотрю, не надо ли ему чего-нибудь перед обедом.

Она вернулась через пять минут, белая, как мел.

— Отец, он ушел!

— Кто ушел? — испугался Шект.

— Шварц! — чуть не плача, крикнула По-

ла. — Ты, Наверное, забыл запереть дверь, когда уходил.

Шект встал, держась за стол, чтобы не упасть.

— И давно он ушел?

— Не знаю. Не может быть, чтобы давно. Когда ты там был в последний раз?

— И пятнадцати минут не будет. Я здесь пробыл всего пару минут, когда ты пришла.

— Ну тогда я побежала, — решительно заявила Пола. — Может, он просто бродит где-нибудь по соседству. А ты оставайся здесь. Если он попадет в чужие руки, его не должны связывать с тобой. Ясно?

Шект мог только кивнуть.

Джозеф Шварц не ощущал никакого душевного подъема, сменив стены своей больничной тюрьмы на городские просторы. Он не обманывал себя — никакого плана у него не было, и он прекрасно знал, что просто импровизирует.

Если нечто и управляло им, кроме слепого желания хоть как-то действовать, а не сидеть сложа руки, то это была надежда, что какое-нибудь случайное столкновение с жизнью вернет назад его заблудшую память. Теперь он был твердо уверен в том, что у него амнезия.

Однако первый взгляд на город обескуражил

его. Дело было после полудня, и Чика молочно белела в солнечном свете. Дома выглядели так, точно они из фаянса, как и тот фермерский дом, на который он набрел.

Что-то внутри Шварца говорило: город должен быть красный или коричневый и намного грязнее этого — Шварц был в этом просто убежден.

Он медленно пошел вперед, зная почему-то, что розыска на него никто объявлять не станет. Он это ощущал, вот и все. В последние дни он стал особо чувствителен к «атмосфере», к своему окружению. Это входило в те странности, которые начались после… после…

Но мысли уходили в сторону.

«Атмосфера» в его тюрьме была насыщена тайной и еще страхом. Поэтому никто не погонится за ним с громкими криками. Он знал. Но откуда? Может быть, это странное свойство мозга сопутствует амнезии?

Он перешел еще одну улицу. Машин было сравнительно мало, прохожие как прохожие. Вот только одежда на них смешная; без швов, без пуговиц, пестрая, как расцветка на попугаях. Он и сам был одет так же и не знал, куда девалась его старая одежда, не знал, вправду ли был раньше одет так, как ему помнилось. Очень трудно быть

уверенным в чем-то, если принципиально не уверен в своей памяти.

Но он так ясно помнил жену, детей. Не может быть, чтобы он их выдумал. Шварц внезапно остановился — восстановить пошатнувшееся самообладание. А вдруг эти образы — искаженные контуры настоящих людей, которых он обязательно должен найти в этой реальной жизни, такой нереальной?

Люди обходили его, порой недовольно ворча. Шварц опять двинулся вперед. Его вдруг поразила мысль, что он голоден… или скоро проголодается, а денег у него нет.

Он посмотрел вокруг — ничего похожего на ресторан. Но откуда ему знать, если он не может прочесть ни одной вывески?

Заглядывая в каждую витрину, мимо которой проходил, он увидел помещение со столиками в нишах, за которыми ели трое мужчин — двое сидели вместе, третий отдельно.

Хоть тут, по крайней мере, ничего не изменилось. Люди, которые ели, все так же жевали и глотали.

Шварц вошел и на миг остановился в растерянности, не видя ни стойки, ни признаков кухни или стряпни. Он собирался предложить помыть

посуду за обед, но кому предлагать?

Робко подойдя к двум обедающим мужчинам, он с трудом произнес:

— Еда! Где? Пожалуйста.

Они озадаченно посмотрели на него, и один стал быстро и совершенно неразборчиво говорить что-то, похлопывая по ящику в конце стола у стены. Другой что-то нетерпеливо добавил.

Шварц отвел глаза и повернулся, чтобы уйти, но его удержали за рукав.

Гранц заметил пухлое растерянное лицо Шварца, когда тот заглянул в окно.

— Этому еще что надо?

Месстер, сидевший напротив него спиной к улице, оглянулся, пожал плечами и ничего не сказал.

— Он вошел, — сказал Гранц.

И Месстер ответил:

— Ну и что?

— Ничего, просто говорю.

Но вошедший, беспомощно поглядев крутом, подошел к ним и, показывая на их говяжье жаркое, спросил со странным акцентом:

— Еда! Где? Пожалуйста.

— Тут еда, друг, — сказал Гранц. — Садись к любому столику, и автомат тебе подаст. Автомат! Не

знаешь, что такое автомат? Глянь только на бедного недоумка, Месстер. Смотрит на меня, точно ни слова не понимает. Эй, мужик, вот он, гляди. Суешь монетку — и кушай на здоровье, понял?

— Да брось ты его, — буркнул Месстер. — Просто попрошайка, ищет, где бы стрельнуть.

— Эй, постой. — Гранц удержал уходящего Шварца за рукав, говоря Месстеру: — Боже милостивый, давай его накормим. Ему, поди, скоро на Шестьдесят. Это самое малое, что я могу для него сделать. Эй, друг, у тебя деньги есть? Чтоб я сдох — он меня опять не понимает. Деньги, мужик, деньги! — Гранц вынул из кармана монету в полкредитки, вертя ее так, чтобы блестела. — Ну, есть?

Шварц медленно покачал головой.

— Ладно, тогда возьми! — Гранц спрятал полкредитки обратно и дал Шварцу другую монету, значительно мельче. Тот неуверенно взял.

— Ну вот. Только не стой здесь. Сунь ее в автомат. Вот в эту штуку.

И Шварц понял. В автомате было несколько щелей для монет разного размера и кнопки против квадратиков молочного цвета, надписи на которых Шварц не мог прочитать. Он показал на блюдо, которое ели те двое, и стал водить паль-

цем вверх и вниз по кнопкам, вопросительно подняв брови.

— Бутерброда ему недостаточно, — раздраженно сказал Месстер. — Ничего себе нищие пошли. Зря ты ему потакаешь, Гранц.

— Ладно уж, потрачу восемьдесят пять… Сегодня все-таки получка. Погляди, — сказал он Шварцу, опуская свои монеты в автомат, и взял большой металлический контейнер из углубления в стене. — На, иди на другой столик… Нет, ту денежку оставь себе. Возьмешь на нее кофе.

Шварц осторожно отнес контейнер на соседний столик. При контейнере была ложка, прикрепленная сбоку прозрачной лентой, которая легко прорвалась ногтем. Крышка посуды при этом разошлась по шву и сама по себе свернулась в трубочку.

Содержимое, не в пример тому, что ели другие, было холодным — ну да ничего. Но через минуту Шварц заметил, что еда разогревается, а посуда становится горячей на ощупь, и с опаской перестал есть. От жаркого пошел пар, соус забулькал. Потом это прекратилось, блюдо снова остыло, и Шварц доел.

Когда он уходил, Гранц и Месстер еще сидели за едой, как и третий посетитель, на которого

Шварц так и не обратил внимания. Как ни разу не заметил, что, с тех пор как он вышел из института, какой-то тощий человечек незаметно ведет за ним наблюдение.

Бел Арвардан, приняв душ и переодевшись, стал продолжать задуманное — наблюдать за земным подвидом человека в естественных условиях. Погода была хорошая, дул легкий ветерок, и в деревне — пардон, в городе — было свежо, тихо и чисто.

Не так уж все и плохо.

Чика — его первая остановка, самое большое скопление землян на планете. Потом Вашенн, местная столица, — Сенлу — Сенфран — Бонэр. Арвардан проложил свой маршрут по западным континентам, где жило большинство редкого земного населения. Проводя по два-три дня в каждом пункте, он вернется в Чику как раз к тому времени, когда прибудет корабль с его экспедицией.

Это будет познавательное путешествие.

После полудня Арвардан зашел в кафе-автомат и, пока ел, стал свидетелем драматической сценки между двумя землянами и старым толстяком, пришедшим позднее. Он наблюдал за ними рассеянно, отметив только, что происходящее

говорит в пользу землян и смягчает неприятное впечатление от полета. Двое обедавших были, видимо, аэротаксисты, люди небогатые, и все же проявили милосердие.

Нищий ушел, а через пару минут вышел и Арвардан.

Рабочий день подошел к концу, и на улицах стало гораздо больше народу.

Арвардан, извинившись, торопливо отступил в сторону, чтобы избежать столкновения с молодой девушкой.

Она была в белой, видимо, форменной, одежде и не очень-то обращала внимание на то, куда идет. Полностью поглощенная своей целью, она озабоченно вертела головой, словом, ситуация была вполне ясная.

— Не могу ли я вам помочь, барышня? — спросил Арвардан, коснувшись ее плеча. — Вы что-то потеряли?

Она вздрогнула и обернулась к нему. На взгляд Арвардана, ей было лет девятнадцать-двадцать, у нее были каштановые волосы и темные глаза, высокие скулы и маленький подбородок, стройная талия и грациозная осанка. Сознание того, что эта девушка — землянка, придавало ей дополнительную, запретную пикантность в глазах

Арвардана.

Девушка, наконец, ответила, и все ее отчаяние прорвалось наружу.

— Ах, бесполезно. Пожалуйста, не беспокойтесь. Глупо даже надеяться найти человека, если не знаешь, куда он пошел. — И со слезами на глазах, глубоко вздохнув, она спросила: — Вы случайно не видели толстяка лет пятидесяти пяти, одет в белое и зеленое, без шляпы, лысоватый?

— В белом и зеленом, говорите? — удивился Арвардан. — Невероятно… И плохо говорит?

— Да-да-да. Так вы его видели?

— Минут пять назад он здесь ел с этими двумя мужчинами. Да вот они. Эй, друзья…

— Такси, господа? — откликнулся Гранц.

— Нет, но если скажете молодой даме, куда делся человек, которого вы накормили, то можете заработать.

— Я бы рад помочь, — опечалился Гранц, — но я его видел первый раз в жизни.

— Послушайте, навстречу вам он пойти не мог, — сказал девушке Арвардан, — иначе вы бы его увидели. Далеко он тоже не мог уйти. Не пойти ли нам на север? Я его узнаю, если увижу.

Он предложил ей помощь под влиянием минуты, хотя вообще-то не был импульсивным

человеком. И поймал себя на том, что улыбается девушке.

— А что он сделал, барышня? — вмешался Гранц. — Он не нарушил Наказ, нет?

— Нет-нет, — поспешно ответила она. — Просто он немного болен, вот и все.

Месстер посмотрел вслед девушке и Арвардану.

— Болен, значит? — Он нахлобучил на голову фуражку и ухватил себя за подбородок. — Как это тебе нравится, Гранц? Немного болен.

— Ты чего? — встревожился Гранц.

— Да мне что-то тоже немного худо стало. Тот мужик, видать, прямиком из больницы. Сестра побежала его искать, и она здорово беспокоится. А с чего ей беспокоиться, раз у него ничего серьезного? Он еле говорил и еле понимал, что ему говорят, ты сам заметил.

Гранца вдруг охватила паника.

— Ты думаешь, у него лихорадка?

— Лучевая лихорадка в тяжелой стадии. И он стоял совсем близко от нас, Вот тебе и…

К ним подошел тощий человечек. Тощий человечек с острыми яркими глазками вынырнул неведомо откуда и зачирикал:

— Вы чего, ребята? У кого это лучевая лихо-

радка?

— А ты кто такой? — неприветливо спросил Месстер.

— Ах, вы хотите знать, кто я такой? Служба Братства, ребята. — И он показал им яркий значок на внутреннем отвороте лацкана. — Именем Общества Блюстителей, где лучевая лихорадка?

— Мы ничего не знаем, — угрюмо сказал Месстер. — Тут медсестра искала больного, и я подумал — вдруг у него лихорадка. Эго ведь не против Наказов?

— Он меня спрашивает! Занимайся-ка лучше своим делом, а за Наказами я сам присмотрю. — Человечек отер руки, оглянулся по сторонам и устремился в северном направлении.

— Вот он!

Пола порывисто сжала локоть своего спутника. Случай быстро помог им. После недолгих поисков Шварц внезапно появился у главного входа в универмаг самообслуживания, всего в нескольких кварталах от кафе-автомата.

— Вижу, — шепнул Аравдан. — Теперь вы держитесь в стороне, а я пойду за ним. Если он вас увидит и нырнет в толпу, его уже не найти.

И началось преследование, похожее на кошмарный сон. Толпа покупателей была похожа

на зыбучий песок, который мог поглотить свою добычу быстро или медленно, скрыть ее или внезапно извергнуть, поставить непреодолимый барьер на пути преследователей. Казалось, что толпа — это единое злобное существо.

Арвардан осторожно обошел прилавок, водя Шварца как рыбу на конце удилища, и своей огромной рукой схватил его за плечо.

Шварц залопотал что-то и в панике рванулся прочь, но от хватки Арвардана не ушел бы и человек посильнее Шварца, Археолог заговорил, улыбаясь, чтобы не привлекать внимания посторонних:

— Привет, старина, давно не виделись. Как дела? Вряд ли это могло кого-нибудь обмануть — стоило посмотреть на Шварца, но тут подоспела Пола.

— Шварц, — зашептала она, — пойдемте с нами. Какой-то миг Шварц еще упирался, потом уступил.

— Я… идти… с вами, — устало сказал он, но его голос потонул в реве магазинного репродуктора:

— Внимание! Внимание! Внимание! Администрация предлагает всем посетителям магазина организованно пройти к выходу на Пятую улицу. При выходе предъявляйте регистрационную

карточку. Посетителям предлагается покинуть магазин немедленно.

Сообщение повторили три раза, уже под шарканье многочисленных ног, которые направлялись к выходу. Поднялся гомон — все задавали друг другу на разные лады вечный, никогда не получающий ответа вопрос: «В чем дело? Что случилось?»

— Пойдемте и мы, — пожал плечами Арвардан. — Нам все равно надо уходить.

— Нет, нам нельзя, — затрясла головой Пола.

Почему? — нахмурился Арвардан.

Девушка отпрянула. Как ему объяснить, что у Шварца нет регистрационной карточки? Кто он, собственно, такой? И зачем помогал ей? Пола изнемогала от подозрений и отчаяния.

— Вы идите, а не то нарветесь на неприятности, — проговорила она.

Лифты без устали свозили народ с верхних этажей. Арвардан, Пола и Шварц оставались единственным островком твердой земли в человеческой реке.

Позже, оглядываясь назад, Арвардан понимал, что чуть было не бросил девушку в тот миг. Он мог тогда уйти и больше не увидеть ее, и его совесть была бы чиста. И все обернулось бы по-другому,

и Великая Галактическая Империя погибла бы в хаосе и разрушении.

Но Арвардан не покинул девушку. Охваченная страхом и отчаянием, она уже не была красивой, да и никто бы не был на ее месте, но Арвардана тронул ее беспомощный вид. Он пошел было прочь, но остановился.

— Вы остаетесь?

Она кивнула.

— Но почему?

— Потому что, — залилась она слезами, — потому что я не знаю, что делать.

Перед ним была перепуганная девчонка — пусть она землянка, какая разница? Арвардан смягчился.

— Если вы скажете мне, в чем дело, я постараюсь помочь.

Она не ответила.

Все трое представляли собой живую картину. Шварц присел на корточки, слишком подавленный, чтобы следить за их разговором и удивляться, с чего это вдруг опустел универмаг, и закрыл лицо руками в немом жесте отчаяния. Пола рыдала. Раньше она никогда даже не представляла себе, что можно испытывать такой страх. Озадаченный Арвардан неуклюже погла-

живал ее по плечу, пытаясь утешить, и в голове у него застряла мысль, что он впервые прикоснулся к землянке.

И тут к ним подошел маленький человечек.

Глава девятая
Происшествие в Чике

Лейтенант чикского гарнизона Марк Клауди медленно зевнул и с тоской уставился в пустоту. Он дослуживал на Земле второй год и не мог дождаться, когда его переведут.

Во всей Галактике не было такой трудной службы, как на этой жуткой планете, В других мирах между военными и штатскими существовали определенные приятельские отношения, особенно если штатские были женского пола. Там солдат чувствовал себя свободно и непринужденно.

Здесь же казарма была тюрьмой с противорадиоактивными стенами и тщательно фильтруемой атмосферой. Приходилось носить пропитанные свинцом защитные костюмы, тяжелые и холодные, их нельзя было снимать, не рискуя здоровьем. И в довершение ко всему, не могло быть и речи о братании с гражданским населением, даже если допустить, что кто-нибудь из солдат с тоски и одиночества захотел бы связаться с «земляшкой».

Что же еще оставалось, кроме как дрыхнуть

или, на худой конец, кимарить, а в промежутках медленно сходить с ума?

Лейтенант Клауди потряс головой в тщетной попытке разогнать туман, сел и стал натягивать башмаки. Часы показывали, что до вечерней жратвы еще есть время. Но вдруг лейтенант как ужаленный вскочил с кровати в одном ботинке, горько сожалея о том, что не успел причесаться, и отдал честь — перед ним стоял старший по званию.

Полковник пренебрежительно оглядел его, но не сделал замечания, а сказал отрывисто:

— Лейтенант, нам сообщили о беспорядках в центре города. Отправляйтесь с дезинфекционной командой к универмагу Дунхема и разберитесь, в чем там дело. Проследите, чтобы ваши люди были полностью защищены против лучевой лихорадки.

— Лучевая лихорадка?! — вскричал лейтенант. — Прошу прощения, полковник, но…

— Выступить через пятнадцать минут, — холодно сказал полковник.

Аврадан первым увидел человечка и замер, но тот сказал:

— Здорово, начальник. Здорово, верзила. Скажи дамочке, чтобы не убивалась так.

Пола вскинула голову, затаив дыхание, и машинально прижалась к внушительному на вид Арвардану, а тот так же машинально обнял ее за плечи, даже не заметив, что прикоснулся к землянке во второй раз.

— Что вам надо? — резко спросил он.

Остроглазый человечек нерешительно вышел из-за прилавка, заваленного пачками товара, говоря заискивающе-нахальным тоном:

— Там на улице заваруха, но вы, барышня, не беспокойтесь. Я проведу вашего красавца обратно в институт.

— Какой институт? — испугалась Пола.

— Да ладно вам. Я Наттер, у меня фруктовый ларек как раз напротив Института ядерных исследований. Я вас там сто раз видел.

— Послушайте, — обратился к нему Арвардан, — а в чем дело?

Наттер весь затрясся в приступе веселья.

— Они думают, у него лучевая лихорадка.

— Лучевая лихорадка? — дуэтом повторили Арвардан и Пола.

— Ага. С ним обедали двое таксистов, от них и пошло. Слухи-то быстро расходятся.

— Значит, гвардейцы у выхода ищут человека, больного лихорадкой? — спросила Пола.

— Точно.

— А вы почему не боитесь лихорадки? — осведомился Арвардан. — Ведь администрация сама ждет снаружи, не решается войти. Ждут дезкоманду чужаков.

— А вы, значит, не боитесь.

— А чего бояться? Нет у него никакой лихорадки. Поглядите — ни болячек на губах, ни жара, глаза нормальные. Что я, лихорадки не видал? Давайте-ка пошли отсюда.

— Нет-нет. Мы не можем, — снова испугалась Пола, — Он… он…

— Я его выведу, — понимающе заверил Наттер. — Нет проблем. Безо всякой карточки.

Пола чуть не вскрикнула, и Арвардан неприязненно спросил:

— Вы настолько важная персона?

Наттер хрипло засмеялся и похлопал себя по лацкану.

— Агент Общества Блюстителей. Мне вопросов не задают.

— Но зачем вам это нужно?

— Честная сделка. Вы в затруднении, я могу вам помочь. Сотня кредиток, скажем. Вы платите, я делаю. Пятьдесят — сейчас, пятьдесят — после доставки.

— Вы заберете его в Братство! — с ужасом прошептала Пола.

— Зачем? Он им ни к чему, а я заработаю свою сотню. Смотрите — дождетесь чужаков, а они и убить мужика могут, пока разберутся, есть у него лихорадка или нет. Вы чужаков знаете — их не волнует, что они убьют землянина. Им чем больше убил, тем лучше.

— Возьмите с собой девушку, — сказал Арвардан.

— Э нет, начальник, — хитро глянул Наттер, — У меня риск учтенный. Одного-то я выведу, а двоих может не получиться. Если уж брать, так того, кто больше стоит. Разумно ведь, а?

— А я тебе ноги вырву, понял?

Наттер вздрогнул, но тут же рассмеялся.

— Ну и дурак. Все равно тебя возьмут, да еще и за убийство отвечать придется. Так что лапы прочь, начальник.

— Ну, пожалуйста, — тянула Арвардана за руку Пола, — мы должны попробовать. Пусть он делает, как знает. Вы ведь нас не обманете, правда, господин Наттер?

Наттер скривил рот.

— Твой большой дружок мне руку вывернул. Напрасно он это сделал. Я не люблю, когда меня

трогают. Придется взять с вас еще сотню — всего двести.

— Мой отец вам заплатит.

— Сотню вперед, — потребовал Наттер.

— Но у меня нет с собой ста кредиток, — взмолилась Пола.

— Ничего, у меня есть, — сказал Арвардан, открыл бумажник, вынул несколько купюр и сунул их Наттеру. — Катись!

— Идите с ним, Шварц, — прошептала Пола.

Шварц молча и равнодушно подчинился — он бы сейчас и в преисподнюю отправился с таким же безразличием.

Пола и Арвардан, оставшись вдвоем, растерянно уставились друг на друга. Пола, кажется, впервые по-настоящему увидела Арвардана — какой он высокий, мужественно-красивый, спокойный и уверенный в себе. Раньше она воспринимала его только как нежданного помощника, но теперь… Она вдруг засмущалась, ее сердце затрепетало, и события последнего часа перестали ее волновать.

Они даже не знали, как зовут друг друга.

— Пола Шект, — улыбнулась девушка Арвардану.

Арвардан еще не видел, как она улыбается, и

заинтересовался этим явлением. Улыбаясь, Пола вся светилась, и это вызвало желание… но Арвардан грубо оборвал себя. Землянка! И представился чуть менее сердечно, чем собирался:

— Бел Арвардан.

Он протянул ей свою бронзовую руку, в которой на миг исчезла ее ручка.

— Я даже не поблагодарила вас за помощь.

Арвардан небрежно пожал плечами.

— Пойдемте? Наверное, ваш друг уже вышел, надеюсь, благополучно.

— Если бы его схватили, поднялся бы шум. Как вы думаете?

Ее взгляд умолял не отнимать у нее надежду! и Арвардан *с* трудом удержался, чтобы не размякнуть.

— Пойдемте?

— Да, почему бы и нет? — с внезапным холодком ответила девушка.

Но тут вдалеке послышался вой и скрежет. Пола снова вздрогнула и в испуге раскрыла глаза.

— А это что такое? — спросил Арвардан.

— Имперские войска.

— Вы их тоже боитесь? — с лукавинкой в голосе спросил Арвардан-галактианин, сирианский археолог. Пусть это предрассудок, пусть это

вопиюще нелогично, но для него имперский солдат был воплощением здравого смысла и гуманности. — Не бойтесь чужаков, — покровительственно-благодушно сказал он, снисходя даже до земного выражений. — Я с ними разберусь.

— О нет, не надо, — забеспокоилась девушка. — Лучше совсем с ними не разговаривайте. Делайте все, что они скажут, а на них даже не смотрите.

Улыбка Арвардана стала еще шире.

Гвардейцы, увидев их в дверях, отошли назад, и Арвардан с Полой в странной тишине вступили в их круг. Армейские машины выли уже совсем близко.

Вот они въехали на площадь, и из них посыпались солдаты в стеклянных шлемах. Люди в панике разбегались, подгоняемые резкими криками и тычками рукояток нейрокнутов.

Лейтенант Клауди подошел к гвардейцу-землянину и спросил:

— Эй, ты, у кого тут лучевая лихорадка? — Гермошлем слегка искажал его черты, а голос через микрофон звучал металлически, Гвардеец почтительно склонил голову.

— С вашего позволения, ваша милость, больной изолирован в здании. Те двое, что были с ним,

только что вышли, вот они перед вами.

— Ах вот оно что? Пусть остаются на месте. Первым делом надо разогнать толпу… Сержант! Очистить площадь!

Все совершалось с мрачной слаженностью. Над Чикой сгущались сумерки, и толпа быстро таяла, растворяясь во мраке. На улицах включались огни, мягко освещая город.

Лейтенант Клауди постучал по сапогам рукояткой нейрокнута.

— Больной земляш точно внутри?

— Он не выходил, ваша милость. Должен быть там.

— Ладно, примем это как факт и не будем терять времени… Сержант! Обезвредить здание!

Группа солдат, герметически защищенных от окружающей среды, прошла в универмаг и провела там долгах четверть часа. Арвардан с увлечением наблюдал за событиями, совсем не желая как профессионал прерывать взаимодействие двух разных цивилизаций. Наконец последний из солдат вышел, и здание погрузилось во мрак.

— Опечатать дверь!

Еще несколько минут, и контейнеры с дезинфектантом, расставленные в нескольких местах

на каждом этаже, были вскрыты с помощью дистанционного управления. Из них повалили густые пары, они ползли по стенам, обволакивая каждый дюйм площади, наполняли воздух, проникали во все щели. Ни один вид протоплазмы, от бактерии до человека, не мог выжить при такой обработке — теперь помещением можно будет пользоваться лишь после долгой химической очистки. Лейтенант подошел к Арвардану и Поле.

— Как его звали?

В его голосе не было даже жестокости — одно только безразличие. Погиб землянин — ну и что же? Он еще и муху сегодня убил. Всего, значит, двое.

Ему никто не ответил. Пола понурила голову, Арвардан не оставлял своей роли наблюдателя. Офицер, не отрывая от них глаз, распорядился:

— Проверить этих на инфекцию.

Подошел офицер со знаками отличия военного медика и без церемоний начал осмотр. Руками в перчатках он прощупал обоих под мышками и залез в рот, проверив внутреннюю сторону щек.

— Здоровы, лейтенант. Если они контактировали сегодня с больным, симптомы в случае заражения уже должны были проявиться.

— Угу, — Лейтенант осторожно снял шлем и с наслаждением глотнул свежего, хотя и земного, воздуха. Держа этот громоздкий предмет на сгибе левой руки, он резко спросил:

— Как твоя фамилия, земляшка?

И обращение, и тон были оскорбительны, но Пола не выразила возмущения.

— Пола Шект, офицер, — ответила она шепотом.

— Документы!

Пола достала из белого кармашка розовую книжечку.

Лейтенант взял ее и раскрыл, светя себе фонариком, потом бросил обратно девушке. Книжечка, кружась, упала на землю, и Пола быстро нагнулась за ней.

— Стоять, — процедил офицер и отбросил удостоверение ногой в сторону.

Пола выпрямилась, вся белая. Аврадан счел, что пора вмешаться, и сказал:

— Послушайте, можно вас?

Лейтенант рывком повернулся к нему, оскалив зубы.

— Что ты сказал, земляш?

Пола бросилась между ними.

— Прошу вас, офицер, этот человек не имеет

никакого отношения к тому, что случилось. Я его никогда раньше не видела…

Лейтенант оттолкнул ее.

— Что ты сказал, земляш?

Арвардан спокойно ответил, не отводя глаз:

— Я сказал: «Послушайте, можно вас?» А дальше я собирался сказать, что мне не нравится ваше обращение с женщинами и что я советовал бы вам изменить свои манеры.

Он был слишком раздражен, чтобы разубеждать офицера относительно своего происхождения. Лейтенант растянул губы в усмешке.

— А кто воспитывал тебя, земляш? Ты что, не знаешь, как разговаривать с человеком? Не знаешь своего места? Ну что ж, давненько я не имел удовольствия поучить уму-разуму такого большого жеребца-земляша. Получи!

И он быстро, как жалит змея, ударил ладонью Арвардана по лицу — раз и другой.

Пораженный Арвардан отступил, в ушах у него зашумело. Он перехватил бьющую руку, увидел великое удивление на лице у лейтенанта, мускулы плеч напряглись…

Лейтенант с грохотом рухнул наземь, и его шлем разбился вдребезги. Арвардан со свирепой улыбочкой отряхнул руки над лежащим телом.

— Может, еще какой ублюдок хочет попробовать печь блины у меня на лице?

Но сержант поднял свой нейрокнут. Контакт щелкнул, и бледно-лиловый луч лизнул археолога.

Каждый мускул в теле Арвардана свело невыносимой болью, он медленно опустился на колени и, полностью парализованный, потерял сознание.

Первое, что ощутил Арвардан, выплыв из беспамятства, — это блаженная прохлада на лбу. Он попытался открыть глаза, но веки точно были подвешены на ржавых петлях. Арвардан оставил эту затею и очень медленно, отрывочными движениями (каждое сокращение мышц вгоняло в него булавки) поднес руку к лицу: мягкое влажное полотенце, которое придерживала маленькая рука.

Он с усилием приоткрыл-таки один глаз и, посмотрев сквозь туман, произнес:

— Пола.

Та вскрикнула от радости.

— Да. Как вы себя чувствуете?

— Как будто уже умер, — проскрипел он, — только без той отрады, что не чувствуешь боли. Что случилось?

Нас отвезли на военную базу. Сюда заходил

полковник. Вас обыскали. Не знаю, что они собираются делать, но… Ох, господин Арвардан, напрасно вы ударили лейтенанта. По-моему, вы сломали ему руку.

На лице у Арвардана проступила слабая улыбка.

— Это хорошо! Жаль, что не шею.

— Но оказание сопротивления имперскому офицеру — тяжкое преступление, — полным ужаса шепотом сказала она.

— Правда? Это мы еще посмотрим.

— Шш. Они возвращаются.

Арвардан закрыл глаза и расслабился. Он слышал, будто издалека, как вскрикнула Пола, и почувствовал, как в тело входит игла, но не мог пошевелиться.

Потом по его жилам и нервам прошла благодатная обезболивающая волна. Мускулы рук разжались, и выгнутая дугой спина легла на место. Арвардан похлопал глазами, оперся на локоть и сел.

На него с беспокойством смотрел полковник и тревожно-радостно — Пола.

— Ну-с, доктор Арвардан, у нас, кажется, произошло неприятное недоразумение, — сказал полковник.

Доктор? Пола вдруг поняла, как мало она знает о нем — не знает даже, чем он занимается. Раньше она никогда не испытывала подобного чувства.

— Неприятное, говорите? — хохотнул Арвардан. — По-моему, это не то прилагательное.

— Вы сломали руку офицеру Империи при исполнении служебных обязанностей.

— Этот офицер первый ударил меня. В его обязанности не входило наносить мне тяжкое оскорбление — и словами, и действием. Поступив так, он лишил себя права на обращение с собой как с офицером и благородным человеком. А я, как свободный гражданин Империи, имел полное право пресечь столь бесцеремонное, чтобы не сказать беззаконное, с собой обхождение.

Полковник хмыкнул и не сразу нашелся, что сказать. Пола наблюдала за ними широко раскрытыми, неверящими глазами.

— Нет нужды говорить, что я считаю этот инцидент печальным недоразумением, — наконец примирительно сказал полковник. — Очевидно, обе стороны пострадали одинаково — и морально, и физически. Может быть, забудем об этом?

— Забудем?! Не думаю, Я в гостях у прокуратора, возможно, ему интересно будет послушать, каким именно образом его гарнизон поддерживает

порядок на Земле.

— Доктор Арвардан, заверяю вас, что вам принесут публичные извинения…

— К черту. Что вы намерены делать с госпожой Шект?

— А что бы вы предложили?

— Немедленно освободить ее, вернуть ей документы и принести ей свои извинения, прямо сейчас.

Полковник покраснел, с трудом произнес:

— Да, конечно, — и начал, обращаясь к Поле: — Если молодая дама соизволит принять мои глубочайшие сожаления…

Темные стены военного городка остались позади. За десять минут они в молчании добрались до города на аэротакси и теперь стояли у погруженного во тьму института. Было уже за полночь.

— Что-то я не совсем поняла, — сказала Пола. — Наверное, вы очень важная персона. Как глупо, что я не знаю, кто вы. Я и представить себе не могла, что чужаки могут так обращаться с землянином.

Арвардану почему-то очень не хотелось открывать ей глаза, но он чувствовал, что обязан это сделать.

— Я не землянин, Пола. Я археолог из сектора

Сириуса.

Она резко обернулась к нему с белым в лунном свете лицом, и за то время, что молчала, можно было медленно досчитать до десяти.

— Значит, вы так смело вели себя только потому, что вам, в сущности, ничего не грозило, и вы это знали. А я-то думала… мне следовало бы знать. — Ее переполняла горькая злоба. — Смиренно прошу у вас прощения, господин, если в невежестве своем позволила себе неуважительную фамильярность…

— Пола, — сердито крикнул Арвардан, — в чем дело? Что из того, если я не землянин? Чем это отличает меня от того, кем я был в ваших глазах пять минут назад?

— Вам следовало сказать мне сразу, господин.

— Не обязательно называть меня «господин». Не будьте такой, как все они.

— Как кто, господин? Как все эти подлые твари, живущие на Земле?! Я должна вам сто кредиток.

— Забудьте об этом, — бросил Арвардан.

— Не могу выполнить вашего приказания. Если вы дадите мне свой адрес, я завтра вышлю вам деньги переводом.

— Вы должны мне еще кое-что, кроме ста кредиток, — с внезапной грубостью сказал Арвардан.

Пола прикусила губу и тихо ответила:

— Это единственная часть моего неоплатного долга, господин, которую я могу возместить. Ваш адрес?

— Дом правительства, — кинул через плечо Арвардан и скрылся во тьме.

А Пола разрыдалась.

Шект встретил ее у дверей кабинета.

— Вернулся, — сказал он, — Его привел какой-то тощий человечек.

— Хорошо, — с трудом выговорила Пола.

— Он спросил с меня двести кредиток. Я дал.

— Ему полагалось сто, ну да пусть его.

И Пола прошла мимо отца.

— Я ужасно беспокоился, — сказал он. — В городе что-то творилось, но я боялся наводить справки, чтобы не повредить тебе.

— Все в порядке. Ничего не случилось. Позволь, я переночую здесь, отец.

Но сон, несмотря на усталость, не шел к ней, ибо кое-что все-таки случилось. Она встретила мужчину, а он оказался чужаком.

Но у нее был адрес. Его адрес.

Глава десятая
Каждый толкует по-своему

Эти два землянина представляли собой полневший контраст — один из них обладал величайшей видимой властью на Земле, другой — величайшей реальной властью.

Верховный министр был самым главным из землян, прямым указом императора Галактики назначенный полномочным правителем планеты — обязанным, разумеется, подчиняться прокуратору. Его секретарь был, в сущности, никто, всего лишь член Общества Блюстителей. Теоретически он исполнял при верховном министре какие-то неопределенные обязанности, и, теоретически же, в любой момент мог быть от них освобожден.

Вся Земля знала верховного министра — он был высшим арбитром по делам Наказов. Он назначал очередников на Шестьдесят, он судил уклоняющихся от закона, нарушителей правил распределения продуктов, нарушителей Запретных зон и так далее. Секретаря не знал никто, даже по имени, кроме блюстителей и, разумеется,

самого верховного министра.

Верховный министр был хорошим оратором и часто вступал перед народом с речами, полными пафоса и эмоционального накала. У него были длинные светлые волосы и благородная патрицианская внешность. Курносый и косолицый секретарь долгих речей не любил, да и коротких тоже, предпочитал бурчать себе под нос, больше молчал — по крайней мере, на людях.

Видимостью власти обладал, разумеется, верховный Министр, а реальной властью — секретарь. И за дверью министерского кабинета все становилось на свои места.

Верховный министр был раздражен и озабочен, секретарь — холоден и безразличен.

— Не вижу связи между всеми этими докладами, что вы мне носите, — говорил верховный министр. — Доклады, доклады… — Он показал воображаемую кипу бумаг выше головы. — Мне некогда ими заниматься.

— Вот именно, — холодно подтвердил секретарь. — Для того вы меня и держите, чтобы я их читал и передавал вам самую суть.

— Ну хорошо, любезный мой Балкис, говорите, что там у вас, и давайте поскорее покончим с вашими мелочами.

— Мелочами? Вы многое можете потерять, Ваше Превосходительство, если не измените своего суждения. Разберем, что означают эти доклады, а потом вы мне скажете, мелочи это или нет. Итак, неделю назад к нам поступило личное донесение от подчиненного Шекта, что и навело меня впервые на след.

— На какой след?

Балкис кисло улыбнулся.

— Могу я напомнить Вашему Превосходительству о некоем проекте, что разрабатывается у нас на Земле вот уже несколько лет?

— Шш! — Верховный министр, внезапно потеряв свой важный вид, невольно оглянулся по сторонам.

— Ваше Превосходительство, побеждает не беспокойство, а уверенность. Вы знаете, что успех этого проекта зависит от умелого использования шектовской игрушки — синапсатора. До сих пор, насколько нам известно, он использовался исключительно под нашим руководством и в определенных целях. И вдруг Шект без предупреждения синапсирует какого-то неизвестного, грубо нарушая тем самым наши указания.

— Чего же проще, — сказал верховный министр. — Накажите Шекта, синапсированного

возьмите под свою опеку — и делу конец.

— Нет-нет. Вы слишком прямолинейны, Ваше Превосходительство. От вас ускользает суть дела. Вопрос не в том, что сделал Шект, а в том, почему он это сделал. Отметим далее, что тут налицо целая серия последовательных совпадений. В тот самый день Шекта посетил прокуратор Земли, и Шект сам сообщил нам, лояльно и достоверно, о чем они беседовали: Энниус хочет получить синапсатор для Империи. Будто бы обещал большую помощь и участие со стороны императора.

— Хм-м, — произнес верховный министр.

— Вы заинтригованы? Подобный компромисс кажется вам предпочтительней нашего нынешнего небезопасного курса? А помните, как они обещали нам продукты во время голода пять лет назад? Помните? Поставки прекратились за отсутствием у нас имперской валюты, а земные продукты были забракованы под предлогом радиоактивного загрязнения. И что же, предоставили они нам продукты безвозмездно, как обещали? Дали хотя бы в долг? Тогда у нас умерло от голода сто тысяч человек. Не надо полагаться на обещания чужаков. Но это я к слову. Итак, Шект продемонстрировал нам свою лояльность, после чего в нем было трудно сомневаться. Он мог

с уверенностью полагать, что мы не заподозрим его в измене в тот же самый день, и осуществил задуманное.

— То есть свой подпольный эксперимент?

— Да, Ваше Превосходительство. Только вот над кем? У нас есть фотографии подопытного, и ассистент Шекта предоставил нам снимки сетчатки его глаза. В Планетарном Регистре о нем сведений нет. Отсюда следует, что он не землянин, а чужак. И Шект должен был это знать, ведь регистрационную карточку нельзя ни подделать, ни передать другому — достаточно сверить узор сетчатки. Все эти простые факты приводят нас к неопровержимому выводу: Шект сознательно синапсировал чужака. Но для чего? Ответ ошеломляюще прост, Шект — не идеальный инструмент для наших целей. В молодости он был ассимилянтом и даже выдвигал свою кандидатуру в Вашеннский Совет на платформе сотрудничества с Империей, но потерпел поражение.

— Я этого не знал.

— Что он провалился на выборах?

— Нет, что он выдвигал свою кандидатуру. Почему меня об этом не информировали? Шект очень опасен на своем теперешнем посту.

— Шект изобрел синапсатор, — с мягкой тер-

пеливой улыбкой сказал Балкис, — и он пока единственный, кто умеет с ним обращаться. Мы всегда за ним наблюдали, а теперь будем наблюдать куда более пристально. Не забудьте, что изменник в наших рядах, если он нам известен, может принести больше вреда врагу, чем лояльный человек принес бы пользы нам. Продолжим рассмотрение фактов. Шект синапсировал чужака. Для чего? Синапсатор может использоваться только для одного — для увеличения интеллекта. Зачем это делать? Зачем, чтобы кто-то мыслил наравне с нашими синапсированными учеными. Как вам это?.. Значит, Империя, пусть слабо, но подозревает о том, что готовится на Земле. И это, по-вашему, мелочи, Ваше Превосходительство?!

На лбу у верховного министра выступил пот.

— Вы действительно так думаете?

— Факты укладываются в головоломку только так и больше никак. Синапсированный был человеком самой заурядной, неприметной внешности. Хорошо придумано — как раз такой старый лысый толстяк и может быть опытнейшим агентом Империи. Да-да. Кому бы еще доверили такую миссию? Но мы проследили за неизвестным — кстати, его псевдоним Шварц, — насколько было возможно. Перейдем ко второй стопке до-

несений.

— К тем, что касаются Бела Арвардана?

— Доктора Бела Арвардана, — подчеркнул Балкис, — выдающегося археолога из блестящего сектора Сириуса, скопища бравых рыцарей фанатизма. Посмотрите только — какой контраст со Шварцем! Почти поэтическое противопоставление. Тот никому не известен — этот знаменит. Тот проник к нам тайно — прибытие этого получило широкую огласку. О нем нам сообщил не скромный лаборант, а сам прокуратор Земли.

— И вы думаете, Балкис, что между ними есть связь?

— Можно предположить, Ваше Превосходительство, что один служит для того, чтобы отвлекать внимание от другого. Высшие чины Империи, искушенные во всякого рода интригах, демонстрируют нам здесь два вида камуфляжа. В случае Шварца свет погашен. В случае Арвардана свет бьет нам в глаза. В обоих случаях полагают, что мы ничего не увидим. О чем предупреждал нас прокуратор относительно Арвардана? Верховный министр задумчиво потер нос.

— Он сказал, что Арвардан руководит экспедицией, которую финансирует Империя, и желает с научной целью получить доступ в За-

претные зоны. Прокуратор сказал, что Арвардан не замышляет святотатства, и если мы сможем дипломатично попридержать его, Энниус передаст наше мнение Имперскому Совету. Что-то в этом роде.

— Итак, мы будем вести за Арварданом наблюдение, но с какой целью? С целью помешать ему проникнуть без разрешения в Запретные зоны. Вот перед нами руководитель экспедиции без людей, без корабля, без снаряжения. Перед нами чужак, который не остался на Эвересте, где ему и место, но зачем-то шатается по всей Земле — и первым делом является в Чику. Как же думают отвлечь наше внимание от столь подозрительных обстоятельств? Его просто переключают на другое. Заметьте, Ваше Превосходительство, что Шварца шесть дней прятали в Институте ядерных исследований. А потом он совершил побег. Не странно ли это? Дверь почему-то забыли запереть. Коридор почему-то не охранялся. Какая странная небрежность. И когда же он совершает побег? Да в тот же день, когда Арвардан прибывает в Чику. Еще одно совпадение.

— И вы думаете, что…

— Я думаю, что Шварц — имперский агент, связанный через Шекта с предателями-ассими-

лянтами, Арвардан же — его связной. Посмотрите, с каким искусством была организована встреча Шварца с Арварданом. Шварцу разрешают бежать, и некоторое время спустя его сиделка — дочь Шекта — по уже не удивляющему нас совпадению, идет его искать. На случай, если в их расписанном по секундам графике что-то разладится, она его, конечно, найдет; любопытным он будет представлен как несчастный больной человек, и его отведут назад, чтобы повторить попытку позже. И действительно — двум не в меру любопытным таксистам сказали, что Шварц болен, но тут наши голубчики просчитались. Следите за мной внимательно, Ваше Превосходительство. Шварц и Арвардан сначала встречаются в кафе-автомате. Они друг друга будто бы не замечают. Это предварительный контакт, цель которого показать, что все пока в порядке и можно сделать следующий шаг. По крайней мере, нельзя сказать, чтобы они нас недооценивали — это уже утешительно. Потом Шварц уходит, а через пять минут уходит и Арвардан, На улице он встречается с дочерью Шекта. Пауза рассчитана заранее. Разыграв небольшую сценку перед вышеупомянутыми таксистами, они идут в универмаг Дунхема, где и встречаются все трое. Где

же еще, как не в универмаге? Идеальное место встречи. Конспирация соблюдается получше, чем в какой-нибудь горной пещере. Слишком на виду — никто не заподозрит. Слишком много народу — слежка невозможна. Превосходно, превосходно! Отдаю противнику должное.

— Если противник слишком умен, нам его не победить, — беспокойно шевельнулся верховный министр.

— Исключено. Мы уже победили. И вот за это надо отдать должное умнице Наттеру.

— Кто такой Наттер?

— Скромный агент, которого отныне нужно будет использовать в полную силу. Его вчерашние действия выше всяких похвал. Задание Наттера состояло в том, чтобы следить за Шектом. Для этой цели он держит напротив института фруктовый ларек. На прошлой неделе его особо предупредили о том, чтобы он наблюдал и за Шварцем. Наттер был на посту, когда человек, известный ему по фотографиям и мельком виденный им при первом появлении в институте, сбежал. Наттер стал следить за каждым его шагом, сам оставаясь незамеченным, и вчерашние события мы воссоздаем по его рапорту. Проявив недюжинную интуицию, он догадался, что ис-

тинная цель «побега» — встреча с Арварданом, и, чувствуя, что не сможет в одиночку отработать эту встречу, решил ей помешать. Таксисты, которым Шект сказала, что Шварц болен, заговорили о лучевой лихорадке, и Наттер ухватился за это с быстротой гения. Как только он увидел, что все трое сошлись в универмаге, он заявил о лучевой лихорадке, и у чикских властей, хвала Господу, хватило ума принять нужные меры. Людей вывели из магазина, и камуфляж, на который рассчитывала наша троица, подвел их. Они остались одни, что выглядело очень подозрительно. Но Наттер на этом не остановился. Он подошел к ним и предложил свои услуги, чтобы вернуть Шварца в институт. Они согласились — а что им оставалось? И Шварцу с Арварданом так и не удалось обменяться ни единым словом. Наттер был не так глуп, чтобы арестовать Шварца. Эти двое так и не поняли, что обнаружены, они еще выведут нас на дичь покрупнее. Наттер пошел еще дальше. Он известил имперский гарнизон — и не мог поступить иначе. Этим он поставил Арвардана в совершенно непредвиденную ситуацию. Или он должен был объявить, что он не землянин и тем потерять свою ценность, как агент, выдающий себя за землянина, или скрыть

свое истинное лицо и тем подвергнуть себя различным неприятностям. Он выбрал последнее, повел себя как герой и даже сломал руку имперскому офицеру — так вжился в образ. Следует его похвалить хотя бы за это. То, что он выбрал именно такой образ действий, примечательно. Разве стал бы чужак лезть под нейрокнут ради землянки, если бы ставка не была так высока?

Верховный министр, положив кулаки на стол, свирепо нахмурился, и все складки у него на лице проступили резче.

— Как вы хорошо умеете, Балкис, ткать свою паутину из мелких фактов, Теперь я вижу, что все обстоит действительно так, как вы говорите. Логика не оставляет иного выбора. И это значит, Балкис, что они подошли близко. Слишком близко. И на этот раз пощады не будет.

— Слишком близко они не могли подойти, — пожал плечами Балкис, — иначе уже нанесли бы удар. Учитывая грозящую им опасность. Впрочем, им осталось немного времени. Встреча Арварда-на со Шварцем не состоялась, и, если хотите, я предскажу, что ждет нас в будущем.

— Сделайте одолжение.

— Шварца, очевидно, уберут из города, чтобы обстановка немного разрядилась.

— Уберут? Но куда?

— Мы и это знаем. Шварца привез в институт какой-то фермер. Нам его описали и лаборант Шекта, и Наттер. Мы подняли досье на всех фермеров в радиусе шестидесяти миль от Чики, и Наттер опознал некоего Арбина Марена. Лаборант тоже опознал его — независимо от Наттера. Мы незаметно прощупали этого человека; оказывается, он укрывает от Шестидесяти своего тестя, беспомощного калеку.

— Подобные случаи слишком участились, Балкис, — стукнул по столу верховный министр. — Следует ужесточить закон.

— Не в том суть, Ваше Превосходительство. Тут главное, что если фермер преступает закон, то его можно шантажировать.

— А-а…

— Шекту и его друзья м-чужакам нужно место, где Шварц мог бы спокойно отсидеться и где не так опасно, как в институте. Ферма Марена, который сам по себе, возможно, ни в чем и не замешан, идеально подходит для этой цели, Ну что ж, за ними будут наблюдать — глаз не спустят со Шварца. Через некоторое время он снова выйдет на встречу с Арварданом, но на этот раз мы будем наготове. Теперь понимаете?

— Да.

— Ну, слава Богу. Тогда я вас оставлю — с вашего разрешения, — с сардонической улыбкой добавил Балкис.

И верховный министр, не чувствуя сарказма, махнул рукой, отпуская его.

Когда секретарь оставался один в своем кабинетике, мысли его ускользали из-под жесткого контроля и начинали резвиться на воле.

Эти мысли почти не имели отношения к доктору Шекту, Шварцу, Арвардану и уж тем более к верховному министру.

Перед мысленным взором Балкиса вставала планета Трентор — огромная метрополия всей Галактики. И дворец, шпили и широкие пролеты которого Балкис никогда не видел наяву, как и никто из землян. Он думал о том, как тянутся от солнца к солнцу невидимые нити власти и славы, собираясь потом в пряди, веревки, канаты, ведущие к этому дворцу и к этой абстракции — императору, который, в конце концов, всего лишь человек.

Мысль Балкиса всегда останавливалась здесь — на власти, которая одна только может сделать человека богом при жизни, на власти, сосредоточенной в одном человеке.

Он всего лишь человек! Такой же, как и Балкис!

Глава одиннадцатая
Измененный разум

Джозеф Шварц никак не мог уяснить себе, когда же в нем произошла перемена. Много раз, в полной тишине ночи (какими тихими теперь стали ночи! Неужели они когда-то были полны шума, огней и неутихающей суеты миллионов людей?), в этой новой тишине, он задумывался над этим. Если бы можно было сказать с точностью: вот он, тот самый момент.

Сначала был тот раздерганный, полный страха день, когда он оказался один в незнакомом мире, — теперь воспоминания об этом дне стали такими же туманными, как воспоминания о Чикаго. Потом была поездка в Чику, которая кончилась так странно и запутанно. Шварц часто думал о ней.

Какая-то машина, пилюли. Дни заточения, потом побег, блуждание по городу, необъяснимые события в универмаге. Шварц никак не мог припомнить, что же там произошло. И вот теперь, два месяца спустя — как все прояснилось, как четко работает память!

Ему еще и тогда многое казалось странным. Он улавливал атмосферу. Старый доктор с дочкой были встревожены, даже боялись. Знал он тогда об этом? Или это было просто мимолетное впечатление, проявившееся только сейчас при взгляде в прошлое?

В универмаге, как раз перед тем, когда его схватил тот большой человек, Шварц понял, что сейчас его схватят. Это ощущение пришло слишком поздно, чтобы он успел спастись, но было вполне ясным.

С тех пор у него начались головные боли. Не то чтобы боли — скорее пульсация в мозгу, как будто там заработало какое-то скрытое динамо и вся черепная коробка с непривычки вибрирует. В Чикаго с ним никогда такого не бывало — если допустить, что его вымысел о Чикаго был правдой, — не было этого сначала и здесь, в реальном мире.

Видимо, тогда в Чике с ним что-то сделали. Какой-то препарат? Пилюли — это анестезирующее. Операция? И Шварц, в сотый раз дойдя до этой точки, снова останавливался.

Он уехал из Чики после своего неудачного побега на следующий день и время помчалось неумолимо.

Грю в кресле на колесах учил его словам, показывая на разные предметы или изображая движения, как раньше та девушка, Пола. Однажды Грю перестал говорить на тарабарщине и заговорил по-английски. Нет, это он, Шварц, перестал говорить по-английски и заговорил на тарабарщине, которая уже не была тарабарщиной.

Все было очень легко. Читать он выучился за четыре дня. Он сам себе удивлялся. Там, в Чикаго, у него была феноменальная память — так ему казалось, однако на такое он никогда не был способен. Но Грю как будто не удивлялся.

Шварц махнул рукой и тоже перестал удивляться.

Началась настоящая золотая осень, в голове окончательно прояснилось, и Шварц стал работать в поле. Опять-таки поразительно было, как быстро он все схватывает — никогда не ошибается. Достаточно было объяснить ему один раз, и он без хлопот мог управлять любой машиной.

Шварц ждал холодов, по по-настоящему они так и не пришли. Зимой все вместе очищали поле, удобряли его, готовились на десятки ладов к весеннему севу.

Шварц спрашивал у Грю, пытаясь понять, что

такое снег, но толку добиться не мог.

— Замерзшая вода, которая падает, как дождь — снег называется? Ну, это, наверно, на других планетах, У нас такого не бывает.

Шварц стал наблюдать за температурой и обнаружил, что она почти не меняется, день же убывал, как и полагалось в северных широтах, примерно на широте Чикаго, однако Шварц не знал, на Земле он или нет.

Он попробовал читать книгофильмы Грю, но отказался от этой затеи. Люди оставались людьми, но мелочи повседневной жизни, сами собой разумеющиеся, исторические и социальные ссылки были ему совершенно чужды.

Загадок было много. Постоянные теплые дожди, строжайшие наставления держаться подальше от некоторых мест. Например, как в тот вечер, когда он решил пойти посмотреть, что же такое светится там, на южном горизонте.

Он ускользнул из дому после ужина, но не успел пройти и мили, как послышался тихий шум мотора двухколески и в вечернем воздухе прозвучал сердитый окрик Арбина. Шварц остановился… и был доставлен домой.

Арбин, расхаживая по комнате, сказал ему:

— Держись подальше от всего, что светится

ночью.

— Но почему? — мягко спросил Шварц.

— Потому что это запрещено, — был резкий ответ. — Ты правда ничего не знаешь о нашей жизни, Шварц?

Шварц развел руками.

— Откуда же ты взялся? Ты что, чужак?

— Что такое чужак?

Арбин пожал плечами и оставил его в покое.

Но этот вечер стал для Шварца важной вехой. Именно тогда, когда он шел по дороге, то неизвестное, что было в его мозгу, приняло очертания Образа. Так Шварц назвал это явление, которого не мог описать точнее ни тогда, ни потом.

Он был один в сумерках, поглощающих пурпур заката, его ноги бесшумно ступали по упругой дороге. Он никого не видел, ничего не слышал, ничего не осязал.

Нет, не совсем так. Он будто бы коснулся чего-то, но не телом, а мозгом. Это было даже не прикосновение, а ощущение присутствия, похожее на нежную щекотку.

Потом ощущение распалось надвое — на два Образа. И второй — как он вообще мог их различать? — стал громче. Нет, это не то слово. Он стал ощутимей, определенней.

И Шварц понял, что это Арбин. Он знал это за пять минут до того, как услышал шум двухколески, и за десять до того, как увидел Арбина.

Потом это стало происходить с ним все чаще и чаще, до него вдруг дошло, что он всегда знает, когда в пределах ста футов от него находится кто-то из домашних: Арбин, Лоа или Грю, хотя ничто не предупреждало его об этом, хотя он мог с полным основанием полагать, что они далеко. Это чувство трудно было принимать как должное, но оно становилось для Шварца естественным.

Он стал экспериментировать, и оказалось, что он точно знает, где сейчас любой из троих — в любое время. Он их различал — Образы были непохожи. Но ни разу не решился сказать им об этом.

Иногда он спрашивал себя, чей же был тот первый Образ по дороге к сиянию. Это был не Арбин, не Лоа, не Грю. Кто же тогда? А-а, не все ли равно?

Нет, не все равно. Он опять наткнулся на тот же Образ, когда однажды вечером загонял скотину. И спросил Арбина:

— Что это за лесок за Южными холмами?

— А тебе-то что? — • буркнул Арбин. — Ну, министерская дача.

— Что, что?

— Не твоего ума это дело. Министерская дача — принадлежит верховному министру.

— А почему эти земли никто не обрабатывает?

— Они не для того существуют, — ответил шокированный Арбин. — Там в старину был большой город-то священное место, и ходить туда нельзя. Слушай, Шварц, если хочешь остаться цел, не любопытничай да занимайся своим делом.

— Раз место священное, значит там никто не живет?

— Нет, конечно.

— Это точно?

— Точно. И смотри не ходи туда, не то тебе конец.

— Я и не собираюсь.

Шварц ушел, недоумевая и почему-то волнуясь. В том-то лесу и был Образ, четкий Образ, но в нем было что-то не так. Это был неприятельский образ, угрожающий Образ.

Кто же это? Кто?

И опять Шварц не посмел ни с кем поделиться. Они бы ему не поверили, и ничего хорошего из этого бы не вышло — Шварц знал. Он знал слишком много всего.

А еще он помолодел — не то чтобы физически,

хотя подобрал брюшко и стал шире в плечах. Мускулы тоже окрепли, стали упругими, пищеварение улучшилось — все от работы на свежем воздухе. Но главное было не в этом, а в том, что он стал думать по-другому.

В старости человек забывает, как он мыслил я юности: забываются быстрые прыжки мысли, дерзкая молодая интуиция, живость и свежесть восприятия. Человек начинает привыкать к более медленной работе ума, а поскольку это сопровождается накоплением опыта, старики считают себя умнее молодых.

Но Шварц, сохранив свой опыт, с восторгом убедился, что схватывает все на лету, что опережает объяснения Арбина, заранее зная, о чем пойдет речь. И почувствовал себя снова молодым. Никакая физическая крепость не могла бы ему этого дать.

Прошло два месяца, и настал тот знаменательный вечер, когда Шварц и Грю играли в шахматы на лужайке у дома.

Шахматы почему-то не изменились, только фигуры стали называться по-другому. Игра осталась такой же, какой ее помнил Шварц, и это всегда утешало. Хоть в этом его бедная память не подвела.

Грю сказал ему, что есть много разновидностей шахмат. Была игра в четыре руки, где доски всех четырех игроков соприкасались углами, а пятая заполняла центр, выполняя роль ничейной земли. Были трехмерные шахматы, где восемь прозрачных досок помещались одна над другой и каждая фигура ходила в трех измерениях, как раньше в двух, количество фигур и пешек удваивалось, а выигрывал тот, кто одновременно объявлял шах обоим королям противника. Были и другие вариации, например: начальное расположение фигур определяли, бросая кости, некоторые поля считались благоприятными, а другие — нет, вводились новые фигуры с особыми свойствами.

Но сами шахматы, старые и неизменные, были все те же, и Грю со Шварцем сыграли уже пятьдесят партий своего турнира.

Шварц, начиная играть, едва знал, как надо ходить, и проигрывал все первые партии. Потом стал проигрывать реже. Грю ходил теперь медленно и осторожно, в промежутках дымя трубкой так, что в ней оставался один пепел, но все чаще терпел поражение, ворча и бранясь при этом.

В этот раз Грю играл белыми и уже поставил пешку на e4.

— Ходи, — кисло поторопил он Шварца, зубами стиснув мундштук трубки и не сводя глаз с доски.

Начинало смеркаться. Шварц сел на свое место и вздохнул. Играть теперь, когда он мог заранее предсказать все ходы Грю, стало неинтересно. Это выглядело так, будто в черепе у Грю появилось запотевшее окошко. Не говоря уж о том, что сам Шварц тоже инстинктивно чувствовал, как надо вести игру, — одно было связано с другим.

Играли они на «ночной» доске, которая светилась в темноте синими и оранжевыми квадратами. Фигуры из красной глины, днем неказистые, ночью преображались. Одни светились кремовой белизной, холодные и блестящие, будто фарфоровые, другие искрились красными огоньками.

Первые ходы были сделаны быстро. Королевская пешка Шварца выступила навстречу врагу. Грю пошел конем на f3, Шварц — на c6. Белый слон переместился на b5, и шварцевская пешка a7, передвинувшись на одно поле, прогнала его на a4. Шварц перевел своего другого коня на f6.

Светящиеся фигуры скользили по доске будто сами собой, как заколдованные, — пальцев не было видно в темноте.

Шварцу было страшно. Может быть, сейчас вы-

яснится, что он сумасшедший. Но будь что будет — он должен наконец узнать. И он выпалил:

— Где я нахожусь?

Грю взглянул на него, решительно двигая своего коня на c3, и переспросил:

— Чего?

Шварц не знал, как сказать «страна» или «государство», и спросил:

— Что это за мир? — и поставил своего слона на e7.

— Земля, — кратко ответил Грю и картинно сделал рокировку: сначала передвинул высокого короля, потом перенес через него приземистую ладью.

Ответ был совершенно неудовлетворительный. Шварц перевел для себя как Земля, но ведь любая другая планета — это «земля» для тех, кто на ней живет. Он передвинул пешку b7 на два поля, и слону Грю снова пришлось отступить, на этот раз на b3. Потом Шварц и Грю поочередно переставили свои пешки d на одно поле, освободив слонов для сражения в центре доски, которое скоро должно было развернуться. Шварц спросил как можно небрежнее:

— А который у нас год?

И тоже сделал рокировку.

Грю недоуменно помолчал.

— Что это на тебя сегодня нашло? Играть не хочешь, что ли? Ну, если тебе от этого легче, то восемьсот двадцать седьмой Г. Э., — саркастически добавил он, хмурясь над доской, и со стуком поставил коня на d5, предпринимая первую атаку.

Шварц быстро увернулся, противопоставив ему коня на a5. Борьба пошла всерьез. Грю взял конем шварцевского слона; который взвился вверх, сверкнув красным огнем, и со стуком упал в коробку, где будет лежать, как павший воин, до следующей игры. Но черная королева тут же расправилась с белым конем, атака Грю захлебнулась, и он отвел оставшегося коня в тихую гавань e1, где тот был сравнительно бесполезен. Конь Шварца повторил первый размен, взяв слона, и в свою очередь пал жертвой пешки a2.

Снова настала пауза, и Шварц вкрадчиво спросил:

— А что такое Г, Э.?

— Что? — сварливо переспросил Грю. — А, ты все про то же? Что за дурацкие… ладно, я все забываю, что ты и говорить-то выучился всего месяц назад. Но ты способный. Правда, не знаешь? Ну, сейчас восемьсот двадцать седьмой год Галактической Эры — вот тебе и Г. Э. Восемьсот двадцать

седьмой год от основания Галактической Империи, от коронации Франкенна Первого. А теперь ходи, сделай милость.

Шварц, охваченный безумной тоской, сжал в кулаке коня, которым собирался пойти.

— Минутку, — сказал он и поставил коня на d7. — Тебе о чем-нибудь говорят слова: Америка, Азия, Соединенные Штаты, Россия, Европа…

Трубка Грю тускло вспыхнула в темноте красным, и его легкая тень упала на светящуюся доску, точно он был призрак, а шахматы — живые. Он, должно, быть, мотнул головой, но Шварц этого не видел, да и нужды не было. Он так же ясно слышал отрицательный ответ, как если бы Грю произнес его вслух. Он попытался еще раз.

— Не знаешь, где можно взять карту?

— Нету никаких карт, — проворчал Грю, — разве что в Чике можно достать, рискуя головой. Я не географ, и слов, которые ты назвал, тоже никогда не слышал. Это имена, что ли?

Рискуя головой? Почему? Шварца пронзил холод. Значит, он совершил преступление, и Грю об этом знает?

— В Солнечной системе девять планет, да? — нерешительно спросил он.

— Десять, — твердо ответил Грю.

Шварц колебался. Может, открыли еще одну, а он и не слышал? Тогда почему слышал Грю? Посчитав на пальцах, он спросил:

— А у шестой планеты кольца есть?

Грю медленно двигал пешку f через два поля, и Шварц незамедлительно ответил тем же.

— У Сатурна, что ли? Конечно, есть.

Грю размышлял. Он мог сейчас взять или пешку f5, или пешку e5, но последствия выбора были ему не совсем ясны.

— И астероидный пояс есть — такие маленькие планетки между Марсом и Юпитером? То есть между четвертой и пятой планетой?

— Есть, — проворчал Грю. Он снова разжег трубку и лихорадочно обдумывал свой ход. Шварц чувствовал его мучительные сомнения, и это раздражало его. Теперь, когда он уверился, что живет на Земле, игра совершенно перестала его интересовать. В голове у него роилось множество вопросов, и один выскочил наружу:

— Так ваши книгофильмы говорят правду? Существуют и другие миры? Населенные миры?

На этот раз уже Грю поднял голову и вперился в темноту.

— Ты серьезно?

— Они есть?

— О, Небо! Ты, кажется, и вправду не знаешь. Шварц почувствовал себя униженным, обнаружив свое невежество.

— Пожалуйста, скажи.

— Конечно, миры существуют. Миллионы миров! У каждой звезды, которую ты видишь, есть свои миры, а большинство из них тебе не видно. И все они входят в Империю.

Где-то внутри у Шварца отдавались слабым эхом веские слова Грю, искрами разлетавшиеся по всему мозгу. Внутреннее его зрение с каждым днем улучшалось — может быть, вскоре он будет слышать слова, даже когда собеседник их не произносит?

И Шварц в первый раз подумал, что есть еще одна вероятность, кроме той, что он лишился ума. Может, он каким-то образом оказался в другом времени? Но как? Проспал, что ли?

— Сколько времени все это существует, Грю? — хрипло спросил он. — Сколько времени прошло с тех пор, как была всего одна планета?

— Что ты такое говоришь? — вдруг насторожился Грю. — Ты что, из Общества Блюстителей?

— Из какого общества?! Ни в каком обществе я не состою. Но разве Земля не была когда-то единственной планетой? Разве нет?

— Так говорят блюстители, — мрачно сказал Грю, — а там кто ее знает. Те миры существуют на протяжении всей известной мне истории.

— Но сколько времени это продолжается?

— Тысячи лет, наверное. Пятьдесят тысяч, сто тысяч, точно не скажу.

Тысячи лет! У Шварца забулькало в горле, и он в панике прижал к нему руку. И это — всего за один шаг? Один вздох, один миг, одна песчинка времени — и он перескочил через тысячелетия? Нет, лучше уж пусть будет амнезия. То, что он опознал Солнечную систему, могло быть результатом смутных воспоминаний, пробившихся сквозь пелену.

Грю тем временем сделал свой ход, взяв шварцевскую пешку f5, и Шварц почти машинально отметил, что Грю выбрал фигуру неверно. Теперь оба делали ход за ходом, не задумываясь. Шварцевская ладья выдвинулась вперед, чтобы грудью встретить сдвоенные белые пешки. Белый конь скакнул на f3. Слон Шварца перешел на b7, готовясь к бою, Грю последовал примеру Шварца, пойдя слоном на d3. Шварц, помолчав перед решающей атакой, спросил:

— Земля — главная планета?

— Где главная?

— В Имп…

Тут Грю взревел так, что шахматы затряслись:

— Слушай, мне надоели твои вопросы. Ты что, совсем дурак? Разве похожа Земля на главную планету? — Кресло с шорохом объехало стол, и Грю вцепился в руку Шварца. — Смотри! Смотри туда! — хрипло прошептал калека. — Видишь сияние там, на горизонте?

— Вижу.

— Вот и вся Земля, Лишь кое-где сохранились островки вроде нашего.

— Не понимаю.

— Земная кора радиоактивна. Она светится, и всегда светилась, и всегда будет светиться. На ней ничего не растет. И никто не живет… Ты правда этого не знал? Зачем же, по-твоему, придуманы Шестьдесят? — Грю разжал пальцы и вернулся на свое место. — Тебе ходить.

Шестьдесят! Опять какой-то Образ, несущий смутную угрозу. Фигуры Шварца ходили сами по себе, а он с тяжелым сердцем размышлял. Его пешка e5 съела белую пешку f4. Грю перевел коня на d4, и черная ладья отошла из-под удара на g5. Конь Грю снова атаковал, пойдя на f3, и черная ладья снова отступила на g4. Но потом белая пешка h2 сделала робкий шажок на одно

поле, и ладья ринулась вперед, взяв пешку g2 и поставив шах белому королю. Король проворно взял ладью, но в брешь тут же ворвалась черная королева, став на g4 и вновь угрожая королю. Король отскочил на h1, а Шварц пошел конем на e5. Грю двинул свою королеву на e2, пытаясь укрепить защиту, а Шварц свою — на g3.

Схватка близилась. У Грю не было выбора, он перевел королеву на g2, и обе августейшие особы сошлись лицом к лицу. Конь Шварца отправился домой, взяв по дороге белого коня на f3. Попавший под удар белый слон быстро отошел на c3, а конь последовал за ним на d4. Грю долго колебался и наконец двинул свою вышедшую во фланг королеву по длинной диагонали, взяв шварцевского слона. И перевел дух. У коварного противника была под угрозой ладья с последующим шахом, и белая королева готовилась ворваться в ряды врага, а белая ладья собралась проглотить пешку.

— Твой ход, — удовлетворенно произнес Грю.

— А что… что такое Шестьдесят? — решился спросить Шварц.

— Зачем спрашиваешь? — неприязненно ответил Грю. — Что у тебя на уме?

— Пожалуйста, ответь! — взмолился совсем упавший духом Шварц. — Я человек безвредный.

Я не знаю, кто я и что со мной случилось. Наверное, у меня амнезия.

— На то похоже, — бросил Грю. — Скрываешься от Шестидесяти? Только честно.

— Говорю же тебе, я не знаю, что такое Шестьдесят!

Грю поверил ему, и настало долгое молчание. Образ Грю в уме Шварца приобрел зловещие черты, но слов он разобрать не мог.

— Шестьдесят — это твои шестьдесят лет, — медленно сказал Грю. — Земля может прокормить только двадцать миллионов человек, не больше. Чтобы жить, надо работать. Если ты не можешь работать, то не можешь и жить. После шестидесяти ты не можешь работать.

— Значит… — Шварц так и остался с открытым ртом.

— Тебя выводят в расход. Это не больно.

— Убивают?!

— Это не убийство, — сурово поправил Грю. — Так надо. Другие миры не принимают нас к себе — надо же уступить место детям. Старое поколение должно уступать дорогу молодым.

— А если никому не говорить, что тебе уже шестьдесят?

— Зачем? Жизнь после шестидесяти — не са-

хар. Каждые десять лет бывают переписи, чтобы вылавливать таких умников, которые пытаются прожить лишнее. И потом, возраст каждого землянина регистрируется.

— Кроме меня, — выпалил Шварц (сказанного не воротишь). — К тому же мне только пятьдесят исполнится.

— Не имеет значения. Сделают костный анализ, и все. Не знал? Тут не скроешься. В следующий раз меня заметут. Слушай, ходи давай.

— Ты хочешь сказать…

— Мне, конечно, только пятьдесят пять, но вот ноги… Я уже не работник, верно? У нас в семье трое, и норма рассчитана на троих работающих. Когда у меня случился удар, об этом следовало заявить, тогда бы норму снизили, но меня бы отправили на Шестьдесят раньше времени, а Арбин с Лоа не захотели. Ну и глупо — пришлось им надрываться на работе, пока ты не появился. Все равно на будущий год меня заберут. Ходи.

— В будущем году будет перепись?

— Угу. Ходи.

— Погоди! И никому не разрешается жить дольше Шестидесяти? Никаких исключений?

— Только не для нас с тобой. Верховный министр живет полный срок, блюстители тоже, и

некоторые ученые да те, у кого особые заслуги. Мало кому разрешают. Где-то десятерым в год. Да ходи же ты!

— А кто это решает?

— Верховный министр, само собой. Ты будешь ходить или нет?

Шварц встал.

— Чего ходить — тебе мат в пять ходов. Моя королева берет твою пешку и ставит тебе шах; тебе придется отойти на g1, я хожу конем на e2 и ставлю тебе шах; ты отступаешь на f2, моя королева ставит тебе шах на e3; ты отходишь на g2, моя королева идет на g3, загоняет тебя на h1 и ставит тебе мат на h3. Хорошая была партия, — машинально добавил Шварц.

Грю уставился на доску и с воплем смел ее со стола. Светящиеся фигуры покатились по газону.

— Всю голову мне заморочил своей проклятой болтовней, — орал Грю.

Но Шварц его не слушал. Теперь его заботило только одно: во что бы то ни стало избежать Шестидесяти. Когда Браунинг сказал: «Пусть мы стареем, но погоди — лучшие годы еще впереди…» — Земля могла прокормить биллионы людей. А теперь лучшее, что впереди — это Шестьдесят. И смерть.

Шварцу было шестьдесят два года.
Шестьдесят два…

Глава двенадцатая
Убийственный разум

Шварц методически все обдумал. Если он не хочет умирать — надо уходить с фермы. Если он останется здесь — начнется перепись, а это смерть.

Итак, с фермой надо расстаться. Но куда идти?

Было еще то место в Чике — больница, наверно? Там за ним ухаживали. А почему? Потому что он — «интересный случай». Но ведь он не перестал быть интересным больным, да еще и говорить научился; теперь он сможет им рассказать о своих симптомах, а раньше не мог. Даже про Образы сможет рассказать.

А может, такое внутреннее зрение есть у всех? Как бы узнать? Окружающие этим даром не обладали — ни Арбин, ни Лоа, ни Грю. Шварц точно знал. Они не могли сказать, где он сейчас, если не видели или не слышали его. Да разве сумел бы он обыграть Грю в шахматы, если бы тот…

Кстати, шахматы у них очень популярны, а в них нельзя было бы играть, будь у всех внутреннее зрение.

Значит, он феномен — психологическое чудо. Не очень-то весело быть феноменом, зато па этом можно выжить…

А если его новая идея правдива? Если он не болен амнезией, а пришел из другого времени? Тогда он не только экстрасенс, а еще и пришелец из прошлого. Исторический феномен, археологический феномен — разве можно убивать такого?

Если только ему поверят.

Вот именно, если поверят.

Тот доктор поверил бы, это точно. В то утро, когда они с Арбином поехали в Чику, Шварц весь зарос щетиной — он прекрасно это помнил. А потом борода расти перестала, наверное, с ней что-то сделали. Значит, доктор видел, что у Шварца на лице росли волосы.

Разве это не знаменательно? Грю и Арбин никогда не брились. Грю как-то сказал, что волосатые морды бывают только у животных.

Значит, надо идти к доктору.

Как его звали? Шект? Да, точно, Шект.

Но Шварц так плохо знал этот страшный мир. Если уйти ночью и двинуться напрямик, можно забрести не туда, попасть в радиоактивную зону — кто их знает, где они. И Шварц, с храбростью отчаяния, отправился в город средь бела дня

прямо по дороге.

На ферме его ждут только к ужину — за это время он уйдет далеко. У них в голове нет его Образа — никто его не хватится.

Первые полчаса Шварц был на верху блаженства: впервые он испытывал подобное чувство с тех пор, как попал сюда. Наконец-то он действует, наконец восстал против обстоятельств. И теперь у него есть цель — это не то что бессмысленный побег там, в Чике.

Да, не так уж плохо для старика. Он им еще покажет.

И вдруг он стал посреди дороги — в голове возникло нечто забытое им. Чужой, неизвестный Образ, тот, на который Шварц наткнулся, идя к сиянию на горизонте, когда его перехватил Арбин. Образ, который следил за ним с министерской дачи.

Теперь он снова был здесь, позади него, и следил.

Шварц прислушался — как иначе можно описать то, что он сделал? Образ не приближался, но был как-то связан с ним. В Образе чувствовалась настороженность и враждебность, но желания напасть не было.

Выяснилось и еще кое-что. Преследователь не

должен терять Шварца из виду, и он вооружен.

Шварц невольно оглянулся, нетерпеливо вглядываясь в горизонт.

Образ сразу изменился.

Он колебался, нервничал, сомневался в собственной безопасности и в успехе своего предприятия, в чем бы оно ни состояло. Стало еще яснее, что он вооружен, как будто преследователь раздумывал — применять ему оружие в случае крайности или нет.

Шварц сознавал, что сам он безоружен и беззащитен. Знал, что преследователь скорее убьет его, чем упустит из виду, убьет при первом же неверном движении. Знал… и при этом никого не видел.

Он пошел дальше, понимая, что преследователь достаточно близко, чтобы убить. Вся спина у Шварца напряглась в ожидании — кто знает чего? Как это бывает — смерть? Как это бывает? Эта мысль неотступно шла с ним в ногу, билась в его мозгу, стучала в подсознании, наконец ему стало невмоготу.

Шварц цеплялся за Образ неизвестного, как за последнюю надежду. Он должен ощутить взлет напряжения, когда тот наставит свое оружие, взведет курок, нажмет на контакт. Тогда Шварц

упадет ничком или бросится бежать…

Но кому нужно его убивать? Если это Шестьдесят, почему с ним не разделаются обычным путем?

Шварц снова сомневался в том, что перескочил через время, снова склонялся в пользу амнезии. Может быть, он преступник, опасный преступник, за которым следует наблюдать. Может, он раньше был высокопоставленным лицом, и его нельзя убить просто так, без суда. Может, его амнезия — это попытка подсознания уйти от осмысления какой-то огромной вины.

Так он и шел по пустой дороге навстречу неизвестной судьбе, со смертью за спиной.

Смеркалось. Подул прохладный ветерок. Как всегда, это казалось Шварцу неправильным. Насколько он мог судить, сейчас стоял декабрь, и закат в половине пятого как раз соответствовал этому месяцу, но налетевший ветерок никак не походил на суровую среднезападную зиму.

Шварц рассудил, что климат стал таким мягким потому, что планета (Земля?) уже не зависит от солнца. Радиоактивная почва сама излучала тепло — на площади в квадратный фут это не было бы заметно, но миллионы квадратных миль делали свое дело.

В темноте Образ преследователя стал ближе. Все еще насторожен и готов схватиться. В темноте преследовать было труднее. Он шел за Шварцем и в ту ночь, когда Шварц отправился к сиянию. Может быть, на этот раз он решил больше не рисковать.

— Эй, парень! — окликнул пронзительный гнусавый голос.

Шварц застыл на месте. И медленно, всем телом, обернулся назад. К нему шел человек небольшого роста, он махал рукой, что было трудно разглядеть в потемках. Он приближался не торопясь. Шварц ждал.

— Здорово. Рад тебя видеть. Не очень-то приятно переть по дороге в одиночку. Можно я пойду с тобой?

— Здравствуйте, — безжизненно ответил Шварц. Да, Образ тот самый. Преследователь. И он ему знаком. Как-то связан с туманными воспоминаниями о Чике. Преследователь тоже явно узнал его.

— Слушай, я ж тебя знаю. Точно. А ты меня не помнишь?

Трудно сказать, поверил бы прежний Шварц в искренность этого человека или нет. Теперешний же Шварц смотрел сквозь тонкую синтетическую

пленку слов в глубины Образа, который говорил — кричал — ему, что этот остроглазый человечек с самого начала знал, кто такой Шварц. Знал и держал для него наготове смертельное оружие.

Шварц покачал головой.

— Ну как же! В универмаге-то? Я тебя тогда увел. — Он согнулся пополам в приступе деланного смеха. — Они думали, у тебя лучевая лихорадка. Ну, ты ж помнишь.

Шварц помнил, но очень смутно. Этот человек, а потом еще люди, которые сначала их задержали, а потом расступились перед ними.

— Да, — сказал он. — Рад вас видеть.

Не слишком блестящий ответ, но Шварц не был способен на большее, да и собеседник как будто не возражал.

— Меня зовут Наттер, — представился он. — Тогда нам не удалось поговорить — обстановка была уж больно напряженная. Хорошо, что снова встретились. Дай пять.

И он сунул Шварцу влажную руку.

— Шварц, — сказал тот, едва коснувшись его ладони.

— Что это ты пешком? Идешь куда?

— Да так…

— Гуляешь? Я тоже. Круглый год гуляю, это

здорово проветривает старую рухлядь.

— Что?

— Ну, жить становится охота. Воздухом дышишь, кровь играет. Вот сегодня далековато зашел, а ночью неохота шагать одному. В компании всегда лучше. Ты куда направляешься?

Наттер спрашивал это уже во второй раз, и Образ показывал, что ему очень важно это знать. Шварц понимал, что недолго сможет уклоняться от ответа — Образ был очень настойчив. А лгать бесполезно: Шварц недостаточно хорошо знал этот мир, чтобы лгать.

— В больницу, — сказал он.

— В больницу? В какую больницу?

— В Чике, я там лежал.

— А, в институт, да? Туда я отвел тебя в тот раз. Беспокойство и нарастающее напряжение.

— К доктору Шекту, — сказал Шварц. — Вы его знаете?

— Слышал. Большая шишка. Значит, ты болен?

— Нет, но мне велели иногда показываться.

Кажется, убедительно звучит?

— Что ж ты пешком? Почему он не пришлет за тобой машину?

Видимо, неубедительно.

Шварц ничего на это не ответил — замкнулся,

как устрица. Но Наттер не сдавался.

— Слушай, друг, давай я закажу такси из города. Как встретится коммуникатор, пусть выезжает нам навстречу.

— Коммуникатор?

— Ну да, Они тут по всей дороге. Да вот и он. Наттер сделал шаг в сторону, и Шварц вдруг весь подобрался.

— Стой! Ни с места.

— Что это тебя укусило? — холодно произнес Наттер.

Шварц быстро заговорил, едва управляясь с новым языком:

— Надоело мне притворяться. Я тебя знаю и знаю, что ты собираешься делать. Сейчас позвонишь и скажешь, что я иду к доктору Шекту, и они пришлют за мной машину. А если я попытаюсь уйти, ты меня убьешь.

Наттер нахмурился и сказал:

— Вот уж что верно, то верно. — Эти слова не предназначались для ушей Шварца, но плавали на самой поверхности Образа. Вслух он произнес; — Что-то я вас не пойму, господин. Мудреное что-то говорите.

А сам отступал назад, и рука его тянулась к бедру. Шварц выйдя из себя в ярости замахал

руками.

— Оставь меня в покое, что тебе надо? Что я тебе сделал? Уйди! Уйди!

Его голос сорвался, лоб собрался в морщины от ненависти и страха перед тем, кто следил за ним и был так враждебно к нему настроен. Волна эмоций накатила на чужой Образ, стремясь смыть его, избавиться от него…

И он исчез. Исчез без следа. Пришло мгновенное ощущение невыносимой боли, но испытал ее не Шварц, а его враг. А потом все: Образа не стало, Как будто бессильно разжался крепко стиснутый кулак.

Скрюченный Наттер валялся на темной дороге. Шварц осторожно подошел к нему. Наттер был маленький, и его легко было перевернуть. С лица не сходило запечатлевшееся на нем выражение муки. Шварц нащупал сердце, оно не билось.

Он выпрямился в ужасе от себя самого.

Он убил человека!

А потом нахлынуло изумление.

Ведь он его и пальцем не тронул! Он убил его одной только ненавистью, нанеся каким-то образом удар по его Образу в своем мозгу.

Кто знает, на что еще он способен?

Шварц быстро принял решение, обшарил

карманы мертвеца, нашел там деньги. Они ему пригодятся, Потом оттащил труп в поле, в высокую траву.

Он шел еще два часа, и никаких Образов больше не появлялось.

Заночевал он в открытом поле и утром, прошагав еще два часа, дошел до окраины Чики.

Она казалась Шварцу просто деревней по сравнению с тем Чикаго, который он помнил. Прохожих на улицах было еще мало, однако многочисленные Образы сразу заполнили мозг. Шварца это и удивляло, и сбивало с толку.

Как их много! Некоторые мимолетные и неясные, другие направленные и четкие. У одних мозги булькали, как крохотные гейзеры, у других в голове было пусто, разве что любовные воспоминания о недавнем завтраке.

Поначалу Шварц вздрагивал и оборачивался на каждый Образ, думая, что они как-то затрагивают его, но через час научился не обращать на них внимания.

Теперь он слышал слова, даже если они не произносились. Это было для него внове, и он невольно стал прислушиваться. Фразы были причудливые, бессвязные и обрывочные — едва внятные, а за словами тянулись эмоции и еще

разное, чего словами не расскажешь. Весь мир был панорамой бурлящей жизни, видимой только ему.

Он открыл, что может проникать сквозь стены зданий, мимо которых шел. Стоит только спустить с поводка свое сознание, а уж оно обрыщет все потаенные щели и принесет ему косточки скрытых людских дум.

Перед большим каменным домом Шварц остановился и поразмыслил: за ним охотятся какие-то люди, одного он убил, но были и другие — те, кому тот собирался звонить. Хорошо бы затаиться на пару дней, но как? Подыскать работу?

Он исследовал здание, у которого стоял, — там внутри был отдаленный Образ, как будто обещавший работу. Требовались текстильщики, — а ведь Шварц раньше был портным.

Шварц вошел. Никто внутри не желал обращать на него внимания. Он тронул кого-то за плечо.

— Скажите, пожалуйста, где мне узнать насчет работы?

— Вот в эту дверь!

Образ был раздраженный и подозрительный. За дверью сидел тощий, остролицый служащий, который засыпал Шварца множеством вопросов.

Ответы он вводил в классификационную машину, нажимая на клавиши. Шварц мямлил, говоря и ложь и правду с одинаковой неуверенностью. Кадровик, впрочем, был к этому вполне безразличен. Вопросы быстро следовали один за другим:

— Возраст? Пятьдесят два? Хм-м. Состояние здоровья? Женаты? Чем занимались раньше? Работали с тканями? Какого типа? Термопласты, эластомеры? То есть как — всех типов? Последнее место работы? Имя руководителя по буквам… Вы ведь не живете постоянно в Чике? Где ваши документы? Нужно брать с собой, если хотите устроиться… Ваш регистрационный номер?

Шварц понял, что пора уходить. Он не предвидел всего этого. Да и Образ его собеседника изменился. Его что-то насторожило, и он опасался. Поверхностный слой приветливости и дружелюбия был таким тонким и так плохо прикрывал злобу, что становилось просто страшно.

— Мне кажется, *я* вам не подойду, — нервно сказал Шварц.

— Нет-нет, вернитесь непременно. У нас кое-что для вас есть. Сейчас посмотрю в картотеке. — Он улыбался, но Образ сделался еще яснее и еще враждебнее.

И он нажимал кнопку у себя на столе. Шварц в

панике ринулся к двери.

— Держи его! — тут же закричал кадровик, выскакивая из-за стола.

Шварц всей силой сознания хлестнул по его Образу и услышал позади стон. Он оглянулся через плечо — кадровик сидел на полу с искаженным лицом, сжав руками голову. Над нам склонился другой человек, который тут же выпрямился и бросился к Шварцу. Тот не стал дожидаться и выбежал на улицу, полностью сознавая теперь, что на него, должно быть, объявлен розыск и его приметы обнародованы. Кадровик, по крайней мере, его узнал.

Шварц стал вслепую петлять по улицам. На него обращали внимание, тем более что на улицах становилось людно. Везде он читал подозрение — он был подозрителен, потому что бежал и одежда на нем была мятая и не по размеру.

Обуреваемый смятением и страхом, Шварц не сумел различить во множестве Образов истинных врагов, в ком было не только подозрение, но и уверенность. Удар нейрокнута был для него полнейшей неожиданностью.

Страшная боль обрушилась на него со свистом и придавила, как обвал. Несколько секунд Шварц скользил по склону, все глубже погружаясь в

боль, а потом провалился в черноту.

Глава тринадцатая
Вашеннская паутина

В Вашеннской Коллегии Блюстителей все чинно и благопристойно. На всем лежит отпечаток суровости, и есть что-то невыразимо мрачное в тесных стайках новичков, гуляющих вечером под деревьями внутреннего двора, куда нет доступа никому, кроме блюстителей. Порой через лужайку проходит один из старших а зеленом платье, благосклонно принимая приветствия младших собратьев.

А время от времени там появляется и сам верховный министр. Только не в таком виде, как сейчас — запыхавшийся, чуть ли не в поту, не замечающий ни вскинутых в приветствии рук, ни осторожных взглядов вдогонку, ни недоуменно поднятых бровей.

Он влетел в Законодательный Зал через служебный вход и помчался по гремящему под ногами спуску вниз, Дверь, в которую он барабанил, открылась нажатием ноги изнутри, и верховный министр вошел.

Его секретарь едва удостоил министра взгля-

дом. Балкис сидел за своим простым маленьким столом, сгорбившись над портативным полевым телевизором, порой бросая взгляд на кипу бумаг перед собой.

Верховный министр резко постучал по столу.

— В чем дело? Что происходит?

Секретарь холодно взглянул на него и отставил телевизор в сторону.

— Приветствую Вас, Ваше Превосходительство.

— Нечего меня приветствовать! Я хочу знать, что происходит.

— Если быть кратким, то наш подопечный бежал.

— Тот, кого синапсировал Шект? Чужак? Шпион? Который жил на ферме под Чикой?

Неизвестно, сколько бы еще обозначений для этого лица нашел премьер-министр, если бы секретарь не прервал его равнодушным: «он самый».

— Почему меня не информировали? Почему меня никогда не информируют?

— Требовалось действовать немедленно, вы же были заняты.

— Вы всегда очень внимательны к тому, занят, я или нет, когда хотите обойтись без меня. Но я больше этого не потерплю. Я не позволю, чтобы

от меня отмахивались и оттирали меня в сторону. Я…

— Мы теряем время, — спокойно ответил секретарь, и премьер-министр тоже понизил голос, кашлянул, помялся и примирительно спросил:

— Есть подробности, Балкис?

— Почти никаких, Терпеливо выждав два месяца и ничем не выказывая своих намерений, Шварц вдруг ушел. За ним следили, но потеряли его.

— Каким образом?

— Не могу сказать в точности, могу лишь изложить факты. Наш агент, Наттер, прошлой ночью трижды не вышел на связь в установленные часы. Его сменщики отправились искать по дороге в Чику и на рассвете нашли. Он лежал в придорожном кювете — мертвый.

— Его убил чужак? — побледнел верховный министр.

— Предполагаем, что да, хотя с уверенностью сказать нельзя. Видимых следов насилия нет, только на лице застыло выражение страдания. Разумеется, будет вскрытие. Возможно, он умер от удара в самый неподходящий момент.

— Это было бы невероятным совпадением.

— Я того же мнения, — прозвучал ответ, — но

если его убил Шварц, тогда последующие события представляются загадочными. Если помните, Ваше Превосходительство, мы предвидели, что Шварц отправится в Чику на свидание с Шектом, а Наттера нашли на дороге между фермой Марена и Чикой. Поэтому в городе три часа назад объявили тревогу, и он был схвачен.

— Кто, Шварц?

— Разумеется.

— Что ж вы сразу не сказали?

— Ваше Превосходительство, есть дела поважнее, — пожал плечами Балкис. — Итак, Шварц в наших руках. Его взяли с легкостью, и это как-то не совмещается со смертью Наттера. Как может один и тот же человек быть настолько умен, чтобы обнаружить и убить Наттера — способнейшего агента — и настолько глуп, чтобы войти в то же утро в Чику и открыто явиться на фабрику в поисках работы?

— А он это сделал?

— Да. Здесь напрашиваются два варианта; или он уже передал свою информацию Шекту с Арварданом и позволил схватить себя, чтобы отвлечь наше внимание, или есть еще и другие агенты, кроме него, которых мы пока не обнаружили и которых он прикрывает. В любом случае нам

надо быть начеку.

— Не знаю, — сказал верховный министр, и его красивое лицо собралось в унылые складки. — Это для меня слишком тонко.

Балкис улыбнулся, не слишком скрывая свое презрение, и объявил:

— Через четыре часа у вас встреча с профессором Белом Арварданом, Ваше Превосходительство.

— Встреча? Зачем? Что я ему скажу? Я не хочу его видеть.

— Успокойтесь, Ваше Превосходительство. Вы непременно должны с ним встретиться. Мне представляется очевидным, что, коль скоро срок его фиктивной экспедиции приближается, он должен разыгрывать свою роль и дальше, обратившись в Вам за допуском в Запретные Зоны. Энниус предупредил нас об этом, а Энниус должен быть посвящен во все детали комедии. Надеюсь, Вы сумеете стать Арвардану достойным партнером на подмостках?

— Постараюсь, — понурил голову верховный министр.

Бел Арвардан явился на прием заблаговременно и успел все рассмотреть. Для человека, знакомого с архитектурными шедеврами всей

Галактики, Коллегия Блюстителей была всего лишь архаической гранитной коробкой со стальными вкраплениями, археолог же мог счесть ее мрачную, почти дикарскую простоту отражением мрачного, почти дикарского образа жизни. Самая примитивность строения символизировала обращенность к далекому прошлому.

Аравдан думал о своем. Двухмесячная экскурсия по западным континентам Земли получилась не такой забавной, как он предполагал. Тот первый день все испортил. Аравдан вновь и вновь вспоминал его.

Он злился на себя за эти воспоминания. Она была грубой, вопиюще неблагодарной, настоящая землянка. Откуда же в нем это чувство вины? И все же…

Ее можно было бы оправдать шоком, который она испытала, узнав, что Аравдан — чужак, такой же, как оскорбивший ее офицер, поплатившийся за грубость и наглость сломанной рукой. Откуда ему знать, в конце концов, что ей пришлось вытерпеть от чужаков в прошлом? И вдруг, без всякой подготовки, узнать, что и Аравдан тоже чужак… Как обухом по лбу.

Будь он терпеливее… Зачем он так грубо оборвал ее? Он даже имени ее не помнит. Пола! А

дальше? Странно! Обычно он не жаловался на память. Или он подсознательно пытается забыть ее?

Что ж, это имело смысл. Забыть! Было бы что помнить, подумаешь. Землянка. Обыкновенная землянка. Между прочим, она медсестра. Можно попробовать отыскать больницу, где она работает. Ночью он не очень-то разобрался, куда ее провожал, но это где-то недалеко от кафе-автомата.

Аврадан со злостью загнал подальше эту крамольную мысль. Он что, с ума сошел? Чего он этим добьемся? Она же землянка. Красивая, милая, очаровательная...

Землянка!!!

В дверь входил верховный министр, и Аврадан порадовался, что можно отдохнуть от воспоминаний. Но в глубине души он знал — они все равно вернутся. Они всегда возвращались.

Верховный министр переоделся и весь сиял чистотой и свежестью. На челе его не отражалось ни суеты, ни сомнений, и разве пришло бы кому-нибудь в голову, что это чело может вспотеть?

Дружеская беседа началась. Аврадан старательно передал наилучшие пожелания высоких лиц Империи народу Земли. Верховный министр

не менее тщательно выразил благодарность, которую долженствовала испытывать вся Земля к щедрому и просвещенному правительству Империи.

Аврадан остановился на значении археологии для имперской философии, на ее вкладе в великую концепцию о братстве людей всех миров Галактики. Верховный министр вежливо заметил, что Земля давно согласна с этой концепцией и надеется, что вскоре настанет время, когда Галактика претворит ее в жизнь.

Аврадан слегка улыбнулся на это.

— Ради этого я и посетил Вас, Ваше Превосходительство. Все различие между Землей и соседними с ней доминионами Империи состоит, возможно, в разном образе мышления. Возможно, удастся избавиться от многих разногласий, если будет доказано, что земляне, как раса, ничем не отличаются от прочих галактиан.

— Как же вы намерены это доказать, доктор?

— В двух словах не объяснишь. В археологии, как, возможно, известно Вашему Превосходительству, существуют два основных течения, обычно называемых теорией Мергера и радиальной теорией.

— Я имею представление об этих теориях, хотя

и дилетантское.

— Очень хорошо. Итак, теория Мергера говорит, что разные виды человечества, развившись независимо друг от друга, перемешались между собой в раннюю, почти не оставившую документов эпоху первобытных космических путешествий. Иначе невозможно объяснить тот факт, что современные люди так схожи между собой.

— Да, — сухо ответил верховный министр, — и приходится также предположить, что сотни или тысячи независимо развившихся гуманоидных видов настолько хорошо совмещались в химическом и биологическом плане, что смогли перемешаться в единое целое.

— Совершенно верно, — с удовлетворением сказал Арвардан. — Вы сразу подметили слабое место этой теории. Однако большинство археологов игнорирует этот момент и твердо придерживается теории Мергера, из которой вытекает также, что в изолированных областях Галактики могут существовать подвиды человечества, которые не влились в общую расу, оставшись обособленными.

— Например, Земля.

— Да, Землю всегда приводят в пример. С другой стороны, радиальная теория…

— Считает нас всех потомками однопланетной группы гуманоидов.

— Совершенно верно.

— Мой народ, опираясь на свидетельства своей истории и на наше священное писание, запретное для иномирцев, верит в то, что родиной человечества была Земля.

— Я тоже в это верю и прошу вашей помощи, чтобы доказать это всей Галактике.

— Вы оптимист. Что же для этого требуется?

— Я убежден, Ваше Превосходительство, что там, где теперь, к несчастью, зона радиоактивного заражения, осталось большое количество первобытных артефактов и архитектурных памятников. Возраст находок можно будет точно определить по степени радиоактивного распада и сравнить…

Верховный министр уже качал головой.

— Об этом не может бить и речи.

— Но почему? — в полнейшем недоумении нахмурился Арвардан.

— Прежде всего, — начал мягко урезонивать верховный министр, — чего вы этим добьетесь? Ну, докажете сбою гипотезу к вящей радости многочисленных миров Галактики. Но что из того, если вы все миллион лет назад были землянами?

В конце концов, биллион лет назад мы все были обезьянами, однако современных обезьян своей родней не признаем.

— Ваше Превосходительство, это не слишком удачное сравнение.

— Отчего же, доктор. Разве не напрашивается вывод, что земляне в своей долгой изоляции очень изменились по сравнению со своими кузенами-эмигрантами, особенно под действием радиации, и теперь представляют собой особую расу?

Аравдан прикусил губу:

— Хороший аргумент в пользу ваших врагов.

— Потому что я заранее представляю себе, что скажут наши враги. Вы ничего не достигнете, доктор, разве что вызовете новую вспышку ненависти к Земле.

— Но ведь есть еще интересы чистой науки, человеческого знания…

— Мне искренне жаль, что я вынужден стать на пути у науки. Сейчас я говорю с вами, доктор, как образованный человек с образованным человеком. Я лично с радостью помог бы вам, но мой народ упрям и закоснел в предрассудках — он ведь веками варится в собственном соку из-за огорчительного отношения к нам Галактики.

Существуют разные табу, разные незыблемые Наказы, и даже я не могу себе позволить нарушить их.

— И радиоактивные зоны…

— Одно из наиболее строгих табу. Если бы я дал вам разрешение, чего желал бы всей душой, это вызвало бы массовые бунты и беспорядки. В итоге не только ваша жизнь и жизнь членов вашей экспедиции оказалась бы под угрозой, но и Земля навлекла бы на себя карательные акции Империи. Я оказался бы недостоин своего поста и доверия своего народа, если бы допустил подобное.

— Но я готов принять все разумные меры предосторожности. Если пожелаете послать со мной наблюдателей… и я, разумеется, проконсультируюсь с вами, прежде чем публиковать результаты своих изысканий.

— Вы меня искушаете, доктор. Это интересное предложение, Но вы переоцениваете мои возможности, даже если оставить в стороне реакцию народных масс. Я не обладаю абсолютной властью. Фактически моя власть строго ограничена — все вопросы представляются на рассмотрение Общества Блюстителей, и только потом принимается окончательное решение.

— Очень жаль. Прокуратор предупреждал, что меня ждут препятствия, но я надеялся… Когда же вы намерены представить мой вопрос законодательной власти, Ваше Превосходительство?

— Президиум Общества Блюстителей собирается через три дня. Менять повестку дня не в моей власти, так что может пройти еще несколько дней, прежде чем ваше дело будет рассмотрено. Скажем, через неделю.

— Ну что ж… — рассеянно кивнул Аравдан. — Кстати, Ваше Превосходительство…

— Да?

— У Вас на планете есть один ученый, с которым я бы хотел встретиться. Доктор Шект из Чики. Я в Чике уже был, но уехал оттуда, ничего не успев, и хотел бы исправить свою оплошность. Поскольку доктор, конечно, человек занятой, не могли бы Вы дать мне рекомендательное письмо к нему?

Верховный министр будто остолбенел и несколько мгновений ничего не отвечал Аравдану.

— Могу ли я узнать, по какому поводу вы хотите с ним встретиться?

— Разумеется, Я читал, что он изобрел один прибор, синапсатор. Изобретение касается нейрохимии мозга и очень бы пригодилось для другого

моего проекта. Я занимаюсь классификацией человечества, разбивая людей на группы согласно энцефалографическим данным, или мозговым токам.

— Гм… Я тоже слышал об этом приборе. Кажется, он не оправдал ожиданий.

— Возможно, но Шект, как эксперт в своей области, может быть мне очень полезен.

— Да-да. Вам немедленно подготовят рекомендательное письмо. Разумеется, не следует упоминать при нем о ваших намерениях относительно Запретных зон.

— Разумеется, Ваше Превосходительство, — Аравардан встал. — Благодарю Вас за Вашу любезность и внимательное отношение. Могу лишь надеяться, что Общество Блюстителей отнесется к моему проекту благосклонно.

Сразу после ухода Аравардана вошел секретарь, растянув губы в своей холодной свирепой улыбке.

— Прекрасно. Вы очень хорошо провели разговор, Ваше Превосходительство.

— С чего он вдруг заговорил о Шекте? — мрачно спросил министр.

— Вы удивлены? Напрасно. Все идет как надо. Вы заметали — никаких бурных протестов, когда

вы наложили вето на его проект? Разве так должен был вести себя истинный ученый, которому без видимой причины отказывают в том, к чему он стремится? Скорее это поведение актера, который рад поскорей отыграть свою роль. И опять — какое странное совпадение! Шварц совершает побег и направляется в Чику. А на следующий же день является Арвардан и, закинув сначала для виду удочку насчет экспедиции, мимоходом упоминает о Шекте.

— Но зачем, Балкис? По-моему, это неразумно.

— Вы слишком прямолинейны. Поставьте-ка себя на его место. Он ведь думает, что мы ни о чем не подозреваем, а смелость города берет. Он собирается к Шекту. Отлично! Почему бы не сказать об этом прямо? Он даже берет у вас рекомендательное письмо. Чем лучше доказать честность и невинность своих намерений? И тут выясняется еще кое-что. Возможно, Шварц обнаружил, что за ним следят. Возможно, он убил Наттера. Но он не успел предупредить остальных! Иначе вся комедия была бы разыграно по-другому. — Секретарь, прикрыв глаза, продолжал плести свою паутину. — Нельзя предугадать, сколько времени пройдет, пока отсутствие Шварца не покажется им подозрительным, но мы можем

смело позволить Арвардану увидеться с Шектом. Возьмем их вместе, тогда им труднее будет отрицать очевидное.

— А сколько времени есть у нас? — спросил верховный министр.

— У нас гибкий график, а с тех пор, как мы раскрыли измену Шекта, там работают в три смены, и все идет хорошо. Ждем только, когда будут рассчитаны орбиты, — нас задерживает несовершенство наших компьютеров. Однако теперь это уже вопрос нескольких дней.

— Дней! — В голосе верховного министра звучало торжество, смешанное с ужасом.

— Дней! — повторил секретарь. — Но помните — достаточно одной бомбы за две секунды до начала операции, чтобы нас остановить. И остается период от одного до шести месяцев, когда могут быть предприняты репрессии. Так что полной безопасности у нас нет.

Несколько дней! А потом разразится самая невероятная наступательная война в истории Галактики, когда Земля атакует всю Империю.

У верховного министра слегка дрожали руки.

Арвардан снова сидел в стратоплане, обуреваемый мятежными мыслями. Ясное дело, нечего было и ожидать, что верховный министр со

своими психопатами-подданными даст ему официальный доступ в радиоактивные зоны. Арвардан был готов к отказу и даже не очень сожалел о нем. Если бы его больше волновало разрешение верховного министра, он бы боролся упорнее.

Нет — и не надо. Он войдет туда без разрешения, прости его, Господи! Вооружит свой корабль и будет драться, если понадобится. Ему даже хотелось подраться.

Проклятые идиоты!

Кем они, собственно, себя возомнили?

Да-да, конечно, Они считают себя первыми людьми, жителями той самой планеты…

Хуже всего — Арвардан знал, что они правы.

Стратоплан поднимался в воздух, и Арвардана прижало к мягкой спинке кресла. Через чес он увидит Чику.

Не то чтобы он так жаждал ее увидеть, но синапсатор может оказаться очень ценным изобретением. Раз уж он оказался на Земле, надо извлечь из этого хоть какую-то пользу. Больше он сюда не вернется.

Что за дыра! Энниус был прав.

Но вот доктор Шект… Арвардан нащупал рекомендательное письмо — солидная бумага, ничего

не скажешь.

И вдруг он выпрямился, точнее, попытался выпрямиться. Не пускала инерция, прижимавшая его к креслу, — машина продолжала стремиться вверх, и синеву неба сменял густой пурпур.

Арвардан вспомнил, как звали девушку. Пола Шект.

Как же он мог забыть? Арвардан сердился так, как будто его надули. Память сыграла с ним шутку, упрятав подальше фамилию девушки, а теперь уже поздно.

Но в глубине души он был рад.

Глава четырнадцатая
Вторая встреча

За два месяца, прошедшие с того дня, как шектовский синапсатор испробовали на Джозефе Шварце, физик сильно изменился. Не внешне — разве что еще чуть-чуть ссутулился и похудел. Изменилось его поведение — он стал отрешенным и боязливым, замкнулся в себе, избегал даже своих коллег и так неохотно выходил из этого состояния, что и слепой бы заметил. Только Поле изливал он душу, может быть, потому, что и она стала какой-то замкнутой в эти последние месяцы.

— Они за мной следят, — говорил он. — Я чувствую. Знаешь, что это за чувство? В институте недавно провели перестановку штатов и убрали как раз тех, кого я любил и кому доверял. Я ни минуты не бываю один — всегда кто-то рядом. Даже отчеты мне не дают писать.

Пола то сочувствовала ему, то смеялась над ним, повторяя:

— Да что у них есть против тебя? Пусть даже ты произвел эксперимент над Шварцем. Подумаешь,

какое преступление. Тебя вызвали бы на ковер, вот и все.

Но Шект, похудевший, желтый, настаивал:

— Они не позволят мне жить. Мои Шестьдесят приближаются, и мне не позволят жить.

— После всего, что ты сделал? Чепуха!

— Я слишком много знаю, Пола, а они не верят мне.

— Что ты можешь знать?

В ту ночь он слишком устал, он жаждал снять с себя это бремя — и рассказал ей все. Сначала Пола не поверила, потом застыла на стуле, оцепенев от ужаса.

Назавтра она позвонила по общественному коммутатору с другого конца города в Дом правительства и, говоря через платок, спросила доктора Арвардана. Его не было в городе. Предполагали, что он в Бонэре, в шести тысячах миль от Чики. Впрочем, он не так уж строго придерживается своего маршрута. Да, его ожидают в Чике, но когда — точно неизвестно. Может быть, она оставит свои координаты? Они попробуют выяснить.

Пола отключилась и прижалась щекой к стеклянному колпаку, испытывая благодарность за то, что он холодный. В глазах стояли невыплаканные слезы разочарования.

Дура. Вот дура!

Он ей помог, а она наговорила ему горьких слов и прогнала его. Он навлек на себя нейрокнут — хорошо, что не хуже, защищая достоинство несчастной земляночки перед чужаком, и вот как она ему отплатила. Сто кредиток, которые она тогда отослала в Дом правительства, вернулись к ней без комментариев. У Полы был порыв найти его и извиниться, но она побоялась. Дом правительства существовал только для чужаков, как же она может явиться туда? Она и видела-то этот дом только издали.

Но теперь она бы пошла хоть во дворец самого прокуратора.

Только один Аравдан может помочь им. Чужак, умеющий говорить с землянами, как с равными. Она даже не догадывалась, что он чужак, пока он сам не сказал. Он такой внушительный и так уверен в себе. Он наверняка подскажет, что надо делать.

Должен же хоть кто-то знать выход из этой ситуации, иначе вся Галактика погибнет.

Конечно, многие чужаки это заслужили, но ведь, не все же? Как же женщины, дети, больные, старики? Как же добрые, хорошие люди? Такие, как Аравдан? Те, кто никогда и не слыхивал

о Земле? Они ведь тоже люди. Такая страшная месть потопит какую угодно правоту (хотя дело Земли и правое) в море крови и гниющей плоти.

И вдруг, откуда ни возьмись, позвонил сам Аравардан.

— Не могу я ему это сказать, — сокрушался доктор Шект.

— Ты должен, — свирепо сказала Пола.

— Здесь? Это погубит нас обоих.

— Тогда где-нибудь еще. Предоставь это мне.

Ее сердце пело, как безумное, несомненно оттого, что представилась возможность спасти несметные мириады человеческих жизней. Она вспомнила широкую белозубую улыбку Аравардана. Вспомнила, как он заставил полковника императорской армии склонить голову и принести извинения ей, землянке, а она была вольна простить или не простить его!

Бел Аравардан может все!

Аравардан всего этого знать, конечно, не мог. В поведении Шекта он усмотрел лишь необъяснимую резкость и грубость, с которой сталкивался повсюду на Земле.

В приемной внезапно обезлюдевшего учреждения он чувствовал себя нежеланным гостем, это раздражало.

Он старательно подбирал слова:

— Я не стал бы беспокоить вас своим визитом, доктор, если бы не профессиональный интерес к вашему синапсатору. Мне говорили, что вы, не в пример многим землянам, не питаете вражды к иномирцам.

Должно быть, он неудачно выразился — доктор Шект так и подскочил.

— Кто бы вам это ни говорил, он ошибается, приписывая мне какую-то особенную любовь к инопланетянам. Я ко всем отношусь одинаково. Я землянин…

Арвардан сжал губы и стал смотреть в сторону.

— Поймите, доктор Арвардан, — торопливо зашептал физик, — я сожалею, если показался вам грубым, но я действительно не могу…

— Я все понимаю, — холодно ответил археолог, хотя не понимал ровным счетом ничего. — Всего хорошего, доктор.

— У меня столько работы… — слабо улыбнулся Шект.

— Я тоже очень занят, доктор Шект.

Арвардан пошел к выходу, злясь на все племя землян и невольно вспоминая эпитеты, принятые в его родном мире. И пословицы: «Вежливость на Земле — все равно что сушь в океане», «Землянин

все тебе отдаст, что ему самому не нужно».

Он уже протянул руку к фотоэлементу, открывавшему входную дверь, как сзади послышались торопливые шаги, ему предостерегающе прошипели что-то на ухо и сунули в руку клочок бумаги. Когда Арвардан обернулся, никого уже не было, лишь мелькнуло вдали что-то красное.

Он сел в свою взятую напрокат машину и лишь тогда развернул бумажку. На ней было нацарапано: «В восемь вечера спросите, как проехать к Игорному дому. Убедитесь, что за вами не следят».

Арвардан свирепо нахмурился и перечел записку раз пять подряд, а потом стал рассматривать ее, точно ожидая, что на ней проявятся невидимые чернила. Он невольно оглянулся назад. Улица была пуста. Арвардан хотел выкинуть записку в окно, но передумал и сунул ее в жилетный карман.

Одно несомненно: если бы вечер у Арвардана был бы хоть чем-то занят, тут бы делу и конец, как, скорее всего, и нескольким триллионам людей. Но, как выяснилось, делать Арвардану было нечего. Кроме того, его очень интересовало, кто же прислал ему записку. Неужели?..

В восемь часов вечера он влился в медленный

поток машин, едущий по серпантину в одном направлении. Прохожий, у которого он спросил дорогу, подозрительно уставился на него (видно, никто из землян не свободен от этого всеобъемлющего чувства) и коротко сказал:

— В ту же сторону, куда и все машины.

Видимо, все машины и вправду ехали к Игорному дому — вскоре Аврадан увидел, как они одна за другой исчезают в зияющей пасти подземной стоянки. Выбившись из очереди, он объехал здание и стал ждать, сам не зная чего.

По пандусу для пешеходов сошла стройная тень и прилипла к окну его машины. Аврадан присмотрелся и вздрогнул, но тень уже открыла дверцу и забралась в машину.

— Простите, но… — сказал Аврадан.

— Шш! — сказала тень, низко пригнувшись на сиденье. — За вами никто не следил?

— А должны были?

— Бросьте шутить. Поезжайте вперед. Я скажу, когда повернуть. Силы небесные, чего же вы ждете?

Он узнал голос. Капюшон соскользнул на плечи, открыв легкие каштановые волосы. На него смотрели темные глаза.

— Не надо медлить, — мягко сказала она.

Аравардан тронулся с места, и все пятнадцать минут они ехали молча, если не считать сдавленных коротких указаний девушки.

Аравардан то и дело косился на нее, с удовольствием отмечая, что она еще красивее, чем ему запомнилось. Как ни странно, сейчас его ничто не возмущало.

Они остановились на углу пустынной улицы, застроенной особняками. Выждав из предосторожности некоторое время, девушка снова указала Аравардану, куда ехать, и они медленно проползли по аллее к пологому спуску в гараж.

За ними закрылась дверь — свет горел только в машине.

— Доктор Аравардан, — серьезно произнесла Пола, — я сожалею, что мне пришлось проделать все эта ради того, чтобы встретиться с вами наедине. Я знаю, что в вашем мнении мне уже нечего терять…

— Вы напрасно так думаете, — неловко сказал Аравардан.

— Я не могу думать иначе. Хочу, чтобы вы поверили — я полностью сознаю, какой мелкой и злой была в ту ночь. У меня нет даже слов, чтобы извиниться…

— Пожалуйста, не надо, — сказал он, глядя в

сторону. — Мне тоже следовало быть дипломатичнее.

— Что ж… — Пола помолчала, пытаясь хоть немного овладеть собой. — Но я вас не для того сюда привезла. Вы единственный известный мне иномирец, который может быть добрым и благородным. Мне нужна ваша помощь.

Аравардана пронзило холодом. Значит, все дело в этом? Свое чувство он выразил холодным:

— Вот как?

— Нет, — крикнула она. — Дело не во мне, доктор Аравардан. Помощь нужна Галактике. Мне ничего не надо, ничего!

— Но в чем же дело?

— Сначала… кажется, за нами никого не было, но если услышите какой-нибудь шум, то, пожалуйста, — она опустила глаза, — пожалуйста, обнимите меня… и… ну, вы знаете.

— Полагаю, что сумею сымпровизировать, — сухо кивнул Аравардан. — А нам обязательно ждать, когда будет шум?

— Пожалуйста, не шутите так, — покраснела Пола, — и поймите меня правильно. Это единственный способ избежать подозрений. Убедительнее всего.

— Неужели все так серьезно? — мягко спросил

Аравардан, с любопытством глядя на девушку, Она казалась такой юной и нежной — даже нечестно. Аравардан никогда в жизни не совершал необдуманных поступков и гордился этим. Он умел сильно чувствовать, но всегда боролся с собой и побеждал. А теперь только потому, что девушка казалась такой слабенькой, он чувствовал безрассудную потребность защищать ее.

— Очень серьезно, — сказала она. — Сейчас я вам что-то скажу и знаю, что вы мне сначала не поверите. Но хочу, чтобы вы постарались поверить. Хочу, чтобы вы настроились на то, что я говорю искренне. А больше всего хочу, чтобы вы, узнав все, объединились с нами и помогли. Вы постараетесь? Даю вам пятнадцать минут, и, если к концу этого срока вы сочтете, что мне нельзя доверять и не надо иметь со мной дела, я уйду, и на этом все кончится.

— Пятнадцать минут? — Он невольно скривил губы в улыбке, снял ручные часы и положил их перед собой. — Хорошо.

Она стиснула руки на коленях и устремила взгляд за ветровое стекло, где ничего не было, кроме голой стены гаража.

Аравардан задумчиво смотрел на нее; плавная, мягкая линия подбородка отвергала твердость,

которую Пола пыталась ему придать; прямой, тонко очерченный нос, яркий цвет лица, характерный для Земли.

Она взглянула на Арвардана краем глаза и тут же отвела взгляд.

— В чем дело? — спросил он.

Она прикусила губу.

— Так, смотрю на вас.

— Я заметил. У меня что, нос испачкан?

— Нет, — Она едва заметно улыбнулась, впервые с тех пор как села в машину. Его внимание почему-то притягивали разные мелочи. Например, как разлетаются ее волосы, когда она качает головой. — Просто меня уже давно, с той ночи, занимает вопрос, почему вы не носите свинцовый костюм, как все чужаки. Потому-то я вас и не раскусила. Чужаки обычно похожи на мешки с картошкой.

— А я нет?

— О нет, — с внезапным пылом ответила она, — вы похожи на древнюю мраморную статую, только вы живой и теплый. Извините, я забылась.

— Думаете, я считаю вас землянкой, которая не знает своего места? Не надо так думать обо мне, иначе мы никогда не станем друзьями. Я

не верю в эти басни о радиации. Я замерил радиоактивность в атмосфере Земли и производил опыты на животных. Полностью убежден, что в нормальных условиях радиация для меня безвредна. Я пробыл здесь два месяца и пока здоров. Волосы не выпадают, — он подергал их, — шишек на животе нет. Думаю, что и бесплодие мне не грозит, хотя тут я, должен сознаться, кое-какие меры предпринимаю. Просто моих свинцовых трусов никому не видно.

Он говорил серьезно, и Пола снова улыбнулась.

— По-моему, вы немножко сумасшедший.

— Правда? Вы удивитесь, когда узнаете, сколько мудрых именитых археологов разделяет ваше мнение, Только они выражают его более пространно.

— Так вы будете меня слушать? Пятнадцать минут на исходе.

— А вы как думаете?

— Мне кажется, будете. Иначе вы бы тут не сидели — после всего, что я натворила.

— Вы действительно думаете, что мне стоит больших усилий сидеть рядом с вами? Тогда вы ошибаетесь. Знаете, Пола, я никогда не видел — убежден, что не видел, — такой красивой де-

вушки, как вы.

Она быстро, испуганно взглянула на него.

— Пожалуйста, не надо. Я этого вовсе не хотела. Вы мне не верите?

— Верю, Пола. Расскажите мне то, что собирались, Я поверю всему и помогу вам.

Аврадан искренне был убежден в том, что говорил. В этот миг он бы с радостью взялся даже за то, чтобы свергнуть с престола императора. Он никогда еще не любил… но тут Аврадан попридержал себя. Раньше он не произносил этого слова.

Любовь? К землянке?

— Вы говорили с моим отцом, доктор Аврадан?

— Доктор Шект — ваш отец? Пожалуйста, зовите меня Бел, а я вас — Пола.

— Если вы так хотите, я постараюсь. Вы, наверное, очень сердитесь на него.

— Он был не очень-то вежлив.

— Это вполне объяснимо. За ним следят. Мы с ним так и договорились: он отделается от вас, а я встречусь с вами здесь. У нас дома. Знаете, — таинственно зашептала она, — на Земле готовится восстание.

Аврадан не мог удержаться.

— Неужели вся Земля восстанет? — спросил он, широко раскрыв глаза.

Пола тут же разъярилась.

— Не смейтесь надо мной. Вы сказали, что будете слушать и верить моим словам. Земля готовится к восстанию, и это серьезно, потому что Земля может уничтожить всю Империю.

— Земля?! — Аврадан с трудом подавил смех. — Пола, у вас были хорошие отметки по галактографии?

— Не хуже, чем у других, учитель, но при чем тут галактография?

— А вот при чем. Объем Галактики — несколько миллионов кубических светолет. В ней находится двести миллионов обитаемых планет, а ее население — примерно пятьсот квадриллионов. Верно?

— Думаю, что да, раз вы так говорите.

— Уж поверьте мне, это так. А Земля — всего лишь планета с двадцатимиллионным населением, не обладающая больше никакими ресурсами. Значит, на каждого землянина приходится двадцать пять биллионов жителей Галактики. Что же может Земля сделать с противником, который превосходит ее в двадцать пять биллионов раз?

Если уверенность Полы и поколебалась, то

ненадолго.

— Бел, — твердо сказала она, — я не могу вам на это ответить, но мой отец сможет. Он не сказал мне самого главного, потому что опасается за мою жизнь, но теперь наверняка скажет, если вы пойдете со мной. Отец говорил, что Земля знает, как уничтожить все живое за пределами планеты, и он не может ошибаться. Он всегда бывает прав. — Ее щеки запальчиво порозовели, и Арвардан сгорал от желания прикоснуться к ним. Неужели раньше прикосновение к Поле внушало ему ужас? Как он мог? — Уже есть десять часов? — спросила Пола.

— Да.

— Тогда он уже должен быть наверху, если только его не схватили. — Она невольно вздрогнула. — Мы можем пройти в дом прямо отсюда, и если вы согласны… — Она взялась за ручку дверцы, но вдруг замерла и быстро шепнула: — Кто-то идет… Скорее…

Больше ничего она сказать не успела. Арвардан, незамедлительно вспомнив ее указания, обхватил Полу руками, и вот она в его объятиях, теплая и мягкая. Ее губы трепетали на его губах, и в них заключалось целое море наслаждения. Первые десять секунд Арвардан еще косил глазами и

прислушивался я ожидании проблеска света или звука шагов, но потом волнение захлестнуло его с головой. Перед глазами пылали звезды, биение собственного сердца оглушало.

Ее губы отдалились, но он вновь, не скрываясь, потянулся к ним… и нашел их. Объятие становилось все теснее, она таяла в его руках, и вот ее сердце забилось в лад с его сердцем.

Наконец они разомкнули руки, но не могли расстаться сразу и посидели еще немного, прижавшись щекой к щеке.

Аравардан никогда еще не любил, теперь это слово уже не пугало его.

Что из того, если она землянка, в Галактике равных ей дет.

— Наверное, кто-то просто проехал по улице, — в сладком забытьи пробормотал он.

— Да я ничего и не слышала.

Он отодвинул ее на расстояние вытянутой руки, но она не отвела глаз.

— Ах ты, чертенок. Ты это серьезно?

Она сверкнула глазами.

— Я хотела, чтобы ты меня поцеловал, и не жалею об этом.

— Ты думаешь, я жалею? Поцелуй меня еще, безо всякого предлога. Теперь я хочу этого.

Еще одно долгое-долгое мгновение — и она оторвалась от него, аккуратно поправляя волосы и ворот платья.

— Пойдем-ка лучше в дом. Выключи фары — у меня есть фонарик.

Он вышел вслед за ней из машины. Стало совсем темно, и фигура Полы едва маячила в кружочке света от фонарика-карандаша.

— Держись за мою руку. Тут ступеньки.

— Я люблю тебя, Пола, — прошептал он в ответ. Это получилось у него так естественно и так верно. И он повторил: — Я люблю тебя, Пола.

— Ты меня едва знаешь, — мягко ответила она.

— Нет. Я тебя знаю всю жизнь. Клянусь! Всю жизнь. Два месяца, Пола, я думал и мечтал только о тебе. Клянусь.

— Я землянка, господин.

— Тогда я тоже стану землянином. Испытай меня. Он удержал ее и осторожно направил ее руку с фонариком вверх, осветил лицо, пылающее к заплаканное.

— Почему ты плачешь?

— Потому что, когда отец тебе все расскажет, ты поймешь, что тебе нельзя любить землянку.

— И снова скажу: испытай меня.

Глава пятнадцатая
Рухнувшее превосходство

Аравдан и Шект встретились в задней комнате третьего этажа. Окна были тщательно поляризованы, так что стекла стали совершенно матовыми. Пола сидела внизу, пристально вглядываясь в темную пустую улицу.

Длинный сутулый Шект был уже не тот, с кем Аравдан разговаривал десять часов назад. Доктор оставался таким же изможденным и бесконечно усталым, но утром он был неуверен и робок, теперь же все его существо выражало отчаянную браваду.

— Доктор Аравдан, — твердо начал он, — я должен извиниться за свое утреннее поведение. Я надеялся, что вы поймете…

— Должен сознаться, что тогда ничего не понял, но теперь, кажется, понимаю.

Шект присел к столу и предложил Аравдану вина. Тот жестом отказался:

— С вашего позволения, я лучше попробую фрукты. А что это? Я таких, по-моему, никогда не видел.

— Это нечто вроде апельсина. Кажется, он нигде, кроме Земли, не растет. Его легко очистить.

Шект показал, и Арвардан, с любопытством понюхав плод, вонзил зубы в его винную мякоть.

— Превосходный вкус, доктор Шект! Земля не пробовала экспортировать их?

— Блюстители не желают торговать с чужаками, — мрачно сказал физик. — А наши соседи по Галактике не желают торговать с нами. Это только одна из многих наших проблем.

— До чего глупо, — в приступе раздражения сказал Арвардан, — Можно навсегда разочароваться в человеческом разуме, когда вдруг увидишь, что у людей в голове.

Шект пожал плечами с бесконечным терпением много пережившего человека.

— Боюсь, это лишь часть неразрешимой проблемы, имя которой — антитеррализм.

— Она почти не разрешима потому, что никто по-настоящему не хочет ее решать! Разве мало землян отвечает на антитеррализм ненавистью ко всем галактианам без разбору? Просто какая-то повальная болезнь — ненависть за ненависть. Разве ваш народ стремится к равенству и взаимной терпимости? Нет! Большинство землян хочет одного — в свою очередь одержать над

нами верх.

— В ваших словах, наверное, много правды, — грустно ответил Шект, — не могу этого отрицать. Но это не вся правда. Дайте нам только шанс, и новое поколение землян вырастет, не зная, что такое изоляция, и всей душой веря в единство человечества. На Земле не раз бывали у власти ассимилянты, проповедующие терпимость и компромисс. Я принадлежу к ним — точнее, принадлежал. Теперь Землей правят изоляционисты — оголтелые фанатики, грезящие о прошлом и будущем величии. Вот от кого надо спасать Империю.

— Пола говорила о каком-то восстании, вы это имеете в виду? — нахмурился Аврадан.

— Доктор Аврадан, не слишком легко убедить человека в том, что на первый взгляд просто смешно: в том, что Земля может победить Галактику. Однако это правда. Я не обладаю физической храбростью и очень хочу жить — судите же сами, какой страшной должна быть опасность, чтобы толкнуть меня на измену, да еще когда я под надзором у местных властей.

— Ну что ж, если все так серьезно, скажу вам сразу; я сделаю все, что смогу, но лишь в своем качестве гражданина Галактики. Я не занимаю

здесь официальной должности и не пользуюсь каким-то особым влиянием ни при императорском дворе, ни даже при дворе прокуратора. Я только тот, кем и кажусь — археолог, прибывший сюда с экспедицией в своих собственных интересах. Раз уж вы решились на измену, почему бы вам не встретиться с прокуратором? Вот кто вам нужен.

— Этого я как раз и не могу, доктор Арвардан. Этого мне блюстители никогда не позволят. Когда вы утром пришли ко мне, я подумал даже, не Энниус ли вас прислал. Мне казалось, он что-то подозревает.

— Может быть, не могу отвечать за него. И он не посылал меня, к сожалению. Если вы согласитесь довериться мне, обещаю все ему передать.

— Спасибо. Это все, чего я прошу. И еще вашего заступничества, чтобы оградить Землю от слишком суровых репрессий.

— Разумеется. — Арвардан чувствовал себя неловко. Он был убежден, что перед ним старый параноик — может, и безобидный, но совершенно тронутый. Однако выбора не было, придется остаться, выслушать его и попытаться вывести из буйного состояния. Ради Полы.

— Вы ведь слышали о синапсаторе, доктор Арвардан? Утром вы так сказали.

— Да. Я читал вашу статью в «Физическом обозрении». И говорил о вашем изобретении с прокуратором и с верховным министром.

— С верховным министром?!

— Ну конечно. От него я и получил рекомендательное письмо, которое вы… боюсь… отказались читать.

— Сожалею. Но лучше бы вы… Что вы, собственно, знаете о синапсаторе?

— Что изобретение, само по себе интересное, не оправдало ожиданий. Прибор предназначен для повышения восприятия, и опыты на крысах были довольно удачны, но для человека синапсатор не подходит.

— Да, из той статьи вы и не могли извлечь ничего другого, — опечалился Шект. — Свои неудачи я там расписал, а свой огромный успех намеренно скрыл.

— Это не очень вяжется с профессиональной этикой, доктор Шект.

— Признаю. Но мне пятьдесят шесть лет, и, если вы что-то знаете о порядках на Земле, мне недолго осталось жить.

— Шестьдесят. Да, я слышал… больше, чем хотелось бы. — Арвардан с унылым чувством припомнил свой полет на стратолайнере. — Но

ведь для выдающихся ученых делают исключение, насколько я знаю.

— Конечно. Только это решает верховный министр и Совет Блюстителей, и их приговор обжаловать бесполезно, даже перед императором. Мне сказали, что моя жизнь зависит от соблюдения тайны вокруг синапсатора и от напряженной работы над его усовершенствованием, — Физик беспомощно развел руками. — Разве я знал тогда, на что способна моя машина, как ее можно использовать?

— И как же?

Аврадан достал из портсигара сигарету и предложил Шекту, но тот отказался.

— Сейчас объясню. Как только я довел синапсатор до той стадии, когда его стало можно применять на человеке, ко мне один за другим начали поступать для обработки некоторые наши биологи. Я знал их всех как сочувствующих вашим изоляционистам. Все они выжили, хотя потом у них проявились некоторые побочные эффекты. Одного из них прислали для повторной обработки. Я не смог его спасти. Но в предсмертном бреду он сказал…

Время близилось к полуночи. День был длинный и полный событий.

Аравдан начинал смотреть на вещи по-другому.

— Нельзя ли ближе к делу? — жестко спросил он.

— Еще немного терпения. Я должен объяснить все подробно, чтобы вы поверили мне. Вы, конечно, знаете, что на Земле мы живем в необычной среде обитания, радиоактивной среде.

— Да, мне это достаточно хорошо известно.

— И как влияет радиоактивность на Землю и ее экономику — тоже?

— Да.

— Тогда я не стану останавливаться на этом. Скажу только, что вероятность мутаций не Земле выше, чем где-либо в Галактике. Теория наших врагов о различии между землянами и другими людьми не совсем беспочвенна. Мутанты, конечно, малочисленны и в большинстве своем нежизнеспособны. Если земляне в чем-то действительно изменились, тек это относится только к нашей биохимии, дающей возможность выжить в окружающей среде. Например, у землям выше выносливость к радиации, у нас быстрее заживают ожоги…

— Доктор Шект, я все это знаю.

— А вы когда-нибудь задумывались над тем,

что на Земле мутирует не только человек?

— Да нет, не задумывался, — помолчав, сказал Арвардан, — хотя это, конечно, неизбежно.

— Да. Мутации происходят. Наши домашние животные более разнообразны, чем в других обитаемых мирах. Апельсин, который вы ели, это мутация, и она существует только на Земле. Потому-то эти фрукты и не годятся на экспорт, помимо всего прочего. Чужаки к ним относятся так же подозрительно, как и к нам, а мы их ценим, как свое, особенное… Ну а то, что касается животных и растений, касается и микроорганизмов.

И вот тут-то Арвардану стало страшно.

— То есть бактерий? — спросил он.

— Я говорю о всех видах микроорганизмов. К ним относятся и простейшие, и бактерии, и самовоспроизводящиеся протеины, которые еще называют вирусами.

— К чему вы ведете, доктор?

— Думаю, вы и сами уже догадываетесь. Мой рассказ начал вас интересовать. Знаете, у вас верят, что земляне несут в себе смерть, что все, кто общается с землянами, умирают, что земляне приносят несчастье, что у них дурной глаз…

— Да, знаю. Это только суеверия.

— Не совсем, и в этом самое страшное. Во всех

поверьях, даже самых невежественных, диких и извращенных, есть зерно истины. Видите ли, в организмах землян иногда встречаются микроскопические паразиты, которые больше нигде не известны, поэтому у иномирцев к ним нет сопротивляемости. А дальше начинается простая биология, доктор Арвардан. — Арвардан молчал. — Мы тоже, разумеется, иногда болеем, — продолжал Шект. — Из радиоактивных туманов выходят новые формы бактерий, и планету охватывает эпидемия, но землянам удается выстоять. Мы поколениями вырабатывали иммунитет против всех этих бактерий и вирусов — у иномирцев же не было такой возможности.

— Вы хотите сказать, — промолвил Арвардан, чувствуя внезапную слабость, — что я, контактируя с вами…

Он отодвинулся вместе со стулом. Ему вспомнились недавние поцелуи.

— Нет, конечно. Болезни не сидят в нас, мы их только переносим и то редко. Живи я в вашем мире, бактерий на мне было бы не больше, чем на вас. Я их не развожу. Даже теперь опасность для человека представляет всего лишь одна бактерия из квадриллиона, если не из квадриллиона квадриллионов. Вероятность того, что вы сейчас

заразитесь, не больше той, что сейчас крышу пробьет метеорит и ударит вас по голове. Но если бактерии специально подобрать, выделить и сконцентрировать, тогда другое дело.

Помолчав на этот раз подольше, Арвардан спросил странно сдавленным голосом:

— И на Земле это делается?

Он забыл и думать о паранойе. Он начинал верить.

— Да. Сначала причины были самые невинные. Наших биологов, разумеется, интересуют особые формы земных микроорганизмов, и недавно им удалось выделить вирус простой лихорадки.

— Что это за болезнь?

— Это легкое местное заболевание. Она никогда нас не покидает. Большинство землян переносит ее в детстве, и симптомы не очень мучительны. Легкий жар, небольшая сыпь, воспаление суставов и губ да еще непрестанная жажда. Через четыре-шесть дней лихорадка проходит, и у человека вырабатывается иммунитет. Я ею болел, Пола тоже. Но встречается и более опасная форма того же заболевания, вызываемая предположительно несколько иным штаммом вируса, и она называется лучевой лихорадкой.

— Лучевая лихорадка?! Да, я слышал о ней.

— Правда? Ее называют лучевой из-за ошибочного мнения, будто ею заболевают те, кто входит в радиоактивную зону. И действительно, после посещения радиоактивной зоны часто начинается лучевая лихорадка, поскольку в этих зонах вирус более подвержен опасным мутациям. Но болезнь вызывает не радиация, а вирус. При лучевой лихорадке симптомы проявляются в течение двух часов после заражения. Губы поражаются так сильно, что человек едва может говорить, и через несколько дней возможен смертельный исход. Сейчас я перехожу к главному, доктор Арвардан. Земляне адаптировались к простой лихорадке, а иномирцы — нет. Иногда ею заболевают солдаты имперского гарнизона, и больные реагируют на нее так же, как земляне на лучевую лихорадку. Обычно через двенадцать часов следует смерть. Тогда тело сжигают. Это делают земляне, потому что все солдаты, которые приближаются к трупу, тоже умирают. Вирус простой лихорадки, как я уже говорил, был выделен десять лет назад. Это нуклеопротеин, как и большинство фильтруемых вирусов, но есть у него одна особенность: чрезвычайно высокая концентрация радиоактивного углерода, серы и фосфора. Предполагается, что на организм боль-

ного действует не столько токсичность вируса, сколько его радиоактивность. Естественно, что земляне, адаптированные к гамма-излучению, легко переносят болезнь. Сначала исследователи вируса пытались установить, каким образом он концентрирует свои радиоактивные изотопы. Ведь, как вам известно, в химии изотопы можно выделить лишь в итоге долгого кропотливого труда. И ни один известный нам организм, кроме этого вируса, тоже этого не умеет. Но потом исследования стали вестись в другом направлении. Буду краток, доктор Арвардан. Думаю, остальное вам уже ясно. Проводились, должно быть, эксперименты — на животных других миров, не на самих иномирцах. Их на Земле слишком мало, чтобы исчезновение хотя бы одного прошло незамеченным. Да и нельзя было преждевременно выдавать свои планы. Зато группу бактериологов прислали на синапсирование с целью во много раз увеличить их творческий потенциал. Они-то и атаковали вновь химию протеинов и иммунологию, пользуясь математическими методами. В итоге им удалось получить искусственный штамм вируса, который действует только на иномирцев. И уже изготовлены тонны этого кристаллизированного вируса.

У оглушенного Арвардана стекали по вискам капли пота.

— И вы хотите сказать, что Земля собирается напустить этот вирус на Галактику, что Земля вот-вот начнет гигантскую бактериологическую войну?!

— Которой нам не проиграть, а вам… не выиграть. Да, это правда. Как только начнется эпидемия, ежедневно будут умирать миллионы людей, и ничто их не спасет. Перепуганные беженцы разнесут вирус по всей Вселенной, а если вы начнете взрывать зараженные планеты, эпидемия вспыхнет в новых точках Галактики. Никто даже не догадается, что это связано с Землей. К тому времени, когда наше нормальное состояние начнет вызывать подозрения, опустошение Галактики достигнет таких пределов, что отчаявшимся иномирцам будет не до нас.

— И в Галактике умрут все до единого?

Весь ужас ситуации еще не дошел до Арвардана — это просто невозможно было осмыслить.

— Не обязательно. Наша новая бактериология работает в двух направлениях. Выделен также и антитоксин, который может производиться в больших количествах. Он будет выдаваться в случае добровольной сдачи. И потом, могут уцелеть

разные медвежьи углы Галактики, могут быть и случаи естественного иммунитета.

Арвардана охватило какое-то жуткое отупение — он ни на минуту не усомнился в правдивости слов Шекта, в этой страшной правде, которая одним махом уничтожила превосходство двадцати пяти биллионов против одного человека, В ушах у него продолжал звучать тихий усталый голос физика.

— Не Земля все это выдумала, а горсточка лидеров, искалеченных мощным отпором Галактики, не допускающей нас к себе. Они с безумной настойчивостью стремятся отплатить ей любой ценой. Но когда они начнут, за ними пойдет вся Земля — что нам остается делать? Наша вина будет так огромна, что мы будем просто вынуждены завершить то, что начали — оставить в живых как можно меньше иномирцев, чтобы некому было потом отомстить. Но я прежде всего человек, а потом уже землянин. Неужели ради торжества миллионов должны погибнуть триллионы? Неужели цивилизация, завоевавшая всю Галактику, должна рухнуть в угоду мщению, хотя бы и справедливому, одной-единственной планеты? И неужели нам от всего этого станет лучше жить? Центральными мирами Галактики

по-прежнему останутся миры, имеющие для этого необходимые ресурсы. Допустим, на Тренторе в течение целого поколения будут править земляне, но их дети уже станут тренторианами и будут смотреть свысока на тех, кто остался на Земле. И какая пользе человечеству, если тирания Империи сменится тиранией Земли? Нет, нет! Должен быть какой-то общий для всех выход, который ведет к свободе и справедливости.

Шект закрыл лицо руками и стал горестно раскачиваться взад и вперед.

Аврадан слышал все это, как сквозь пелену.

— То, что вы сделали, это не измена, доктор Шект. Я немедленно отправляюсь на Эверест. Прокуратор поверит мне, Должен поверить.

Послышались бегущие шаги, и в комнату, распахнув дверь, влетела испуганная Пола.

— Отец, по аллее идут какие-то люди. Лицо доктора Шекта стало серым.

— Быстрее, доктор Аврадан, через гараж, — сказал он, выталкивая археолога из комнаты. — Берите Полу, Обо мне не беспокойтесь. Я задержу их.

Но за спиной у них уже возник человек в зеленом, с хищной улыбкой на губах и с нейрокнутом в руке, В парадную дверь ломились, вот она с

треском поддалась, и по лестнице затопали тяжелые сапоги.

— Вы кто такой? — вызывающе спросил Арвардан человека в зеленом, загораживая собой Полу.

— Я? Я, — бросил тот в ответ. — Всего лишь скромный секретарь Его Превосходительства премьер-министра, который ждал чуть дольше, чем следовало, но все же успел вовремя. Хм, и девушка здесь. Неразумно…

— Я гражданин Галактики, — ровным голосом сказал Арвардан, — и вы не имеете права задерживать меня да и входить в этот дом, если на то пошло, без разрешения властей.

— Я, — похлопал себя по груди секретарь, — представляю собой и власть, и закон на этой планете, а вскоре буду представлять власть и закон во всей Галактике, Мы взяли всех, и Шварца тоже.

— Шварца? — одновременно вскрикнули Пола и Шект.

— Удивлены? Пойдемте, я отведу вас к нему.

Последним, что видел Арвардан, была улыбка секретаря и вспышка кнута. Багровый ожог боли, и археолог рухнул в беспамятстве.

Глава шестнадцатая
Выбор стана

В этот момент Шварц беспокойно ворочался на жесткой скамье в одной из подземных камер чикского Исправительного дома.

Большой дом, как его обычно называли, воплощал здесь власть верховного министра и его правительства. Эта мрачная, угловатая громада высилась над имперскими казармами, затмевая их собой и тем самым символизируя, что землянину-правонарушителю гораздо больше следует опасаться земного закона, чем либеральной власти Империи.

Немало землян за последние несколько веков ожидало в этих стенах суда — за то, что не выполняли норму или занимались приписками, за то, что жили лишний срок или покрывали других, а то и за попытку свергнуть правительство. Иногда, если заскоки земного правосудия представлялись особенно бессмысленными тогдашнему прокуратору, как правило, лицу искушенному, он мог отменить приговор, но за этим сразу же следовало восстание или стихийные беспорядки.

Обычно, когда Совет требовал смерти, прокуратор утверждал приговор. В конце концов, приговоренные были всего лишь земляне.

Джозеф Шварц об этом, естественно, ничего не знал. Он видел перед собой только камеру, очень тускло освещенную, вся обстановка которой состояла из двух твердых скамеек и стола плюс углубления в стене, служившего умывальником и туалетом. Не было ни окна, ни клочка неба в нем, только из вентиляционной шахты сочилась слабая струйка воздуха.

Шварц потер волосы, окружавшие плешь, и уныло сел. Его попытка бежать неизвестно куда (ибо где на Земле он мог укрыться?) длилась недолго, далась ему несладко и закончилась вот здесь.

Правда, у него осталось внутреннее зрение.

Только вот к добру или к худу?

На ферме оно было для Шварца странным, тревожным даром, природы которого он не понимал и не задумывался о том, что этот дар может ему принести. Теперь своими возможностями стоило заняться.

Если день-деньской ничего не делать, кроме как размышлять о своей участи, недолго и свихнуться. А так Шварц ловил в свои сети про-

ходивших мимо камеры надзирателей, находил охранников в ближайших коридорах, дотягивался даже до коменданта в его дальнем кабинете.

Он вертел их Образы так и сяк, рассматривал их, катал, как орехи — сухие скорлупки, из которых со свистом били эмоции и суждения.

Он многое узнал о Земле и об Империи, больше, чем за два месяца на ферме.

По крайней мере, одно он узнал наверняка, и ошибки тут быть не могло — его приговорили к смерти.

В этом не было сомнений. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал.

Сегодня ли, завтра, но он умрет.

Порой Шварц, упав духом, думал об этом почти с благодарностью.

Дверь открылась, и Шварц от страха вскочил мгновенно. Со смертью можно примириться в уме, но тело — это скотское начало и разуму не подчиняется. Вот оно!

Нет, не оно. Образ вошедшего не содержал в себе смерти. Это был стражник с металлическим стержнем наизготовку — Шварц уже знал, что это такое.

— Выходи, — приказал охранник.

Шварц подчинялся, думая о том, какой властью

обладает. Стражник не успел бы воспользоваться оружием, даже не сообразил бы, что пора пускать его в ход, как уже упал бы без звука, ничем не выдав своей гибели. Шварц мысленно держал его Образ в руках. Нажать немножко — и конец.

Да только зачем? Ведь есть и другие. Со сколькими зараз он смог бы управиться? Сколько пар рук у него в мозгу?

И Шварц покорно шел, куда его вели. Стражник привел его в какой-то большой зал, где на очень высоких скамьях лежали двое мужчин и девушка — неподвижно, как трупы. Но это были не трупы, что доказывали три живых и активно мыслящих Образа.

Парализованы! И он их, кажется, знает? Шварц остановился посмотреть, но стражник тронул его за плечо.

— Сюда.

Четвертая лежанка была свободна. В Образе стражника не было смерти, поэтому Шварц подчинился, хотя и знал, что сейчас произойдет.

Стражник прикоснулся своим стержнем по очереди к обеим рукам и к обеим ногам Шварца — они онемели и отнялись, одна только голова плавала в пустоте. Шварц повернул ее и окликнул:

— Пола! Вы ведь Пола? Девушка, которая…

Она кивала в ответ. Он не узнал ее Образа — два месяца назад Образ для Шварца еще не существовал. В то время он только-только начал чувствовать «атмосферу». Сейчас он очень ясно это помнил.

Образ Полы о многом сказал ему. Человек рядом с ней был доктор Шект; тот, что подальше, — доктор Бел Арвардан. Шварц раскрыл для себя думы Полы, ощутил ее отчаяние, измерил всю глубину испуга и ужаса, осевшего в уме девушки.

На миг он пожалел их, но вспомнил, кто они, и ожесточился сердцем.

Пусть умирают!

Трое арестованных пробыли здесь уже почти час. Зал, в который их привели, предназначался, видимо, для заседаний и мог вместить несколько сот человек. Узники чувствовали себя в нем одинокими и потерянными. Говорить было не о чем. У Арвардана горело а горле, и он в тщетных поисках облегчения ворочал толовой — только ею он и мог шевелить.

Шект лежал, закрыв глаза, сжав бледные губы.

— Шект. Слушайте, Шект, — яростно зашептал ему Арвардан.

— Что? — еле слышно откликнулся тот.

— Вы что, спите? Думать надо, думать!

— Зачем? И о чем?

— Кто такой Джозеф Шварц?

— Разве вы не помните, Бел? — раздался тонкий голосок Полы. — В универмаге, когда мы впервые встретились… Как давно это было!

Арвардан яростно дернулся и с болью приподнял голову на два дюйма, чтобы мельком увидеть Полу.

— Пола! Пола! — Если бы он только мог приблизиться к ней, как два месяца назад, когда он мог, но не захотел. Она смотрела на него, улыбаясь застывшей улыбкой, похожей на улыбку статуи, и он сказал: — Мы еще победим. Вот увидите.

Пола отрицательно мотала головой, и Арвардан вернулся обратно — его связки не выдерживали мучительной боли.

— Шект, — снова начал он, — откуда взялся этот Шварц? Как он стал вашим пациентом?

— Он добровольно вызвался синапсироваться.

— И вы синапсировали его?

— Да.

Арвардан обдумал этот факт.

— Что заставило его прийти к вам?

— Не знаю.

— Так, может, он и вправду имперский агент?

Шварц проследил за его мыслью и улыбнулся про себя, но ничего не сказал, решив и дальше молчать.

— Имперский агент? — недоуменно переспросил Шект. — Потому что так сказал секретарь министра? Чепуха. И какая теперь разница? Он так же беспомощен, как и мы. Слушайте, Арвардан, может, состряпаем какую-нибудь басню, чтобы потянуть время? Может, нам удастся…

Археолог коротко рассмеялся, и горло обожгло еще сильнее.

— Выжить, вы хотите сказать? При том, что вся Галактика погибнет и цивилизация рухнет? Нет, уж лучше умереть.

— Я думал о Поле, — пробормотал Шект.

— Я тоже. Давайте спросим ее. Как, Пола, сдадимся на милость победителя? Попробуем спасти свою жизнь?

— Я выбрала, на чьей стороне быть, — твердо ответила девушка. — Я не хочу умирать, но если те, за кого я стою, погибнут, то и я с ними.

Арвардан испытал некоторое торжество. Когда он привезет ее на Сириус, пусть говорят, что она землянка — она равна им во всем, и он с великим удовольствием вобьет зубы в глотку любому, кто…

И Арвардан вспомнил, что вряд ли сможет привезти на Сириус ее или кого бы то ни было. Никакого Сириуса не будет. Пытаясь отогнать эту мысль, он крикнул:

— Эй! Как вас там! Шварц!

Шварц на миг приподнял голову и взглянул на него, но ничего не ответил.

— Кто вы? — спрашивал Арвардан. — Как попали в эту историю? И какое имеете к ней отношение?

Его вопросы пробудили в Шварце острое ощущение несправедливости всего, что с ним произошло. Прошлое, в котором он никому не делал зла, и невыразимый ужас настоящего переполнили его, и он яростно выпалил:

— Как я сюда попал, говорите? Слушайте. Я был маленький человек. Я был честный, работящий портной. Я никого не трогал, никому не докучал, я кормил свою семью. А потом, ни с того ни с сего — ни с того ни с сего — попал сюда.

— В Чику? — спросил Арвардан, не совсем понимая его.

— Нет, не в Чику! — с безумной насмешкой вскричал Шварц. — А в этот ваш сумасшедший мир! Мне все равно, верите вы мне или нет. Мой мир остался в прошлом. В моем мире были и

земля, и еда на всех, и дна биллиона человек, и это был единственный мир.

— Вы понимаете, что он говорит? — спросил озадаченный Аврадан у Шекта.

— А знаете, — с проблеском интереса ответил тот, — ведь его аппендикс три с половиной дюйма длиной. Помнишь, Пола? И зубы мудрости. И волосы на лице.

— Вот-вот, — вызывающе крикнул Шварц. — Жаль, у меня хвоста нет, я бы вам показал. Я человек из прошлого, я совершил путешествие во времени. Сам не знаю как и почему. А теперь оставьте меня в покое. Скоро за нами придут — они дали нам это время, чтобы мы вернее сломались.

— Откуда вы знаете? — спросил Аврадан. — Кто вам сказал? — Шварц молчал. — Секретарь? Такой курносый коротышка?

Шварц не мог сказать, как выглядит тот, кого он знал только по Образу. Секретарь? Образ промелькнул у него в мозгу и тут же пропал — мощный Образ властителя, но да, кажется, он был секретарем.

— Балкис?

— Что? — не понял Аврадан.

Но Шект вмешался:

— Так зовут секретаря.

— А-а. И что же он сказал?

— Ничего, — ответил Шварц, — Я и так знаю, Всех нас ждет смерть, и от нее не уйти.

— Вам не кажется, что он сумасшедший? — понизил голос Арвардан.

— Не знаю… У него такие черепные швы… прямо первобытные.

— Вы думаете… — удивился Арвардан. — Да бросьте, это невозможно.

— Я тоже всегда так думал. — Голос Шекта обрел подобие нормального звучания, как будто наличие научной проблемы переключило его на другой канал, где личные дела не имеют значения. — Согласно расчетам, количество энергии, необходимое для перемещения материала вдоль временной оси, превышает бесконечность, поэтому путешествия во времени всегда считались невозможными. Но некоторые ученые признают возможность «временных аномалий», аналогичных геологическим. Ведь были случаи, когда космические корабли исчезали на глазах у наблюдателей. Был в древности известный случай с Хором Деваллоу, который однажды вошел в свой дом и больше не вышел оттуда, и внутри его тоже не оказалось. В галактографических атласах

прошлого века можно найти планету, которую посетили три экспедиции, составив полное ее описание, а потом она исчезла неизвестно куда. Некоторые достижения ядерной химии ставят под сомнение закон сохранения массы и энергии, и это пытаются объяснить утечкой массы вдоль оси времени. Например, ядро урана в сочетании с микроскопическим, но точным количеством меди и бария, подвергнутое легкому гамма-облучению, создает резонирующую систему…

— Перестань, отец! — прервала его Пола. — Что теперь толку…

— Погодите-ка, — вмешался Аврадан. — Дайте подумать. Если кто и может решить эту задачу, то только я. Всего несколько вопросов… Слушайте, Шварц. Ваш мир был единственным в Галактике?

— Да, — угрюмо ответил тот.

— Это вы так думаете. У вас ведь не было космических путешествий, чтобы это проверить? В Галактике могло существовать множество обитаемых миров.

— Чего не знаю, того не знаю.

— Да, конечно. А жаль. Скажите, а ядерной энергией вы пользовались?

— У нас была атомная бомба. Уран, плутон

— вот что, наверное, сделало ваш мир радиоактивным. Наверное, после моего ухода все-таки была еще одна война. Атомная. — Шварц снова перенесся в свой старый мир, в Чикаго, еще не знавший бомб, и ему стало жаль. Не себя, а того прекрасного мира.

— Ладно, — пробормотав что-то себе под нос, продолжил Арвардан. — У вас ведь был какой-то язык?

— На Земле? У нас было много языков.

— На каком говорили вы?

На английском, с тех пор как стал взрослым.

— Ну-ка, скажите что-нибудь.

Шварц больше двух месяцев не говорил по-английски и теперь медленно, любовно произнес:

— Я хочу вернуться домой, к своим родным.

— Он говорил на этом языке, когда вы его синапсировали? — спросил Арвардан у Шекта.

— Не могу ручаться, — ответил озадаченный Шект. — Он произносил такие же бессвязные слова, но я не могу связать их с этими.

— Ну, ничего… Как по-вашему будет «мать», Шварц? А-га… Теперь «отец», «брат», «один» — числительное, да? — «два», «три», «дом», «человек», «жена»… — Арвардан называл все новые и новые слова, и его лицо приобретало

благоговейное выражение, — Шект, — сказал он наконец, — или этот человек настоящий, или мне снится самый фантастический на свете кошмар. Он говорит на языке, идентичном языку древних надписей, найденных на Сириусе, Арктуре, альфе Центавра и еще в двадцати мирах. Этим надписям пятьдесят тысяч лет, а он *говорит* на том языке. Надписи расшифровали только в прошлом поколении, и в Галактике, кроме меня, не найдется и десятка человек, способных понять их.

— Вы уверены?

— Надо полагать. Я же археолог. Это моя профессия.

Шварц почувствовал, как трещит броня безразличия. Впервые он снова обрел свою потерянную индивидуальность. Его тайна раскрылась: он был человек из прошлого, и что самое главное — другие согласились с этим. Выходит, он в здравом уме, и можно больше не терзать себя сомнениями. Шварц был благодарен за это, но остался безучастным.

— Да он мне просто необходим. — Арвардан уже загорелся священным пламенем науки, — Шект, вы даже понятия не имеете, что он значит для археологии. Человек из прошлого! О, великий Боже! А может, мы заключим сделку с землянами? Они

ищут доказательств — вот им и доказательство.

— Знаю, о чем вы думаете, — язвительно прервал его Шварц. — Вы думаете, что если я выступлю с подтверждением того, что Земля — источник цивилизации, то нас за это отблагодарят. Так я вам скажу — нет! Я бы и сам не прочь выкупить у них свою жизнь. Но они не поверят ни мне, ни вам.

— Вы представляете собой неоспоримое доказательство.

— Они и слушать не станут. Знаете почему? Потому что у них свои устойчивые представления о прошлом. Тот, кто посягнет изменить эти представления, будет в их глазах святотатцем, хотя бы и говорил чистую правду. Им нужна не правда, а традиции.

— Бел, по-моему, он прав, — сказала Пола.

— Но попытаться все же стоит, — стиснул зубы Арвардан.

— Все равно ничего не выйдет.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, и все! — Это прозвучало так пророчески, что Арвардан умолк.

Теперь уже Шект смотрел на Шварца со странным огнем в глазах.

— Вы испытывали какие-нибудь неприятные

ощущения после синапсатора? — мягко спросил он.

Шварц не знал этого слова, но понял его значение. Значит, ему все-таки сделали мозговую операцию. Подумать только, сколько он всего узнал!

— Нет, не испытывал.

— Но, как я вижу, вы быстро усвоили наш язык и очень хорошо говорите на нем, будто всю жизнь говорили, Это вас не удивляет?

— Память у меня всегда была хорошая, — холодно ответил Шварц.

— Значит, вы совсем не изменились после эксперимента?

— Нет.

— Зачем вы притворяетесь? — пристально глядя на Шварца, спросил физик. — Я уверен, что вы знаете, о чем я думаю.

— Стало быть, я умею читать мысли? — хмыкнул Шварц, — Ну и что из этого?

Но бледный потрясенный Шект уже повернулся к Аврадану.

— Он чувствует чужие мысли. Чего бы я с ним только не добился!.. А я вот здесь — совершенно беспомощный…

— Что-что? — опешил Аврадан.

Даже Пола заинтересовалась.

— Вы правда это умеете? — спросила девушка у Шварца.

Шварц подтвердил: она ухаживала за ним, а теперь ее убьют. Но она предательница и заслужила это.

— Арвардан, — говорил Шект, — помните, я рассказывал вам о бактериологе, который умер после синапсатора? Первым признаком его умственного расстройства было заявление, что он умеет читать мысли, И это было правдой. Я понял это перед самой его смертью и держал в тайне. Но это возможно, Арвардан, возможно. Видите ли, с понижением сопротивления между клетками мозга они обретают способность воспринимать магнитные волны, индуцированные микротоками чужих мыслей, и превращать их в понятные им колебания. Этот принцип лежит в основе любого записывающего устройства. Телепатия в полном смысле слова.

Шварц по-прежнему хранил упорное, враждебное молчание.

— Если так, Шект, то мы сможем его использовать. — В голове у Арвардана бешено прокручивались самые невероятные варианты, — У нас появился выход. И для нас, и для Галактики.

Но Шварц остался холоден к его взбудораженному Образу.

— И все это с помощью чтения мыслей? Чем же оно может помочь? Впрочем, я умею не только читать мысли. Что вы скажете, к примеру, на это? — Легкий толчок, и Аравардан взвизгнул от боли. — Это сделал я. Хотите еще?

— Вы и охранников можете так? — ахнул Аравардан. — И секретаря?.. Как же вы позволили им затащить вас сюда? Ей-Богу, Шект, теперь все будет в порядке. Слушайте, Шварц…

— Нет, это вы слушайте. Какой мне смысл бежать отсюда? Где я окажусь? Все в том же мертвом мире… Я хочу домой — и не могу туда попасть. Хочу вернуться к своим родным, в свой мир — и не могу… Лучше уж умереть.

— Речь идет обо всей Галактике, Шварц! Нельзя думать только о себе!

— Почему это нельзя? На что мне ваша Галактика? Пусть себе гниет… и погибает. Мне известно, что замышляет Земля, и я этому рад. Девушка сказала недавно, что выбрала, на чьей стороне быть. Вот и я тоже выбрал — я за Землю.

— Что?

— А что тут такого? Я землянин или кто?

Глава семнадцатая
Смена стана

Час назад Аравардан, с трудом придя в себя, обнаружил, что лежит, точно туша говядины в ожидании мясника. С тех пор он ничем не занимался, кроме лихорадочной, бессодержательной болтовни, неумолимо отнимавшей бесценное время.

Но и в ней была своя польза — Аравардан это сознавал. Лежать просто так беспомощной колодой, которая не стоит даже того, чтобы ее охранять, значило поддаться слабости. Ни один, самый упрямый, дух не смог бы этого вынести, и если инквизитор все-таки явился бы, то не встретил бы никакого сопротивления. И Аравардан сказал, чтобы прервать затянувшееся молчание:

— Здесь, должно быть, полно подслушивающих устройств. Слишком уж мы разговорились.

— Нет, — равнодушно ответил Шварц, — нас никто не подслушивает.

Аравардан чуть было не спросил машинально: «Откуда вы знаете?», но удержался.

Какая сила! К сожалению, она принадлежит не

ему, а человеку из прошлого, который говорит, что он землянин и хочет умереть!

У Арвардана перед глазами был только потолок. Поворачивая голову, он мог видеть или угловатый профиль Шекта, или голую стену. Приподняв голову, мог увидеть на миг бледную, изнуренную Полу.

Ему не давало покоя то, что его — гражданина Империи, гражданина Галактики, звезды ясные! — смеют держать в тюрьме не кто-нибудь, а земляне. Это было особенно унизительно.

Могли бы тогда положить его рядом с Полой. Нет, лучше уж так. Не очень-то вдохновляющее зрелище он собой представляет.

Потом и эта мысль ушла.

— Бел?

Этот дрожащий звук был странно сладок Арвардану в водовороте близкой смерти.

— Что, Пола?

— Как ты думаешь, скоро они придут?

— Наверное, скоро, милая. Вот жалость какая. Мы потеряли целых два месяца.

— Это я виновата. Я. И мы могли бы оставить себе хотя бы несколько минут напоследок. Все равно все было впустую.

Арвардан не смог ей ответить. Его ум работал

вхолостую, крутя все то же «подмазанное колесо». Казалось это ему или он действительно начинал чувствовать спиной жесткий пластик, на котором лежал? Сколько времени продолжается паралич?

Шварца нужно заставить помочь. Арвардан попытался скрыть свои мысли, но знал, что это бесполезно.

— Шварц, — позвал он.

Шварц лежал такой же беспомощный, как и все, но ему невольно устроили более жесткую и утонченную пытку, чем остальным: у него в голове было четыре разума вместо одного.

Будь он один, он сумел бы сохранить свое стремление к бесконечному покою смерти и преодолеть: татки любви к жизни, которая всего два дня назад — или три? — толкнула его уйти с фермы. Но как он это сделать теперь, если над Шектом пеленой сел леденящий душу ужас, если сильный, полный жизни разум Арвардана исходил мятежной тоской, если девушка переживала трагическое крушение своих надежд?

Закрыть бы от них свой разум. Зачем ему знать о страданиях других? У него своя жизнь и своя смерть.

Но они продолжали напирать, просачиваясь во

все щели его сознания.

«Шварц», сказал Арвардан, и Шварц знал: Арвардан хочет, чтобы он их спас. Но зачем ему это? Зачем?

— Шварц, — настойчиво повторил Арвардан, — вы могли бы жить, и жить героем, Зачем вам умирать за этих людей?

Шварц вспомнил свою юность. Ему стоило отчаянных усилий удержать воспоминания в своем колеблющемся уме, и странный сплав прошлого с настоящим вызвал у него взрыв негодования. Но ответил он спокойно и сдержанно:

— Да, я мог бы стать героем… и предателем заодно. Да, эти люди хотят убить меня. Вы назвали их людьми, но это слово у вас было на языке, а в уме вы назвали их по-другому — не знаю как, но это дурное слово. И не потому, что они дурные люди, а просто потому, что они земляне.

— Ложь, — горячо возразил Арвардан.

— Нет, не ложь, и все здесь это знают. Да, они хотят убить меня, но только потому, что считают меня одним из ваших, которые огульно осуждают всю планету, обливают ее презрением, душат своим несносным высокомерием. Вот и спасайтесь сами от этих жалких червей, которые вздумали угрожать своим богоравным властителям. Не

просите о помощи одного из них.

— Вы говорите как фанатик, — удивился Арвардан. — Но почему? Вы-то чем пострадали? Вы говорите, что были жителем большой независимой планеты. Были землянином в то время, когда Земля была единственным оплотом человечества. Вы принадлежите к нам — к правящей расе. Зачем же причислять себя к жалким отбросам? Это не та планета, которую вы помните. Моя планета больше похожа на старую Землю, чем этот умирающий мир.

— Так значит, я принадлежу к правящей расе? — засмеялся Шварц. — Не будем на этом останавливаться — не стоит. Возьмем лучше вас. Вы прекрасный экземпляр того, что посылает нам Галактика. Вы терпимы, восхитительно великодушны и восхищаетесь собой потому, что обращаетесь с доктором Шектом, как с равным. Но в глубине души — и не так уж глубоко, чтобы мне не было видно, — вы себя чувствуете с ним неловко. Вам не нравится, как он говорит и как он выглядит. Вы вообще не любите его, хоть он и предал Землю. А недавно вы целовались с земной девушкой и сейчас смотрите на это как на слабость. Вам стыдно…

— Клянусь Всевышним, нет… Пола, не верь ему,

не слушай его.

— Не надо отрицать, Бел, — спокойно сказала Пола, — и не надо из-за этого расстраиваться. Он видит то, что осело в тебе с детских лет. Если бы он заглянул в мой разум, то увидел бы то же самое. А если бы он заглянул в себя так же беззастенчиво, как в нас, результат был бы тот же. — Шварц почувствовал, что краснеет. Пола ровно, не повышая голоса, продолжала: — Шварц, если вы умеете читать мысли, прочтите мои. И скажите, похожа ли я на предательницу. Посмотрите на моего отца. Разве неправда, что он мог бы спокойно избежать Шестидесяти, если бы сотрудничал с безумцами, которые хотят погубить Галактику? Что же он выиграл своим предательством? Скажите также: хочет ли кто-нибудь из нас причинить зло Земле или землянам? Вы говорили, что мельком заглянули в мысли Балкиса. Не знаю, насколько глубоко вы сумели проникнуть в эту грязь, но когда он вернется и будет уже поздно, займитесь им поближе. Вы поймете, что он сумасшедший, и умрете с этим.

Шварц молчал.

— Можете и во мне читать, Шварц, — вмешался Арвардан. — Копайте поглубже, если хотите. Я родился на Баронне в секторе Сириуса и вос-

питывался в атмосфере антитеррализма — я не отвечаю за те комплексы и отклонения, что засели в моем подсознании. Но проверьте верхний слой и скажите: разве я, став взрослым, не старался искоренить в себе эти предрассудки? Не в других — это легко, но в самом себе — сколько мог. Шварц, вы не знаете нашей истории! Не знаете о тысячелетиях и десятках тысячелетий, за которые человек расселился по всей Галактике, о войнах и бедствиях, которые он испытал. Не знаете о первых веках Империи, когда деспотизм сменялся хаосом. Только в последние два века галактическое правительство обрело реальную силу. При этом всем мирам позволено сохранять культурную автономию, самоуправление, и все они могут участвовать в органах управления Галактикой. Еще ни разу за всю историю человечество не было настолько свободно от войн и бедности, как сейчас; никогда еще так мудро не ретушировалась экономика Галактики; никогда еще у нас не было таких светлых видов на будущее. Хотите уничтожить все это и начать сначала? Но на какой основе? С помощью деспотической теократии, взращенной на ненависти и подозрительности? Жалобы Земли удовлетворят когда-нибудь законным путем, если будет жить

Галактика. То, что делают сторонники Балкиса, это не выход. Вы ведь знаете, что они задумали?

Если бы у Арвардана был тот же дар, что и у Шварца, он увидел бы, какая борьба происходит у того в голове. Но и не видя, он инстинктивно почувствовал, что теперь лучше помолчать.

Шварца тронула его речь. Все эти миры, обреченные умереть, сгнить от страшной болезни… Да землянин ли он? Только землянин — и больше никто? В юности он уехал из Европы в Америку, но разве от этого он перестал быть собой? И если потом люди стали покидать разоренную, израненную Землю ради поднебесных миров, разве они перестали от этого быть землянами? Разве ему не принадлежит вся Галактика? Разве все ее жители — все до одного — не произошли от него и от его собратьев?

— Ладно, я с вами, — тяжело произнес он. — Чем я могу помочь?

— На каком расстоянии вы воспринимаете мысли? — торопливо, словно боясь, что Шварц передумает, спросил Арвардан.

— Трудно сказать. Я вижу, например, что за дверью есть люди — охрана, наверное. Пожалуй, смогу достать даже до улицы, но чем дальше, тем менее четко я вижу.

— Это естественно. Но где секретарь? Вы можете отличить его от других?

— Не знаю, — заколебался Шварц.

Все затихли. Минуты тянулись невыносимо.

— Мне мешают ваши мысли, — сказал Шварц. — Не надо следить за мной так пристально. Думайте о другом.

Все остальные попытались выполнить его просьбу, но это им не удалось.

— Нет, не могу, не могу.

— Я уже оживаю, — вдруг заявил Арвардан. — Ноги начинают слушаться. У-ух! — каждое движение причиняло ему острую боль. — А можете вы ударить человека сильно, Шварц? Сильнее, чем меня?

— Одного я убил.

— Да ну? Как это вы так?

— Не знаю. Это делается само собой. Это… это… Шварц делал почти комические усилия, пытаясь облечь невыразимое в слова.

— А с несколькими сразу сможете управиться?

— Не пробовал, но думаю, что нет, Я не могу держать в уме двух человек одновременно.

— Не нужно убивать секретаря, — вмешалась Пола. — Это бесполезно.

— Почему?

— А как мы отсюда выйдем? Даже если нам удастся захватить секретаря одного и убить, снаружи мы столкнемся с целыми сотнями. Разве ты сам не понимаешь?

— Поймал, — внезапно вскрикнул Шварц.

— Кого? — хором спросили все, и даже Шект впился в него обезумевшим взглядом.

— Секретаря. Кажется, это его Образ.

— Не выпускайте его.

Арвардан так разволновался, что дернулся слишком сильно, скатился со своей плиты и грохнулся па пол, тщетно пытаясь опереться на парализованную наполовину ногу и встать.

— Ты ушибся! — вскрикнула Пола, внезапно приподняв руку в локте, точно подались проржавевшие петли.

— Ничего страшного. Не отвлекайтесь, Шварц! Выжмите его досуха. Добудьте из него все, что важно.

Шварц напрягся до головной боли. Водя вслепую щупальцами своего мозга, он тянулся к цели — так ребенок, растопырив пальцы, которыми еще плохо владеет, тянется к предмету, до которого с трудом может достать. До сих пор он подбирал то, что ему попадалось, теперь вникал в суть, не упуская самых мельчайших подробностей.

— Триумф! Он уверен в результате. Какие-то космические снаряды. Он их запустил. Нет, не то — готовится запустить.

— Автоматические ракеты с вирусом, Арвардан, — простонал Шект. — Они нацелены на планеты в разных точках Галактики.

— А где он их держит, Шварц? Ищите, ищите…

— В здании, которое я вижу неясно… Пять башен… звезда… название похоже на Слу…

— Так и есть, — снова вмешался Шект. — Клянусь всем святым, так и есть. Это собор в Сенлу. Его со всех сторон окружают радиоактивные зоны. Никто там не бывает, кроме блюстителей. Это место находится у слияния двух больших рек, Шварц?

— Сейчас… Да, Да.

— Время, Шварц, время? Когда собираются запустить ракеты?

— Не могу назвать день, но скоро — скоро! Это так и рвется из него — очень скоро. — Голова Шварца тоже разрывалась от напряжения.

Взбудораженному Арвардану удалось наконец подняться на четвереньки, хотя руки и ноги подкашивались.

— Он идет сюда?

— Да, — понизил голос Шварц, — он уже за

дверью. — В этот момент дверь открылась, и вошел Балкис, торжествующий Балкис, Балкис-победитель.

— Доктор Арвардан, не лучше ли вам вернуться на свое место? — с холодной насмешкой сказал он.

Арвардан посмотрел на него снизу вверх, остро сознавая всю неприглядность своей позы, но промолчал — ответить было нечего. Он ослабил свои наболевшие мышцы и распластался на полу, тяжело дыша. Если бы он владел телом хоть немного получше, если бы он мог сделать последний рывок, отнять у врага оружие…

На блестящем флексипластовом поясе секретаря висел не привычный нейрокнут, а внушительных размеров бластер, способный в мгновение ока разнести человека на атомы. Балкис со свирепым удовлетворением оглядел всех четверых. Девушка не в счет, и без нее полный набор: предатель-землянин, имперский агент и таинственная личность, за которой они следили целых два месяца. Существует ли еще кто-нибудь, кроме них?

Остается, разумеется, Энниус, а с ним и вся Империя. Этим шпионам и предателям крылья подрезали, но где-то работает мозговой центр, готовясь заслать сюда других.

Секретарь стоял в небрежной презрительной позе, нисколько не заботясь о том, чтобы держать руки поближе к оружию.

— Пора внести ясность, — заговорил он тихо и ласково. — Между Землей и Галактикой идет война — пока необъявленная, но все же война. Вы — наши пленные, и с вами поступят так, как потребуют обстоятельства. Шпионов и предателей на войне принято казнить.

— Если война объявлена и легальна, — гневно возразил Арвардан.

— Легальная война? — с неприкрытой насмешкой повторил секретарь. — Что такое легальная война? Земля всегда воевала с Галактикой, удостаивали мы объявлять об этом или нет.

— Не связывайся с ним, — мягко сказала Пола Арвардану, — Пусть он скажет, что хотел сказать, и закончим перебранку.

Арвардан улыбнулся ей странной судорожной улыбкой и вдруг с огромным усилием, задыхаясь и пошатываясь поднялся с пола. Балкис снисходительно засмеялся и не спеша подошел к нему. Все так же неторопливо он положил ладонь на широкую грудь Арвардана и толкнул его.

Непослушные руки не успели защитить Арвардана, онемевшие ноги, державшие его, лишь пока

он двигался со скоростью улитки, подкосились, и он снова рухнул на пол.

Пола ахнула. Преодолев сопротивление собственного тела, она медленно-медленно слезла со своей плиты, Балкис позволил ей подползти к Арвардану.

— Вот он, твой любовник! Твой могучий иномирец. Скорей беги к нему, девушка! Чего ждешь? Обними своего героя покрепче — что из того, если на нем пот и кровь биллиона замученных землян? Вот он лежит, храбрый и благородный рыцарь, поверженный одним толчком землянина.

Пола уже стояла на коленях рядом с Арварданом, ощупывая его голову под волосами — нет ли там крови или грозной мякоти разбитого черепа. Арвардан медленно открыл глаза и шевельнул губами, сказав:

— Ничего.

— Только трус может драться с парализованным и хвастаться победой, Поверь мне, дорогой, среди землян мало таких.

— Я знаю, иначе ты не была бы землянкой.

— Итак, — надменно продолжал секретарь, — ваша жизнь у нас в руках, однако ее можно выкупить. Хотите знать цену?

— Вы бы, на нашем месте, захотели, я знаю, — гордо сказала Пола.

— Шш, Пола… — Арвардан еще не совсем отдышался. — Что вы предлагаете?

— Ага. Желаете продаться? Как на вашем месте сделал бы я, подлый землянин?

— Вам лучше знать, кто вы такой. А что до продажи, то я не продаюсь — я выкупаю ее. Что вы предлагаете? — повторил Арвардан.

— Я предлагаю следующее. Очевидно, кое-какая информация о наших планах все же просочилась наружу. Как она попала к доктору Шекту, догадаться нетрудно, но вот как она стала известна Империи? Нам хотелось бы знать, что именно известно Империи. Не то, что узнали вы, доктор Арвардан, но то, что известно Империи в данный момент.

— Я археолог, а не шпион, — огрызнулся Арвардан — Не имею понятия, что именно известно Империи, но надеюсь, что чертовски много.

— Воображаю себе. Что ж, может быть, еще передумаете, Подумайте — все подумайте.

Шварц до сих пор не принимал участия в беседе и даже не поднимал глаз. Секретарь подождал и довольно злобно сказал:

— Тогда я назову вам цену вашего отказа. Это

будет не просто смерть — ведь я уверен, что к этой неприятной, но неизбежной процедуре вы все приготовились. Доктор Шект с дочерью, которая, к несчастью, серьезно замешана в этом деле, — граждане Земли. Их было бы неплохо синапсировать. Вы поняли меня, доктор Шект? — Глаза физика наполнились безграничным ужасом. — Вижу, что поняли. Синапсатор вполне способен нарушить мозговые ткани так, чтобы превратить человека в безмозглого идиота. Жалкая участь: если его не кормить, он умрет с голоду; если не мыть, он будет гнить в собственных нечистотах; если не держать взаперти, будет внушать ужас всем окружающим. Ну а вы, Арвардан, и ваш друг Шварц — граждане Галактики и потому годитесь для одного интересного эксперимента, Мы еще ни разу не испытывали наш концентрированный вирус на галактических собаках. Любопытно будет проверить, верны ли наши расчеты. Мы введем небольшую дозу, чтобы смерть наступила не слишком скоро. Болезнь может развиваться целую неделю, если соответственно разбавить вирус. Это очень мучительный процесс. — Секретарь помолчал, оглядев всех прищуренными глазами. — Вот что вас ждет, если вы сейчас не произнесете несколько хорошо продуманных

слов. Что известно Империи? Действуют ли на Земле другие агенты, кроме вас? Собираются ли они воспрепятствовать нам, и если да, то как?

— Откуда нам знать, — сказал доктор Шект, — что вы нас все равно не убьете, получив то, что нужно?

— Я уже заверил вас, что в случае отказа вы умрете страшной смертью. Придется рискнуть. Что скажете?

— Вы дадите нам время подумать?

— А разве я вам его не даю? Я здесь уже десять минут, и все еще готов выслушать вас. Итак, что скажете?.. Как, ничего? Время не терпит, поймите. А вы все напрягаете мускулы, Арвардан? Думаете добраться до меня раньше, чем я успею вытащить бластер? Допустим, вам это удалось. Ну и что? Здесь сотни людей, а мои планы осуществятся и без меня. Как и те виды казни для каждого из вас, о которых я вам говорил. Шварц! Вы убили нашего агента. Ведь это вы сделали? И думаете, что можете убить и меня?

Шварц впервые взглянул на Балкиса и холодно ответил:

— Могу, но не стану.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Наоборот. Очень жестоко. Вы сами говорили,

что есть вещи я похуже смерти.

В душе Арвардана вспыхнула безумная надежда.

Глава восемнадцатая
Поединок

Мозг Шварца работал на полных оборотах. Шварц был возбужден, но и странно спокоен в то же время. Какая-то частица его сознания полностью контролировала ситуацию, а остальное сознание отказывалось в это поверить. Шварца парализовали позже остальных — даже доктор Шект уже сидел, а он едва мог двинуть рукой.

Вглядываясь в изворотливый ум секретаря, полный всяческой мерзости и зла, Шварц начал свой поединок.

— Сначала я был на вашей стороне, — сказал он, — хотя вы и собирались меня убить. Мне казалось, я понимаю ваши чувства и ваши намерения. Но у тех, кто здесь со мной, мысли сравнительно невинные и чистые, а ваши не поддаются описанию. Вы боретесь даже не за Землю, а за свою личную власть. Я вижу — вы мечтаете не о свободной Земле, а о порабощенной, Не о свержении императорской власти, а об установлении собственной диктатуры.

— Видите, значит? Что ж, на здоровье. Не так

уж я нуждаюсь в ваших показаниях, чтобы ради них стал терпеть вашу наглость. Похоже, мы сумеем нанести удар раньше, чем планировали. Не ожидали?.. Просто удивительно, на что только способны люди, если на них чуть-чуть нажать. Или ты это тоже видишь, ясновидящий мой?

— Пока нет. Я не искал эту информацию специально, и она от меня ускользала. Но теперь вижу. Два дня — нет, меньше. Вторник, шесть утра по чикскому времени.

Секретарь, выхватив свой бластер, большими шагами приблизился к Шварцу и навис над ним.

— Откуда ты знаешь?!

Шварц застыл, только щупальца его мозга сжимались и разжимались. Стиснутые челюсти и сдвинутые брови лишь в малой степени выражали испытываемое им усилие. Мысленно он протянул руку… и вцепился ею в Образ Балкиса.

Арвардану, который считал драгоценные, уходящие зря секунды, эта сцена ничего не сказала, даже внезапная неподвижность и молчание секретаря не удивили его.

— Я держу его… — задыхаясь, проговорил Шварц. — Заберите у него пистолет, Я не смогу долго…

И его голос сорвался.

Тогда Аврадан понял. Перевернувшись и встав на четвереньки, он медленно, со скрипом принял неустойчивое вертикальное положение. Пола тоже попыталась встать, но не смогла. Шект сполз со своей плиты и стоял на коленях, Только Шварц остался лежать — напряженно работало лишь его лицо.

Секретарь замер, точно под взглядом Медузы. На его гладком, без морщин лбу медленно проступала испарина, но лицо ничего не выражало. Правая рука, сжимавшая бластер, не подавала признаков жизни. Если присмотреться, было заметно, что она слегка подергивается, что палец пытается нажать на кнопку контакта — упорно, но тщетно.

— Держите крепче, — выдохнул Аврадан, охваченный свирепой радостью. Он взялся за спинку стула, пытаясь выровнять дыхание. — Сейчас я до него доберусь.

Волоча ноги, он двинулся, словно в кошмарном сне, когда бредешь по патоке или по липкой смоле. Плохо слушались оцепенелые мускулы, медленно-медленно он двигался вперед.

Он не представлял себе, да и не мог представить, какой страшный поединок ведет сейчас Шварц.

Секретарь стремился только к одному: чуть-чуть подвинуть свой большой палец и слегка нажать им на контакт. Совсем немножко, не больше трех унций силы было бы достаточно, чтобы бластер сработал. Все, что для этого требовалось, это чтобы послушалось дрожащее сухожилие, уже наполовину сократившееся. Ну… Ну…

Шварц стремился лишь к одному — не дать ему нажать на контакт, Не зная, какой именно участок в мешанине чужого мозга управляет большим пальцем правой руки, всю свою силу он направил на то, чтобы держать Балкиса в неподвижности, в полнейшей неподвижности.

Образ Балкиса напрягался и дыбился, пытаясь вырваться. Острый, необычайно сильный ум сопротивлялся нетренированной хватке Шварца. Выждав несколько секунд, Балкис снова и снова посылал мощный волевой импульс в нужный ему мускул.

Шварц походил на борца, которому любой ценой нужно удержать противника, как бы тот ни бился и ни извивался.

Со стороны ничего такого не было видно. Только сжимал челюсти Шварц, и кровь проступала на его дрожащих прикушенных губах, да едва заметно напрягался палец секретаря.

Аравардан поневоле остановился передохнуть — пришлось. Он уже мог дотронуться вытянутой рукой до спины секретаря, но чувствовал, что силы его иссякли — измученные легкие отказывались качать воздух в омертвелое тело. Глаза от напряжения заволокло слезами, а мозг — болью.

— Еще пару минут, Шварц, — простонал он. — Держите его, держите.

Шварц медленно качнул головой.

— Не могу.

Весь мир перед ним сливался в тусклый, смазанный хаос. Щупальца мозга теряли эластичность.

Палец секретаря снова нажал на контакт. Он не уступал, и давление потихоньку нарастало.

Шварц чувствовал, как глаза у него лезут из орбит, как вздулись жилы на лбу, чувствовал, как растет торжество в Образе врага.

Тогда Аравардан прыгнул, точнее, обрушился вперед всем своим застывшим, непослушным телом, вытянув перед собой руки со скрюченными пальцами.

Секретарь рухнул под его тяжестью. Бластер отлетел в сторону, ударившись об пол.

Сознание Балкиса тут же вырвалось на свободу, оттолкнув Шварца, в голове у которого царил полный хаос.

Балкис бешено извивался под мертвым грузом придавившего его тела, двинул Арвардана коленом в пах, кулаком сбоку в челюсть — и выбрался. Арвардан откатился в сторону, корчась от боли.

Взъерошенный секретарь, тяжело дыша, поднялся, но снова замер на месте: перед ним стоял полусогнутый Шект. Поддерживая одной рукой другую, он держал бластер, дуло которого, хотя и дрожащее, указывало на секретаря.

— Идиоты, — завопил взбешенный Балкис, — чего вы думаете этим добиться? Стоит мне только позвать…

— Хоть с вами разделаемся, по крайней мере, — слабо ответил Шект.

— Вы ничего не добьетесь, убив меня, ведь сами это знаете. Империю, которой вы нас выдали, вам не спасти, даже себя вы не спасете. Отдайте бластер, и я отпущу вас.

Он протянул руку, но Шект только невесело рассмеялся.

— Я не настолько обезумел, чтобы поверить вам.

— Может, и не настолько, но вы почти парализованы. — И секретарь резко метнулся вправо, куда слабая кисть физика не могла повернуть оружие. Но при этом прыжке его мозг целиком

и полностью сосредоточился на бластере, от которого он стремился уйти. Шварц мысленно собрался и нанес удар, секретарь споткнулся и рухнул на пол, точно его оглушили.

Арвардан с трудом разогнулся. Его покачивало, щека покраснела и вздулась.

— Вы можете двигаться, Шварц? — спросил он.

— Чуть-чуть, — устало ответил тот, соскальзывая с плиты.

— Сюда никто не идет?

— Нет, насколько я вижу.

Арвардан сначала сверху вниз, сурово посмотрел на Полу, затем печально улыбнулся, опустив руку на ее красивую голову, а она подняла на него полные слез глаза. Последние два часа он был уверен, что никогда больше не коснется ее мягких каштановых волос и не встретится с ней взглядом.

— Может, впереди еще кое-что есть, а, Пола?

— У нас совсем нет времени, — ответила она, покачав головой, — Только до вторника, и то до шести утра, а потом все.

— Это мы еще посмотрим. — Арвардан нагнулся над телом блюстителя и не слишком бережно откинул его голову назад. — Жив он или нет? — Тщетно попытавшись прощупать

пульс нечувствительными пальцами, Арвардан просунул ладонь под зеленый балахон на груди. — Сердце бьется… Какой опасной силой вы обладаете, Шварц. Но почему вы сразу не сделали этого?

— Потому что хотел управлять им. — По лицу Шварца было видно, чего ему это стоило. — Я думал, что если удержу его, мы сможем выйти отсюда, прикрываясь им — спрячемся за его юбку.

— Хорошо бы, — воодушевился Шект. — Имперский гарнизон стоит в форте Диббурн, всего в полумиле отсюда. Там мы будем в безопасности и сможем связаться с Энниусом.

— Там! Здесь сотня охранников, не говоря уже о дороге. И что нам теперь делать с этим зеленым бревном? Нести его, что ли? Или на тачке везти? — невесело засмеялся Арвардан.

— Да и я не смогу держать его слишком долго, — угрюмо заметил Шварц. — Вы же видели: у меня не получилось.

— Потому что вам это непривычно, — серьезно сказал Шект. — Я представляю себе, Шварц, что происходит у вас в мозгу: вы принимаете электромагнитные колебания чужого разума. А вы попробуйте передать, понимаете?

Шварца терзала мучительная неуверенность.

— Вы должны это сделать, — настаивал Шект. — Сосредоточьтесь на том, что вы от него хотите. И первым делом надо отдать ему бластер.

— Что?! — возмущенно вскричали трое остальных.

— Он должен вывести нас отсюда. Иначе нам не выйти, правильно? Так вот, он должен быть вооружен, чтобы не вызывать подозрений.

— Но я не сумел его удержать, говорю вам. — Шварц разгибал руки и бил одной о другую, пытаясь вернуть им чувствительность. — Это все хорошо в теории, доктор Шект. Вы не знаете, какое это скользкое, болезненное, трудное дело.

— Знаю, но надо рискнуть. Попробуйте еще раз, Шварц. Заставьте его пошевелить рукой, когда он придет в себя, — упрашивал Шект.

Секретарь застонал, и Шварц почувствовал, как оживает его Образ. С опаской дав ему окрепнуть, Шварц обратился к нему без слов — так обращаются к собственной руке, приказывая ей сделать то или другое и даже не сознавая, что отдают ей приказ.

Но рука Шварца оставалась неподвижной — вместо него шевельнул рукой секретарь. Шварц с ошалелой улыбкой взглянул на остальных, но они смотрели только на Балкиса — как он подни-

мает голову, как становятся осмысленными его глаза и как нелепо, под прямым углом к телу, он держит руку.

Шварц принялся за дело. Секретарь рывками поднялся, с трудом удержав равновесие, и вдруг пустился в пляс.

Пляске недоставало ритма и грации, но трое, которые видели только движения тела, и Шварц, который видел еще и работу ума, следили за ней, как зачарованные. Ведь теперь телом секретаря управлял мозг, не связанный с ним материально.

Шварц медленно и осторожно подошел к обращенному в робота секретарю и не без опаски протянул ему бластер рукояткой вперед.

— Пусть возьмет, Шварц, не бойтесь, — настойчиво произнес Шект.

Балкис неуклюже взял оружие. На миг в его глазах вспыхнул жадный огонек, но тут же померк. Медленно-медленно вернул он бластер себе на пояс и уронил руку.

— Чуть было не ускользнул, — нервно рассмеялся побелевший Шварц.

— И как же? Вы его держите?

— Вырывается, как черт. Но дело не так плохо, как в прошлый раз.

— Потому что теперь вы знаете, что делаете, — не слишком убежденно заверил его Шект. — Передавайте. Не пытайтесь держать его, просто притворитесь, что все это делаете сами.

— А вы можете заставить его говорить? — спросил Арвардан.

Секретарь издал тихий скрипучий звук. Молчание — и снова такой же скрип.

— Не получается, — с трудом выговорил Шварц.

— Но почему? — забеспокоилась Пола.

— Слишком тонкая и сложная мышечная работа — пожал плечами Шект. — Это не то что дергать за мускулы рук или ног. Ничего, Шварц. Обойдемся и так.

Никто из участников невероятной одиссеи не мог потом вспомнить в точности, что происходило с ними в последующие два часа. Доктор Шект позабыл все свои страхи, всей душой сочувствуя невидимой борьбе Шварца и не имея возможности помочь ему. Его взгляд был прикован к истерзанному усилиями круглому лицу своего пациента. На других он почти не обращал внимания.

Часовые у дверей вскинули руки, приветствуя секретаря, — его зеленое платье символизирова-

ло государственную власть. Секретарь ответил им, неуклюже воспроизведя такой же жест, и вся группа прошла дальше, никем не остановленная.

Только при выходе из здания Арвардан осознал все безумие их затеи. Огромная, невыдуманная опасность, грозившая Галактике, и хлипкий мосток через пропасть, по которому они шли. Но и тогда не встревожился, ему было не до того — он тонул в глазах Полы. Потому ли, что у него хотели отнять жизнь, потому ли, что его будущее рушилось, или потому, что блаженство, которое он едва вкусил, продолжало быть недоступным, но никого еще не желал он с такой полнотой и страстью, как эту девушку.

Впоследствии он ничего не мог вспомнить, только ее.

Что касается Полы, то ей это ясное утро затмевало взбудораженное лицо Арвардана. Она улыбалась ему, легко опираясь на его сильную, крепкую руку. Только это ей и запомнилось — твердые мускулы под блестящим пластиком рукава, гладким и холодным.

Шварц обливался потом. Изогнутая подъездная аллея, на которую они вышли через боковую дверь, была почти пуста, и он был бесконечно

благодарен за это.

Он один знал, чего им будет стоить провал, читая в Образе Балкиса бесконечное унижение, невыразимую ненависть и самые жуткие намерения. Отыскивая нужную информацию — где стоит служебная машина, как пройти к ней, — Шварц познал заодно всю желчь мстительных дум Балкиса, готовую вырваться наружу, ослабь только Шварц свою хватку на десятую долю секунды.

Стойкость и неподатливость интеллекта, в котором Шварц принужден был рыться, навсегда запомнилась ему. Не раз потом в сумеречные предрассветные часы повторял он этот путь, направляя шаги безумца через вражескую цитадель.

На подходе к стоянке машин — Шварц не мог позволить себе расслабиться настолько, чтобы произносить связные фразы, — он отрывисто заговорил:

— Не могу… вести машину… не могу… заставить его… вести… сложно… не могу.

Шект успокаивающе почмокал губами, не смея ни дотронуться до Шварца, ни заговорить с ним, не смея ни на секунду отвлечь его.

— Сажайте его назад, Шварц, — прошептал

он, — Я поведу. Я умею. Пусть он сидит тихо — и все, а бластер я заберу.

Секретарская машина была особой модели и привлекала к себе всеобщее внимание. Зеленые фары ритмически бросали изумрудные снопы света то вправо, то влево. Прохожие останавливались посмотреть, а встречные машины почтительно сторонились, уступая дорогу. Если бы машина не так бросалась в глаза, прохожие могли бы заметить бледного, неподвижного блюстителя на заднем сиденье, заинтересоваться, почувствовать неладное. Но они замечали только машину, и все проходило сносно.

У блестящих хромированных ворот, отличавшихся внушительностью и размахом всех имперских строений не в пример приземистой и мрачной земной архитектуре, им преградил дорогу часовой, горизонтально держа свое силовое ружье.

— Я гражданин Империи, солдат, — высунулся из окна Арвардан. — Мне нужен ваш командир.

— Попрошу документы.

— У меня их отобрали. Я Бел Арвардан с Баронны, Сириус. По делу императора! Очень срочно.

Солдат что-то тихо сказал в передатчик у себя на руке, подождал ответа и отступил в сторону.

Ворота медленно распахнулись.

Глава девятьнадцатая
К роковой черте

В последующие часы и в стенах форта Диббурн, и за его стенами начались бурные события. То же происходило и в самой Чике.

В полдень верховный министр захотел связаться со своим секретарем, но того не смогли найти. Верховный министр остался недоволен, а начальство Исправительного дома забеспокоилось.

Пустились в розыск, и часовые у дверей конференц-зала заявили, что секретарь вышел оттуда вместе с арестованными в десять тридцать утра. Нет, никаких распоряжений он не оставил. И не сказал, куда направляется, а спрашивать им не полагается.

Прочие охранники также не смогли сказать ничего вразумительного. Общая тревога нарастала.

В два часа дня поступило первое сообщение о том, что машину секретаря утром видели в городе, но никто не мог сказать, был в ней секретарь или нет. Предполагали, что он сидел за рулем, но наверняка никто не знал. В два тридцать стало известно, что машина въехала в ворота форта

Диббурн.

Около трех решились позвонить командиру форта. Ответил дежурный лейтенант и сказал, что в данный момент сообщить ничего не может, однако командование имперскими вооруженными силами требует соблюдать порядок и не распространять слухи об исчезновении члена Общества Блюстителей.

Этих слов было достаточно, чтобы добиться прямо противоположного результата.

Люди, замешанные в заговоре, не могут не встревожиться, если за двое суток до начала операции один из главных участников заговора вдруг оказывается в руках врага. Это или провал, или измена, то есть две стороны одной медали: и то, и другое несет заговорщикам смерть.

Поэтому в народ бросили клич, и народ заволновался.

На всех углах появились профессиональные демагоги. Открыли тайные арсеналы, и всем желающим раздавали оружие. Толпы людей потянулись к форту, и в шесть часов вечера к коменданту снова обратились — на этот раз через посланника.

В самом форте события развивались своим чередом. Началось с того, что молодой офицер,

вышедший навстречу машине, протянул руку за секретарским бластером.

— Оружие отдайте мне, — приказал он.

— Пусть отдаст, Шварц, — сказал Шект.

Рука секретаря сняла бластер с пояса и протянула офицеру. Оружие унесли, и Шварц с рыданием освобождения отпустил секретаря. Арвардан был наготове. Когда секретарь взвился, как обезумевшая стальная пружина, археолог навалился на него и заработал кулаками.

Офицер выкрикнул приказ, и к машине побежали солдаты. Когда Арвардана оттащили, секретарь уже обмяк на сиденье — изо рта у него стекала темная струйка крови. Поврежденная щека Арвардана тоже кровоточила. Он ослабевшей рукой поправил волосы и твердо сказал, указывая на секретаря:

— Я обвиняю этого человека в заговоре с целью свержения имперского правительства. Мне нужно немедленно увидеться со старшим офицером.

Мы ему сообщим, — вежливо ответил офицер. — А пока не угодно ли всем пройти со мной?

Тем дело временно и кончилось. Четверых поместили отдельно от секретаря в довольно удобной комнате. Впервые за двенадцать часов они получили возможность поесть, чем охотно

и занялись, несмотря на обстоятельства. Можно было воспользоваться даже таким благом цивилизации, как ванная.

Комната, однако, охранялась, и через несколько часов терпение Арвардана лопнуло:

— Да мы просто сменили одну тюрьму на другую.

Вокруг шла бессмысленная, размеренная жизнь военного лагеря, не имевшая к ним никакого отношения. Шварц спал, Арвардан выразительно посмотрел на него, но Шект покачал головой.

— Нельзя. Есть предел человеческим силам. Он весь вымотался, пусть отоспится.

— Но у нас осталось всего тридцать девять часов.

— Знаю, но придется подождать.

— Кто тут утверждает, будто он гражданин Империи? — спросил холодный, слегка саркастический голос.

— Я! — вскочил Арвардан и осекся, узнав того, кто задал вопрос. Тот улыбался застывшей улыбкой, и его левая рука, еще скованная в движении, напоминала об их последней встрече.

— Бел, это тот офицер, — тихо подсказала Пола, — из универмага.

— Которому он сломал руку, — резко добавил

тот. — Я лейтенант Клауди, а вы тот самый человек. Значит, вы из миров Сириуса? И с кем связались! Кошмар, как низко может пасть человек! И девчонка эта при вас. — Он помедлил и подчеркнуто произнес: — Земляшка!

Арвардан ощетинился, но овладел собой. Нельзя… не сейчас…

— Могу я видеть полковника, лейтенант? — как можно смиренней спросил он.

— Боюсь, что полковник отсутствует.

— Его нет в городе?

— Я этого не сказал. С ним можно связаться, если дело действительно срочное.

— Очень срочное. А дежурного офицера можно видеть?

— Я дежурный офицер.

— Тогда позвоните полковнику.

— Вряд ли смогу это сделать, не ознакомившись с ситуацией.

Арвардана трясло от нетерпения.

— Бога ради, перестаньте играть словами! Это дело жизни и смерти.

— Вот как? — Лейтенант с видом денди помахивал своим стеком. — Тогда просите меня, чтобы я вас принял.

— Хорошо, примите вы.

— Я сказал: просите.

— Могу я просить вас, чтобы вы меня приняли, лейтенант?

— Я сказал: просите. Почтительно. В присутствии девушки, — без улыбки сказал лейтенант.

Арвардан сглотнул и отступил назад. Пола положила руку ему на рукав.

— Пожалуйста, Бел. Не надо его сердить.

— Бел Арвардан из сектора Сириуса почтительно просит дежурного офицера принять его, — прорычал археолог.

— Посмотрим, — сказал лейтенант, сделал шаг вперед и неожиданно, со злостью ударил Арвардана по перевязанной щеке. Арвардан еле удержался, чтобы не вскрикнуть. — Раньше вас это возмущало. А теперь — нет? — Арвардан молчал. — Я приму вас, — высокомерно произнес лейтенант и вышел. А за ним — Арвардан в сопровождении четырех солдат…

— Что-то я его не слышу, а ты? — сказал Шект Поле через некоторое время.

— Я тоже. Отец, как ты думаешь, он ничего не сделает Белу?

— Что он может сделать? — мягко сказал Шект. — Не забывай, что он гражданин Галактики, не нам чета. Я вижу, ты по-настоящему

влюблена в него?

— Ужасно влюблена, отец. Это глупо, я знаю.

— Не стану спорить, — горько усмехнулся Шект. — Он человек порядочный, ничего не скажешь, но разве сможет он остаться с тобой в этом мире? Или взять тебя туда? Представить своим друзьям, своей семье?

Пола плакала.

— Я знаю. Но, может быть, у нас вообще ничего нет впереди.

Шект встал, точно ее последние слова напомнили ему о чем-то, и снова сказал:

— Его что-то не слышно. — Он имел в виду секретаря, которого поместили в соседней комнате. Тот все время метался там, как лев в клетке, но теперь перестал. Казалось бы, пустяк, но секретарь в их глазах воплощал собой ту злобную волю, которая грозила мором и опустошением всей Вселенной. Шект легонько потряс Шварца:

— Проснитесь.

— Что такое? — встрепенулся Шварц.

Он не успел отдохнуть. Усталость въелась в него так глубоко, что прошла насквозь и выступила на лице сеткой багровых прожилок.

— Где Балкис? — спросил его Шект.

— А, да, сейчас.

Шварц дико повел вокруг глазами, вспомнил, что лучше видит без их помощи, и зашевелил щупальцами мозга в поисках хорошо знакомого Образа.

Вскоре он нашел его, но не стал трогать. Недавняя близость не вызывала в нем никакого желания вновь погружаться во всю эту гнусность.

— Он на другом этаже, — объявил Шварц, — С кем-то разговаривает.

— С кем?

— Образ мне не знаком. Сейчас послушаю. Может быть, Балкис скажет… да, он его называет полковником.

Шект с Полой переглянулись.

— Неужели измена? — прошептала Пола. — Ведь не станет же имперский офицер сговариваться с землянином против императора, правда?

— Не знаю, — махнул рукой Шект. — Я теперь во что угодно могу поверить.

Лейтенант Клауди улыбался, сидя за столом. Руку он держал на бластере, а позади него стояло четверо солдат — это придавало его речи больший вес.

— Не люблю я земляшей. И никогда не любил.

Отбросы Галактики, Больные, суеверные и ленивые. Тупые дегенераты. Правда, место свое они знают. Конечно, на месте императора я не стал бы терпеть от них того, что он терпит– Изничтожил бы все их мерзкие порядки и традиции. Ну ничего. Когда-нибудь мы научимся…

— Ну вот что, — взорвался Арвардан, — я пришел не для того, чтобы слушать…

— Будешь слушать, потому что я еще не закончил. И как раз хотел сказать, что чего я не понимаю — это как работает голова у тех, кто любит земляшей. Как это человек — настоящий человек вроде бы — может опуститься до того, чтобы якшаться с ними и путаться с их бабами. Я таких не уважаю. Они еще хуже земляшей.

— Да катись ты в космос вместе со своим уважением! — заорал Арвардан. — Ты знаешь, что замышляется против Империи? Знаешь, какая опасность грозит всем нам? Каждая минута твоего промедления ставит под угрозу квадриллионы галактиан…

— Не знаю, не знаю, доктор Арвардан. Ты ведь доктор, да? Нельзя забывать о вежливости. У меня есть своя теория насчет таких, как ты. Может, ты и родился на Сириусе, но душонка у тебя черная, как у земляша. Ты такой же, как они, и ты ис-

пользуешь свое гражданство, чтобы заступаться за них. Похитил их чиновника, блюстителя. Это само по себе неплохо, и я за него глотку драть не собираюсь, но земляне его ищут и уже звонили в форт.

— Уже? Чего же мы тут разговариваем? Мне обязательно нужно видеть полковника…

— Думаешь, будет бунт? Может, ты его и запланировал как первый шаг к мятежу, а?

— Ты с ума сошел! Зачем мне это надо?

— Значит, не будешь против, если мы отпустим блюстителя?

— Нельзя этого делать. — Арвардан встал с таким видом, точно собирался кинуться через стол на лейтенанта, но тот вынул бластер.

— Нельзя, значит? Ну ладно. Я уже малость отыгрался. Я дал тебе по морде и заставил унижаться перед двоими земляшами. Заставил тебя выслушать, какая ты низменная тварь. Теперь я не прочь отстрелить тебе руку за то, что ты сделал с моей. Ну давай — еще одно движение.

Арвардан замер. Лейтенант засмеялся и убрал бластер.

— К сожалению, тебя надо сберечь для полковника. Он примет тебя в пять пятнадцать.

— И ты знал об этом, все время знал.

Горькая обида сделала горло Арвардана сухим, а голос — хриплым.

— Само собой.

— Если мы с тобой потеряли слишком много времени, лейтенант Клауди, значит, нам обоим недолго осталось жить. — Ледяной гнев Арвардана был страшен, — Но ты умрешь первым, потому что в свои последние минуты я разнесу тебе башку, чтобы кости смешались с мозгами.

— К твоим услугам, землянский прихвостень. В любое время!

Командир форта Диббурн был старый имперский служака. В мирной обстановке последних поколений армейскому офицеру трудно было отличиться, и полковник, подобно многим другим, не отличился ничем. За его долгий путь от кадета до полковника ему довелось послужить во всех частях Галактики, так что далее командование гарнизоном на психопатке-Земле было для него только будничной рутиной. Он хотел одного — спокойно исполнять свои обязанности и больше ни к чему не стремился, Спокойствия ради он готов был даже унизиться до извинений перед землянкой.

Когда Арвардан вошел, у полковника был усталый вид — он сидел, расстегнув ворот, его мундир

с желтой имперской эмблемой «Звездолет и Солнце» висел на спинке стула. Рассеянно хрустнув пальцами, он многозначительно посмотрел на Арвардана.

— Очень запутанная история, очень. Я хорошо вас помню, молодой человек. Вы Бел Арвардан с Баронны и уже не первый раз попадаете в неприятные происшествия. Вы что, не можете без этого?

— На этот раз не я один попал в неприятную ситуацию, полковник, в ней находится вся Галактика.

— Знаю, — нетерпеливо оборвал полковник. — Точнее, знаю, что вы это утверждаете. Мне сказали, у вас нет при себе документов?

— Их у меня отобрали, но на Эвересте меня знают. Сам прокуратор может опознать меня, и надеюсь, сделает это еще до вечера.

— Посмотрим. — Полковник сложил руки на груди и качнулся вместе со стулом. — Что ж, выслушаем вашу версию этой истории.

— Мне стало известно, что группа землян замышляет опасный заговор с целью свержения имперского правительства. Если своевременно не известить об этом власти, может погибнуть не только правительство, но и большая часть

Империи.

— Слишком скоропалительное и необоснованное заявление, молодой человек. Готов признаться — земляне способны устроить нежелательный бунт, осадить форт, нанести значительный урон, но ни на минуту не поверю, что они способны даже прогнать имперский гарнизон за пределы планеты, не говоря уж о свержении правительства. Хорошо — что же вам известно об этом… э-э… заговоре?

— Дело, к несчастью, настолько серьезное, что я считаю необходимым доложить о нем лично прокуратору. И просил бы, с вашего разрешения, немёдленно соединить меня с ним.

— М-м… Давайте не будем торопиться. Знаете ли вы, что захваченный вами человек — секретарь верховного министра Земли, блюститель и очень важная персона?

— Прекрасно знаю.

— И вы же утверждаете, что он — зачинщик этого самого заговора.

— Так и есть.

— А доказательства?

— Я уверен, вы поймете меня, если я скажу, что могу обсуждать это только с прокуратором.

Полковник нахмурился и стал разглядывать

свои ногти.

— Сомневаетесь в моей компетенции?

— Нисколько. Но только один прокуратор обладает властью, чтобы предпринять необходимые в данном случае решительные действия.

— Что это за решительные действия?

— В ближайшие тридцать часов нужно разбомбить одно здание, полностью уничтожив его: иначе большинство жителей Галактики, если не вся Галактика, погибнет.

— Какое здание? — устало спросил полковник.

— Прощу вас, свяжите меня с прокуратором! — крикнул в ответ Аравардан.

Разговор снова уперся в стену. Полковник бесстрастно произнес:

— Вы отдаете себе отчет, что, похитив землянина, подлежите уголовной ответственности на Земле? Обыкновенно Империя защищает своих граждан, настаивая на том, чтобы их судил галактический суд. Однако с Землей нужно быть поосторожней, и мне даны строгие указания избегать всяческих трений. А посему, если вы не будете отвечать на мои вопросы, я буду вынужден выдать вас и ваших спутников местной полиции.

— И это будет означать для нас смертный при-

говор… И для вас тоже. Полковник, я гражданин Империи, и я требую встречи с прокуратором…

На столе зажужжал селектор, и полковник щелкнул переключателем:

— Да.

— Полковник, — произнес четкий голос, — толпа туземцев окружила форт. Кажется, они вооружены.

— Насильственные действия с их стороны имеются?

— Пока нет.

На лице полковника не отразилось никаких эмоций — с такими-то ситуациями он сталкивался не впервые.

— Артиллерию и авиацию привести в боевую готовность. Всем занять свои места. Стрелять только при самообороне. Ясно?

— Так точно. Землянин под белым флагом просит принять его.

— Ведите его сюда… и пришлите ко мне опять секретаря министра. — Полковник гневно взглянул на Арвардана. — Убедились, что вы натворили?

— Я требую присутствия при вашем разговоре с секретарем, — закричал Арвардан, не помня себя от ярости, — и требую объяснить, почему вы

часами гноите меня под замком, а сами беседуете с изменником-туземцем. Как видите, я в курсе, что вы уже говорили с ним.

— Вы меня в чем-то подозреваете, доктор? — тоже повысив голос, спросил полковник. — Тогда объяснитесь.

— Я вас ни в чем не обвиняю. Позвольте только напомнить вам, что вы несете ответственность за свои дальнейшие действия и можете войти в историю, если она будет продолжаться, как человек, из упрямства погубивший свой народ.

— Молчать! Уж перед вами, во всяком случае, я никакой ответственности не несу. И впредь буду делать только то, что сочту нужным. Вам ясно?

Глава двадцатая
У роковой черты

Секретарь прошел в распахнутую солдатом дверь с беглой холодной улыбкой на распухших, багровых губах. Он поклонился полковнику и сделал вид, что не замечает присутствия Арвардана.

— Сударь, — сказал полковник землянину, — я сообщил верховному министру, почему вы оказались здесь. Ваше пребывание здесь, разумеется, совершенно… э-э… ненормально, и я намерен освободить вас, как только смогу. Однако у меня находится господин, который, как вам должно быть известно, выдвигает против вас очень серьезное обвинение — в данных обстоятельствах мы должны его рассмотреть.

— Понимаю, полковник, — спокойно ответил секретарь. — Однако этот человек, как я уже говорил вам, пробыл на Земле всего каких-то два месяца и не может иметь никакого понятия о наших внутренних делах. Как он может строить свои обвинения на столь шаткой основе?

— Я по профессии археолог, — гневно ответил Арвардан, — ив последнее время специализиру-

юсь по Земле. Так что кое-какое понятие имею. Во всяком случае, обвинение выдвигаю не я один.

Секретарь, ни разу не взглянув на Арвардана, обращался только к полковнику:

— Да, здесь замешан и один наш ученый, который, почти дожив до положенных шестидесяти лет, страдает манией преследования. Есть и еще один — некая личность с темным прошлым, явный идиот. Эти трое не могут выдвинуть никакого пристойного обвинения.

— Я требую, чтобы меня выслушали, — вскочил Арвардан.

— Сядьте, — холодно и без всякого сочувствия сказал полковник. — Вы отказались обсуждать дело со мной, на этом и остановимся. Введите сюда парламентера.

Блюститель-парламентер даже бровью не повел при виде секретаря. Полковник встал.

— Вы пришли от имени тех, кто собрался снаружи?

— Да, полковник.

— Надо полагать, это сборище требует возвращения вашего соотечественника?

— Да. Он должен быть немедленно освобожден.

— Вот как? Позвольте вам заметить, что в ин-

тересах закона и порядка я, как представитель его императорского, величества на этой планете, ничего не могу обсуждать в присутствии вооруженных толп. Прикажите вашим людям разойтись.

— Полковник совершенно прав, брат Кори, — сладким голосом ввернул секретарь. — Пожалуйста, успокойте людей. Я здесь в полной безопасности, и ничто не угрожает ни мне, ни кому бы то ни было. Понимаете? Кому бы то ни было. Я говорю вам это как блюститель.

— Прекрасно, брат. Я благодарен за то, что у вас все благополучно.

Парламентера вывели.

— Мы проследим, чтобы вы вышли отсюда в полной сохранности, как только обстановка в городе нормализуется. Спасибо за помощь в переговорах, — сказал полковник секретарю.

— Я запрещаю, — снова вскричал Арвардан. — Вы отпускаете этого истребителя человечества, а мне отказываете в беседе с прокуратором, хотя я имею на это право как гражданин Галактики. — И добавил в приступе отчаяния: — Значит, вы больше считаетесь с презренным землянином, чем со мной?

— Полковник, — перекрыв крик Арвардана,

сказал секретарь, — я охотно останусь здесь до тех пор, пока мое дело не будет рассмотрено прокуратором, раз ж этот человек так настаивает. Обвинение в измене — это не шутка, и даже малейшее подозрение, коснувшееся меня, может помешать мне служить моему народу. Буду счастлив, пользуясь случаем, доказать прокуратору, что нет более преданного Империи человека, чем я.

— Ценю ваши чувства, сударь, — церемонно произнес полковник, — и признаюсь, что на вашем месте поступил бы по-другому. Вы делаете честь своей расе. Попробую связаться с прокуратором.

Умолкнувшего Арвардана отвели обратно в камеру.

Он сидел молча, прикусив костяшки пальцев и не глядя в глаза остальным.

— Ну что? — спросил наконец Шект.

— Я только все испортил, — потряс головой Арвардан.

— Почему?

— Вышел из себя, оскорбил полковника — на этом все и кончилось. Я не дипломат, Шект. И к тому же, — вскричал он в порыве самооправдания, — Балкис уже говорил с полковником, и

теперь полковнику нельзя доверять. Может, Балкис предложит ему жизнь? Может, полковник был в заговоре с самого начала? Я знаю, это дикая мысль, но я не мог рисковать — слишком подозрительно. Я хотел говорить с самим Энниусом.

Физик встал, заложив руки за спину.

— Так что же, Энниус прибудет сюда?

— Наверное, да. Причем по требованию Балкиса — вот этого я не понимаю.

— По требованию Балкиса? Значит, Шварц прав.

— А что говорит Шварц?

Шварц, сидевший на своей койке, развел руками.

— Я поймал Образ секретаря, когда его только что провели мимо нашей комнаты. Он действительно долго беседовал с тем офицером.

— Я знаю.

— Но в Образе офицера нет измены.

— Значит, я неправильно угадал, — опечалился Арвардан. — Придется выкручиваться перед Энниусом. А что на уме у Балкиса?

— Ни страха, ни тревоги — одна только ненависть. Теперь в основном к нам — за то, что мы захватили его и привезли сюда. Мы страшно ранили его гордость, и он намерен с нами рас-

квитаться. Я уловил, о чем он мечтает. Хочет выйти один против всей Галактики и не дать ей остановить его, несмотря на все наши обвинения. Он дает нам шанс, позволяет разыграть все наши козыри, чтобы потом сокрушить нас и восторжествовать.

— Как?! Он рискует своими планами, своими мечтами об Империи только ради того, чтобы утереть нам нос? Это же безумие.

— Знаю. Так он и есть сумасшедший.

— И он думает, что возьмет верх?

— Да, думает.

— Тогда нам без вас не обойтись, Шварц, Вот слушайте…

— Нет, Арвардан, не пойдет, — вмешался Шект. — После вашего ухода я разбудил Шварца, и мы все обсудили. Он нечетко представляет себе, на что он способен, и не слишком хорошо владеет своим даром. Он может заставить человека замереть, может парализовать человека, даже убить. Более того, он умеет управлять крупными двигательными мышцами против воли человека, но на этом и все. Помните, он не сумел заставить секретаря говорить — мышцы, управляющие голосовыми связками, ему не подчинились. Он не смог координировать движения Балкиса так,

чтобы тот вел машину, и даже равновесие при ходьбе Балкис сохранял с трудом. Так что нам не удастся, например, заставить Энниуса отдать приказ или написать его на бумаге. Видите, я тоже думал об этом…

Арвардан приуныл.

— А где Пола? — вдруг обеспокоился он.

Спит вон там, в нише.

Как желал бы Арвардан разбудить ее!.. Как желал бы!.. Чего бы только он не пожалел! Он посмотрел на часы — почти полночь. У них осталось всего тридцать часов.

Арвардан долго спал, потом потянулся длинный день. Никто не приходил к ним, и в душу закрадывались тоска и уныние. Он посмотрел на часы — почти полночь. У них осталось лишь шесть часов.

Арвардан обвел комнату мутным, безнадежным взглядом. Наконец-то все в сборе — даже прокуратор здесь.

Энниусу позвонили из чикского гарнизона часов восемнадцать назад, и он в спешке отправился в путь через всю планету, подгоняемый неясными, но оттого не менее сильными мотивами. В сущности, говорил он себе, дело только в досадном похищении зеленого, одного из идо-

лов замороченной, суеверной Земли. Да еще эти дикие, ничем не подтвержденные обвинения. Ничего такого, с чем не мог бы справиться командир гарнизона.

Но в деле был замешан Шект, причем в качестве обвинителя, а не обвиняемого. Это смущало.

Пола сидела тихо, держа Арвардана за руку теплыми пальчиками, и ее испуганный, измученный вид заставлял его злиться на всю Галактику больше, чем все остальное.

Они заслужили свою участь — глупцы… глупцы…

Шекта и Шварца, сидевших слева, ему почти не было видно, Был туг и Балкис, проклятый Балкис. Губы все еще опухшие, на щеке синяк — ему, наверное, чертовски больно говорить. Губы Арвардана сами собой сложились в злорадную улыбку, кулаки сжались, и даже перевязанная щека стала меньше болеть.

Нерешительный Энниус сидел хмурый, немного смешной в своем тяжелом, бесформенном свинцовом костюме.

Еще один глупец. Арвардана затрясло от ненависти к галактическим приспособленцам: ничего им не надо, лишь бы их не трогали, не нарушали их покоя. Где герои-завоеватели былых времен?

Где они?

Осталось шесть часов.

Прокуратор в задумчивости сидел лицом ко всем остальным, полностью сознавая, что его решение может развязать бунт, подорвать его положение при дворе, уничтожить его надежды на выдвижение. Насколько серьезно следует воспринять длинную речь Арвардана о вирусах и эпидемии? Если он, прокуратор, начнет действовать только на основе слов археолога, как он объяснит это потом вышестоящим лицам?

Однако Арвардан — выдающийся ученый.

И прокуратор, временно отложив решение, обратился к секретарю:

— Вам, разумеется, тоже есть что сказать по этому поводу?

— Как ни странно, очень мало, — непринужденно сказал секретарь. — Я хотел бы спросить, какими доказательствами располагают мои обвинители?

— Ваше Превосходительство, — теряя терпение, сказал Арвардан, — я уже говорил вам, что этот человек сам во всем признался позавчера, когда мы были в тюрьме.

— Вы вольны верить или не верить, Ваше Превосходительство, но это опять-таки голословное

утверждение. Факты, которые могут подтвердить свидетели, говорят о том, что захвачен силой был я, а не они, что опасности подвергалась моя жизнь, а не их. Я хотел бы спросить своего обвинителя, каким образом он сумел раскрыть все это за девять недель своего пребывания на Земле, в то время как вы, прокуратор, занимающий свой пост уже несколько лет, ничего подобного не обнаружили?

— То, что говорит брат-блюститель, имеет смысл, — сурово произнес Энниус. — Откуда вы можете знать?

— Еще до того как обвиняемый признался, мне рассказал о заговоре доктор Шект, — сухо ответил Арвардан.

— Это так, доктор Шект?

— Да, Ваше Превосходительство.

— Откуда узнали вы?

— Доктор Арвардан исключительно точно и правильно рассказал вам о том, как использовался синапсатор, и о предсмертных показаниях бактериолога Ф. Смитко. Смитко состоял в заговоре. Я записал его слова, и запись можно прослушать.

— Но, доктор Шект, предсмертные слова человека в бреду, если рассказ доктора Арвардана

верен, не могут иметь большого веса. Больше вы ничем не располагаете?

— Здесь что, судебный процесс? — взревел Арвардан ударив кулаком по ручке кресла. — Кто-то нарушил правила движения? Тут некогда анализировать, насколько вески улики, и мерить их микрометром. Говорю вам — у нас времени только до шести утра, то есть пять с половиной часов. Только за эти часы мы можем покончить с нависшей над нами чудовищной угрозой. Вы ведь знали доктора Шекта и раньше, Ваше Превосходительство. Неужели вы считаете, что он лжет?

— Никто не обвиняет доктора Шекта в заведомой лжи, Ваше Превосходительство, — вмешался секретарь. — Просто наш славный доктор уже пожилой человек, и в последнее время его очень волнует приближение шестидесятой годовщины. Боюсь, что возраст в сочетании со страхом вызвали у него легкую паранойю, что нередко случается у нас на Земле… Посмотрите на него! Как вам кажется, он нормален?

Нет. доктор никому бы не показался нормальным. Слишком он был напряжен, слишком потрясло его случившееся и слишком страшило будущее. Однако он сделал над собой усилие,

чтобы говорить разумно и даже спокойно:

— Могу на это сказать, что два последних месяца нахожусь под неусыпным наблюдением блюстителей; что все письма, адресованные мне, вскрываются, а мои ответы подвергаются цензуре. Все мои жалобы, очевидно, припишут паранойе. Но здесь со мной Джозеф Шварц, который добровольно вызвался подвергнуться синапсированию в тот самый день, когда вы посетили мой институт.

— Да, помню. — Энниус испытал легкое облегчение от смены разговора, хотя бы и временно. — И это тот самый человек?

— Да.

— Эксперимент, на мой взгляд, не причинил ему никакого вреда.

— Напротив, синапсирование имело потрясающий успех. Ведь Шварц от природы обладал фотографической памятью, о чем я не знал, приступая к операции. Во всяком случае, теперь он умеет ощущать чужие мысли.

— Как? Он читает мысли? — в полнейшем изумлении подался вперед Энниус.

— И может это продемонстрировать. Ваше Превосходительство. Но думаю, брат-блюститель подтвердит.

Секретарь бросил на Шварца быстрый, как молния, ненавидящий взгляд и с почти неуловимой дрожью в голосе сказал:

— Истинная правда, Ваше Превосходительство. Этот человек обладает способностью к гипнозу — синапсирование тут причиной или нет, сказать не берусь. Должен добавить, что сведения об эксперименте над ним отсутствуют, и это, согласитесь, крайне подозрительно.

— Вести какие-либо записи было мне запрещено верховным министром, — спокойно заметил Шект.

Секретарь на это только пожал плечами.

— Ближе к делу, — потребовал Энниус. — Оставьте вашу перебранку. При чем здесь Шварц? Какое отношение ко всей истории имеет его ясновидение, или способность гипнотизировать, или что там еще?

— Шект хочет сказать, что Шварц читает мои мысли, — сказал Балкис.

— Вот как? О чем же он думает? — спросил прокуратор, впервые обращаясь к Шварцу.

— Он думает, что нам не удастся убедить вас в своей правоте.

— Совершенно верно, — усмехнулся секретарь, — и для этого не обязательно быть ясно-

видящим.

— А еще он думает, — продолжал Шварц, — что вы жалкий болван, что вы боитесь действовать, боитесь нарушить мир, надеетесь победить землян своим беспристрастием и справедливостью. Ну и дурак, думает он, надейся себе.

— Отрицаю, — покраснел секретарь. — Это неприкрытая попытка настроить вас против меня.

— Меня не так легко настроить, — возразил Энниус — Ну а я о чем думаю?

— Вы думаете, что, если я и вправду могу видеть, что у человека в черепе, необязательно говорить вслух обо всем, что видишь.

— Верно, совершенно верно! — вскинул брови прокуратор. — Вы подтверждаете показания доктора Арвардана и доктора Шекта?

— Подтверждаю каждое слово!

— Но нам нужен еще один человек с вашими способностями, не замешанный при этом в деле, иначе суд не будет учитывать ваших показаний, даже если все поверят, что вы телепат.

— Да при чем тут суд! — вскрикнул Арвардан. — Решается судьба Галактики!

— Ваше Превосходительство, — привстал секретарь, — я хотел бы потребовать, чтобы Джозефа

Шварца удалили из комнаты.

— Почему?

— Этот человек обладает не только гипнотическими способностями, но и даром внушения. Меня схватили, пользуясь параличом, который вызвал у меня Шварц. Я боюсь, как бы он снова не предпринял нечто подобное против меня или даже вас, Ваше Превосходительство, потому и прошу его удалить.

Арвардан поднялся с кресла, но секретарь успел прокричать:

— Разбор дела не может вестись беспристрастно, если один из присутствующих способен влиять на судью, используя для этого свой признанный дар внушения.

Это убедило Энниуса. Вошел часовой, и Джозефа Шварца вывели. Он удалился, не оказав никакого сопротивления, безо всякого выражения на лунообразном лице.

Арвардана это окончательно добило.

Поднялся секретарь — приземистый и мрачный в своем зеленом наряде, безгранично уверенный в себе.

— Итак, Ваше Превосходительство, все утверждения доктора Арвардана основаны на показаниях доктора Шекта. Показания доктора Шекта, в

свою очередь, основаны на предсмертных словах некого ученого, сказанных тем в бреду. И все это, Ваше Превосходительство, все это почему-то явилось на свет лишь тогда, когда был синапсирован Джозеф Шварц. Кто же такой Джозеф Шварц? Пока он не появился на сцене, доктор Шект был нормальным человеком, не преследуемым навязчивой идеей. Вы сами видели его в тот день, когда явился Шварц. Разве он проявлял тогда признаки психического расстройства? Разве говорил он вам об изменническом заговоре? Или о бредовых речах биохимика? Разве был он тогда обеспокоен? Подозревал что-то? Сейчас он говорит, будто это верховный министр распорядился фальсифицировать результаты опытов и не записывать имен испытуемых. А тогда… сказал он об этом хоть слово? Или заговорил так только после эксперимента над Шварцем? Я снова спрашиваю: кто такой Джозеф Шварц? Впервые появившись здесь, он говорил на неизвестном языке. Мы выявили это позже, когда начали сомневаться в здравом рассудке доктора Шекта. Привез Шварца фермер, который ничего о нем не знал, как и до сих пор никто не знает. Однако этот человек обладает необыкновенной силой. Он может парализовать кого угодно на расстоянии сотни

ярдов, а на более близком расстоянии — убить. Он подчинил меня своей воле и манипулировал моими конечностями, а при желании он мог бы манипулировать и моим мозгом. В том, что он манипулирует умами этих троих, я не сомневаюсь. Они говорят, что я их схватил, что я угрожал им смертью, что я сознался в измене, что я злоумышляю против Империи… Однако задайте им вопрос, Ваше Превосходительство. Разве они не находились все это время под влиянием Шварца — человека, способного управлять чужими умами? Может быть, это Шварц предатель? А если нет, то кто он такой?

Секретарь сел на место, спокойный, почти благодушный.

Аврадан чувствовал себя так, будто его мозг поместили в центрифугу и крутят все быстрей и быстрей.

Что возразить на это? Что Шварц — человек из прошлого? А чем это доказать? Тем, что Шварц говорит на языке, давно уже мертвом? Но за это может поручиться только он, Аврадан, мозгом которого якобы манипулируют. Кто знает, может, и вправду манипулируют? В самом деле, кто такой Шварц? И почему он, Аврадан, так сразу и уверовал в план завоевания Галактики?

Вот-вот. Почему он так убежден, что заговор существует на самом деле? Он, археолог, привыкший подвергать все сомнению? Потому что так сказал один человек? Потому что его поцеловала одна девушка? Или потому что Джозеф Шварц…

Аравардан окончательно запутался.

— Итак? — неторопливо спрашивал Энниус. — Имеете сказать еще что-нибудь, доктор Шект? Вы, доктор Аравардан?

Тишину вдруг нарушил голос Полы.

— Зачем вы их спрашиваете? Разве вы не видите, что все это ложь? Не понимаете, что он оклеветал нас всех своим лживым языком? Теперь мы все умрем — я уже с этим смирилась, а ведь мы могли бы предотвратить беду… могли бы… А вместо этого сидим и говорим, говорим…

И Пола бурно разрыдалась.

— Только истеричных девиц нам здесь не хватало, — сказал Балкис. — Ваше Превосходительство, предлагаю следующее. Мои обвинители утверждают, что запуск ракет с пресловутым вирусом назначен на определенное время, кажется, на шесть утра. Я готов остаться под вашей опекой на неделю. Если они говорят правду, вести об эпидемии в Галактике за это время дойдут до Земли. Имперские войска будут еще полностью

сохранять контроль над планетой…

— Неплохой обмен: Земля на всю обитаемую Галактику, — промолвил бледный, как мел, Шект.

— Я ценю свою жизнь и жизнь своего народа. И предлагаю Землю в заложницы нашей невиновности. Готов сообщить Обществу Блюстителей, что останусь здесь на неделю по собственной воле, чтобы пресечь возможные беспорядки.

И секретарь умолк, скрестив руки на груди. Хмурый Энниус поднял глаза и объявил:

— Я не могу считать этого человека виновным.

Этого Арвардан уже не вынес. В тихом бешенстве он встал и пошел к прокуратору. Неизвестно, что было у него на уме. Впоследствии он и сам не мог вспомнить. Об этом так никто и не узнал. У Энниуса был нейрокнут, и он им воспользовался.

В третий раз за пребывание Арвардана на Земле все вокруг полыхнуло болью, закружилось и исчезло.

Пока Арвардан лежал без сознания, время подошло к роковой черте — к шести часам утра…

Глава двадцать первая
За роковой чертой

… И миновало ее.

Свет.

Мутный свет и хаотические тени — они движутся, постепенно обретая четкость. Чье-то лицо… Глаза…

— Пола! — в глазах Аврадана мгновенно прояснилось. — Который час? — Он вцепился ей в руку так, что она невольно поморщилась.

— Больше семи, — прошептала она. — Роковой час прошел.

Аврадан дико обвел глазами комнату, приподнявшись на локте, хотя все суставы жгло огнем. Длинный Шект, скрючившийся на стуле, скорбно кивнул ему.

— Все кончено, Аврадан.

— Значит, Энниус…

— Энниус не стал рисковать. Странно, правда? — Шект рассмеялся безумным, скрипучим смехом. — Мы втроем раскрываем страшный заговор против человечества, захватываем главаря и отдаем его в руки правосудия. Прямо видеоро-

ман, где герои одерживают победу в последний момент. На этом фильм обычно кончается. А в нашем случае он продолжается, причем героям, оказывается, никто не поверил. В фильмах такого не бывает, правда? Там все кончается хорошо, да? Смешно…

Речь Шекта прервали тяжелые, сухие рыдания.

Аравдан с тоской отвел взгляд. Глаза Полы были как две вселенные, наполненные слезами, и Аравдан на миг затерялся в них — это и вправду были вселенные, полные звезд, и к этим звездам стремительно приближались стальные цилиндрики, пожирая световые годы на своих выверенных орбитах через гиперпространство. Скоро они долетят — если они еще не долетели, — войдут в атмосферу планет, раскроются и прольют свой смертоносный вирусный дождь.

Да, всему конец.

Уже не остановишь.

— Где Шварц? — с трудом выговорил он.

— Он так и не вернулся, — ответила Пола.

Дверь раскрылась, Аравдан не настолько еще примирился со смертью, чтобы с проблеском надежды не взглянуть туда.

Но это был Энниус, и Аравдан отвернулся от него с застывшим лицом.

Энниус посмотрел на отца с дочерью. Но они и сейчас продолжали помнить, что они земляне, и ничего не могли сказать прокуратору, хотя и знали: каким бы коротким и мучительным ни было их будущее, жизнь прокуратора будет еще короче и еще мучительнее. Энниус потряс за плечо Арвардана.

— Доктор Арвардан?

— Ваше Превосходительство? — с горечью передразнил его Арвардан.

— Шесть часов уже позади.

Энниус провел бессонную ночь. Официально оправдав Балкиса, он все же не испытывал абсолютной уверенности в том, что обвинители были не в своем уме или действовали под гипнозом, и следил, как бездушный хронометр отщелкивает, возможно, последние минуты жизни Галактики.

— Да, — сказал Арвардан. — Шесть часов уже позади, а звезды еще светят.

— Так вы продолжаете настаивать на своей правоте?

— Ваше Превосходительство, через несколько часов умрут первые жертвы. Этого никто не заметит — люди умирают каждый день. Через неделю умрут сотни и тысячи. Число выздоровевших будет близко к нулю. Никакие средства не помо-

гут. Несколько планет подадут сигналы бедствия, прося о помощи. Через две недели о помощи начнут взывать десятки планет, и в ближайших секторах объявят чрезвычайное положение. Через месяц эпидемия охватит всю Галактику. Через два — в ней не останется и двадцати незараженных планет. Через шесть — Галактика погибнет. И что будет с вами, когда вы получите первые сообщения? Если хотите, предскажу и это. Вы начнете рассылать депеши, оповещая всех, что виновница эпидемии — Земля, но никого этим не спасете. Вы объявите войну Обществу Блюстителей, но никого этим не спасете. Вы сотрете землян с лица планеты, но никого этим не спасете… А может быть и так, что вы станете посредником между вашим другом Балкисом и Галактическим советом — если совет еще будет существовать, Тогда вам достанется честь вручить Балкису жалкие остатки Империи в обмен на антитоксин, который могут вовремя доставить в тот или иной мир, а могут и не доставить.

— Вы не находите, что это просто мелодрама? — скептически улыбнулся Энниус.

— Ну разумеется. Я мертвец, а вы труп, но будем сохранять имперское хладнокровие, не так ли?

— Если вы обиделись за нейрокнут…

— Что вы, что вы. Я к нему уже привык. Почти не чувствую.

— Тогда будем рассуждать логически. Дело это скверное, и убедительный отчет о нем составить будет трудно, но и замалчивать его нельзя. Все обвинители, кроме вас, земляне, и только ваш голос имеет вес. Вы согласитесь подписаться, что выдвинули это обвинение, будучи не совсем… ну, мы придумаем что-нибудь, не упоминая о внушении.

— Чего проще. Пишите, что я был не в своем уме, или пьян, или накачан наркотиками, или под гипнозом. Любое сойдет.

— Образумьтесь же. Говорю вам, вас одурманили, — зашептал прокуратор. — Вы ведь родом с Сириуса. Как же иначе могли бы вы влюбиться в землянку?

— Что?

— Не кричите. Разве в нормальном состоянии вы связались бы с туземкой? Разве польстились бы на такое? — и прокуратор чуть заметно мотнул головой в сторону Полы.

Аврадан какой-то миг удивленно смотрел на него, потом выбросил руку и схватил имперского вельможу за горло. Энниус тщетно, пытался оторвать от себя его мощные пальцы.

— На такое? Это вы о госпоже Шект? В таком случае я требую должного уважения. А, ладно, убирайтесь. Вы и так уже мертвец.

— Доктор Арвардан, считайте, что вы под ар… — задыхаясь, начал прокуратор, но тут открылась дверь, и вошел полковник.

— Ваше Превосходительство, мятежники снова осаждают форт.

— Что? Разве Балкис не говорил со своими? Он же хотел предупредить их, что остается тут на неделю.

— Говорил… и остался. Но и толпа налицо. Мы готовы стрелять, и я бы как военный советовал незамедлительно приступить к этому. Ваши предложения, милорд?

— Подождите стрелять, пока я не поговорю с Балкисом. Пришлите его сюда. Доктор Арвардан, вами я займусь позже.

Балкис явился с улыбкой на лице и поклонился Энниусу по всем правилам этикета. Тот едва кивнул ему в ответ.

— Послушайте, мне доложили, что ваши люди идут на форт Диббурн. Мы так не договаривались. Мы не хотим кровопролития, но наше терпение имеет предел. Можете вы заставить их мирно разойтись?

— Если захочу, Ваше Превосходительство.

— Если захотите? Тогда захотите и поскорей.

— Ну уж нет, Ваше Превосходительство! — с дикой насмешкой, которая наконец-то вырвалась наружу, взвинтился секретарь. — Глупец! Ты слитком долго тянул и поэтому умрешь. Или живи рабом, но помни — это будет нелегкая жизнь.

Энниус не дрогнул. Даже в этот миг, получив самый сокрушительный удар за всю свою карьеру, имперский дипломат сохранил свою выдержку. Только серая бледность легла на лицо и как будто глубже запали глаза.

— Значит, я напрасно осторожничал? Вся эта история с вирусом — правда? — довольно безразлично поинтересовался он. — Однако вся Земля и вы вместе с ней у меня в руках.

— Ничего подобного. Это вы у меня в руках — вы и ваши люди. Вирус, который сейчас распространяется по всей Вселенной, не минует и Землю. Он уже введен в атмосферу всех имперских гарнизонов Земли, в том числе и на Эвересте, У нас, землян, иммунитет! А как чувствуете себя вы, прокуратор? Слабость? Сухость в горле? Жар? Ничего, страдать придется недолго. Антитоксин же вы можете получить только от нас.

Энниус долго молчал, и его худое лицо приоб-

рело неожиданно надменное выражение.

— Доктор Арвардан, — холодно, с интонациями воспитанного человека заговорил он, — кажется, я должен извиниться за то, что усомнился в ваших словах. Доктор Шект, госпожа Шект, примите мои извинения.

— Спасибо, — оскалился Арвардан. — Много нам проку от ваших извинений.

— Я заслужил ваш сарказм. С вашего позволения, я вернусь на Эверест, чтобы умереть вместе со своей семьей. Ни о каком компромиссе с этим… человеком, разумеется, не может быть и речи, Прокураторские солдаты, я уверен, успеют отплатить за свою смерть, и немало землян отправится освещать нам дорогу на тот свет. До свидания.

— Подождите, подождите. Не уходите. Энниус медленно обернулся на этот новый голос. Медленно-медленно, чуть пошатываясь от усталости, через порог переступил хмурый Джозеф Шварц.

Секретарь отскочил и с внезапным подозрением уставился на человека из прошлого.

— Ну нет, — проскрежетал он, — секрет антитоксина ты от меня не получишь. Его знают всего несколько человек, и только они умеют правильно им пользоваться. Тебе их сейчас не достать, а тем временем вирус сделает свое дело.

— Не достать, — согласился Шварц, — но вирус не успеет сделать свое дело. Потому что никакого вируса нет.

Никто не понял, о чем он говорит. Арвардану пришла в голову ошеломляющая мысль. А вдруг он действительно был одурманен? Вдруг это какой-то гигантский розыгрыш, в который был втянут не только он. Арвардан, но и секретарь? Только кому это было нужно?

— Говорите скорее, — приказал Энниус. — Что вы имеете в виду?

— Очень просто. Прошлой ночью я понял, что если буду сидеть тут и слушать вас, то ничего не выйдет. Тогда я стал потихоньку внушать секретарю то, что мне было нужно… осторожно, чтобы он этого не обнаружил. Наконец он попросил, чтобы меня вывели из комнаты. Я того и добивался, дальше все было легко. Я вывел из строя конвоира и пошел на аэродром. В форте была объявлена суточная боевая готовность, и все самолеты стояли заправленные горючим и боезапасом. Пилоты ждали рядом с машинами. Я взял одного, и мы с ним полетели в Сенлу.

Секретарь хотел что-то сказать, но только беззвучно двигал челюстями. Заговорил Шект:

— Но как же вы сумели заставить пилота вести

самолет, Шварц? Балкиса вы с трудом заставляли идти.

— Да, потому что делал это против воли Балкиса. Но по настроению доктора Арвардана я знал, как сириане ненавидят землян, поэтому искал пилота из сектора Сириуса. И нашел — лейтенанта Клауди.

— Лейтенанта Клауди? — вскричал Арвардан.

— Да. Вы его знаете? Впрочем, что же я спрашиваю. И так ясно.

— Еще бы. Продолжайте, Шварц.

— Этот офицер ненавидел землян так, что даже мне было трудно понять почему, а я ведь был внутри его мозга. Ему хотелось бомбить. Хотелось уничтожить их. Его сдерживала только дисциплина, не то он уже поднял бы свой самолет в воздух. Так это же совсем другое дело! Немножко внушения, маленький толчок — и дисциплина перестала сдерживать лейтенанта. По-моему, он даже не понял, что я сижу рядом с ним в самолете.

— Но как вы нашли Сенлу? — прошептал Шект.

— В мое время был такой город Сент-Луис, который стоял у слияния двух больших рек. Мы нашли Сенлу. Была ночь, но он выделялся тем-

ным пятном в море радиации, а доктор Шект говорил, что собор находится в оазисе посреди радиоактивных зон. Мы сбросили световую ракету — я, во всяком случае, так распорядился — и увидели под собой здание с пятью башнями. Оно совпадало с картиной, которую я видел в уме у секретаря… Теперь на том месте дыра глубиной в сотню футов. Это произошло в три часа утра. Никакого вируса — Вселенная спасена.

У секретаря вырвался звериный вой — такой звук мог издать разве что демон. Он подобрался, как для прыжка, и упал. С его нижней губы медленно стекала струйка слюны.

— Я его и пальцем не тронул, — мягко сказал Шварц. И задумчиво продолжал: — Я вернулся еще до шести, но знал, что нужно подождать, пока не пройдет установленный срок. Балкис неминуемо выдал бы себя. Я знал из его мыслей, что он сделает это, и ждал, чтобы он сам осудил себя, И вот он лежит.

Глава двадцать вторая
Лучшие годы еще впереди

Тридцать дней прошло с тех пор, как Джозеф Шварц взлетел с военного аэродрома в ночь, назначенную для уничтожения Галактики, а за спиной у него бешено выли сирены, и эфир трещал от приказов вернуться назад.

Но он не вернулся, пока не сравнял с землей собор в Сенлу.

Теперь он был официально признан героем. В кармане у него лежал орден «Звездолет и Солнце» первого класса — только двое человек в Галактике, кроме него, получили его при жизни.

Неплохо для старого портного.

Правда, никто, за исключением самых высших чинов, не знал, какой именно подвиг он совершил, но это неважно. Когда-нибудь это на вечные времена запишут в учебниках истории.

Под покровом тихой ночи Шварц шел к дому доктора Шекта. Город был мирным, таким же мирным, как сияние звезд над ним. Кое-где на Земле еще орудовали банды фанатиков, но их лидеры были уже убиты или арестованы, а об

остальном здравомыслящие земляне позаботятся сами.

Уже шли к Земле первые гигантские корабли с нормальной почвой. Энниус повторил свое предложение переселить землян на другую планету, но земляне отказались. Благотворительность им не нужна. Земляне хотят заново создать свою планету, заново построить свой отчий дом, где зародилось человечество. Хотят своими руками убрать зараженную почву и заменить ее здоровой, и увидеть зеленый покров там, где все было мертво, и заставить пустыню вновь зацвести.

Это громадный труд, на него уйдет целый век. Ну и что ж? Пусть Галактика даст машины, пусть Галактика поставляет продукты, пусть Галактика обеспечит почвой. При ее неисчислимых ресурсах это пустяк. И потом, все это будет возмещено.

Когда-нибудь земляне снова станут людьми среди людей, будут жить на такой же, как все, планете и на равных, с достоинством, смотреть в глаза всему человечеству.

Сердце Шварца билось при мысли об этом чуде, когда он всходил на парадное крыльцо Шекта. На будущей неделе он улетает с Арварданом в великие центральные миры Галактики. Кто из его сверстников мог вот так улететь с Земли?

И он подумал о старой Земле, своей Земле, которой давно уже нет… Нет уже давно.

А ведь прошло всего каких-то три с половиной месяца.

Шварц помедлил перед тем как позвонить, прислушиваясь, о чем говорят в доме. Теперь чужие мысли звучали в ном, как колокольчики. Вот Аврадан — у него мыслей всегда больше, чем могут выразить слова.

— Пола, я ждал и думал, много думал и долго ждал. Больше не стану. Ты летишь со мной.

А вот Пола, которая хочет этого не меньше Аврадана, но говорит совсем другое:

— Не могу, Бел. Это невозможно. Мои неловкие манеры и поведение… Я буду просто глупо выглядеть в тех больших мирах. И я всего лишь зем…

— Не говори так. Ты моя жена, вот и все. Если спросят, кто ты и откуда — ты уроженка Земли и гражданка Империи. А если будут и дальше любопытствовать, то ты моя жена.

— Хорошо, вот ты сделаешь доклад на Тренторе, в своем Археологическом обществе, а что потом?

— Потом? Для начала мы возьмем годовой отпуск и осмотрим все главные миры Галактики. Ни одного не пропустим, даже если придется летать на почтовых кораблях. Ты вдоволь на-

глядишься на Галактику и получишь лучший медовый месяц, который можно устроить на казенные деньги.

— А потом?

— А потом вернемся на Землю, запишемся в трудовой батальон и ближайшие сорок лет своей жизни будем таскать грязь, заменяя радиоактивную почву.

— Но зачем тебе это нужно?

— Затем, — Образ Арвардана перевел дух, — затем, что я тебя люблю и это нужно тебе, а еще я патриот-землянин, на что у меня имеется почетное свидетельство.

— Ну, хорошо…

На этом разговор прекратился, но Образы, разумеется, продолжили его без слов, и Шварц, полностью удовлетворенный и немножко смущенный, удалился. Он может и подождать. Успеет еще потревожить их — пусть договорятся как следует.

Он ждал на улице под холодными звездами — все они, видимые и невидимые, были частью Галактики.

И Шварц тихо повторил — для себя, для новой Земли и для миллионов всех этих планет — старые стихи, которые знал теперь только он один

из квадриллионов людей:

Пусть мы стареем, но погоди —

Лучшие годы еще впереди.

Ранние годы жизни даны лишь ради них...